

Российский государственный гуманитарный университет

ДРУГАЯ ВОЙНА 1939–1945

ББК 63.3(0)62
Д 76

Под общей редакцией
академика Ю.Н. Афанасьева
Составитель канд. ист. наук В.Г. Бушуев

Издается на грант Фонда Форда

ISBN 5-7281-0053-8

© Российский государственный
гуманитарный университет, 1996

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Переосмысливая уроки военной поры

О предыстории войны, ее ходе, результатах и последствиях написано множество статей, исследований, монографий. Тем не менее многое из истории войны, где, казалось бы, давно и прочно определены позиции исследователей, вновь оказывается в центре общественного внимания, становится предметом острых споров. Причины этого очевидны. Во-первых, в последние годы в научный оборот введено огромное количество новых, ранее строго засекреченных, совершенно закрытых для ученых документов. Во-вторых, в связи с отмечаемым в 1995 г. 50-летием Победы над германским фашизмом резко активизировались научные дискуссии, в ходе которых ученые и публицисты получили возможность широко и всесторонне, без оглядки на цензуру, политическую конъюнктуру и идеологические установки обсудить весь сложный комплекс военно-исторической проблематики, ликвидировать последние оставшиеся с советских времен «белые пятна» полувековой давности.

Внося свой вклад в восстановление исторической истины, авторы данного тома дают ответы на некоторые из наиболее острых, запутанных или сознательно искажавшихся в недавнем прошлом вопросов, касающихся преддверия, хода и итогов войны. Прежде всего анализируются роль и значение советско-германского пакта о ненападении и секретного протокола к нему. Нужен ли был этот пакт и было ли оправдано его заключение? Существовала ли ему альтернатива? Каковы оказались его реальные

последствия? Кто больше выиграл от заключения пакта — СССР или Германия?

Привлекает внимание исследователей и такая проблема, как возможность создания в конце 30-х годов антигитлеровской коалиции, системы коллективной безопасности и шансы на ее воплощение в реальной практике того времени. Необходимы новые подходы к проблемам антивоенного, антифашистского единства общественных сил в Европе. Требуется изучения и то, как в те годы — причем именно на практике, а не только в теории и пропаганде — эволюционировала котировавшаяся среди кремлевского руководства концепция мировой революции и какое место она занимала в деятельности Коминтерна и СССР? Проблема взаимоотношений СССР и Коминтерна в предвоенный период тем более важна и интересна для науки, что развитие советско-германского сотрудничества — особенно после договора, подписанного Молотовым и Риббентропом 23 августа 1939 г., — серьезно подорвало позиции Коминтерна и в целом левых сил в мире. Важно установить, насколько Сталин в действительности делал ставку на Коминтерн и учитывал роль международного коммунистического движения в своей внешней политике на рубеже 30—40-х годов.

Читая исторические и публицистические работы, приходится сталкиваться с диаметрально противоположными точками зрения, каждая из которых достаточно аргументирована. Одни исследователи обвиняют СССР в предательстве западных демократий и развязывании рук Гитлеру; другие утверждают, что, заключив пакт с фашистской Германией, Сталин выбрал единственно правильный путь, расколбв антисоветский империалистический фронт и выиграв время для подготовки страны к отпору агрессии.

С одной стороны, вряд ли можно всерьез ставить под сомнение то, что Запад на протяжении всего межвоенного периода в целом занимал позиции, крайне враждебные по отношению к Советскому Союзу: интервенция в годы гражданской войны, Локарнское соглашение 1925 г., нацеливавшее Германию против СССР, политика невмешательства и умиротворения фашистских агрессоров в 30-е годы, Мюнхенское соглашение — все это, конечно, звенья одной политической цепи. С другой стороны, и сталин-

ская политика способствовала усилению антисоветизма и объективно оказывалась на руку фашизму: теория «социал-фашизма» в огромной мере содействовала расколу германского (да и международного) рабочего класса, ослаблению Веймарской республики и облегчила приход к власти нацистов; московские процессы 1936—1938 гг. во многом разоблачили в глазах мирового общественного мнения тираническую сущность сталинского режима, подорвали позиции левых сил в зарубежных странах, а обезглавливание Красной Армии в ходе репрессий свело на нет веру в советскую военную мощь, в способность СССР противостоять внешней агрессии, породив серьезные сомнения в целесообразности заключения с ним военно-политического союза. Историки еще должны дать объективную, беспристрастную оценку всем этим событиям и процессам.

Активно дискутируется в настоящее время в средствах массовой информации, в научных публикациях и то, когда Советский Союз фактически вступил во вторую мировую войну и на чьей стороне находился (во многом даже формально) в период с августа 1939 по июнь 1941 г. Все чаще приходится сталкиваться с утверждениями, что подлинной датой вступления СССР в войну следует считать либо проведение Сталиным мобилизационных мероприятий в августе 1939 г., либо ввод Красной Армии на территорию Польши в сентябре того же года, либо захват Бессарабии, Буковины, Прибалтики, военный конфликт с Финляндией. Необходимо выяснить, в какой же мере можно считать оправданными утверждения, что для Советского Союза война реально началась не 22 июня 1941 г., а значительно раньше, когда сталинский режим встал на путь активного — в том числе военного и экономического — сотрудничества с гитлеровской Германией?

Много говорится в последнее время и об агрессивности Советского Союза на рубеже 30—40-х годов, о стремлении сталинского руководства к дальнейшему разделу сфер влияния и господству в мире. Исчерпывающих аргументов, однозначно подтверждающих такие факты, нет. Историки все еще не имеют доступа ко всему массиву документов предвоенной поры.

Особенно много вопросов возникает при изучении периода непосредственного кануна войны — весны — лета 1941 г. Поняне почти ничего неизвестно, каким образом и с какими целями происходила в те дни передислокация советских войск к западным границам. В какой мере оправданно говорить (как это делает, скажем, ставший широко известным благодаря публикации массовыми тиражами своих сочинений В. Суворов) о подготовке Советским Союзом превентивной войны против Германии, о том, что Гитлер попросту опередил Сталина, первым напав на СССР? И чем можно объяснить поразительную беспечность советского руководства, прежде всего, конечно, Сталина, прозевавшего, несмотря на неплохую информированность, подготовку вермахта к нападению на СССР?

Многие проблемы военных лет вообще невысказано было ни затрагивать, ни обсуждать в условиях советского режима, в первую очередь выявления подлинных причин трагических поражений Красной Армии в начальный период войны, действительных источников народного патриотизма, позволившего СССР одержать победу над германским фашизмом. Нельзя было упоминать о наших потерях, объективно сопоставлять роль и значение фронтов на Востоке и Западе, исследовать особенности советского коллаборационизма, писать о судьбах миллионов военнопленных, о подлинном месте в отечественной истории влазовских формирований с их претензиями на роль «третьей силы» между Гитлером и Сталиным и о многом другом.

Требуется новых подходов изучение настроений различных слоев и групп советского общества в годы войны. Поэтому огромный интерес вызывает чрезвычайно многоплановая тема «Человек и война».

Вряд ли есть какие-то сомнения относительно самоотверженности и настоящего героизма, проявленных народом нашей страны, что определило огромную, во многих отношениях решающую роль советско-германского фронта в достижении победы. Патриотические настроения, готовность пойти на любые испытания и жертвы ради защиты своей Отчизны от фашистской агрессии и угрозы поражения безусловно способствовали сплочению в годы войны значительного большинства советских людей, на время притупив у многих из них воспоминания о недавних кро-

вавых репрессиях, о высылке тысяч и тысяч крестьянских семей, о бесконечном насилии со стороны сталинского режима. Патриотические традиции активно утверждались в этот период и самим правящим режимом, апеллировавшим с первых дней войны не к защите социалистического строя, а к пробуждению памяти о великих предках.

При этом в стране продолжала действовать система ГУЛАГа, жестокие законы военного времени в полной мере применялись не только против «диверсантов» и «паникеров». Всячески поощрялось доноительство, тысячи людей подвергались арестам, ссылкам, расстрелам. С приближением окончания войны эта тенденция явно нарастала. Жертвами крайней несправедливости и произвола становились люди, вынесшие оккупацию и ад немецкого плена. Настоящей трагедией явились и массовые депортации различных национальностей — прибалтов, немцев Поволжья, народов Северного Кавказа, Крыма и других. Во время войны не могли, естественно, исчезнуть и оппозиционные настроения в определенных слоях народа, чувство ненависти к сталинскому режиму, ставшее одной из причин коллаборационизма, вступления части военнопленных во влазовскую армию и в национальные формирования.

До сих пор среди отечественных публикаций по истории войны очень мало работ, в которых правдиво исследуются настроения обычного человека, его повседневная жизнь в период военного лихолетья. Война обнажила глубочайшую пропасть между личностью и бездушной милитаристской машиной, обрушившейся на человека и реально угрожавшей его свободе, независимости, самой жизни. Одновременно с этим военная обстановка, связанный с ней каждодневный риск, постоянное балансирование между жизнью и смертью заставляли каждого человека — и на фронте, и в тылу, и в партизанском подполье, и в немецком плену — по-новому оценивать многое из того, что существовало и господствовало в предвоенную пору, так или иначе приспособившись к резко изменившимся условиям, ради собственного выживания или во имя высокой цели победы примириться с тем, что было бы невыносимым в иное время. Практически в равной мере это касалось и рядового солдата, и командовавшего войсками генерала, и кормившего страну и армию крестьянина.

Кого-то война поднимала на высокие пьедесталы, а кого-то бросала в омут позора и бесчестья.

Что чувствовали, как действовали и выживали в экстремальных условиях обыкновенные советские люди? Как воспринимались ими трагические события начального периода войны? Какое воздействие оказывали официальные сводки о ходе боевых действий и сталинская пропаганда в целом? Что побуждало множество людей идти на сотрудничество с немецкими оккупантами, служить во вспомогательных частях вермахта? Имелся ли иной выбор у миллионов советских военнопленных, от которых отрекся Сталин? Кем — прислужником Гитлера или борцом против сталинского режима — был на самом деле генерал Власов? Какие подлинные цели ставило перед собой руководство нацистской Германии в войне против СССР? Что питало патриотизм и самоотверженность советских солдат и офицеров, вопреки всем испытаниям сумевших одержать верх в схватке с гитлеровской военной машиной? И чем на деле обернулась для наших соотечественников, для народов Европы одержанная столь высокой ценой победа над фашизмом?

Немало вопросов порождает и сама тема «цена Победы». Проблема здесь не исчерпывается одними лишь различиями в цифрах безвозвратных потерь, необходимостью сопоставления понесенных жертв с результатами войны в целом и ее отдельных периодов и операций, определения компетентности и просчетов советского руководства и военного командования, оборачивавшихся неоправданными потерями и гибелью десятков и сотен тысяч людей. Тема эта значительно шире, и только в наши дни стало возможным рассматривать ее в полном объеме. Речь идет о том, что великая Победа, одержанная благодаря подвигу народа, привела не только к разгрому германского фашизма, спасению человечества от «коричневой чумы», но и к укреплению советского тоталитарного государства, громадному росту авторитета сталинского режима, созданию целого лагеря государств — от Эльбы до Меконга, контролируемых Кремлем. В то время как на Западе Победа способствовала демократизации капиталистического строя, удовлетворению многих социальных нужд и требований масс, в СССР, в странах Центральной и Юго-Восточной Европы политический курс правивших

в них режимов год от года ужесточался. Произвол и насилие стали трагической повседневностью, рядовой человек — тот самый, что в военную годину обеспечил своим ратным подвигом и трудом Победу, — окончательно превратился в бесправный «винтик» всеподавляющей машины тоталитарного государства. Как объективно, непредвзято определить в этом случае «цену войны», «цену Победы», где грань, отделяющая торжество военного триумфа от трагедии миллионов?

В сегодняшних условиях все более актуально и злободневно звучит вопрос, почему победители в войне во многом потерпели поражение в условиях мира. Когда миллионы и миллионы вчерашних бойцов, освободивших родную землю и вдобавок еще пол-Европы, по возвращении домой утратили надежды на улучшение своей жизни в послевоенном Советском Союзе, на демократические перемены, на ослабление режима террора и репрессий? Почему Германия полностью освободилась от оков тоталитаризма, признала уроки прошлого и преодолела в короткие сроки нацистское наследие, тогда как в СССР тиранический сталинский режим обрел еще более жестокие и уродливые формы, а давным-давно назревшие экономические и политические реформы стали возможными лишь многие десятилетия спустя? Извлекли ли мы необходимые выводы из давно усвоенных другими народами уроков минувшей войны? Верны ли мы памяти ее бесчисленных жертв или же в стране вновь возможны рецидивы великодержавного зуда и воинствующего милитаризма? И как вообще повлияла и влияет до сих пор война на судьбы всего мира?

По этим вопросам накопилось значительное количество публикаций, требующих строго научного анализа, сопоставления различных точек зрения. В любом случае трактовка этих и многих других проблем, которая давалась в советской историографии войны и продолжает даваться в целом ряде современных публикаций, уже не может удовлетворить вдумчивых, ищущих историческую правду читателей. Возникла острая необходимость в переосмыслении уроков военной поры, в новых подходах, в дополнительных исследованиях, свободных от груза прежних стереотипов и представлений, усиленных и подкрепленных новыми массивами источников и архивных документов.

Ответы на многие из поставленных здесь вопросов читатель найдет в данной книге. Не претендуя, разумеется, на всестороннее освещение поистине неисчерпаемой проблематики предыстории, хода и результатов войны и тем более на какое-либо вынесение истины в конечной инстанции, авторы публикуемых материалов, стоящие порой на весьма отличающихся друг от друга позициях, высказывают свою точку зрения на бытующие ныне версии событий военного времени. Конечно, затронуть в одной книге все аспекты истории войны совершенно невозможно. Поэтому при ее подготовке были сознательно оставлены в стороне очень многие вопросы, в том числе собственно военной истории, хода боевых действий.

Объективный, непредвзятый подход к анализу событий второй мировой войны, ее богатейшей историографии помогает, на наш взгляд, осветить с современных позиций новые грани величайшего подвига и величайшей трагедии нашего народа, память о которых навсегда останется в сердцах благодарных граждан России.

ВВЕДЕНИЕ

Другая война: история и память

Сейчас, когда отгремели залпы праздничных салютов и отзвучали торжественные речи, посвященные 50-летию Победы над германским фашизмом, попытаемся осмыслить — хотя бы предварительно, в общих чертах, — что, как и во имя чего мы отмечали 9 мая 1995 года.

Зачем вообще люди хранят память о войнах, отмечают юбилеи их победных завершений? Делается это, видимо, прежде всего в назидание потомкам — дабы помнили об ужасах войны, не предавали забвению память павших. И в конечном счете — во имя того, чтобы войны никогда больше не было.

Именно чувства скорби и идеи назидания потомкам остроумно не хватало организаторам юбилейных торжеств: на первый план упорно выдвигались бряцание оружием, барабанная дробь, героизация и обожествление Победы, воинствующий дух неодолимости. В устах властей держащих слышалось прежнее самодовольство: «Побеждали и будем побеждать!» Между тем нынешняя власть фактически празднует победу, одержанную сталинской властью, которая вышла из войны окрепшей и еще в большей мере противостоящей народу-победителю.

Другими словами, мы упорно продолжаем цепляться за то, от чего в значительной мере отказались или отказываются другие, более преуспевающие государства. То, что происходит сейчас в России, характерно для стран с нестабильными режимами, так и не избавившимися от тоталитарного наследия, не сумевшими найти себя в мирной

повседневной жизни. Вот почему скульптура богини Нике с ангелами, призванная символизировать конец военной эпохи, эпохи невиданной в истории человечества бойни, на мой взгляд, увы, не такая уж мирная и безобидная.

Углубленно изучать историю второй мировой войны начал в середине 80-х, занимаясь, в частности, исследованием теперь печально знаменитого, но тогда еще почти неизученного и засекреченного пакта Молотова — Риббентропа и сопровождавших его секретных протоколов, которые решили в 1939 г. судьбу Латвии, Литвы и Эстонии. Думаю, что в эволюции отношения к этим документам, — начиная с борьбы за официальное признание их существования историческим фактом и заканчивая политическими и психологическими последствиями, которые неизбежно вытекали из такого признания, — отразилось масштабное и глобальное явление. Я имею в виду все больше углубляющуюся пропасть между историей (знанием о том, что происходило) и памятью, т. е. тем мифологизированным представлением о прошедшем, которое сформировалось в сознании народа, невероятной ценой победившего завоевателей.

Если в качестве точки отсчета взять 1987—1988 гг., когда с началом гласности впервые появилась реальная возможность говорить и писать откровенно (или — почти откровенно, поскольку и в те годы о чем-то надо было говорить и писать с оглядкой), и сравнить получившуюся ретроспективу с тем, что об этих же событиях думают и пишут сегодня, то обнажится любопытный срез для наблюдений и размышлений. Размышлений о *стремительности* перемен во взглядах на события недавнего прошлого, даже на такие великие, как вторая мировая война. Размышлений о *глубине* и *радикальности* перемен в этих взглядах, вплоть до прямо противоположных, на истоки, характер и результаты такого рода событий. И в то же время — размышлений о *силе стереотипов*, давно уже сформировавшихся не только в массовом сознании, но и в головах отдельных политиков, историков.

В связи с пактом Молотова — Риббентропа срез для наблюдения получился бы тем более интересным: в России и в Балтии, как прежде, так и теперь, интерпретации отдельных событий 1939 г. никогда не совпадали, а пред-

ставления об одном и том же всегда расходились (как минимум — во времени). Полученная картина не оставалась надолго завершенной, неподвижной — ни там, ни здесь: с разной скоростью, а иногда и в разных направлениях взгляды на происшедшее между Россией, Прибалтикой и Германией постоянно менялись. Это придает историографии и политическому восприятию событий августа 1939 г. особенно динамичный и трагический характер.

Подумать только, всего шесть (!) лет назад, в 1989 г. лишь несколько историков в России (точнее, единицы) и в то же время многие специалисты из стран Балтии пытались доказать само наличие секретных протоколов к пакту Молотова — Риббентропа. Причем приходилось это доказывать В.М. Фалину, А.Н. Яковлеву, М.С. Горбачеву — людям, которые знали не только о существовании этих документов, но и о том, где они хранятся. Историки же должны были прибегать к сложной системе опосредованных доказательств.

В то время в СССР еще не принято было называть вещи своими именами. Поэтому, например, слово «оккупация», да и то не во весь голос, произносилось лишь в Прибалтике. В России же почти все воспринимали это как надуманную попытку прибалтийских республик оправдать свои сепаратистские устремления.

Что касается аннексии Прибалтики — а в этом же ряду и захватническая война с Финляндией, и «присоединение» Западной Украины, Западной Белоруссии, Бессарабии, — то рассматривать эти события как прямое участие СССР во второй мировой войне (а не только в Великой Отечественной) в Москве тогда не решался никто.

Теперь, когда секретные протоколы «случайно» найдены и опубликованы, когда Россия вроде бы смирилась с «предательским» уходом Балтии, *история и память* в интерпретации событий августа 1939 г. сблизилась.

Сблизилась, но не совпали. Теперь всем ясно, что протоколы существовали. Ясно и то, что реальные цели СССР были сформулированы именно в этих протоколах, а не в различных выступлениях Сталина. После того как события 1939 г. стали достоянием общественного мнения и исторической науки, прибалтов трудно стало называть отпетыми лжецами: хоть и скрепя сердце, но признается, что

причины к сепаратизму у них были. И все-таки в целом Россия продолжает считать их неблагодарными, а намерение и постоянные попытки проучить их — на уровне массового сознания и в реальной политике — все еще живы: уход прибалтов воспринимается как потеря, как утрата завоеваний и приращений, сделанных предками. Иначе говоря, независимость стран Балтии по-прежнему остается для русских чем-то внешним и чуждым. Независимость Прибалтики как свершившийся факт пока не способствует обретению Россией собственной идентичности.

Последствия принятия пакта Молотова — Риббентропа, если его рассматривать с точки зрения значимости для судеб различных народов, отразились на судьбах народов Прибалтики и России далеко не одинаково. Для России этот пакт — пусть важное, но не основополагающее событие. Для стран же Прибалтики оккупация, аннексия, депортации, «рациональное размещение производительных сил» обернулись трагической демографией и реальностью национальной катастрофы. Все это не могло не сказаться и на психологии целых народов. Можно, на мой взгляд, понять непрестанное стремление эстонцев, латышей «исправить положение», радикально изменив пропорции народонаселения в пользу коренного этнического меньшинства. При одном, однако, непрременном условии: они, так же, впрочем, как и все народы, считающие себя цивилизованными, обязаны помнить, что существуют не только исторические процессы, но и конкретные людские судьбы, что регулятором человеческой жизни должно быть не только рационалистическое, но и нравственное.

В этом смысле весьма показательными были заседания комиссии по пакту Молотова — Риббентропа под председательством А.Н. Яковлева (мне довелось быть заместителем председателя комиссии) на I Съезде народных депутатов. Съездовские дебаты по этой проблеме наглядно показывали, что воспринималась она как нечто навязанное съезду извне (что, впрочем, было близко к истине). Она не была выстрадана самим Съездом, и депутаты никогда не воспринимали ее как действительно значимую и важную. Большинство смотрели на этот всплеск историографических штудий как на что-то странное, потенциально опасное и враждебное их интересам: не углубляться

в изучение этой проблемы, а поскорее избавиться, отмахнуться от нее было их нескрываемым желанием.

Прошлое между тем настоятельно требует, чтобы мы задумались о России и ее месте во всемирной истории этого века. Сегодня же многие из нас, как и тогда, на I Съезде, продолжают усматривать в подобных проблемах скорее знак беды, чем средство обретения свободы.

Одной из самых крупных и болезненных проблем такого рода стала история войны, нареченной Великой Отечественной. Еще совсем недавно казалось, что тема Великой Отечественной войны — твердыня, что к ней, как к источнику, всегда можно будет припадать для обретения уверенности, гордости, величия. Отечественная война, Великая Победа. Заглавные буквы, Вечные огни, ритуалы, шествия — все было подчинено тому, чтобы увековечить сакральность этого события, его неподверженность каким бы то ни было сомнениям. Еще бы: ведь народ (чаще всего под этим подразумевался русский народ) полвека назад в очередной раз показал патриотизм и жертвенность, строй подтвердил могущество и несокрушимость, держава — величие.

С годами не только хорошо известные, но и недавно ставшие достоянием общественности факты из истории этой войны все настойчивее заявляли о себе. Но многие из нас, замороженные стереотипами, не замечали этих фактов или же давали им наиболее удобные, самоуспокаивающие объяснения.

Например, ссылаясь еще в 1987 г. на данные о том, что в первые дни войны оказались в немецком плену и были уничтожены более трех миллионов советских солдат и офицеров, я воспринимал масштаб и трагизм этого события как невероятные. Однако отношение к нему было главным образом эмоциональным, а осмысление — чисто этическим. Причину этого события чаще всего усматривали тогда — в том числе и я — в «преступной халатности» сталинского режима, допустившего «внезапность гитлеровского нападения на СССР». Никто, или почти никто, до последнего времени не пытался разглядеть в этой трагедии закономерного проявления и неизбежного следствия годами складывавшейся сталинской стратегии войны против капиталистической Европы, и прежде всего

против Германии. Почти все воспринимали эту трагедию как следствие тривиальных ошибок или недогляда.

И только в наши дни, когда достоянием ученых и всей общественности наконец-то стали прежде решительно никому недоступные документы, когда стало возможным непредвзято посмотреть на хорошо известные факты тех лет, все более очевидно, что стратегия эта была вовсе не такой, какой десятилетиями представляли ее советская наука и советская пропаганда. Быть может, рано делать окончательные выводы — ведь перед исследователями открылась пока лишь малая толика документов той поры. Нас еще ждут, можно предположить, поразительные открытия. Тем не менее очевидно одно: следует внимательнейшим образом проанализировать все имеющиеся факты, документы, свидетельства, чтобы выяснить подлинный характер целей и задач, которые ставил перед собой Советский Союз в канун второй мировой войны и сразу после ее начала. Выявлением действительных, а не декларируемых весной — летом 1941 г. целей Сталина активно занимаются российские и зарубежные ученые.

В исследованиях о причастности Советского Союза к развязыванию второй мировой войны в современной российской и зарубежной историографии позиции многих ученых принципиально разошлись: сформировалось два подхода к войне 1939 — 1945 гг. Они оба представлены в предлагаемой читателю книге.

Приведу лишь некоторые из включенных в научный оборот типичных высказываний советских руководителей предвоенных лет, чтобы читателю стало понятно, насколько далеки были подлинные цели Сталина и его окружения от официально провозглашаемых и потом полвека навязываемых нам и всему миру представлений о намерениях Советского Союза в период, непосредственно предшествовавший началу войны.

Так, В. Суворов — автор книг «Ледокол» и «День «М»» — на вопрос «Кто начал вторую мировую войну?» (вынесенный в подзаголовок «Ледокола») дает ответ: Советский Союз. Автор пишет: «Многие историки думают, что сначала Сталин решил подписать с Гитлером мир, а потом решил готовить внезапное нападение на Германию. А мне вдруг открылось, что не было двух разных решений.

Подписать мир с Германией и окончательно решиться на неизбежное вторжение в Германию — это одно решение, это две части единого замысла <...> Поэтому я считаю 19 августа рубежом войны, после которого при любом раскладе вторая мировая война должна была состояться. И если бы Гитлер не начал ее 1 сентября 1939 года, Сталин должен был искать другую возможность или даже другого исполнителя, который бы толкнул Европу и весь мир в войну. В этом суть моего маленького открытия»¹.

Из конкретных событий предвоенных лет в первую очередь следует обратить внимание на текст речи Сталина на заседании Политбюро 19 августа 1939 г., содержание которой не оставляет сомнений относительно агрессивных намерений советского руководства и прямого его участия в развязывании второй мировой войны.

Вот наиболее характерные выдержки из этой речи. «Если мы заключим договор о взаимопомощи с Францией и Великобританией, Германия откажется от Польши и станет искать «модус вивенди» с западными державами. Война будет предотвращена, но в дальнейшем события могут принять опасный характер для СССР. Если мы примем предложение Германии о заключении с ней пакта о ненападении, она, конечно, нападет на Польшу, и вмешательство Франции и Англии в эту войну станет неизбежным. Западная Европа будет подвергнута серьезным волнениям и беспорядкам. В этих условиях у нас будет много шансов остаться в стороне от конфликта, и мы сможем надеяться на наше выгодное вступление в войну (курсив мой. — Ю. А.).

Опыт двадцати последних лет показывает, что в мирное время невозможно иметь в Европе коммунистическое движение, сильное до такой степени, чтобы большевистская партия смогла бы захватить власть. Диктатура этой партии становится возможной только в результате *большой войны* (курсив мой. — Ю. А.). Мы сделаем свой выбор, и он ясен. Мы должны принять немецкое предложение и вежливо отослать обратно англо-французскую миссию. Первым преимуществом, которое мы извлечем, будет уничтожение Польши до самых подступов к Варшаве, включая украинскую Галицию»².

Сообщение об этой речи Сталина, переданное французским агентством Гавас, было опровергнуто самим же

Сталиным в «Правде» 30 ноября 1939 г. На этом основании указанный документ (впервые у нас эта предполагаемая речь Сталина была опубликована Т.С. Бушуевой лишь в 1994 г.³) отнесли в разряд одной из вражеских фальшивок. Однако и Молотов, например, решительно отрицал наличие секретных протоколов к пакту 1939 г.: «Я-то стоял к этому очень близко, фактически занимался этим делом, могу твердо сказать, что это, безусловно, выдумка»⁴. Лживость многих советских руководителей, в том числе и Сталина, — твердо установленный факт, и это вынуждает и к сталинскому опровержению отнестись скептически. Достоверность речи подтверждается не только историко-ведческим анализом, но и, что особенно важно, многими важнейшими фактами и событиями предвоенных лет, а также всем послевоенным мироустройством.

Имеются, кроме того, сведения о выступлении Сталина перед выпускниками военных академий 5 мая 1941 г. и о его же выступлении на заседании Главного военного совета 14 мая. Анализ этих выступлений (кстати, и о них официальная советская историография молчала более пятидесяти лет) показывает, что в тот момент изменялся или уже изменился весь ход подготовки к явно надвигающейся войне, а в центре внимания снова, впервые после 23 августа 1939 г. (день подписания пакта Молотова — Риббентропа), оказалась Германия. Указания, данные Сталиным в этих выступлениях, сводились к тому, что необходимо воспитывать советских людей «в духе активного, боевого, воинственного наступления», что пришла пора перейти к «военной политике наступательных действий»⁵.

Сподвижники Сталина реагировали моментально, зачастую расшифровывая то, что имел в виду, но предпочитал не высказывать вслух сам автор. Выступая 15 мая 1941 г. на совещании работников кино, член Политбюро ЦК ВКП(б) А.А. Жданов заявил, что линия большевистского государства в международной политике состоит, в частности, в стремлении расширять фронт социализма «всегда и повсюду тогда, когда нам обстоятельства позволяют»⁶. А в начале июня 1941 г., обращаясь к участникам заседания Главного военного совета, он открыто признал, что «войны с Польшей и Финляндией не были войнами оборонительными. Мы уже вступили на путь наступательной политики»⁷.

20 мая 1941 г. председатель Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинин на партийно-комсомольском собрании работников актива своего ведомства произнес поистине сакраментальную фразу: «Война — это такой момент, когда можно расширить коммунизм»⁸. Еще один сталинский подручный, секретарь ЦК ВКП(б) А.С. Щербаков, высказывался не менее определенно: «...страна социализма, используя благоприятно сложившуюся международную обстановку, должна и обязана будет взять на себя инициативу наступательных военных действий против капиталистического окружения с целью расширения фронта социализма»⁹. В подготовленном в это же время докладе Главного управления политической пропаганды (ГУПП) Красной Армии, предназначенном для командного состава, о том же самом говорилось в еще более ясной форме: «...возможны наступательные действия СССР против отдельных империалистических стран, угрожающих нашей безопасности в обстановке, когда еще нет налицо революционной ситуации в капиталистических странах»¹⁰.

Но, пожалуй, наиболее четко зафиксировал не предназначавшиеся для широкого круга, но создававшие совершенно определенные настроения в армии и обществе заявления Сталина и его ближайшего окружения драматург Вс. Вишневский — весьма информированный человек, который постоянно вращался в высших кругах партийной, государственной и военной элиты. (Он был председателем Оборонной комиссии Союза советских писателей, т. е. возглавлял оборонную работу в области литературы во всесоюзном масштабе.) 14 апреля 1941 г., после встречи с К.Е. Ворошиловым, Вишневский записал в своем дневнике: «Наш час, время открытой борьбы, "священных боев" (по выражению Молотова в одной недавней беседе) — все ближе!»¹¹. А после выступления Сталина 5 мая отметил: «Гитлер понимает, что мы ведем дело к тому, чтобы дать ему по затылку...»¹².

С учетом этих свидетельств трудно не согласиться с выводом, к которому приходит, например, М.И. Мельтюхов — современный российский исследователь мотивов и целей политики Сталина весной — летом 1941 г.: «...миротлюбивая внешняя политика СССР" являлась не более чем пропагандистской кампанией, под прикрытием которой

советское руководство стремилось обеспечить наиболее благоприятные условия для «сокрушения капитализма» военным путем»¹³.

В этой связи наибольшее количество вопросов у историков в последнее время вызывает документ под названием «Соображения по плану стратегического развертывания вооруженных сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками». Этот документ, как говорится в одной из последних публикаций, «представляет собой рукопись объемом 15 страниц стандартной бумаги для пишущей машинки, написанную черными чернилами генерал-майором А.М. Василевским <...> Под документом указаны места для подписей наркома обороны СССР Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко и начальника Генштаба генерала армии Г.К. Жукова. Однако документ ими не подписан»¹⁴. Согласно другим публикациям, этот документ был представлен Г.К. Жуковым на рассмотрение И.В. Сталину¹⁵. У нас «Соображения...» впервые были опубликованы с сокращениями в 1992 г. Н.В. Киселевым¹⁶, а полностью в 1993 г. — Ю.А. Горьковым¹⁷. Вопросы в отношении «Соображений...» сводятся главным образом к тому, *когда, какого числа и кем* этот документ был написан, *кто какие* поправки в него вносил, был ли он *рабочим, действующим* или же разрабатывался лишь «на всякий случай» как один из вариантов стратегии в предстоящей войне.

Одновременно документ не только вызывает вопросы, но и ставит новые проблемы перед исследователями. Содержание «Соображений...» (см. с. 175) не оставляет сомнений в том, что примерно с весны 1941 г. советское руководство переориентировалось со стратегии обороны на широкомасштабную подготовку упреждающего удара по Германии. Даже если допустить, что документ не был действующим, поскольку якобы никем не был подписан, то и в этом случае происходило от мобилизации войск, их скрытое сосредоточение на западной границе, разоружение укрепрайонов на старой границе, передвижение военных складов на запад, широкое строительство аэродромов вблизи западной границы — все эти события мая — июня 1941 г. разворачивались в точном соответствии с предписаниями «Соображений...».

Итак, выступление Сталина на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 19 августа 1939 г., его же выступление перед выпускниками военных академий 5 мая, заявления, сделанные в эти же дни другими высшими руководителями (Жданов, Калинин, Щербаков) об «инициативе наступательных военных действий против капиталистического окружения с целью расширения фронта социализма», директива ГУПП «О политических занятиях с красноармейцами и младшими командирами Красной Армии на летний период 1941 года» от 15 мая, «Соображения по плану стратегического развертывания...», наконец, разнообразные реальные действия по развертыванию — подчинены одной логике. Но если это так, то и другие факты нуждаются в кардинальном переосмыслении. Почти полный разгром и пленение двух фронтов — сначала Западного в июле 1941 г., затем, в августе, Юго-Западного; разгром летом и осенью более трехсот наших дивизий, насчитывавших свыше пяти миллионов человек; потеря каждую неделю по 30 — 35 дивизий; уничтожение противником за три недели 3 500 самолетов, 6 000 танков, более 20 000 орудий и минометов — столь грандиозная катастрофа могла произойти, очевидно, не только из-за отдельных, пусть и крупнейших, просчетов, не из-за примитивно трактуемой внезапности, а по причинам гораздо более серьезным.

Масштаб и характер происшедшего летом и осенью 1941 г. дают достаточно оснований полагать, что нападение Германии произошло в тот момент, когда в СССР один план стратегического развертывания войск — оборонительный — был уже отменен, а другой — наступательный, упредительный, хотя и действовал, не только еще не был реализован, но даже не был доведен до всех тех, кто его должен был реализовывать. Вот, например, одно из красноречивейших на сей счет свидетельств — откровения командира 9-го механизированного корпуса Киевского Особого военного округа К.К. Рокоссовского: «Последовавшие затем из штаба округа распоряжения войскам о высылке артиллерии на артополигоны, находившиеся в приграничной зоне, и другие нелепые в той обстановке указания вызвали полное недоумение <...> Судя по сосредоточению нашей авиации на передовых аэродромах и расположению складов центрального значения

в прифронтовой полосе, это походило на подготовку прыжка вперед, а расположение войск и мероприятия, проводимые в войсках, этому не соответствовали... Во всяком случае, **если какой-то план и имелся, то он явно не отвечал сложившейся к началу войны обстановке**¹⁸ (подчеркнуто мною. — Ю. А.).

Это свидетельство участника тех событий. Теперь же не только главные герои войны, не только зарубежные, но и многие авторитетные российские историки признают, что Сталин, по крайней мере с весны 1941 г., окончательно настроился на упреждающий удар по Германии. Более того, в последних отечественных публикациях по истории второй мировой войны даются убедительные обоснования, что «идея упреждающего удара против Германии была единственно реальной и вполне правомерной»¹⁹. И еще более определено: «Упреждающий удар спас бы нашему Отечеству миллионы жизней и, возможно, привел бы намного раньше к тем же политическим результатам, к которым страна, разоренная, голодная, холодная, потерявшая цвет нации, пришла в 1945 г., воздвигнув знамя Победы над рейхстагом.»²⁰ А чтобы не было никаких сомнений на сей счет, делается окончательный вывод: **«И то, что такой удар нанесен не был, что наступательная доктрина, тщательно разработанная в Генеральном штабе Красной Армии и начавшая осуществляться в мае — июне 1941 г., не была реализована, возможно, является одним из основных просчетов Сталина»**²¹ (подчеркнуто мною. — Ю. А.).

Все это не только меняет общее представление о характере войны, но и заставляет задуматься о явлениях, куда более глобальных по сравнению даже с такими, как Великая Отечественная война. Например, о правомерности самого подразделения событий 1939—1945 гг. на «вторую мировую» и «Великую Отечественную». Все, что делало советское руководство в 1939—1941 гг., — это скорее вынашивание и реализация агрессивных планов «исторического» реванша, именуемых в соответствии с тогдашней идеологией расширением социализма. После 1917 г. социалистическая Россия потеряла почти все, что приобрела Россия имперская: Польшу, Западную Украину, Финляндию, Бессарабию, Прибалтику. Отдалились черноморские

проливы, дальневосточные территории. Советский Союз находился почти в полной международной изоляции. Когда Сталин и его окружение сочли обстановку хотя бы минимально выгодной для осуществления своих планов, они сразу же приступили к их реализации — традиционные имперские цели России перевоплотились в революционные цели СССР. Ни к оборонительной, ни к освободительной войне эти цели отношения не имели. После 22 июня характер войны для Советского Союза коренным образом изменился — она стала народной, освободительной. Но участие Советского Союза во второй мировой войне продолжалось.

Можно ли рассматривать все происшедшее с 22 июня 1941 г. по 9 мая 1945 г. как однородный период Великой Отечественной войны? Ведь с началом похода в Европу в 1944 г. цели, а с ними и характер войны очевидно снова существенно изменились, и с этого момента ее вряд ли можно именовать народной, освободительной. Все это вынуждает переосмыслить роль Советского Союза в мировой истории XX века.

Еще один исторический факт и еще одна юбилейная дата: отмечавшееся недавно 50-летие высадки союзников в Нормандии. М.С. Горбачев в том, что на торжества по этому случаю не пригласили руководство Российской Федерации, усмотрел «попытку умалить решающую роль Советского Союза в победе над фашизмом». Он отметил, что подобный шаг «искажает историческую правду», и заодно обвинил Б.Н. Ельцина в недостатке патриотизма. Такое отношение к «исторической правде» у экс-президента СССР: вновь вместо попытки через постижение прошлого развеять миф и обрести сколько-нибудь адекватное представление о роли СССР в истории — привычный туман из смеси патриотизма и величия.

В то же время несложно и, по-видимому, вполне правомерно выстроить в ряд — как это и было в реальности — такие, скажем, факты: последовавший за подписанием пакта Молотова — Риббентропа советско-германский «парад победителей» в Бресте осенью 1939 г., оккупация Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии и Бессарабии в 1940 г.; поздравления Сталиным Гитлера с каждой из одержанных последним «побед» в Европе, вплоть до июня

1941 г.; тосты в честь фюрера в Кремле, а в более общем плане — фактическое участие СССР до середины 1941 г. в войне на стороне Германии против западных союзников. Этот довоенный ряд можно было бы продолжить послевоенным: аннексия Советским Союзом половины Европы, захват нескольких плацдармов на других континентах; Берлин (1953 г.), Будапешт (1956 г.), Куба (1962 г.), Прага (1968 г.), Афганистан (1979 г.), чуть позже — Тбилиси, Вильнюс, Баку, Молдавия (при Горбачеве), а затем Таджикистан, Абхазия, Грузия и — по-новому (при Ельцине), но все в том же духе — Азербайджан, Грузия, а теперь Чечня.

Если не забывать об этом, а принять, наконец, эти ряды за историческую правду, то почему бы не воспользоваться *неприглашением* на празднество как естественным поводом взглянуть на факты непредвзято? Ведь до нападения Германии на СССР было совсем не ясно, на чьей стороне в конечном счете выступит Советский Союз. Победа в этой схватке любой из сторон — как Гитлера, так и Сталина — могла означать всего лишь торжество одного из тоталитарных режимов, а вовсе не триумф свободы и демократии. Вот почему у союзников было достаточно оснований воспринимать юбилей высадки в Нормандии как свой праздник, со своим смыслом: *освобождение Европы, торжество демократии*.

Рассуждая о том, что мы принесли с победой в Европу, сошлюсь на недавнее интервью «Литературной газете» одного из участников войны замечательного поэта Юрия Левитанского, который, как мне кажется, выразил настроения и потаенные мысли многих ветеранов:

«Я же воевал в Чехословакии, в Венгрии, считал себя их освободителем, любил их культуру, в последующие годы даже и участвовал в какой-то мере в их жизни литературной, переводил их поэзию, и меня там тоже знали, переводили... Но вскоре начало одолевать меня чувство горечи, чувство стыда...

— Почему же?

— Да потому, что начал догадываться: ведь я принес им не свободу, а частичку своего же рабства. Да, от Гитлера-то я их освободил, но от себя, от себя — увы!..»²².

Однако, похоже, россияне и сегодня не ощущают потребности осмыслить, что, собственно, мы празднуем.

Победу над фашизмом? Но, победив фашизм немецкий, мы до сих пор не смогли одолеть русский фашизм. Исповедование идеологии фашизма не является в России препятствием на пути даже в большую политику. Открытая пропаганда доморощенного нацизма, санкционированные фашистские демонстрации, призывы к войне, казачьи группы оперативного реагирования, антисемитизм, проповедуемый со страниц центральной печати, например депутатом Госдумы Ю. Власовым, — если все это в изобилии имеется в нашем собственном доме, то *достаточно ли серьезны у нас основания праздновать победу* над теми же силами, захватившими Германию более 50 лет тому назад?

Другой мотив празднования — победа великой державы как факт преемственности и приумножения великодержавности. В этом случае повод для торжеств еще более призрачный. Едва ли не самая высокая смертность и самая низкая рождаемость среди всех развитых стран мира, разрушенная экономика, массовые эмиграция и утечка мозгов, болезни, эпидемии, аварии, катастрофы, войны — все это не очень подходит для великодержавного самодовольства. Сторона, потерпевшая поражение в результате той победы, постепенно избавляясь от комплексов, добилась реальной, а не декларируемой демократии, создает у себя все более благоприятные условия для человеческого существования. А у нас — по замыслам нынешних руководителей России — чудовищным образом должны были совместиться к 9 мая две победы: та, что в памяти о далеком 45-м, и та, что подготавливалась в Чечне. В ходе этой подготовки уже уничтожены Грозный, Аргун, Гудермес, Самашки... Десятки тысяч людей убиты, более ста тысяч ранены, триста тысяч беженцев. Стремление властей одержать очередную победу, дабы не омрачать войной против своего народа празднование той, в ходе которой одолели нацизм, — безусловный признак беды, вынуждающий, вслед за В. Астафьевым повторять: «А была ли та победа?»

Под вопросом оказалась вся хронология основных периодов и событий Великой Отечественной войны как крупнейшего явления новейшей истории. Ее начало — то ли внезапное нападение Германии на СССР (и, как результат, с трудом вообразимые последующие жертвы), то ли неудавшееся нападение СССР на Германию и (как

возможное развитие событий) освобождение Европы по-сталински. Ее финал — грандиозное расширение «фронта социализма» и страна победителей, в которой остается мало действительных поводов для празднования победы. И главный итог войны: одновременное с победой над фашизмом укрепление советского тоталитаризма внутри страны и невиданное доселе усиление его экспансионистских устремлений во всем мире. В апреле 1945 г., когда еще не закончилась вторая мировая, Сталин уже думал и говорил о третьей. Во время приема правительственной делегации Югославии он сказал: «Война скоро кончится, через 15–20 лет мы оправимся, а затем снова!»²³. От этих сталинских слов к хрущевским «Мы вас все равно закопаем», брошенным с трибуны ООН, через брежневский афроазиатский и латиноамериканский социализм пролегла наша послевоенная дорога.

Под вопросом, таким образом, не только хроника событий и основных этапов Великой Отечественной. Есть все основания наряду с переосмыслением войны 1939–1945 гг. как события, в значительной мере сформировавшего XX век, подумать иначе и преодолеть традиционные советские представления о роли СССР в мире на протяжении всей его истории с 1917 г. Без серьезных раздумий на эту тему мы не сможем обрести мир в России и Россию в мире.

Разумеется, отказываться от комфортных исторических штампов далеко не просто. Слишком много замешано в них личных судеб, воспоминаний молодости, боли утрат. На многом лежит действительно неизгладимая печать сакральности: миллионы стояли насмерть за отчий дом, за родных, за Родину. Истерзанная земля, невиданные разрушения, десятки миллионов погибших... Любые негативные интерпретации связанных с этим событий — даже вполне аргументированные — могут задеть и задевают сугубо личное, память индивидуальную и историческую. Однако мы не можем, не должны и просто не имеем права оставаться в плену обыденного сознания, незаинтересованного в поиске исторической истины.

Май 1995 г.

Ю.Н. Афанасьев

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Суворов В. Ледокол. День «М». Ростов н/Д., 1994. С. 478, 479.
- ² Новый мир. 1994. № 12. С. 232 (см. также данный сб., с. 73).
- ³ Там же. С. 232–233.
- ⁴ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 20.
- ⁵ Отечественная история. 1995. № 2. С. 58, 61.
- ⁶ Там же. С. 61.
- ⁷ Там же. С. 66.
- ⁸ Там же. С. 80.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же. С. 65.
- ¹² Там же. С. 66.
- ¹³ Там же. С. 81.
- ¹⁴ Данилов В. Сталинская стратегия начала войны: планы и реальность // Отечественная история. 1995. № 3. С. 34–35.
- ¹⁵ Был план упреждающего удара. Но Сталин его отверг: Фрагменты десяти бесед военного историка В. Анфилова с маршалом Г.К. Жуковым // Куранты. 1995. 15–16 апр.
- ¹⁶ Военно-исторический журнал. 1992. № 2. С. 14–22.
- ¹⁷ Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 40–45.
- ¹⁸ Рокоссовский К.К. Солдатский долг // Военно-исторический журнал. 1989. № 4. С. 53–55.
- ¹⁹ Сахаров А.Н. Война и советская дипломатия: 1939–1945 гг. // Вопросы истории. 1995. № 7. С. 38.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Левитанский Ю. Я не участвую в войне — она участвует во мне: [Беседа с поэтом Ю. Левитанским] / Вел беседу С. Бурин // Литературная газета. 1995. 12 апр.
- ²³ Россия и мир: Учебная книга по истории: В 2 ч. М., 1994. Ч. 2. С. 211.

НА ПОРОГЕ ВОЙНЫ

Как это было

Роковой август

Весной 1939 г. в международной обстановке произошли серьезные перемены. Ликвидация гитлеровцами Чехословакии как независимого государства убедила правящие круги Англии и Франции в несостоятельности политики «умиротворения», в растущей агрессивности нацистской Германии, создававшей все более ощутимую угрозу их интересам в Европе.

Весной — летом 1939 г. объективно нарастали противоречия между фашистской Германией, с одной стороны, и Англией и Францией — с другой. Как показали дальнейшие события, в складывавшихся условиях новый Мюнхен был уже невозможен. Осознание этого привело к тому, что в марте 1939 г. британское правительство пошло на предоставление гарантий независимости Польше (в апреле то же самое было сделано в отношении Греции, Румынии и Турции), а позднее такие же гарантии Польше были предоставлены и Францией. В силу тех же причин Англия и Франция решились на реальный обмен мнениями с Советским Союзом по политическим вопросам, а затем и на трехсторонние военные переговоры. Одновременно и верхушка нацистского рейха стала настойчиво добиваться интенсификации контактов и достижения договоренностей с СССР.

Такова была общая политическая атмосфера, царившая в Европе в канун заключения советско-германского пакта о ненападении в августе 1939 г. Никакой международной изоляции, на угрозу которой так любили ссылаться совет-

ские историки, оправдывая заключение пакта Молотова — Риббентропа, на самом деле, не существовало. Перед СССР, напротив, открывались в то время широкие возможности для политического маневра, искусной дипломатической игры.

Наиболее важным в новых подходах историков к событиям того времени является отказ от столь долго бытовавшей в нашей исторической науке жесткой детерминированности, от почти телеологического взгляда на развитие процессов, предшествовавших второй мировой войне. По сути, мы стали глубже понимать диалектику объективного и субъективного, случайного и необходимого. Отсюда — начавшийся серьезный анализ существовавших тогда и для советской внешней политики, и для международных отношений в целом альтернатив. Несомненно, что действительно научно исследовать различные альтернативы возможно лишь на основе учета реальных тенденций и явлений международной жизни того периода, а также образа мышления и устойчивых представлений о рассматриваемых событиях их участников.

Один из наименее известных до сих пор моментов прошлого — механизм выработки решений советским руководством и та сумма сведений, на основе которых они принимались. Мы все еще не можем с уверенностью говорить, знал ли Сталин о неготовности Гитлера развязать войну против СССР осенью 1939 г. Для ответа на этот важнейший вопрос необходимо иметь весь комплекс документов, которые были тогда в распоряжении Сталина: дипломатические сообщения, разведывательные донесения и т. д. Не располагая всей документацией, которая может объяснить действия сталинского руководства, пока еще трудно дать им адекватную оценку, учитывающую общую морально-психологическую характеристику сталинского курса и в то же время исходящую из верно понятых жизненных интересов как советского, так и других европейских народов в складывавшейся обстановке.

Критически оценивая многие внешнеполитические акции сталинского руководства в 1939 г., можно с полной уверенностью говорить не об отдельных тактических просчетах и ошибках, а о принципиально неверных установках СССР в международной деятельности накануне войны.

Во-первых, это непонимание характера и масштабов угрозы со стороны фашистской Германии, претендовавшей на порабощение Европы и мировое господство. Сейчас очевидно, что Сталин и его окружение не усматривали существенной разницы между двумя группировками капиталистических государств. Более того, политика нацистской Германии представлялась им более последовательной и предсказуемой, не подверженной тем колебаниям в связи с внутривластной борьбой, которая характерна для буржуазно-демократических режимов. Поэтому гитлеровское руководство на каком-то этапе стало восприниматься как более удобный и надежный партнер на международной арене, а возможности достижения договоренностей с Англией и Францией не были использованы в полной мере.

Во-вторых, это геополитическое по сути своей мышление, стремление обеспечить безопасность страны за счет получения сферы влияния и территориальных приобретений. В действительности же в ситуации острого международного кризиса летом 1939 г. (к тому же с учетом особенностей надвигающейся войны моторов) для подлинной безопасности гораздо важнее было объединить всех потенциальных противников блока агрессоров. Для достижения этой цели, очевидно, неизбежны и необходимы были уступки и компромиссы. Но ни советское руководство, ни правящие круги Англии и Франции не проявили к этому последовательного стремления.

Серьезные, принципиальные просчеты сталинского руководства явились основой курса на советско-германское сближение, выражением которого и стало заключение 23 августа 1939 г. договора о ненападении, а затем, 28 сентября, договора о дружбе и границе.

Нет никаких оснований считать, что советско-германский договор о ненападении был решающим шагом к развязыванию второй мировой войны. Хорошо известно, что решение осуществить нападение на Польшу не позднее 1 сентября гитлеровское руководство приняло еще 3 апреля 1939 г., т. е. до начала серьезных политических контактов с СССР. Вопрос состоял не в том, будет ли реализована эта агрессивная германская акция, а в том, при какой расстановке военно-политических сил это произойдет.

Весьма характерной была реакция польских правительственных кругов на первые известия о предстоящем заключении советско-германского договора. Посол Франции в Варшаве Л. Нозль докладывал в Париж 22 августа: «Господин Бек спокойно принял сообщение о советско-германском пакте. Он считает, что по сути проблемы это ничего не меняет, но оправдывает недоверие поляков в отношении СССР». Даже в такой опаснейший момент у польских руководителей срабатывали прежде всего антисоветские настроения, не позволявшие реально оценить масштабы угрозы германской агрессии.

Не вызывает сомнения, что именно нацистская Германия и ее союзники являлись агрессорами, развязали вторую мировую войну. Именно они сломали существовавшее территориально-политическое устройство Европы, выступили инициаторами его перекройки, сделали военную силу основным средством реализации амбициозных политических замыслов.

Не существует документов, которые свидетельствовали бы о том, что Германия планировала войну против СССР осенью 1939 г. Нацистский рейх в тот момент был просто не готов к такой войне. Вместе с тем хорошо исследованная история разработки плана «Барбаросса» позволяет с полной уверенностью говорить о том, что Гитлер осуществил агрессию против СССР именно тогда, когда планировал это сделать и когда для этого сложились наиболее подходящие условия. Поэтому официально провозглашенный сталинским руководством и долгие годы навязывавшийся нашей историографии аргумент, согласно которому Сталин стремился не дать нацистской верхушке в июне 1941 г. повод для нападения на СССР, выглядит, по меньшей мере, наивным. Как говорят в таких случаях: было бы желание, а повод всегда найдется. Неубедительны и попытки рассматривать договор о ненападении (как вынужденный и необходимый акт, принятый в политико-дипломатической практике) отдельно от договора о дружбе и границе и последующих шагов, направленных на сближение с фашистской Германией. В том-то и дело, что пакт 23 августа с его секретным приложением стал лишь звеном в проведении курса на достижение широко-масштабных договоренностей с нацистским руководством,

на сотрудничество с ним. СССР не занял позиции строгого нейтралитета. Его нейтралитет был благоприятен для Германии в экономическом, политическом и идеологическом планах. Советская политика приобрела антипольскую направленность, а также стала явно отрицательной в отношении Англии и Франции.

В заявлении Сталина редактору «Правды», опубликованном 30 ноября 1939 г., цинично извращались обстоятельства начавшейся войны. «Не Германия напала на Францию и Англию, — утверждал Сталин, — а Франция и Англия напали на Германию, взяв на себя ответственность за нынешнюю войну». И далее: «...После открытия военных действий Германия обратилась к Франции и Англии с мирными предложениями, а Советский Союз открыто поддержал мирные предложения Германии». Однако, по словам Сталина, «Англия и Франция грубо отвергли как мирные предложения Германии, так и попытки Советского Союза добиться скорейшего окончания войны». За этим следовало безапелляционное сталинское резюме: «Таковы факты».

Извращение действительных фактов выглядит особенно чудовищно в свете того, что, даже объявив войну Германии, ни Франция, ни Англия вовсе не прилагали усилий, чтобы реально прийти на помощь Польше. Они всячески уклонялись от оказания материальной помощи истекавшей кровью польской армии.

Но сталинская поддержка Гитлера не исчерпывалась одним лишь снятием с фашистской Германии вины за развязывание войны. На протяжении всех предвоенных лет советская пропаганда — в том числе и со страниц издававшегося массовыми тиражами «Краткого курса» истории ВКП(б) — утверждала, что новую империалистическую войну в разных концах мира развязывают «три агрессивных государства — фашистские правящие круги Германии, Италии, Японии». С началом войны оказалось возможным отбросить «некоторые старые формулы», «к которым многие так привыкли», как выразился В.М. Молотов 31 октября 1939 г. в докладе на заседании Верховного Совета СССР. За этим последовала «теоретическая» разработка таких понятий, как «агрессия» и «агрессор». «Теперь, — заявил глава советского правительст-

ва и народный комиссар иностранных дел, — мы не можем пользоваться этими понятиями в том же смысле, как, скажем, 3—4 месяца тому назад. Теперь... Германия находится в положении государства, стремящегося к скорейшему окончанию войны и к миру, а Англия и Франция, вчера еще ратовавшие против агрессии, стоят за продолжение войны и против заключения мира»¹.

Молотов призывал отказаться от употребления слов «агрессия», «агрессор» «в старом смысле», так как это «может породить только путаницу в головах и неизбежно будет толкать к ошибочным выводам». Он брал под защиту фашистскую Германию и потому, что Англия, по словам Молотова, объявила целью войны «уничтожение гитлеризма», т. е., по его оценке, западные демократии объявили Гитлеру «что-то вроде "идеологической войны", напоминая старые религиозные войны». «Такого рода война, — объявляя Молотов, — не имеет для себя никакого оправдания. Не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война за "уничтожение гитлеризма", прикрываемая фальшивым флагом борьбы за "демократию"»².

Таким образом, Сталин и тогдашнее советское руководство допустили в конце лета и осенью 1939 г. серьезнейший стратегический просчет. Впрочем, так же, как британские и французские лидеры, занимавшие, в частности, блистательную, неконструктивную позицию в ходе переговоров с СССР летом 1939 г. Правящие круги Англии и Франции, с одной стороны, и советское руководство — с другой, своими действиями создали благоприятные условия для реализации агрессивных планов нацистского рейха.

Несомненно, события на международной арене в 1939—1941 гг. развивались исключительно сложно, противоречиво. Очень важно подчеркнуть, что это был взаимосвязанный процесс. Очевидно и то, что нельзя упускать из виду, что те или иные военно-политические акции осуществлялись в чрезвычайных условиях уже начавшейся войны, когда восторжествовал силовой подход к решению международных проблем.

Поэтому необходим исключительно взвешенный, научный, объективный подход. Никому не дано возвратиться в предвоенную ситуацию, повернуть ее в иное русло. Можно лишь полно и всесторонне исследовать происшедшие

события. Этому в значительной мере способствуют ставшие наконец-то достоянием историков ранее строго засекреченные и совершенно недоступные документы тех лет.

Драма 1939 года – новые документы

В 1993 г., после полутора десятилетий закулисной борьбы и дискуссий был издан XXII том серии «Документы внешней политики СССР» (январь – декабрь 1939 года)³.

В двух книгах XXII тома помещено более девятисот документов, еще более трехсот введены в научный оборот в примечаниях. Документы подтверждают некоторые догадки, опровергают несостоятельные концепции, позволяя уточнить многие конкретные вопросы.

Материалы тома напоминают о сталинском диктате, об атмосфере подозрительности, подавления всякого несогласия, в которой приходилось работать советским дипломатам того времени. В результате репрессий 1937–1938 гг. аппарат Народного комиссариата иностранных дел (НКВД) лишился многих опытных профессиональных работников. В записке наркома иностранных дел М.М. Литвинова генеральному секретарю ЦК ВКП(б) Сталину от 3 января 1939 г. отмечалось: «До сих пор вакантны места полпредов в 9 столицах, а именно: в Вашингтоне, Токио, Варшаве, Бухаресте, Барселоне, Ковно, Копенгагене, Будапеште и Софии. Если не вернется в Тегеран находящийся сейчас в СССР т. Черных, то получится 10-я вакансия. В некоторых из перечисленных столиц не имеется полпредов уже свыше года. Оставление на продолжительные сроки поверенных в делах во главе посольств и миссий приобретает политическое значение и истолковывается как результат неудовлетворительных дипломатических отношений»⁴. Характерно, что и сам Литвинов не мог решить ни одного серьезного вопроса без согласования со Сталиным. «Прошу об утверждении такого ответа...», «Посылаю на утверждение соответственный проект...» – вот обычные формулировки в записках Литвинова на имя Сталина. Сталин принимал решения по всем важным внешнеполитическим делам.

И все же в рамках своих ограниченных возможностей М.М. Литвинов оставался приверженцем курса на созда-

ние системы коллективной безопасности, на организацию отпора фашистским агрессорам, на использование всех шансов для сотрудничества с Великобританией и Францией.

В связи с визитом в Москву в марте 1939 г. министра внешней торговли Р. Хадсона Литвинов выступил с предложением заявить британскому гостю следующее: «Советский Союз больше, чем какая-либо другая страна, может сам позаботиться о защите своих границ, но он и теперь не отказывается от сотрудничества с другими странами. Он мыслит себе это сотрудничество только по пути действительно общего сопротивления агрессорам. Базой такого сотрудничества должно быть признание агрессии в качестве единой проблемы, требующей общих действий независимо от того, задевает ли она в том или ином случае интересы того или иного из участников сотрудничества. Должно быть признано, что агрессия как таковая, происходит ли она в Европе, Азии или на другом континенте, требует общих мер борьбы с нею».

Какое-то время Литвинову удавалось убеждать Сталина в правильности избранного внешнеполитического курса и продолжать проводить его. Так, в связи с британским предложением от 19 марта опубликовать СССР, Франции и Польше совместную декларацию, что все названные державы заинтересованы в сохранении целостности и независимости государств на востоке и юго-востоке Европы, М.М. Литвинов дал послу Великобритании в Москве У. Сидсу ясный и недвусмысленный ответ: «Солидаризируемся с позицией британского правительства и принимаем формулировку его проекта декларации. Представители советского правительства незамедлительно подпишут декларацию, как только и Франция, и Польша примут британское предложение и пообещают свои подписи»⁵. Правда, отрицательное отношение Варшавы к подписанию декларации такого рода было хорошо известно в Москве. А без Польши СССР не собирался ее подписывать.

Весной 1939 г. сталинское руководство осуществило резкий внешнеполитический поворот, избрав курс на сближение с Берлином. Характерным его симптомом стало смещение М.М. Литвинова с поста наркома иностранных дел. 3 мая Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) И. Сталин направил советским полпредам в важнейших столи-

цах телеграмму: «Сообщается для сведения. Ввиду серьезного конфликта между председателем СНК т. Молотовым и наркоминделом т. Литвиновым, возникшего на почве нечестного отношения т. Литвинова к Совнаркому Союза ССР, т. Литвинов обратился в ЦК с просьбой освободить его от обязанностей наркоминдела. ЦК ВКП(б) удовлетворил просьбу т. Литвинова и освободил его от обязанностей наркома. Наркоминделом назначен по совместительству Председатель СНК Союза ССР т. Молотов»⁶.

Общественно-политические круги за рубежом расценили смещение Литвинова как показатель поворота советской внешней политики. Полпред СССР в Германии в своем политическом отчете за 1939 г. писал: «Много внимания уделили германские газеты в мае назначению т. Молотова народным комиссаром иностранных дел. Смена руководства в Наркоминделе рассматривалась большинством газет как конец женеvской политики (т. е. активной поддержки Лиги Наций и борьбы за решительное осуждение фашистских агрессоров. — М. Н.) и политики союзов с западными капиталистическими державами, проводившейся якобы прежним наркомом»⁷.

Развитие событий после назначения В.М. Молотова подтверждает, что зарубежные обозреватели были правы.

Со смещением М.М. Литвинова сталинское руководство стало осуществлять внешнеполитический курс, исходивший из принципиально неверных общих установок. Оно пошло на сближение при одновременном выдвижении все новых и новых требований к Великобритании и Франции в качестве непременных условий соглашения о совместном противодействии агрессии. Как подтверждают публикуемые документы, Москва проявила инициативу в постановке вопроса о создании новой политической основы для взаимоотношений между СССР и Германией. 20 мая в беседе с германским послом Ф. Шуленбургом В.М. Молотов подчеркнул: «...Мы пришли к выводу, что для успеха экономических переговоров должна быть создана соответствующая политическая база»⁸. Последовали интенсивные контакты между Москвой и Берлином, которые привели к подписанию 23 августа договора о ненападении между Германией и Советским Союзом (с секретным дополнительным протоколом), а затем и гер-

мано-советского договора о дружбе и границе между СССР и Германией от 28 сентября (также с секретными дополнительными протоколами).

Опубликованные документы еще раз свидетельствуют, что никакой непосредственной угрозы Советскому Союзу со стороны Германии в августе — сентябре 1939 г. не существовало. Нацистское руководство в тот момент не планировало войну против СССР и не было готово к ней. Вот почему в свете новейших документов несостоятельным оказывается десятилетиями утверждавшийся нашей пропагандой и историографией тезис о том, что договор дал Советскому Союзу передышку, оттянул начало войны. Просто Сталин сделал соглашение с Гитлером наиболее выгодным и осуществил эту сделку. Он выиграл не время, а территорию.

Понять сталинскую стратегию позволяют документы, которых в рассматриваемом томе мы, к сожалению, не найдем. Но сейчас к ним открыт доступ в архивах. В первую очередь это запись беседы Сталина с Г. Димитровым, состоявшейся 7 сентября. Говоря о переговорах с Великобританией и Францией, Сталин сказал: «Мы предпочитаем соглашение с так называемыми демократическими странами и поэтому вели переговоры. Но англичане и французы хотели нас иметь в батраках и притом за это ничего не платить. Мы, конечно, не пошли бы в батраки...». В начавшейся войне Сталин рассчитывал играть роль «третьего радующегося».

В соответствии со сталинскими установками Советский Союз способствовал разгрому и разделу Польши, занял враждебную позицию в отношении Великобритании и Франции, развивал всестороннее сотрудничество с нацистской Германией.

Характерно, что 1 сентября советник посольства Германии в Москве Г. Хильгер передал В.М. Молотову просьбу начальника генштаба германских военно-воздушных сил, чтобы радиостанция в Минске в свободное от передачи время обеспечивала для срочных воздухоплавательных опытов (т. е. для действий люфтваффе против Польши) непрерывную линию с вкрапленными позывными знаками: «Рихард Вильгельм 1,0», а, кроме того, во время передачи своей программы по возможности часто использовала слово «Минск». На документе стоит резолюция

В.М. Молотова: «1) + 2 часа (далее 2 слова неразборчиво), 2) «Минск» (но не другое)»⁹.

13 ноября германский посол Ф. Шуленбург информировал В.М. Молотова о стремлении Берлина усилить нажим на Англию и Францию, чтобы вынудить их закончить войну. Он заявил: «Англия и Франция концентрируют войска в Сирии и Египте, подобно балканскому фронту минувшей войны. Турция им готова помочь и сделала то же во Франции и на Кавказе. Возможно, следовало бы послать в Афганистан Аманулла и его людей для нажима на англичан, но идеалом была бы военная демонстрация СССР на границах Афганистана и Кавказа без агрессивных намерений. Если это окажется невозможным, то желательно, чтобы Сов[етское] пра[вительство] не опровергало подобных слухов, если таковые будут. Преследуется цель отвлечь Англию от приготовлений на Балканах»¹⁰. Молотов дал положительный ответ в отношении этой антибританской военно-политической акции. «Гов. Молотов сообщает послу, в связи с просьбой германского правительства о проведении мер по нажиму на Англию в виде военных демонстраций СССР на границах Афганистана и на Кавказе, что Советское правительство имело в виду усилить там свои войска. Что касается возможности распространения об этом слухов с германской стороны, то Советское правительство против этого не возражает»¹¹.

В политическом отчете полномочного представителя СССР в Германии за 1939 г. приводилось мнение германской печати: «Вся история прошедшего года стоит под знаком огромного поворота, совершившегося 23 августа 1939 г. в Москве. Все другие происшествия этого года, вообще говоря, богатого событиями, получают свое особое освещение благодаря этой знаменательной дате. Еще многие поколения политиков будут чувствовать всемирно-историческое значение этой даты» (Националь Цайтунг. 1940. 10 янв.)¹². Во всяком случае, в том, что касалось советской внешней политики, это оказалось верно.

Сталинское руководство не сумело правильно оценить ни характер агрессивных притязаний нацистского рейха, ни военно-экономический потенциал Германии, ни ударную мощь вермахта. Меры по укреплению безопасности и расширению территории СССР в конечном счете ока-

лись неэффективными. Тактический выигрыш обернулся для СССР стратегическим проигрышем. В 1940 г. разгромлена Франция — главный потенциальный союзник СССР на Европейском континенте. Фашистским агрессорам удалось разобщить возможных противников и установить свое господство над Центральной и Западной Европой. В итоге советский народ был приведен к трагедии 22 июня 1941 г.

Опубликованные документы заставляют еще раз задуматься об опасности диктата отдельной личности, об ущербе, наносимом обществу непрофессионализмом и некомпетентностью, о необходимости взвешенного научного анализа международной ситуации внешнеполитического курса страны.

Кремль и Коминтерн после подписания пакта

«Белым пятном» предьистории Великой Отечественной войны долгое время оставалась деятельность Коммунистического Интернационала в начальный период второй мировой войны. К тому времени руководство Коминтерна стало послушным инструментом Политбюро ЦК ВКП(б) лично Сталина. Соответственно в деятельности Коминтерна отразились внешнеполитические установки сталинского руководства.

Позиция советского руководства в начавшейся 1 сентября 1939 г. войне была довольно откровенно изложена самим Сталиным в беседе с генеральным секретарем Исполкома Коминтерна (ИККИ) Г. Димитровым, состоявшейся поздно вечером 7 сентября 1939 г. в присутствии В.М. Молотова и А.А. Жданова. Сталин заявил, что война идет между двумя группами капиталистических стран (бедные и богатые в отношении колоний и т. д.) за передел мира, за господство над миром. «Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга, — откровенничал Сталин. — Неплохо, если бы руками Германии было бы расшатано положение богатейших капиталистических стран (в особенности Англии). Гитлер, сам того не понимая и не желая, расшатывает, подрывает капиталистическую систему»¹³. Говоря о политике Советского

Союза, Сталин цинично заметил: «Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались». Признавая, что пакт о ненападении в некоторой степени помогает Германии, он намеревался затем подталкивать другую сторону.

Резко враждебную позицию Сталин занял в отношении Польши, охарактеризовав ее как фашистское государство, которое угнетает украинцев, белорусов и т. д. «Уничтожение этого государства в нынешних условиях означало бы одним буржуазным фашистским государством меньше! Что плохого было бы, если бы в результате разгрома Польши мы распространили социалистическую систему на новые территории и население»¹⁴.

Что касается коммунистического движения, то Сталин предложил коммунистам решительно выступать против своих правительств, против войны. Он заявил: «В условиях империалистической войны поставлен вопрос об уничтожении рабства!», т. е. капиталистической системы в целом.

Изложенные Сталиным установки характеризовались роковой недооценкой той злоеющей угрозы, которую несла фашистская агрессия силам демократии и прогресса, самому Советскому Союзу. Сталинское руководство рассчитывало на затяжную войну между капиталистическими государствами и ослабление всех ее участников, в первую очередь — Великобритании. В этих условиях Советский Союз получал возможность маневрировать, укреплять свои международные позиции.

В соответствии с указаниями Сталина 8—9 сентября 1939 г. руководство Коминтерна разослало компартиям директиву. Ставилась задача «выступать против войны, разоблачать ее империалистический характер, голосовать там, где есть депутаты коммунисты, против военных кредитов, говорить массам, что война им ничего не даст, кроме тягот и разорений»¹⁵. Под влиянием директив из Московских секции Коминтерна с 9—10 сентября совершили крутой поворот своей политической линии. Оценивая войну как империалистическую с обеих сторон, они перенесли основное направление борьбы на внутреннюю реакцию и правительства своих стран. Однако процесс этот происходил сложно и трудно.

Завершению и закреплению поворота в политике компартий призвана была содействовать программная статья

Димитрова «Война и рабочий класс», над которой он работал в октябре 1939 г. 17 октября автор направил текст статьи для ознакомления Сталину. При этом он отмечал: «Хотя коммунистические партии в основном уже исправили свою позицию в отношении войны, все же продолжается в их рядах все еще некоторое замешательство по вопросу о характере и причинах войны, а также о выдвигающихся сейчас перед рабочим классом новых задачах и необходимой перемене тактики компартий»¹⁶. При работе над статьей Димитров должен был учитывать наименьшее сближение советского руководства с фашистской Германией.

Текст димитровской статьи Сталин подверг правке, а 25 октября (в присутствии Жданова) высказал автору свои замечания. По мнению Сталина, следовало «приглушить» революционную борьбу рабочего класса капиталистических стран. Он отверг революционные лозунги, предложив ограничиться лозунгами типа: «Долой империалистическую войну!», «Прекращение войны, прекращение кровопролития!», «Прогнать правительства, которые за войну!». При этом Сталин добавил: «Мы не будем выступать против правительств, которые за мир!»¹⁷. Он разъяснял, почему призывает в данный момент не забегать вперед, не выдвигать революционных задач: «Ставить сейчас вопрос о мире на основе уничтожения капитала — значит помогать Чемберлену, поджигателям войны, значит изолировать себя от масс!». По этой реплике видно, что главным противником для Сталина оставались правящие круги Великобритании, в то время как с гитлеровцами он считал возможным договориться. Эту же мысль Сталин подтвердил и во время обеда со своими сподвижниками (Кагановичем, Молотовым, Андреевым, Микояном, Буденным, Куликом и Димитровым) 7 ноября 1939 г.: «В Германии — мелкобуржуазные националисты способны на крутой поворот — они гибки, не связаны с капиталистическими традициями — в отличие от буржуазных руководителей типа Чемберлена и т. п.»¹⁸.

При этом Сталин подчеркивал важность существования Советского Союза для выработки политической линии коммунистических партий, для мобилизации масс на борьбу. В области международной политики сталинское руко-

водство выдвигало на первый план территориальные приобретения и установление контроля над сферой влияния СССР. «Мы думаем, — говорил Сталин Димитрову 25 сентября, — что в пактах о взаимопомощи (Эстония, Латвия, Литва) нашли ту форму, которая позволит нам поставить в орбиту влияния Советского Союза ряд стран. Но для этого нам надо выдержать — строго соблюдать их внутренний режим и самостоятельность. Мы не будем добиваться их советизирования. Придет время, когда они сами это сделают!». По-видимому, Сталин в тот момент не лукавил — просто время для включения названных государств в состав СССР еще не пришло.

Руководство Коминтерна полностью поддержало все внешнеполитические акции Советского Союза, включая вступление Красной Армии на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии, заключение договоров о взаимопомощи с прибалтийскими государствами, а также германо-советского договора о дружбе и границе.

Коминтерн призвал компартии оказывать всяческое содействие советским акциям в отношении Финляндии во время так называемой зимней войны. Руководство ИККИ предписывало компартиям поддержать действия СССР и солидаризироваться с правительством Куусинена. 4 декабря из Москвы были разсланы телеграммы с требованием принять все меры «для самой широкой популяризации документов финского народного правительства, финской компартии, речи Молотова и советско-финского договора»¹⁹. Вопрос рассматривался на секретариате ИККИ 7 декабря. И все же Коминтерну не удалось обеспечить единодушную поддержку действий Советского Союза со стороны коммунистов Финляндии. Широкою кампанию солидарности с Финляндией развернули международная социал-демократия, общественность Великобритании и Франции.

11 декабря 1939 г. секретариат ИККИ новой директивой категорически потребовал от компартий: «Солидаризироваться с Народным правительством, приветствия, резолюции, массовая кампания. Парализовать антисоветскую травлю. Разъяснять и популяризировать политику СССР. Решительно выступать против поджигателей войны. Беспощадно разоблачать контрреволюционные планы

английских и французских империалистов и их социал-демократических лакеев и вести борьбу против них»²⁰.

Однако Красная Армия не смогла с ходу прорвать хорошо укрепленную оборонительную линию Финляндии и разгромить ее вооруженные силы. Лишь в конце февраля — начале марта 1940 г. ценой больших потерь и наращивания усилий Красной Армии удалось добиться некоторых успехов. Но упорное сопротивление Финляндии и угроза вмешательства в конфликт Великобритании и Франции побудили советское руководство пойти 12 марта 1940 г. на подписание мирного договора с законным правительством Финляндии.

В связи с заключением этого мирного договора ИККИ направил компартиям директивы с указаниями пропагандировать «новую победу миролюбивой политики Советского Союза», решительно выступать против антисоветской и антикоммунистической кампании. При этом на первый план выдвигалось противодействие замыслам «англо-французских империалистов», их попыткам «втянуть Скандинавию в войну и разжечь мировую войну»²¹.

Коминтерн в духе сталинских указаний ориентировал рабочий класс капиталистических стран на борьбу против империалистической войны, за прекращение кровопролития, но не выдвигал лозунгов революционного характера. Фактически это означало противодействие военным усилиям Франции и Великобритании и в то же время — поддержку демагогической кампании нацистского руководства, содействие фашистским агрессорам.

Таковы были установки, определявшие характер директив Коминтерна компартиям в конце 1939 — начале 1940 г.

Медленное протрезвление

В первые месяцы 1940 г. руководство Коминтерна стало еще более решительно выступать против политики Великобритании и Франции. Так, в директивах Коминтерна компартии Голландии от 27 января утверждалось: «...Английский (и связанный с ним французский) империализм стал агрессором и главным поджигателем войны, и против него, как такового, рабочий класс всех стран должен

боротся самым решительным образом». В этом же документе Москва ориентировала компартию на разоблачение «циничных военных намерений англо-французских империалистов в отношении Голландии»²².

Линия Коминтерна на противодействие англо-французскому союзу ясно видна и в директивах, направленных компартии Австрии. Они были приняты секретариатом ИККИ 31 января 1940 г. В них говорилось: «С заключением германо-советского пакта и возникновением империалистической войны международная ситуация коренным образом изменилась. Заключение названного пакта опрокинуло планы английских империалистов, сводившиеся к тому, чтобы втравить Германию и СССР в войну. Англия и Франция стали агрессорами: они развязали войну против Германии и стараются расширить военный фронт с тем, чтобы превратить начатую ими войну в антисоветскую войну»²³. В проекте директив компартии Чехословакии от 28 февраля К. Готвальд указывал: «Мы придерживаемся одинаковой с немецким пролетариатом линии, направленной против западного империализма как агрессора»²⁴.

В апреле — мае 1940 г. военно-политическая ситуация в Европе претерпела радикальные перемены. Однако и в этих условиях Коминтерн не пересмотрел принципиальных стратегических установок. Война по-прежнему оценивалась как империалистическая и несправедливая с обеих сторон. Подчеркивалось, что основная опасность исходит со стороны англо-французской коалиции. Подобные директивы отражали предвзятую оценку войны как империалистической, а также благоприятную позицию советского руководства в отношении нацистской Германии.

Тем не менее в мае — июне 1940 г. позиция Коминтерна несколько изменилась — как из-за реакции советского руководства, не ожидавшего и не желавшего столь быстрого поражения Франции и столь решительного усиления Германии, так и в связи с потребностями самого коммунистического движения. В первую очередь речь шла о позиции компартий стран, оккупированных нацистской Германией.

В Коминтерне начала усиливаться ориентация на сопротивление фашистским захватчикам в Европе. 8 июня секретариат ИККИ утвердил директивы компартии Голландии. На первый план выдвигалась необходимость раз-

решения народу, кто несет ответственность за бедствия, выпавшие на его долю, — «вина за это лежит как на английском, так и на германском империализме, а также на политике голландской буржуазии и социал-демократии». Основная задача, выдвигаемая перед компартией Голландии в условиях германской оккупации страны, формулировалась следующим образом: «Борьба против разграбления страны оккупантами, против перекалывания последствий оккупации на массы, за требования масс в социальной и экономической сферах, борьба против политической реакции и бесправия народа, за восстановление политической независимости страны. Никакой совместной работы с голландскими элементами, сотрудничающими с оккупантами, и одновременно решительное отмежевание от голландского правительства и династии. Самостоятельная политика партии во всех сферах»²⁵. По существу, в этой директиве сконцентрированы общие стратегические установки руководства Коминтерна всем компартиям оккупированных летом 1940 г. стран Западной Европы: укрепление компартии и проведение ею самостоятельной политической линии, т. е. отказ от поддержки воюющих сторон — и оккупационных властей, и голландского правительства. Главное внимание обращалось на борьбу за жизненные интересы масс во всех сферах: социальной, экономической и политической. В комплекс таких требований входило и требование восстановления политической независимости страны, хотя оно и не занимало приоритетного места. В качестве путей борьбы за эти требования предлагался «единый фронт и народный фронт снизу в борьбе за повседневные требования масс и за национальное освобождение голландского народа»²⁶.

Секретариат ИККИ указывал на необходимость сочетания легальных и нелегальных методов действий коммунистов: «Полностью использовать все легальные возможности, однако обязательно в сочетании с нелегальной работой». И далее руководство Коминтерна делало очень существенное разъяснение: «В легальных выступлениях избегать всего того, что могло бы быть истолковано как солидарность с оккупантами»²⁷. То, что это указание было совсем не лишним, вскоре подтвердили действия голландской компартии — в июльском номере теоретического

журнала партии «Политика и культура» была опубликована редакционная статья, содержащая призыв к населению Голландии «соблюдать корректное отношение к немецким войскам», т. е. к оккупантам. А руководители французских коммунистов добивались от германских оккупационных властей разрешения на легальное издание в Париже газеты «Юманите». В начале августа 1940 г. директива из Москвы потребовала категорически отвергать и осуждать как предательство всякое проявление солидарности с оккупантами. «Необходимо избегать статей, деклараций, переговоров, встреч такого порядка, которые носили бы характер солидарности с оккупантами или представляли бы одобрение или оправдание их действий»²⁸. К этому времени определилась новая линия действий французской коммунистической партии, принятая руководством Коминтерна: разоблачение вишистского правительства Петена, отказ от сотрудничества с германскими властями, осторожное использование недовольства масс для сопротивления оккупантам.

С августа 1940 г. деятельность Коминтерна приобрела завуалированную антигерманскую направленность. Это чувствовалось в инструкциях Москвы компартиям Венгрии и Румынии в связи со вторым Венским арбитражем — решением нацистской Германии и фашистской Италии о передаче Румынией Венгрии Северной Трансильвании. Еще до принятия этого решения в резолюции секретариата ИККИ от 20 августа «О положении в Венгрии и задачах КПВ» отмечалось: «Подчинение Венгрии германскому и итальянскому империализму и ее приспособление к нему в целях собственных завоеваний уже сейчас все больше ведет к лишению народа последних остатков прав на свободу, к еще более жестокой эксплуатации и несет с собой прямую опасность установления открытой террористической диктатуры буржуазии»²⁹. Последняя формулировка перекликалась с установками документов VII конгресса Коминтерна, недвусмысленно напоминая об угрозе фашизма.

Новые характерные установки появляются и в директивах секретариата ИККИ внутреннему руководству компартии Австрии от 16 октября 1940 г. Наряду с обличением английских империалистов, которые «с большим упор-

ством защищают свою колониальную империю», документ содержал и резко негативную характеристику действий «третьего рейха»: «Германские империалисты оккупировали пол-Европы: они подвергли невыносимому гнету народы оккупированных ими стран и беззастенчиво проливали их кровь, принося в жертву последние резервы трудящихся для того, чтобы грабительскими методами создать в Африке и Азии свою колониальную империю. Неслыханная жестокость, с которой они закабаляют народы, доводя их до нищеты, голода и унижения, безудержность, с которой они претендуют на все большую роль в добыче, с беспрощадной основательностью опровергают лицемерные утверждения национал-социализма о том, будто он ведет "революционную войну" и ратует за "социализм"»³⁰.

Важным рубежом в эволюции советской внешней политики рассматриваемого периода стал визит главы советского правительства и наркома иностранных дел В.М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. В Архиве президента Российской Федерации хранится рукописный проект директив к берлинской поездке, подготовленный самим Молотовым. В этом документе достаточно ясно и полно раскрываются цели визита:

«а) Разузнать действительные намерения Г.(ермании) и всех участников Пакта 3-х (Г.[ермания], И.[талия], Я.[полюсь]) в осуществлении плана создания "Новой Европы", и "Велик[ого] Восточ.[но]-Азиатского Пространства"...

б) Подготовить первоначальную наметку сферы интересов СССР в Европе, а также в ближней и средней Азии, прокрутив возможность соглашения об этом с Г.[ерманией] (а затем и с И.[талией])...

Далее Молотов конкретизирует этот замысел: «В переговорах добиваться, чтобы к сфере интересов СССР были принесены:

а) Финляндия — на основе С.о. (соответствующего. — М. Н.) соглашения 39 г. ...;

б) Дунай, в части морского Дуная;

в) Болгария — главный вопрос переговоров, должна быть, по договоренности с Г.[ерманией] и И.[талией], отнесена к сфере интересов СССР, на той же основе гарантий Болгарии со стороны СССР...» (имелись в виду гарантии Болгарии со стороны СССР на условиях, аналогичных

гарантиям неприкосновенности территории Румынии со стороны Германии и Италии. — М. Н.);

«г) Вопрос о Турции и ее судьбах не может быть решен без нашего участия...;

д) Вопрос о дальнейшей судьбе Румынии и Венгрии как граничащих с СССР, нас очень интересует...;

(а) Вопрос об Иране не может решаться без участия СССР, т. к. там у нас есть серьезные интересы. Без нужды об этом не говорить.);

ж) В отношении Греции и Югославии мы хотели бы знать, что думает Ось предпринять?»³¹.

Таким образом, Молотов намеревался в Берлине серьезно прозондировать дальнейшие намерения германских партнеров. Сталинское руководство стремилось закрепить и расширить советскую сферу влияния на основе эвентуального развития сотрудничества с Германией. При этом наибольший интерес Кремля вызывала Финляндия (считалось, что дело решено там не до конца), Балканы и зона проливов, включая Турцию.

Именно эти вопросы настойчиво ставились В.М. Молотовым в беседах с германскими руководителями³². Однако нацистские лидеры вовсе не собирались предоставить Советскому Союзу ту сферу влияния, на которую он претендовал. Интересы правителей двух стран сталкивались в ряде регионов и стран.

Вместе с тем имеются свидетельства того, что Сталин еще до поездки Молотова в Берлин настороженно относился к германскому партнеру. Вот лишь один пример. Во время беседы с членами Политбюро 7 ноября 1940 г. он произнес тост, в котором, в частности, подчеркнул необходимость совершенствования советских военно-воздушных сил. Отметив, что советские самолеты по ряду показателей уступают японским, немецким и английским, Сталин сказал: «Если наши вооруженные силы, транспорт и т. д. не будут на равной высоте сил наших врагов (а такие у нас все капиталистические государства и те, которые прикрашиваются под наших друзей), они нас съедят».

Визит В.М. Молотова в Берлин выявил советско-германские противоречия. 25 ноября Сталин сказал Г. Димитрову: «Наши отношения с немцами внешне вежливые, но между нами есть серьезные трения». В тот же день Дими-

тров имел беседу и с Молотовым. «Мы ведем курс на разложение оккупационных немецких войск в разных странах, и эту работу, не крича об этом, хотим еще больше усилить», — сказал генеральный секретарь ИККИ. — Не помещает ли это советской политике?» Молотов ответил: «Конечно, это надо делать. Мы не были бы коммунисты, если не вели бы такой курс. Только делать это надо бесшумно».

Стремясь обеспечить собственные интересы на Балканах, советское руководство в конце ноября 1940 г. приняло инициативу в отношении заключения двустороннего договора о взаимопомощи с Болгарией. При этом Советский Союз готов был поддержать территориальные претензии Болгарии на Балканах и оказать ей экономическую помощь. В конкретной международной обстановке того времени эта акция означала противодействие усилению германского влияния на Балканах и включение Болгарии в сферу интересов СССР. «При заключении пакта о взаимопомощи мы не только не возражаем, чтобы Болгария присоединилась к Тройственному пакту, но тогда и мы сами присоединимся к этому пакту», — сказал Сталин Димитрову 25 ноября.

В тот же день Молотов сделал заявление германскому послу Шуленбургу о готовности советского правительства принять проект пакта четырех держав (Германия, Италия, Япония и СССР) о политическом сотрудничестве и экономической взаимопомощи. При этом советская сторона выдвинула ряд условий, включая гарантии безопасности Советского Союза со стороны проливов «заключением пакта о взаимопомощи между Советским Союзом и Болгарией, которая географически находится внутри зоны безопасности черноморских границ Советского Союза, а также строительством базы для сухопутных и военно-морских сил СССР в районе Босфора и Дарданелл на условиях долгосрочной аренды»³³.

Получив в Кремле соответствующую информацию, Димитров направил руководству болгарской компартии телеграмму с требованием развернуть по всей стране самую энергичную кампанию в поддержку советских предложений и мобилизовать для этого депутатов коммунистов³⁴. Выполняя директиву Москвы, болгарские коммунисты стали распространять в Софии листовки в под-

держку советских предложений Болгарии. Разглашение советского дипломатического демарша и слишком прямолинейные действия компартии вызвали недовольство в Кремле. После телефонного звонка Молотова Димитров отправил в Софию указание прекратить «эту вредную глупость»³⁵. В середине декабря Москва разъяснила руководству болгарской компартии, что кампания в поддержку советско-болгарского пакта не должна носить партийный, антибуржуазный, антикоролевский и антигерманский характер. «Надо ее вести не на классовой, а на общенациональной и государственной почве»³⁶.

Однако болгарское правительство отклонило советские предложения. Болгария втягивалась во все более широкомасштабное сотрудничество с нацистской Германией. Берлин со своей стороны не давал никакого ответа на советские предложения о заключении пакта четырех держав. 13 января 1941 г. в связи с подготовкой к вступлению германских войск в Болгарию было опубликовано заявление ТАСС, в котором подчеркивалось, что переброска германских войск в Болгарию происходит «без ведома и согласия СССР...»³⁷. 17 января Молотов заявил германскому послу Шуленбургу, что советское правительство «рассматривает территорию Болгарии и Проливов как зону безопасности СССР»³⁸. На Балканах завязывался тугий узел международных противоречий.

В сложившейся обстановке Димитров считал, что болгарская компартия должна решительно выступить против переброски германских войск в Болгарию, указывая, что такое нарушение ее нейтралитета ведет к вовлечению болгарского народа в войну за чужие интересы, угрожает превратить территорию Болгарии в театр военных действий и ставит на карту самостоятельное существование страны. Одновременно компартия должна была разоблачать деятельность царя Бориса и правительства, которые, отвергая советское предложение заключить пакт о взаимопомощи, являлись непосредственными виновниками создавшегося положения. В связи с этим компартия была призвана еще энергичнее подчеркивать необходимость пакта о взаимопомощи между Болгарией и СССР.

Позицию Димитрова одобрил Сталин. При этом он подчеркнул, что компартия должна действовать не как помощник Советского Союза, а выступать от своего имени.

Руководство Коминтерна призывало компартию «разжечь массовое движение против установления оккупационного режима в стране и захвата ее экономических и продовольственных ресурсов, избегая старательно всяческих необдуманных выступлений, провокационных действий и вооруженных столкновений»³⁹.

«Ведется большая игра...»

Дальнейшее развитие обстановки на Балканах резко обострило положение в Югославии. В начале 1941 г. под давлением Берлина правительство Югославии стало склоняться к присоединению к Тройственному пакту. Стремясь воспрепятствовать усилению позиций Германии на Балканах, руководители Советского Союза и Коминтерна призывали компартию Югославии противодействовать союзу страны с рейхом. 22 марта Димитров передал Гитлеру: «Рекомендуем взять решительную позицию против ситуации перед Германией. Поддерживать движение за всенародное сопротивление политике военного вторжения. Требовать дружбу с Советским Союзом»⁴⁰.

После вступления германских войск в Болгарию глава югославского правительства Цветкович 25 марта 1941 г. подписал в Вене протокол о присоединении Югославии к Тройственному пакту. При известии об этом прогерманском акте в стране поднялась волна возмущения. Опираясь на массовые протесты, англофильские круги совершили государственный переворот. 27 марта к власти пришло правительство генерала Д. Симовича.

В этой сложной обстановке компартия Югославии 29 марта предложила организовать всенародный отпор германо-итальянскому вторжению в Югославию и попытке Англии втянуть Югославию в войну на ее стороне: осуществлять всенародный нажим на новое правительство, требуя расторжения венского пакта и заключения пакта о взаимопомощи с СССР; к новому правительству относиться настороженно⁴¹.

Советское руководство проявляло чрезвычайную осторожность, считая нецелесообразным организовывать уличные демонстрации, дабы не давать повода для выступления

внутренней реакции и вмешательства англичан. Молотов рекомендовал руководству компартии Югославии: «Не шуметь, не кричать, а проводить твердо свою установку».

30 марта Димитров в соответствии с указаниями Молотова подготовил ответную директиву для руководства компартии Югославии: «Советуем настоятельно ограничиться на данном этапе энергичным и умелым разъяснением среди масс принятой вами позиции, но отказаться от организации уличных демонстраций и всячески избегать вооруженных столкновений масс с властями... Не поддавайтесь на провокацию врага. Не ставьте под удар и не бросайте преждевременно в огонь авангард народа. Момент для решительных схваток с классовым врагом еще не наступил. Вести неустанную разъяснительную работу и всесторонне подготавливать себя и массы — вот в чем заключается сейчас основная задача партии»⁴².

Вскоре ИККИ отправил директиву румынской компартии. В качестве ее главной задачи называлось руководство движением масс «против использования Румынии как базы и орудия для империалистических целей ее работодателей, против вовлечения румынского народа в войну на Балканах и за дружественные отношения с великим соседом — СССР». В телеграмме отмечалось, что угроза порабощения исходит от гитлеровской агентуры⁴³.

События на Балканах выявили особенности политической линии руководства Советского Союза и Коминтерна: оставаться вне воюющих группировок; ни в коей мере не содействовать укреплению позиций Великобритании; осторожно противодействовать дальнейшему усилению Германии; компартии должны добиваться расширения влияния в своих странах, а Советского Союза — на международной арене.

Секретарь ЦК ВКП(б) Жданов в апреле 1941 г. так формулировал позицию советского руководства: «Балканские события не меняют общей установки, занятой нами в отношении империалистической войны и обеих воюющих капиталистических группировок. Германскую экспансию на Балканах мы не одобряем. Но это не означает, что мы отходим от пакта с Германией и поворачиваем в сторону Англии. Те наши люди, которые так думают, недоценивают самостоятельной роли и мощи Советского

Союза. Им кажется, что надо ориентироваться либо на одну, либо на другую империалистическую группировку, а это глубоко неверно...».

Между тем в Москву поступали все более тревожные сообщения о подготовке Германией нападения на Советский Союз. Приходили они и по линии Коминтерна. Так, Тито сообщил Димитрову шифрованной радиограммой: «В связи с подготовкой нападения на СССР немцы берут русских белогвардейцев в Югославии в армию как инструкторов и организуют из них отряды парашютистов и диверсантов»⁴⁴. В тот же день он информировал о заявлениях шефа гестапо в Загребе фон Ото, «что Германия уже готовит нападение на СССР»⁴⁵.

Очевидно, Сталин в этот период ждал каких-то требований со стороны Гитлера, надеялся на торг, проявлял готовность к переговорам, стремился оттянуть начало войны с Германией. Думается, именно в этом контексте он поставил вопрос о возможности ликвидации Коммунистического Интернационала⁴⁶. 20 апреля за ужином с членами Политбюро Сталин неожиданно заявил, что компартии следовало бы сделать совершенно самостоятельными, а не секциями Коминтерна. Свое предложение он аргументировал необходимостью превратить компартии в национальные партии, действующие под различными названиями: «Важно, чтобы они внедрились в своем народе и концентрировались на своих собственных задачах. В них должна быть коммунистическая программа, они должны опираться на марксистский анализ, но не оглядываясь на Москву, разрешали бы стоящие перед ними конкретные задачи в данной стране самостоятельно. А положение и задачи в разных странах совсем различные».

Генеральный секретарь ИККИ Г. Димитров воспринял предложение Сталина о прекращении деятельности Коминтерна как четкое указание. Он обсуждал предстоящие переговоры с Д. Мануильским, А. Ждановым, П. Тольятти, М. Торезом. Намечалось создать вместо Коминтерна новый орган информации, идеологической и политической помощи компартиям. Вместе с тем Димитров осознавал «множество нерешенных и трудных вопросов, связанных с этим переустройством». Однако по неустановленным причинам в середине мая обсуждение этого предложения Сталина прекратилось.

Между тем слухи о возможном нападении Германии на СССР росли. Среди различных предупреждений была и информация из Китая об упорных заявлениях Чан Кайши о грядущем нападении, при этом глава гоминьдановского правительства называл и дату — 21 июня 1941 г.

В тот субботний день встревоженный Димитров утром позвонил Молотову и попросил его поговорить со Сталиным о сложившемся положении и о необходимых указаниях Коминтерну. Молотов ответил: «Положение неясно. Ведется большая игра. Не все зависит от нас. Я переговорю с Иосифом Виссарионовичем. Если будет что-то особое, позвоню!». Однако так и не позвонил.

Рано утром 22 июня генерального секретаря ИККИ срочно вызвали в Кремль, где он узнал о нападении Германии на СССР. Вся международная ситуация резко изменилась. Коминтерну предстояло осуществить новый, последний в своей истории крутой поворот в стратегии и тактике

М.М. Наринский

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Известия. 1939. 1 ноября.
- 2 Там же.
- 3 Документы внешней политики СССР (январь — декабрь 1939 года). Т. XXII. Кн. 1—2. М., 1993.
- 4 Документы... Кн. 1. С. 10.
- 5 Там же. С. 215.
- 6 Там же. С. 327.
- 7 Документы... Кн. 2. С. 472.
- 8 Документы... Кн. 1. С. 386.
- 9 Документы... Кн. 2. С. 7.
- 10 Там же. С. 286.
- 11 Там же. С. 313.
- 12 Там же. С. 475.
- 13 Цит. по: *Фирсов Ф.И.* Коминтерн: опыт, традиции, уроки — нерешенные задачи исследования // Коминтерн: опыт, традиции, уроки: Материалы научной конференции, посвященной 70-летию Коммунистического Интернационала. М., 1989. С. 21.

- 14 Там же. С. 21—22.
- 15 Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1292. Л. 47. (Далее: РЦХИДНИ).
- 16 РЦХИДНИ. Ф. 495. Оп. 2. Д. 267. Л. 54.
- 17 Коминтерн и советско-германский договор о ненападении // Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 210.
- 18 Там же. С. 211.
- 19 РЦХИДНИ. Ф. 495. Оп. 184. Исх. 1939 г. Д. 2. Л. 78—87; см. также: *Фирсов Ф.И.* Архивы Коминтерна и внешняя политика СССР в 1939—1941 гг. // Новая и новейшая история. 1992. № 6. С. 27.
- 20 РЦХИДНИ. Ф. 495. Оп. 184. Исх. 1939 г. Д. 2. Л. 78—87.
- 21 РЦХИДНИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1317. Л. 206.
- 22 РЦХИДНИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1312. Л. 120.
- 23 РЦХИДНИ. Ф. 495. Оп. 20. Д. 18. Л. 60.
- 24 РЦХИДНИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1316. Л. 184.
- 25 РЦХИДНИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1321. Л. 142.
- 26 Там же.
- 27 Там же.
- 28 РЦХИДНИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1322. Л. 163—164.
- 29 РЦХИДНИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1323. Л. 18.
- 30 РЦХИДНИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1324. Л. 130.
- 31 Архив президента Российской Федерации. Ф. 56. Оп. 1. Д. 1161. Л. 147—150. (Далее: АПРФ).
- 32 См.: Поездка В.М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 года // Новая и новейшая история. 1993. № 5. С. 64—99.
- 33 СССР — Германия. 1939—1941. Документы и материалы о советско-германских отношениях с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. Вильнюс. 1989. Т. 2. С. 132—133.
- 34 РЦХИДНИ. Ф. 495. Оп. 184. Исх. за 1940 г. Д. 11. Л. 125—126.
- 35 Там же. Л. 128.
- 36 Там же. Л. 148.
- 37 СССР — Германия. 1939—1941. Документы и материалы... Т. 2. С. 142.
- 38 Там же. С. 144.
- 39 РЦХИДНИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1326. Л. 37.
- 40 РЦХИДНИ. Ф. 495. Оп. 184. Исх. 1941 г. Д. 11. Л. 26.
- 41 РЦХИДНИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 599. Л. 6.
- 42 Там же. Л. 9.
- 43 РЦХИДНИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 451. Л. 36.
- 44 РЦХИДНИ. Ф. 495. Оп. 184. Вход. 1941 г. Д. 7. Л. 112.
- 45 Там же. Л. 116.
- 46 См.: *Шириня К.К.* Против упрощенного представления о коминтерновской концепции мировой революции и о диктате Сталина в Коминтерне // Коминтерн: опыт, традиции, уроки. С. 64—65.

Сталинская провокация второй мировой войны

В 1994 г. в журнале «Новый мир» был опубликован текст речи Сталина на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 19 августа 1939 г., обнаруженный Т.С. Бушуевой¹.

Об этом выступлении гораздо раньше узнала мировая историческая наука, чем советская, российская. У. Черчилль вскоре после второй мировой войны писал: «Вечером 19 августа Сталин сообщил Политбюро о своем намерении подписать пакт с Германией»². Коммунистический режим и его историческая «наука» этот факт иступленно отрицали. Лишь после публикации книг В. Суворова «Ледокол» и «День "М"» в российской исторической науке год-два тому назад начали признавать, что была такая дата в истории второй мировой войны.

К процитированному выше отрывку из книги У. Черчилля имеется сноска, в которой указывается: «В Москве решение заключить договор о ненападении было принято 17 августа»³. Впервые у нас мемуары У. Черчилля изданы открыто (до этого они публиковались секретно для Сталина и его окружения, как и книга Гитлера и ряд других, или закрыто для номенклатуры) под редакцией А.С. Орлова. Ему и принадлежит указанная сноска.

Событие, имевшее место 19 августа, Орлов прямо не отрицает, но уточняет: не 19-го, а 17-го. По-видимому, в определенном смысле он прав. Но где в Москве было принято это решение, кем?

Этот небольшой конкретный пример иллюстрирует субъективные и объективные трудности осознания и исследования военной темы. Вторая мировая, в том числе Великая Отечественная, война интерпретируется как с

теп и зрения приверженцев коммунистического тоталитаризма, так и апологетов имперского прошлого, с его глубокими пороками русской национальной, а точнее цивилизационной, культуры, — гремучей смесью верноподданничества с великодержавностью, развившимися из специфики русского этногенеза.

1. Критика источника

В Европе некие тексты сталинского выступления на Политбюро 19 августа 1939 г. известны с осени того же года. Во-первых, из сообщения французского агентства Гавас (Сталин опроверг его в «Правде» 30 ноября 1939 г.). Во-вторых, имеется текст, опубликованный Е. Еккелем⁴. Об этом историк И. Фляйшхауэр пишет: «На проверку оказалось фальсификацией»⁵. Однако никаких данных уважаемый немецкий ученый не приводит. А ссылка на второй том советской истории той войны из печально известного своей фальсифицированностью двенадцатитомника играет обратную роль, компрометируя не Е. Еккеля, а саму И. Фляйшхауэр.

Конечно, прежде всего следовало бы сравнить эти тексты между собой (но у нас пока нет текстов ни Гавас, ни Е. Еккеля), а главное — сопоставить их с бесспорным текстом Сталина, однако последний науке неизвестен.

Из сталинского опровержения известна лишь одна фраза текста Гавас: «Война должна продолжаться как можно дольше, чтобы истощить воюющие стороны»⁶. В тексте, опубликованном Бушуевой, эта фраза повторяется четыре раза, т. е. является его лейтмотивом.

Бушуева пишет о публикуемом ею тексте следующее: «В секретных трофейных фондах Особого архива СССР удалось обнаружить сведения о том, что 19 августа 1939 года, то есть за четыре дня до подписания советско-германского договора о ненападении (пакта Молотова — Риббентропа), Сталин срочно созвал Политбюро и руководство Коминтерна. На этом заседании он выступил с речью, текст которой у нас никогда не публиковался. Через пятьдесят пять лет после этого события Суворов напишет: "Точный день, когда Сталин начал вторую мировую войну, это 19 августа 1939 года"».

Текст речи Сталина на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 19 августа 1939 г. (см. приложение к статье, с. 73) воспроизведен на основе его французской копии, сделанной, вероятно, кем-то из Коминтерна, присутствовавшим на Политбюро. Конечно, необходимо сравнить этот вариант с подлинником. Однако сделать это невозможно, так как он находится в архиве за семью печатями и в ближайшем время вряд ли станут обнародовать факсимиле этого безусловно исторического документа, столь откровенно обнажившего агрессивность политики СССР. Эта речь Сталина легла в основу позиции советской стороны при подлинном написании секретных протоколов с фашистской Германией в разделе Европы. Можно напомнить, что почти полвека официальные политики и профессиональные историки убеждали общественность в непричастности СССР к этим документам, да и вообще отрицали сам факт их существования. А «выручала» тоталитарная закрытость архивов.

Итак, во-первых, Т.С. Бушуева полагает, что этот текст сталинский, хотя и уверена в необходимости его дальнейшей проверки, в чем мы с ней полностью согласны. Во-вторых, она считает, что текст записан кем-то из Коминтерна на секретном заседании Политбюро. Но это маловероятно, тем более что руководству Коминтерна эта речь Сталина осталась неизвестной. По крайней мере, как свидетельствуют документы руководства Коминтерна начала сентября 1939 г., оно не знало новых сталинских политических установок⁷.

Как же появился этот текст? С нашей точки зрения это объясняется секретностью текста и теми задачами, которые решались путем его распространения. Текст не содержал государственных секретов СССР — его секретность ограничивалась коммунистической идеологией, причем избирательно, т. е. с ним могли познакомиться лишь самые посвященные. Второе: публикацией этой речи Сталина достигалась задача компрометации французской компартии, потенциально способной возглавить борьбу французского народа против агрессии. И эта цель была достигнута — французская компартия была скомпрометирована и запрещена как пособник врага.

Текст речи был написан, вероятнее всего, по распоряжению Сталина с лакунами государственных секретов и

передан по его же распоряжению как для исполнения руководством ФКП, так и агентству Гавас для разгрома ФКП французским правительством, что было вполне в духе Сталина.

2. Сталин как провокатор второй мировой войны

Бывший советский диссидент Р. Медведев писал: «Германия напала бы на Польшу и в том случае, если бы СССР отклонил предложение о договоре о ненападении, и этот счет не возникало никаких сомнений»⁸.

Утверждение Медведева «опровергает» Сталин: «Если мы заключаем договор о взаимопомощи с Францией и Великобританией, Германия откажется от Польши и станет искать "модус вивенди" с западными державами. Война будет предотвращена, но в дальнейшем события могут принять опасный характер для СССР. Если мы примем предложение Германии о заключении с ней пакта о ненападении, она, конечно, нападет на Польшу, и вмешательство Франции и Англии в эту войну станет неизбежным. Западная Европа будет подвергнута серьезным волнениям и беспорядкам. В этих условиях у нас будет много шансов остаться в стороне от конфликта, и мы можем надеяться на наше выгодное вступление в войну».

Опыт двадцати последних лет показывает, что в мирное время невозможно иметь в Европе коммунистическое движение, сильное до такой степени, чтобы большевистская партия смогла бы захватить власть. Диктатура этой партии становится возможной только в результате большой войны. Мы сделаем свой выбор, и он ясен. Мы должны принять немецкое предложение и вежливо отослать обратно французскую миссию. Первым преимуществом, которое мы извлечем, будет уничтожение Польши до самых подступов к Варшаве, включая украинскую Галицию».

Уже этих первых абзацев достаточно, чтобы опровергнуть ложь советских историков и их как бы диссидентствующих оппонентов. Но это, конечно, отнюдь не главное, главное, что вторая мировая война нужна была Сталину не же, как и Гитлеру, и Сталин не только помог Гитлеру развязать ее, но инициативно, в собственных интересах

развязал ее сам, имея в виду как общую цель — захват власти в Европе, так и непосредственные выгоды — унижение Польши и захват Галиции. Сталин рассчитывал, что война, начатая Германией, приведет к крушению европейского порядка. Причем сам он намеревался первое время оставаться в стороне и вступить в войну в удобный для себя момент.

Для нас же эти абзацы, как и весь остальной текст важны еще и тем, что, рассмотренные с точки зрения их атрибуции, позволяют, несмотря на сложности двойного перевода, подтвердить сталинское авторство, прежде всего реальным развитием событий, но не только этим. Подтверждением являлась и сталинская политика, как до данного критического момента, так и последующая; политика, которая реализовалась и которая не смогла реализоваться по тем или иным причинам, в том числе из-за допущенных ошибок, но была заявлена.

Узнаваем, несмотря на некоторую замутненность, привнесенную переводами, и сталинский стиль.

Для общего понимания текста необходимо, конечно, рассмотреть, как и когда Сталин и возглавляемое им коммунистическое руководство СССР пришли к практической постановке задачи установления мирового — европейского господства (в тот период господство над Европой могло интерпретироваться как мировое), созрели для тактического союза с фашизмом.

Важно отметить, что все содержание текста, его направленность отображают видение мира из Кремля таким человеком, каким был Сталин. Содержание текста является его важнейшим атрибутивным свойством.

В чем же именно состоит провоцирование второй мировой войны Сталиным? В том, что пакт о ненападении между СССР и Германией заключался не только и даже не столько для регулирования отношений между этими двумя странами, сколько как вполне осознанный договор о безнаказанном со стороны СССР нападении Германии на Польшу с перспективой раздела Польши между Германией и СССР, а главное — с перспективой войны между Германией, с одной стороны, и Францией и Англией — с другой — при ненападении СССР на Германию. Иными словами, пакт развязывал Германии руки, провоцировал

на начало второй мировой войны. Так — и вполне адекватно — этот пакт и был воспринят в мире. Причем, заключив этот договор, Сталин с самого начала имел намерение его нарушить, т. е. отнюдь не «оставаться в стороне от конфликта», а, наоборот, обеспечить «наше выгодное вступление в войну».

3. Сталинские аппетиты

Следующий абзац, однако, дает некоторый повод для сомнений в авторстве. В нем говорится: «Германия предоставляет нам полную свободу действий в Прибалтийских странах и не возражает по поводу возвращения Бессарабии СССР. Она готова уступить нам в качестве зоны влияния Румынию, Болгарию и Венгрию. Остается открытым вопрос, связанный с Югославией...».

Что касается стран Прибалтики и Бессарабии, то договоренность об их судьбе между Гитлером и Сталиным была подтверждена фактами, так же, как и раздел Польши. Но Румыния с ее нефтью, без которой Гитлер просто не смог бы решиться на большую войну; Болгария, открывавшая сухопутную дорогу к Турции и Ближнему Востоку; Венгрия, защищающая с востока Австрию и южную Германию; Югославия — все это очень проблематично и фантастично, если рассматривать их в качестве объектов договоренности и уступок Сталину Гитлером. Да реально и не было таких уступок. Как же это понять?

С нашей точки зрения, это объясняется следующим образом: здесь нет сталинской лжи, хотя сведения, приведенные в данном отрывке, не соответствуют сложившейся тогда исторической реальности. У этого фрагмента иное политическое предназначение — он очерчивал сталинские претензии, которые Гитлеру, возможно, пришлось бы в какой-то мере рассмотреть и удовлетворить, если бы его дела на Западе — война с Францией и Англией — сложились бы не столь удачно, а Сталин со своими армиями нависал бы с Востока. Однако до удовлетворения всех «мирных» сталинских претензий дело не дошло — с войной на Западе Гитлер справился гораздо легче и скорее, чем рассчитывал Сталин.

За время войны 1940 г. во Франции Сталин успел присоединить к СССР Бессарабию и Северную Буковину. Ничего более ничего. И после этого оказался лицом к лицу с освободившейся в основном гитлеровской военной машиной.

В данном случае проблема заключается для нас в том, чтобы ясно понять смысл анализируемого фрагмента текста. Он отражает, во-первых, сталинские претензии и в этом смысле не является ни сталинской ложью, ни ложью самим по себе: все подтвердилось во второй мировой войне. Во-вторых, в нем выражены претензии, с которыми Сталин обращался к Гитлеру или которые доводил до его сведения таким путем, т. е. Сталин хотел удовлетворить эти претензии на договорной основе, относительно мирным путем, как это произошло с той же Бессарабией и Северной Буковиной.

За что же Сталин собирался воевать с Гитлером? Естественно, за то, чего Гитлер не смог бы предоставить Сталину ни при каких обстоятельствах и о чем заводить речь на переговорах вообще не имело смысла. Прежде всего речь идет о Германии, а затем — о Франции. В том же абзаце говорится о «советизации» Германии, а еще через абзац — о «советизации» Франции. В предпоследнем абзаце есть такой пассаж: «В побежденной Франции ФКП всегда будет очень сильной. Коммунистическая революция неизбежно произойдет, и мы сможем использовать это обстоятельство для того, чтобы прийти на помощь Франции и сделать ее нашим союзником. Позже все народы, попавшие под "защиту" победоносной Германии, также станут нашими союзниками. У нас будет широкое поле деятельности для развития мировой революции».

Таковы сталинские замыслы. Именно для этого Сталин к середине 1941 г. создал и сосредоточил на границах СССР армию, в 5–6 раз превышающую армию вермахта по танкам, самолетам, орудиям и минометам⁹. Этими силами он собирался отвоевывать не Восточную Европу, а завоевывать Германию и помогать коммунистической революции во Франции, т. е. собирался идти по меньшей мере до Ла-Манша.

Это, казалось бы, абстрактное суждение о несбывшихся претензиях, неудовлетворенных аппетитах Сталина имеет реальный смысл для понимания всего хода второй

мировой войны, особенно в 1944–1945 гг., и военной политики Сталина в этот период. Как ни странно, но это в научных трудах по истории второй мировой войны не проговаривается.

О завершившейся войне с Наполеоном А.С. Пушкин писал: «И скоро силою вещей / Мы очутились в Париже, / А русский царь — главой царей».

Однако в Берлине в 1945 г. мы «очутились не силою вещей». Сталин остановил наступление в определенный момент, в конце лета 1944 г., когда в Варшаве гитлеровцы подавили восстание, когда союзники высадились в Нормандии, когда в Германии произошло покушение на Гитлера. Приостановил, а затем двинулся дальше с реализацией собственного плана завершения второй мировой войны. Вот этого-то плана не поняли не только советские историки, не только советские военачальники тех времен, но и союзники Сталина по антигитлеровской коалиции.

«Никто не мог предвидеть, — пишет У. Черчилль, — когда и как кончится война. В те дни сложилось мнение, что Россия после достижения своих границ не будет продолжать войну и что, когда наступит этот момент, западным союзникам, вероятно, придется попытаться уговорить ее не ослаблять своих усилий. Поэтому вопрос о русском зоне оккупации Германии не занимал в наших мыслях ни в англо-американских переговорах большого места, а также не поднимался ни одним из руководящих деятелей в Тегеране»¹⁰.

Если бы Черчилль знал о целях войны, какими их видел Сталин, не пришлось бы гадать, двинет или не двинет Сталин свои войска на Центральную Европу и к чему это приведет, в частности в «русской зоне оккупации Германии». И в 1944 г. Черчиллю было бы совершенно ясно, почему Сталин остановился перед восставшей Варшавой, как это уже тогда было ясно многим советским людям. Черчилль, вероятно, вполне мог ознакомиться с текстом речи Сталина в виде сообщения агентства Гавас и, скорее всего, был с ним знаком. А вот придал ли ему должное значение, сказать трудно.

Таким образом, текст речи не только вскрывает провокационную роль Сталина в развязывании второй мировой войны, но и показывает цели Сталина в этой войне.

4. Ошибки Сталина

Для полного исследования документа требуется рассмотреть политические и стратегические ошибки Сталина, так, как они отразились в данном тексте, и, более того, сформировали его в соответствии с тогдашними взглядами Сталина, неся отпечаток времени, идей и индивидуальности автора.

Первая ошибка, на которую уже обратил внимание В. Суворов, заключается в следующем тезисе Сталина: «Первым преимуществом, которое мы извлечем, будет уничтожение Польши до самых подступов к Варшаве, включая украинскую Галицию». Неужели уничтожение Польши было в тех условиях начала второй мировой войны преимуществом для СССР и для Сталина лично? Если бы Сталин был озабочен безопасностью СССР, обороной страны, если бы он опасался нападения Гитлера, то существование Польши между СССР и Германией было бы краеугольным камнем его тогдашней военной политики в Европе.

Значит, не опасался, делал ставку не на оборону, а на нападение, и весь рассматриваемый текст только подтверждает агрессивность сталинской внешней политики 1939 г. Эта агрессивность и определяла прежде всего сталинское провоцирование второй мировой войны. Она же предопределила и весь ход войны в период ее завершения в 1944–1945 гг., да и послевоенную ситуацию в Европе, которая лишь по случайности не стала предвоенной, продолгом третьей мировой войны. Но уже с 1945 г. она постепенно становится таковой. Эта же агрессивность сталинской политики определила и смысл победы СССР во второй мировой войне, который заключался не столько в освобождении своей страны и разгроме фашизма, сколько в завоевании половины Европы, т. е. в половинном достижении той цели, которую ставил Сталин, провоцируя и развязывая вторую мировую войну.

Вторая серьезная ошибка Сталина заключалась в его ставке на коммунистическую революцию в Германии: «В случае ее (Германии. — В. Д.) поражения неизбежно произойдет советизация Германии и будет создано коммунистическое правительство».

Сталин предполагал возможность революции и во Франции, и реальную ее возможность в ряде других стран, завоеванных Германией. Но не было коммунистических пролетарских революций в Европе в конце и в начале второй мировой войны, ни одной из десятка предполагавшихся. Значит, в самом предположении заключалась коренная ошибка. Какая?

Во первых, нужно ли было революционно менять один тоталитаризм на другой, чьим и каким социальным интересам отвечала бы революционная смена социализма националистического на социализм интернационалистический, полоевропейского на полуазиатский? Пролетарского социализма не было и в Советском Союзе, что в конце 30-х — начале 40-х годов было очевидно и общеизвестно.

Во вторых, народы, поддавшиеся тоталитаризму, оказались не способны на революцию, что доказала история. Народ, рабочий класс Германии не поднялись ни на революцию до самого гибельного конца нацизма, да и после его конца тоже. Не было, как уже отмечалось, пролетарских социалистических революций и в странах, освобожденных фашистской Германией и затем освобожденных как англо-американской, так и советской армиями. То, что позже было названо социалистическими революциями конца 40-х годов в странах Восточной Европы, на самом деле было фикцией революций и фактической советизацией (в 1939 г. Сталин откровенно применял это слово) под оккупационным террористическим советским надзором.

Однако в некотором смысле и в определенных формах революции все-таки имели место, если мы будем рассматривать национально-освободительное движение против фашизма в форме столичных восстаний и партизанской войны. Но эти восстания, и в этом смысле особо показательным является Варшавское восстание, были направлены как против гитлеровской, так и против сталинской оккупации. Зададим риторический вопрос: что было бы с Парижским восстанием, если бы англо-американцы не предложили бы ему на помощь, не двинули бы вперед находившиеся в их составе французские войска, не открыли бы де Голлю свободный доступ в Париж, а оставались бы

под Парижем до тех пор, пока гитлеровцы не расправились с парижанами? Парижское восстание превратилось бы в аналог Варшавского. А это значило бы, что англо-американцы имели относительно Франции цели, аналогичные тем, какие Сталин имел относительно Польши.

Действительность 1944 г. показала, что Сталин имел иные цели, чем его союзники по антигитлеровской коалиции, что Сталин шел в Восточную и Центральную Европу на смену Гитлеру. В этих условиях победа союзников в антигитлеровской коалиции была не столь проста, как это представляется апологетам сталинизма.

Третья ошибка Сталина состояла в том, что он полагал, что сопротивление Франции гитлеровскому вермахту будет более значительным, а главное более длительным. Лейтмотивом анализируемого текста, как мы уже отмечали, является тезис Сталина о необходимости того, «чтобы эта война длилась как можно дольше в целях изнурения двух сторон» (имеется в виду гитлеровская Германия, с одной стороны, и англо-французская коалиция 1939—1940 гг. — с другой). Но для того, чтобы война, которую имел тогда в виду Сталин, действительно продлилась дольше, Сталин должен был помогать другой стороне. Произошло же противоположное сталинским намерениям: его помощь Гитлеру способствовала гитлеровскому блицкригу.

При этом необходимо отметить: в анализируемом тексте намерение затягивать войну направлено против Франции, да и сама публикация этого текста в 1939 г. преследовала цель дезорганизации Франции. Эта стратегическая ошибка под стать ошибке 1941 г. После сталинской ошибки по поводу Франции нападение Германии на СССР стало более чем вероятным.

Эта вероятность усугубилась четвертой ошибкой: Сталин считал, что «победоносная Германия будет располагать огромными территориями, и в течение многих десятилетий будет занята "их эксплуатацией" и установлением там германских порядков. Очевидно, что Германия будет очень занята в другом месте, чтобы повернуться против нас».

В самом деле, Германия была занята, но вермахт-то освободился, и Гитлер не мог его демобилизовать, вероятно

не столько из-за продолжавшейся войны с Англией, сколько из-за Красной Армии. После разгрома Франции, благодаря которому Сталин способствовал своей политикой, у СССР во второй мировой войне с Германией оставался только один год, а не десятилетия», на которые рассчитывал Сталин.

Надо принять во внимание два момента: во-первых, то, что Сталин научился воевать, по словам советских маршалов, к 1943 г., и, во-вторых, что Сталину требовалось скрыть предполагаемый момент начала советско-германской войны. Но даже с учетом последнего условия, очевидно, что 22 июня 1941 г. война началась для Сталина неожиданно.

Эти сталинские ошибки, подтвержденные исторической реальностью, свидетельствуют, что данный текст при всех его возможных частичных искажениях и неполноте принадлежит в конечном счете именно Сталину.

Заключение

Подведем краткие итоги.

1. Вторая мировая война самым своим характером отличается от первой мировой войны. Как и первая, она возникла из империалистических противоречий, но не между капиталистическими странами, а между фашистскими странами и СССР — с попыткой их предварительного разрешения за счет капиталистических стран. Война была начата гитлеровской Германией при провокационной поддержке сталинского СССР.

2. Великая Отечественная война является этапом второй мировой войны, во время которого народы СССР защищали свое право на жизнь, на независимость и территорию своей страны. Как только это произошло (в основном в 1944 г.), война со стороны СССР утратила характер войны Отечественной.

3. Участие СССР во второй мировой войне в 1944—1945 гг. было освободительно-завоевательным: с одной стороны, СССР оставался участником антигитлеровской коалиции, а с другой — начинал выступать как завоеватель, замеща-

ющий в освобождаемо-захватываемых странах гитлеровский тоталитаризм сталинским.

4. Все вышеизложенное о характере второй мировой войны, ее начале гитлеровской Германией и ее провокации сталинским СССР, а также о целях войны со стороны СССР, объясняющих ход войны, ее завершение и послевоенную ситуацию, основывается на анализе документа, который является изложением речи Сталина на заседании Политбюро 19 августа 1939 г.

5. Анализ показал, что текст, обнаруженный Т.С. Бушуевой в секретных трофейных фондах Особого архива СССР, при всех возможных его искажениях, действительно принадлежит Сталину и должен быть принят в качестве одного из основополагающих документов по истории второй мировой войны.

В.А. Дорошенко

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Бушуева Т. «...Проклина — попробуйте понять...» // Новый мир. 1994. № 12. С. 232–233.
- ² Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1991. Кн. 1. С. 178.
- ³ Там же. С. 178, сноска.
- ⁴ Jackel E. Über die angebliche Rede Stalins vom 19 August 1939 // Viertel jahreshefte für Zeitgeschichte. 1958. 4. S. 381–382.
- ⁵ Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938–1939. М., 1991. С. 354.
- ⁶ Суворов В. Ледокол. Кто начал вторую мировую войну. М., 1992. С. 52.
- ⁷ Фирсов Ф.И. Архивы Коминтерна и внешняя политика СССР в 1939–1941 гг. // Новая и новейшая история. 1992. № 6. С. 12–35.
- ⁸ Мегведев Р. Дипломатические и военные ошибки Сталина в 1939–1941 годах // Звезда. 1989. № 12. С. 62.
- ⁹ Хоффман И. Подготовка Советского Союза к наступательной войне. 1941 год // Отечественная история. 1993. № 47. С. 20.
- ¹⁰ Черчилль У. Указ. соч. Кн. 3. С. 599–600.

Приложение

Текст речи Сталина на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 19 августа 1939 года

Вариант, обнаруженный Т.С. Бушуевой в секретных трофейных фондах Особого архива СССР (Центр хранения историко-документальных коллекций, бывший Особый архив СССР. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1223)

«Вопрос мира или войны вступает в критическую для нас фазу. Если мы заключим договор о взаимопомощи с Францией и Великобританией, Германия откажется от Польши и станет искать "модус вивенди" с западными державами. Война будет предотвращена, но в дальнейшем события могут принять опасный характер для СССР. Если мы примем предложение Германии о заключении с ней договора о ненападении, она, конечно, нападет на Польшу, и вмешательство Франции и Англии в эту войну станет неизбежным. Западная Европа будет подвергнута серьезным потрясениям и беспорядкам. В этих условиях у нас будет много шансов остаться в стороне от конфликта, и мы сможем надеяться на наше выгодное вступление в войну.

Следует двадцати последних лет показывает, что в мирное время невозможно иметь в Европе коммунистическое движение, сильное до такой степени, чтобы большевистская партия смогла бы захватить власть. Диктатура этой партии становится возможной только в результате большой войны. Мы сделаем свой выбор, и он ясен. Мы должны принять немецкое предложение и вежливо отослать обратно англо-французскую миссию. Первым преимуществом, которое она намвлечет, будет уничтожение Польши до самых подступов к Варшаве, включая украинскую Галицию.

Германия предоставляет нам полную свободу действия в Прибалтийских странах и не возражает по поводу обращения Бессарабии СССР. Она готова уступить нам в качестве зоны влияния Румынию, Болгарию и Венгрию. Ставится открытым вопрос, связанный с Югославией... В любое время мы должны предвидеть последствия, которые будут вытекать как из поражения, так и из победы Германии. В случае ее поражения неизбежно произойдет сове-

тизация Германии и будет создано коммунистическое правительство. Мы не должны забывать, что советизированная Германия окажется перед большой опасностью, если эта советизация явится последствием поражения Германии в скоротечной войне. Англия и Франция будут еще достаточно сильны, чтобы захватить Берлин и уничтожить советскую Германию. А мы не будем в состоянии прийти на помощь нашим большевистским товарищам в Германии.

Таким образом, наша задача заключается в том, чтобы Германия смогла вести войну как можно дольше, с целью чтобы уставшие и до такой степени изнуренные Англия и Франция были бы не в состоянии разгромить советизированную Германию. Придерживаясь позиции нейтралитета и ожидая своего часа, СССР будет оказывать помощь немецкой Германии, снабжая ее сырьем и продовольственными товарами. Но, само собой разумеется, наша помощь не должна превышать определенных размеров для того, чтобы не подрывать нашу экономику и не ослаблять мощь нашей армии.

В то же самое время мы должны вести активную коммунистическую пропаганду, особенно в англо-французском блоке и преимущественно во Франции. Мы должны быть готовы к тому, что в этой стране в военное время партия будет вынуждена отказаться от легальной деятельности и уйти в подполье. Мы знаем, что эта работа потребует многих жертв, но наши французские товарищи не будут сомневаться. Их задачами в первую очередь будут разложение и деморализация армии и полиции. Если эта подготовительная работа будет выполнена в надлежащей форме, безопасность советской Германии будет обеспечена, а это будет способствовать советизации Франции.

Для реализации этих планов необходимо, чтобы война продлилась как можно дольше, и именно в эту сторону должны быть направлены все силы, которыми мы располагаем в Западной Европе и на Балканах.

Рассмотрим теперь второе предположение, т. е. победу Германии. Некоторые придерживаются мнения, что эта возможность представляет для нас серьезную опасность. Доля правды в этом утверждении есть, но было бы ошибкой думать, что эта опасность будет так близка и та

...как некоторые ее представляют. Если Германия одержит победу, она выйдет из войны слишком истощенной, чтобы начать вооруженный конфликт с СССР по крайней мере в течение десяти лет.

Ее основной заботой будет наблюдение за побежденными Англией и Францией с целью помешать их восстановлению. С другой стороны, победоносная Германия будет располагать огромными территориями, и в течение многих десятилетий она будет занята "их эксплуатацией" с восстановлением там германских порядков. Очевидно, что Франция будет очень занята в другом месте, чтобы повернуть против нас. Есть и еще одна вещь, которая послужит нашей безопасности. В побежденной Франции ФКП будет очень сильной. Коммунистическая революция неизбежно произойдет, и мы сможем использовать это обстоятельство для того, чтобы прийти на помощь Франции и сделать ее нашим союзником. Позже все народы, попавшие под "защиту" победоносной Германии, также станут нашими союзниками. У нас будет широкое поле деятельности для развития мировой революции.

Товарищи! В интересах СССР — Родины трудящихся, чтобы война разразилась между Рейхом и капиталистическим англо-французским блоком. Нужно сделать все, чтобы эта война длилась как можно дольше в целях изнурения двух сторон. Именно по этой причине мы должны сосредоточиться на заключение пакта, предложенного Германией, и работать над тем, чтобы эта война, объявленная односторонне, продлилась максимальное количество времени. Надо будет усилить пропагандистскую работу в воюющих странах для того, чтобы быть готовыми к тому времени, когда война закончится...»

Идеологические документы мая–июня 1941 года о событиях второй мировой войны

В изучении кануна Великой Отечественной войны во еще немало нерешенных проблем, одной из которых является оценка советским руководством событий 1939–1941 гг. В отечественной историографии, которая объясняет действия советского руководства в последние предвоенные месяцы стремлением оттянуть войну с Германией, не давая ей повода к войне, умиротворяя ее и рассчитывая на переговоры, поскольку И.В. Сталин опасался войны в условиях возросшей угрозы единого антисоветского империалистического фронта¹, этот вопрос, как правило, обходится молчанием. Только недавно были опубликованы некоторые материалы, содержащие оценку советским руководством второй мировой войны в целом². Однако без всестороннего рассмотрения этого вопроса невозможно понять политику СССР того периода, что в первую очередь требует расширения документальной базы исследований. Но пополнение этой базы идет, к сожалению, крайне медленно и под влиянием официальной версии, потому вне поля зрения исследователей остаются многие противоречащие ей документы.

В данной статье автор, опираясь в основном на не использовавшиеся ранее документы³, попытается показать, как Москва в мае–июне 1941 г. оценивала события второй мировой войны и какие выводы из этого делала.

Прежде всего необходимо остановиться на характере самих документов. К ним относится речь И.В. Сталина перед выпускниками военных академий 5 мая 1941 г.⁴, которая была взята за основу при составлении следующих до-

кументов директивного характера. В мае 1941 г. в Главном управлении политической пропаганды (ГУПП) Красной Армии был подготовлен ряд проектов директивных документов, из которых нас интересует проект директивы «О задачах политической пропаганды в Красной Армии на ближайшее время»⁵. Этот документ после обсуждения 9 июня 1941 г. на Главном военном совете был 9 июня направлен начальником ГУПП армейским комиссаром I ранга А.И. Запорожцем начальнику Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрову. Одновременно в этом же Управлении пропаганды и агитации по поручению А.А. Жданова и А.С. Щербакова был подготовлен проект директивы ЦК «О задачах пропаганды на ближайшее время»⁶. Проект этот не удовлетворил секретарей ЦК и в первых числах июня сам Щербаков составил новый вариант директивы «О текущих задачах пропаганды», который более логичен и точен, нежели текст Александрова⁷. Проект директивы ГУПП был 20 июня утвержден Главным военным советом⁸, а о судьбе проекта директивы ЦК пока ничего не известно.

В середине мая 1941 г. лекторской группой ГУПП для военных аудиторий был подготовлен доклад о современном международном положении и внешней политике СССР, который был 26 мая направлен в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и секретарям ЦК Жданову и Щербакову. На документе, посланном Александрову, имеется его резолюция от 19 июня: «В архив. По докладу даны указания т. Запорожцу»⁹. Мы не располагаем данными, позволяющими судить о характере этих указаний, однако идеи этого доклада перекликаются с идеями директивы ГУПП от 15 мая 1941 г. вышеназванные проекты директивных документов и были использованы, судя по приводимым И. Хоффманом сведениям, в докладе, сделанном, видимо, в войсках 15 июня 1941 г. «самым авторитетным политработником»¹⁰. Все это позволяет утверждать, что он не был отвергнут руководством.

Для решения поставленной проблемы следует обратиться к выступлениям о международном положении М.И. Калинина на партийно-комсомольском собрании работников аппарата Верховного Совета СССР 20 мая и перед выпускниками Военно-политической академии

им. В.И. Ленина 5 июня, а также на речь Жданова на съезде работников кино в ЦК ВКП(б) 15 мая 1941 г.¹¹ Особую ценность этим материалам придает то, что они готовились на уровне и по распоряжению членов кандидатов в члены Политбюро, руководства пропагандистского аппарата страны и армии. Следовательно, инициатива их подготовки исходила «сверху», сводя к минимуму самостоятельность функционеров среднего звена. Поскольку всякая пропаганда ведется в целях подготовки общественного мнения к определенным событиям, содержание этих документов в совокупности с другими материалами позволяет достаточно уверенно говорить о том, к чему именно готовилось советское руководство. Все эти документы, в значительной степени повторяющие и дополняющие друг друга, позволяют, на наш взгляд, несмотря на наличие в них идеологических и пропагандистских штампов, дать в целом объективную оценку настроений советском руководстве в последние предвоенные месяцы. Далее мы приводим довольно обширные фрагменты документов, которые содержат оценку различных событий второй мировой войны.

Как отмечалось в проекте директивы ГУПП, «главной причиной второй империалистической войны является соперничество между двумя крупнейшими империалистическими державами — Англией и Германией. Борьба между ними идет за новый передел мира, за мировое господство. В союзе с Германией выступают Италия и Япония, хотя последняя и не принимает участия в войне на европейском и средиземноморском театрах. Англия пользуется материальной поддержкой США, которые также готовятся вступить в войну за передел мира. Каждая из участвующих в войне империалистических стран преследует свои захватнические, грабительские цели»¹².

«Война сознательно подготовлялась, — говорил в своей речи от 5 июня Калинин. — Нельзя сказать, что война подготовлялась агрессивными странами, принадлежавшими к так называемой "оси", что эти страны стремились к войне. Конечно, они стремились, но не к войне, а к захватам». Англия и Франция поощряли агрессивные устремления этих стран «только потому, что они лелеяли реакционную мечту о том, что агрессивные стра-

ны не на Западе, то на Востоке, если не на Востоке, то на Западе столкнутся с Советским Союзом. <...> Они стремились, что огромная военная машина агрессоров обрушится на Советский Союз. <...> Вот откуда шло зачатие войны, ее виновниками я считаю французскую и английскую банки»¹³.

Нельзя не признать, что подобные оценки в целом верны. Конечно, авторы документов по вполне понятным причинам обошли стороной вопрос о целях Советского Союза в этой ситуации, которые, как мы увидим далее, ничем, по сути, не отличались от устремлений других великих держав. Неустойчивость международной обстановки в середине XIX в. является общепризнанной, что было связано с традиционной борьбой великих держав за влияние на мировой арене. Известно, что к концу 30-х годов в мире сложился два военно-политических блока великих держав: Англия и Франция противостояли Германии и Италии, к которым тяготела Япония. СССР и США занимали выжидательную позицию, рассчитывая использовать войну между двумя блоками в своих интересах. Не стоит забывать о стремлении Англии и Франции направить германскую агрессию на Восток, чтобы ее руками разгромить или хотя бы ослабить Советский Союз, который рассматривался в Лондоне и Париже как основная угроза их влиянию в мире. Со своей стороны, Москва преследовала схожую цель, стремившись не препятствовать агрессии Германии в Западной Европе, что могло привести к затяжной войне и взаимному ослаблению великих европейских держав, а это, в свою очередь, открывало перед СССР определенные перспективы, о которых будет сказано ниже.

По мнению авторов доклада ГУПП, летом 1939 г. опасность войны между Германией и СССР «усиливалась тем, что буржуазные правительства Англии и Франции всеми силами стремились использовать... враждебность национал-социалистов к СССР и спровоцировать нападение Германии на Советский Союз. Задача состояла в том, чтобы оттянуть войну с Германией и использовать время для дальнейшего укрепления экономической, и в особенности военной, мощи СССР. С этой сложной задачей партия и советское правительство блестяще справились»¹⁵. В момент, когда казалось, что рука агрессора, как дума-

ли чемберленовцы, была уже занесена над Советским Союзом... мы заключили пакт с Германией», который «был одним из самых гениальных... актов нашего руководства, особенно тов. Сталина»¹⁶, — отмечал Калинин.

«Если бы СССР пошел в 1939 году вместе с Англией и Францией против Германии, — указывалось в докладе ГУПП, — то вся громадная германская военная машина обернулась бы против СССР. Таким образом, советско-германский пакт полностью себя оправдал»¹⁷. В результате Англия и Франция «оказались перед войной с тем противником, которого готовили против нас», говорил Калинин, они «попали в ту ловушку, которую расставляли нам. Уж когда гарантии (Польше и Румынии. — М. М.) были даны и нарушены, как бы им не хотелось воевать и как бы они не осознали (Так в тексте. Надо: осознавали. — М. М.) всю бессмысленность этого, но они уже очутились в ловушке и были вынуждены объявить войну»¹⁸.

Версия об угрозе войны между Германией и СССР летом 1939 г. ныне справедливо опровергается в новейших отечественных исследованиях того периода¹⁹. Поэтому оттягивать следовало не войну с Германией, а участие Советского Союза в войне в Европе. Именно эту задачу решала советская дипломатия весной — летом 1939 г. В ходе англо-франко-советских переговоров, которые обе стороны рассматривали как способ давления на Германию, особенно после провала политических переговоров в конце июля 1939 г., что сделало достижение соглашения невозможным²⁰.

Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом действительно можно расценивать как значительную удачу советской дипломатии, которая смогла переиграть британскую и достичь своей основной цели — остаться вне европейской войны, получив при этом значительную свободу рук в Восточной Европе, более широкое пространство для маневра между воюющими группировками в собственных интересах и при этом свалить вину за срыв англо-франко-советских переговоров на Лондон и Париж. Не в интересах советского руководства было препятствовать войне в Европе между англо-французским блоком и Германией, поскольку только война давала ему реальный шанс установить свое господство на кон-

тиненте. Вмешательство СССР в войну в 1939 г. в составе англо-французской коалиции делало эту задачу невыполнимой, поскольку Красной Армии пришлось бы действовать против основных сил вермахта, по существу, в интересах Англии и Франции, которые всегда рассматривались в Москве в качестве основных противников. Кроме того, возникновение подобной коалиции в 1939 г. означало бы победу британской дипломатии, которой удалось направить Германию и Советский Союз, что совершенно не отвечало советским интересам.

Англо-советская коалиция, как показали дальнейшие события, сложилась лишь при значительных военных усилиях Германии, что поставило и Англию, и СССР в очень тяжелое положение и сделало этот союз жизненно необходимым, но лишь на период устранения германской угрозы. После достижения этой цели коалиция немедленно распалась, поскольку противоречия, приглушенные войной, вспыхнули с новой силой²¹. В 1939 г. Европа оказалась расколотой на три военно-политических лагеря: англо-французский, германо-итальянский и советский, каждый из которых стремился к достижению собственных целей, что не могло не привести к войне. В этих условиях пакт о ненападении обеспечил не только интересы советского руководства, но и тыл Германии, облегчив ей войну в Европе²².

Начавшаяся война выявила неподготовленность к ней Англии и Франции. Причины поражения Франции изложил Щербаковым следующим образом: «Франция, победив в первой империалистической войне, зазналась, пошла на лаврах, проявила полную беспечность в деле подготовки к войне... <...> Ее военная мысль, вследствие самодовольства, не двигалась вперед, оставалась на уровне уроков войны 1914 — 1918 гг.

Французская авиация, которая когда-то была сильнейшей, отодвинулась на одно из последних мест. Танковые и мотомеханизированные соединения оказались в загоне. В армии «не только не хватало артиллерии, особенно тяжелой и противотанковой, но не хватало даже пулеметов и пистолетов. Французское правительство, пожалев денег, не продолжило линию Мажино до Ла-Манша, что обрекло всю укрепленную часть фронта и дало воз-

возможность немецкой армии обойти французские укрепления. <...> К военным относились пренебрежительно <...> Военный аппарат оказался в руках людей, или мало понимающих в военном деле, или людей, застывших на уроках и традициях войны 1914–1918 гг. Правящие круги Франции боялись не столько победы Гитлера, сколько своего народа. <...> Среди высшего командного состава и руководящих политических деятелей было широко распространено поражение и прямое предательство. Такова первая причина военного разгрома Франции.

Поражение Франции объясняется не только ее военной слабостью. Начиная войну, Франция и Англия не только не приобрели новых друзей и союзников, но растеряли тех, кто был с ними. Гнилая, торгашеская политика "невмешательства" и "умиротворения" <...> предательство, учиненное в отношении своего прямого союзника — Чехословакии <...> легкомысленное отношение к вопросу о роли и удельном весе Советского Союза в делах Европы — все это оттолкнуло от Франции и Англии часть их союзников, привело их к изоляции и укрепило позиции Германии. Такова вторая причина военного поражения Франции»²³.

Оценивая причины успехов Германии, Щербаков писал, что «немецкая армия, будучи разбитой в 1918 г., извлекла из этого факта необходимые военные и политические уроки. В Германии в течение многих лет, особенно начиная с 1933 г., с приходом к власти национал-социалистов, началось формирование и обучение большой армии. Народное хозяйство, перестроенное на военные рельсы, было целиком подчинено задачам войны. <...> Военные руководители Германии разрабатывали оперативные планы войны, основанные на стремительном наступлении на слабого и неподготовленного противника, при массовом применении современной военной техники. <...> Военное превосходство Германии на первом этапе войны было безусловным и подавляющим. Такова первая причина военных успехов германской армии.

Но исход войны решают не только вооружение и организация армии. Для победы мало иметь хорошую военную технику и организацию, войну готовят также политически, а это прежде всего означает привлечь оди-

на ударства на свою сторону в качестве союзников, дружить и попытаться нейтрализовать. О правильности этого положения говорит весь опыт прошлых войн. В 1870–71 гг. войне с Францией Германия одержала победу благодаря нейтралитету России, в результате, таким образом, немцы воевали на одном фронте. В войне 1914–1918 гг. в результате войны на два фронта Германия потерпела поражение.

Вот почему, готовясь ко второй мировой войне, Германия постаралась установить мирные и дружественные отношения с СССР». Кроме того, Германии удалось «оттолкнуть союзников от своих противников и привлечь некоторые страны в качестве союзников на свою сторону... и привлечь некоторые малые нейтральные страны», предупредив их переход на сторону Англии и Франции»²⁴.

Военные победы Германии и поражения ее противников вызвали известное распространение взглядов о непобедимости германской армии. Подобные взгляды в корне ненаучны и противоречат историческому опыту, а также ходу военных действий в современной войне. В мире не было и нет непобедимых армий, а были сильные и слабые. <...> Победы германской армии объясняются тем, что немцы до сих пор имели во время столкновения со слабым "противником" и немецкая армия подавляла их огромным численным превосходством и техникой. <...> На почве таких легких побед, — в армии и политических кругах Германии получили распространение хвастовство, самодовольство и зазнайство, которые прямо ведут к отставанию.

Все то новое, что внесено в оперативное искусство и тактику германской армии, не так уж сложно и теперь воспринято и изучено ее противниками, так же, как не является новостью и вооружение германской армии. На почве хвастовства и самодовольства военная мысль Германии уже не идет, как прежде, вперед. Германская армия потеряла вкус к дальнейшему улучшению военной техники. Если в начале войны Германия обладала новейшей военной техникой, то сейчас... военное-техническое преимущество Германии постепенно уменьшается»²⁵.

«По мере расширения войны Германия сталкивается с рядом трудностей», отмечается в докладе ГУП. Прежде

всего это нехватка нефти, а значит, «горючее — это первое слабое место германской экономики. Продовольствие — это второе слабое место германской экономики. Оно уже дает себя чувствовать чрезвычайно остро <...> Перспективы снабжения продовольствием все более ухудшаются. <...> Третьим слабым местом германской экономики является положение с сырьем. Несмотря на то что Германия получает некоторое сырье из оккупированных стран, всеми видами сырья она не обеспечена. Созданные в свое время запасы иссякают, а английская блокада закрывает для Германии внеевропейские рынки. Чем дольше продолжается война, тем больше будет истощаться Германия.

По мере раскрытия империалистических, захватнических целей Германии, меняется и отношение к войне народных масс самой Германии»²⁶.

«Подготовка войны и война на первом этапе велись под лозунгом освобождения страны от гнета версальских цепей, — писал Щербаков. — Этот лозунг был популярен и встречал известную поддержку и сочувствие в немецком народе, поскольку народ немало натерпелся в результате грабительского Версальского мира. Этот лозунг нашел известное сочувствие и в других странах, которые считали Версальский договор унизительным и несправедливым. Но в ходе войны обстановка коренным образом изменилась.

Лозунг "Долой версальские цепи!" отпал. Сейчас германская армия, пользуясь военной слабостью ряда стран, перешла к прямому захвату и порабощению чужих территорий. Фашистская Германия ведет захват чужих территорий под лозунгом установления так называемого "нового порядка" в Европе. Этот лозунг означает подавление национальной независимости оккупированных стран, превращение их в вассальные, эксплуатируемые государства, в аграрный придаток Германии.

Завоевательный характер лозунга — установление "нового порядка" в Европе — немецкими политиками маскируется болтовней о необходимости продолжения борьбы с "международной плутократией", необходимостью "выкурить англичан отовсюду, где бы они не появились". Однако эта маскировка плохо скрывает программу пора-

жению народов и широкие массы начинают все яростнее видеть и понимать грабительский характер» этого лозунга. Он, «во-первых, не встречает сочувствия и поддержки в широких массах самой Германии. Во-вторых, этот лозунг вызывает огромное недовольство и озлобление народов оккупированных стран и постепенное нарастание сопротивления захватчику. Захватническая, завоевательная политика Германии восстанавливает против нее не только народы оккупированных стран, но и лучшую часть немецкого народа. <...> Понятно, что успехи германской политики и немецкой армии под лозунгом захватнической и империалистической войны, под лозунгом покорения и порабощения других народов не могут быть сколь-нибудь прочными»²⁷. «Германская армия — большая армия, которую нельзя недооценивать. Однако по мере затягивания войны военная мощь Германии ослабевает», — делает вывод в проекте директивы ГУПП²⁸. Все это развенчивает миф о непобедимости германской армии.

Оценка советским руководством военно-экономического состояния Германии в целом верна. Добыча нефти и природных ресурсов Германии, хотя и пополнились после разгрома Франции и определенного наращивания производства, были ограничены. Например, созданных запасов природного и каучука могло хватить лишь до осени 1941 г., а запасы цветных металлов не покрывали даже потребности, не говоря уже о действительных потребностях²⁹. Кроме того напряженное положение сложилось в Германии и с продовольствием. По данным германских исследователей, на период с 7 апреля по 29 июня 1941 г. (84 дня) казахский взрослый получил по 27 кг хлеба, 2,175 кг круп и макаронных изделий, 1,2 кг эрзац-кофе, 5,6 кг мяса, 3,233 кг жиров, 0,75 кг сыра, 0,375 кг творога, 29 яиц, 4,05 кг сахара. Картофель до 2 июня продавался свободно, после — по карточкам на взрослого (на 28 дней). Средняя калорийность суточного пайка на человека снизилась с 3 000 калорий в 1936 — 1938 гг. до 2 445 калорий в 1940 — 1941 гг.³⁰ Экономика Германии в силу своих ограниченных возможностей не могла служить надежным фундаментом для борьбы за мировое господство в условиях затяжной войны³¹.

Определенное проникновение в советскую печать утверждений германской пропаганды об успехах герман-

ской экономики и мощи вермахта вызвало в мае — июне 1941 г. негативную реакцию советского руководства. Прежде всего это коснулось работ сотрудников Института мирового хозяйства и мировой политики АН СССР и редакции журнала «Мировое хозяйство и мировая политика», которые, по мнению Секретариата ЦК ВКП(б), в оценке важнейших вопросов современной мировой политики и мирового хозяйства занимают «теоретически ошибочную и политически вредную позицию». Это выразилось в том, что сотрудники и редакция журнала «подхватили и популяризировали распространяемые фашистской пропагандой мифы об идеальной организации и непобедимости германской армии, о якобы организованном, плановом характере германского хозяйства, об улучшении продовольственного положения в Германии и увеличении в ходе войны ее экономических и военных ресурсов» и «в известной мере оказались на поводу буржуазной пропаганды». Поэтому следовало бы реорганизовать институт и устранить подобные недостатки в советской пропаганде, усилив критику идеологии фашизма и измышления германской пропаганды³³.

Не подтверждается вышеприведенным материалом версия о страхе советского руководства перед Германией и ее вооруженными силами, бытующая в отечественной историографии³⁴. В Москве считали Германию равноценным противником, который, с военной точки зрения, не имеет ничего особенного ни в танках, ни в артиллерии, ни в авиации. По мнению Сталина, военная техника Германии «отстает не только от нашей», но в отношении авиации ее начинает обгонять Америка³⁵. Подобный вывод отражает определенную недооценку состояния вермахта. Однако нельзя не отметить, что по качеству военной техники, за исключением самолетов старых конструкций, Красная Армия действительно не уступала своему будущему противнику³⁶.

«Основным фактором, определяющим современное международное положение, — отмечалось в докладе ГУПП, — является война между крупнейшими капиталистическими державами, которая длится уже около двух лет и стала мировой, затяжной и тотальной. Важнейшим итогом второй империалистической войны на современ-

ном этапе — является значительный военный успех Германии на сухопутных фронтах, и изгнание Англии с европейского континента. В результате этого со всей остротой встал вопрос о дальнейшем направлении войны.

Англия еще далеко не разбита, продолжает сопротивляться и ввиду возрастающей помощи со стороны США сохраняет свои военные силы. В этой обстановке у Германии нет перспектив в ближайшее время разбить Англию и закончить войну, так как она, располагая крупной сухопутной силой, не имеет сильного морского флота. В настоящее время и Англия, имея господство на море, не имеет сильной сухопутной армии и также не может рассчитывать на победу в скором времени. Все это создает обильную почву для распространения мифов о бесперспективности в войне, что она не может быть закончена в ближайшее время победой той или другой стороны. <...> Время, выигранное Германией в начале войны, сейчас поворачивается против нее. По мере завершения войны разница военного потенциала двух воюющих сторон будет выступать с неумолимой силой. <...> Поэтому особое значение приобретает для Германии позиция США. Борьба за мировое господство, дополненная победой военных прибылей, с неудержимой силой толкает Америку в войну. <...> Формально США еще не воюют, но фактически все более вползают в войну, что значительно осложняет положение Германии³⁷. По мнению Сталина, «эта война на истощение принимает длительный, ожесточенный характер, который, скорее всего, будет изнурительным для обеих сторон. Предсказать же, кто из них победит, сейчас еще трудно»³⁸.

Авторы доклада ГУПП считали, что «в правящих кругах воюющих стран растет боязнь революционных последствий затяжной войны. Особенное беспокойство вызывает у империалистов рост могущества СССР. Буржуазно-империалистических стран с большой тревогой взирала на Советский Союз, который стоит вне войны, и в то время как война расшатывает и ослабляет капиталистические страны, СССР растет и крепнет, усиливая свою экономическую и военную мощь. <...> В этих условиях среди некоторых кругов буржуазии воюющих стран усиливается стремление договориться между собой с тем, чтобы заключить мир и направить острие войны против

СССР. В этом смысле "бегство" Гесса в Англию — серьезное предупреждение для Советского Союза. И если в данном случае попытку сговора можно почти считать провалившейся, то почва для таких попыток в дальнейшем остается. Эта почва — бесперспективность войны, с одной стороны, и боязнь революционных последствий затяжной войны — с другой. Вот почему Советский Союз должен быть готов к любым неожиданностям со стороны империалистических держав, должен быть готов в любое время сорвать всякий сговор империалистов против нас. Хотя классовая ненависть может толкнуть буржуазия воюющих стран на мир, но Англия и США понимают, что мир сегодня — это уступка Германии, а значит, этот процесс затруднен³⁹.

В мире наблюдается кризис буржуазной демократии, поскольку «буржуазия скучает по диктатуре...» — отмечал Калинин в речи от 5 июня. — Если мы сейчас проанализируем те социальные процессы, которые наблюдаются в демократических странах мира как воюющих, так и невоюющих, то мы заметим, что там идет усиление политической диктатуры, усиление диктатуры того или иного класса. <...> Да иначе и быть не может. Во время войны воюющие стороны должны быть сконцентрированы, иначе масса средств останется неиспользованной или будет использована противником. Итак, усиление диктатуры становится характерной чертой капиталистического мира. Разумеется, сам процесс войны ускоряет созревание таких диктатур. Если бы войны не было, то капитализм двигался бы по этому пути крошечными шагами, а теперь в процессе войны он делает семимильные шаги. <...> Итак, во время войны идет усиленное созревание диктатуры во всем капиталистическом мире, концентрация материальных средств в руках государства, концентрация капитализма. Все это во время войны ускоряется и обостряется.

Нужно отметить и второй процесс, который мы наблюдаем во время войны <...> идет усиление роста политического сознания масс. Во время войны ярче выявляется перед трудовыми массами эгоизм капиталистов и скорее доходит до сознания этих масс. И надо сказать, что рост классового сознания трудовых масс безусловно ускоряется в большей степени, чем растет диктатура капиталистов.

«Сама «война должна способствовать более быстрому формированию классового сознания вообще». Вряд ли эта почва безнаказанно сойдет капиталистам Европы, попытка «чувствуется, что эта богатая школа для трудовых масс не пропадет зря» и они «извлекут должные уроки и обрушат свой гнев на буржуазию»⁴⁰.

Советское руководство довольно точно оценивало ход перспективы второй мировой войны, отмечая ее затяжной характер, что рано или поздно обрекало Германию на поражение. Затяжка войны действительно питала те силы противостоящих лагерей, которые выступали за прекращение войны и создание так называемого единого фронта империалистических держав против СССР⁴¹. Не случайно Москва пристально следила за подобными попытками, хорошо понимая имевшиеся на пути заключения мира трудности. Документы свидетельствуют, что советское руководство было довольно хорошо осведомлено о результатах «миссии Гесса», что подтверждается и другими данными⁴².

Воссуждения о нарастании диктатуры и политической нестабильности масс в капиталистических странах, несмотря на явный отпечаток заидеологизированности, имеют несомненно определенную почву. Нельзя не признать, что война и связанный с ней кризис общества способствовали радикализации населения и тем самым расширяли социальную базу коммунистических партий, увеличивая опасность социального взрыва. Интересно отметить, что эту опасность еще в 1939 г. предвидел бывший президент Чехословакии Э. Бенеш, который, правда, считал, что подобные надежды Москвы вряд ли сбудутся в полном объеме, поскольку «Западная Европа в социально-экономическом отношении еще достаточно сильна и будет весьма решительно сопротивляться социальной революции... в той мере, как Польша, Германия и Центральная Европа находятся в ситуации, гораздо более опасной»⁴³. Но в своем предсказании Бенеш не учитывал возможность «экспорта революции» на штыках Красной Армии, что в большей степени способствовало бы свержению «ига капитала».

Значительная часть доклада ГУПП была посвящена советско-германским отношениям. «Если учесть всю совокупность экономических и стратегических факторов меж-

дународного положения СССР, то совершенно очевидно, что наиболее реальную опасность для нас представляет капиталистическая страна, которая имеет крупные сухопутные силы и наибольшую протяженность сухопутных границ с СССР. Сильная морская держава не столь опасна для СССР, как крупная сухопутная держава. Ни блокадой, ни десантом нельзя нанести сильного удара СССР, ибо Советский Союз обладает огромными пространствами, мощной армией, всеми необходимыми видами стратегического сырья, продовольствием и развитой машиностроительной индустрией. Наиболее серьезным противником СССР является только крупная сухопутная держава. Такой страной в настоящее время является Германия. <...> В последнее время положение стало тем более напряженным, чем раньше. Точек соприкосновения между Германией и СССР стало значительно больше, нежели 2—3 года тому назад»⁴⁴.

Хотя между Германией и Советским Союзом заключен пакт о ненападении, «было бы глубоко ошибочно питать иллюзии относительно этого пакта и считать, что столкновение между СССР и Германией невозможно, что якобы германские национал-социалисты отказались от своих антисоветских планов. <...> Никакие пакты и договоры не могут и не должны ослаблять бдительности советских граждан, создавать иллюзии о вечности наших мирных взаимоотношений с империалистическими державами. <...> События последних лет показывают нам отчетливой ясностью, что всякий пакт может быть в любую минуту превращен капиталистическим государством в клочок бумаги. Нельзя забывать ни на одну минуту, что все без исключения капиталистические государства — потенциальные враги СССР.

Внешняя политика СССР — это классовая политика. Борьба двух систем является решающим моментом в наших взаимоотношениях со всеми без исключения капиталистическими странами. Эта борьба делает все и всякие пакты и договоры СССР с империалистическими государствами временными, неустойчивыми. То или иное капиталистическое государство, идущее по целому ряду причин на заключение договоров с СССР, не отказывается от своих антисоветских планов, а лишь откладывает их осуществление до наиболее благоприятного момента. Развитии

наших отношений с Германией показывает это совершенно недвусмысленно именно сейчас.

Раньше Советский Союз непосредственно не граничил с Германией, а теперь граничит. От Нарвика и до Черного моря мы в настоящее время имеем только одного соседа — Германию. Раньше СССР отделял от Германии ряд мелких «буферных» стран, которые теперь либо совершенно исчезли с политической карты Европы как самостоятельные государства, либо, сохранив призрачную независимость, подверглись германской оккупации. На протяжении последнего года Германия, фактически нарушив пункт советско-германского договора о консультации, без всякого согласования с нами предприняла ряд мер на северо-Западе и Юго-Востоке, которые не могли не затрагивать жизненные интересы СССР в этих районах Европы. На границах с Литовской ССР, в Польше Германия концентрирует большое количество войск, разумеется, не для мирных целей. В Финляндию, которая в последнее время значительно подпала под экономическую и политическую зависимость Германии, также введены германские войска. Кроме того, в самой Финляндии, а также и в Швеции немцы ведут усиленную антисоветскую пропаганду.

В целях насаждения на нашей территории шпионских и диверсионных групп Германия широко использует против нас враждебные нам элементы польского, украинского и белорусского населения оккупированной Польши, молдавского населения Румынии, литовского населения Сувалкской области и других националистических групп эмиграции.

Нередко, особенно в провинциальной печати, все же публикуются явно враждебные нам статьи. В своей устной пропаганде и пропаганде национал-социалисты полностью сохранили наглый антисоветский тон. Населению и солдатам внушается, что дружба с СССР — временная, что Германия обязательно должна воевать против СССР.

В Юго-Восточной Европе, на Балканах Германия в последнее время предприняла меры, идущие вразрез с интересами СССР <...> Германия, нарушив пункт договора о консультации с СССР, ввела свои войска в Румынию, Болгарию и разожгла пожар войны на Балканском полуострове. Захват Германией Балканского полуострова несомненно затрагивает наши важнейшие интересы <...>

В целом ряде последних заявлений Наркоминдела по поводу балканских событий советское правительство ясно продемонстрировало свою крайнюю заинтересованность в разрешении вопросов Юго-Восточной Европы и Ближнего Востока. <...> Всеми этими актами советское правительство фактически осудило политику Германии, направленную к втягиванию в войну Балканских государств и давало недвусмысленно понять, что действия Германии идут вразрез политике СССР. Тем самым советское правительство фактически заявляло, что оно не признает "новых порядков", устанавливаемых державами особенно на Балканах и сохраняет за собой свободу рук в этом отношении <...>

Политика Германии на Ближнем Востоке, в особенности по отношению к Турции, также идет вразрез с государственными интересами СССР. <...> Безопасность наших огромную роль, ибо это единственный выход для великой черноморской державы, какой являемся мы. Своим крайнюю заинтересованность в безопасности черноморских проливов советское правительство еще раз продемонстрировало последним заявлением турецкому правительству», которым «СССР дал понять, что будет всячески препятствовать разжиганию войны на Ближнем Востоке и втягиванию Турции в войну»⁴⁵.

Вышеприведенный материал показывает, что советское руководство весной 1941 г. считало Германию основным противником. Версия о чрезмерной вере Сталина в силу пакта о ненападении, распространенная в отечественной историографии⁴⁶, не подтверждается, поскольку в Москве хорошо знали, что ни на какие договоры полагаться нельзя. Документы лишней раз показывают, что советское руководство знало о сосредоточении германских войск у границ Советского Союза, но, судя по общетональности документов, не опасалось скорого германского наступления. Перечисление антисоветских акций германского руководства имеет не только пропагандистское значение, но и свидетельствует, по нашему мнению, о реальных узлах советско-германских противоречий. Война между Германией и СССР была порождена борьбой за господство в Европе, ускорили же ее столкновения совет-

ских и германских интересов по конкретным политическим вопросам.

Наиболее остро интересы обеих стран сталкивались на Балканах, в Финляндии и на Ближнем Востоке. Если в Берлин и Москва смогли согласовать свои территориальные устремления и к осени 1940 г. в основном осуществить эти договоренности, то с конца 1940 г. экспансионистские устремления Германии и Советского Союза пришли в столкновение и урегулировать их на основе компромисса не удалось, что и продемонстрировали договоры между ними в ноябре 1940 г.⁴⁷ Германия, полагая Францию, считала себя гегемоном Европы и не собиралась идти на уступки. Со своей стороны, СССР, считая легко присоединив новые территории, считал Финляндию, Балканы и черноморские проливы теми регионами, где он имеет преимущественные интересы, и тоже не собирался идти на уступки. Компромисс был затруднен тем, что стороны уже не надеялись в нем, рассчитывая достичь своих целей вооруженными средствами. С июля 1940 г. Германия стала разрабатывать план войны с СССР, который, в свою очередь, занимался планированием войны с Германией еще с октября 1939 г.⁴⁸ С ноября 1940 г. советско-германские отношения вступили в новую фазу — непосредственной подготовки к войне. О намерении Германии вести наступательную войну, нацеленную на молниеносный разгром Советского Союза, широко известно. О подобных же намерениях СССР, на наш взгляд, свидетельствуют нижеприведенные выдержки из документов кануна войны.

«СССР живет в капиталистическом окружении, — писал Цорбаков. — Столкновение между миром социализма и миром капитализма неизбежно. Исходя из неизбежности этого столкновения, наше первое в мире социалистическое государство обязано изо дня в день, упорно и настойчиво готовиться к решающим боям с капиталистическим окружением с тем, чтобы из этих боев выйти победителем и тем самым обеспечить окончательную победу социализма. Внешняя политика Советского Союза ничего общего не имеет с "пацифизмом", со стремлением к движению мира во что бы то ни стало»⁴⁹.

«Противоречие между миром социализма и миром капитализма является наиболее острым противоречием на-

шей эпохи, — отмечалось в докладе ГУПП. — Внешняя политика СССР исходит из того непрерываемого положения, что столкновение между миром социализма и миром капитализма неизбежно. Основная цель внешней политики СССР — своими особыми средствами обеспечить необходимые предпосылки для победоносного решения вопроса "кто кого" в международном масштабе. Нам далеко не безразлично, в каких условиях произойдет неизбежное столкновение СССР и капиталистического окружения. Мы кровно заинтересованы в том, чтобы эти условия были для нас максимально благоприятными.

Главный успех ленинско-сталинской внешней политики мира состоит в том, что благодаря ей уже удалось отсрочить войну между империалистическими странами СССР, во-первых, до того как в нашей стране победил социализм <...> и, во-вторых, до того, как сами империалистические державы передрались между собой из-за мирового господства <...> Тем самым ленинско-сталинская политика мира успешно разрешила стоявшие перед ней задачи. Неверно было бы, однако, расценивать нашу мирную политику как вечную и неизменную. Это — временная политика, которая вызывалась необходимостью накопить достаточные силы против капиталистического окружения. Теперь мы такие силы накопили и вступили в новый, наступательный период внешней политики СССР, который возлагает на нас большие и ответственные обязанности <...>

Не исключена возможность, что СССР будет вынужден в силу сложившейся обстановки взять на себя инициативу наступательных военных действий <...> В современной исключительно напряженной международной обстановке СССР должен быть готов ко всяким неожиданным случаям и случайностям и держать порох сухим против каждого империалистического государства, несмотря на наличие пактов и договоров с этим государством». При анализе ближайших перспектив мирового капитализма следует исходить из нарастания «революционного кризиса», при этом отчетливо «вырисовывается роль СССР как вооруженного оплота мировой социалистической революции <...> Это, разумеется, не исключает того, что возможны наступательные действия СССР против отдельных империалистических стран, угрожающих нашей безопасности

и в обстановке, когда еще нет налицо революционной ситуации в капиталистических странах. Но и в том, и в другом случае СССР может перейти в наступление против империалистических держав, защищая дело победившего социализма, выполняя величайшую миссию, которая возложена историей на первое в мире социалистическое государство рабочих и крестьян по уничтожению постоянно угрожающего нам капиталистического окружения»⁵⁰. «Если вы — марксисты, — говорил Калинин в речи от 20 мая, — если вы изучаете историю партии, то вы должны понимать, что это основная мысль марксистского учения — при огромных конфликтах внутри человечества извлечь максимальную пользу для коммунизма»⁵¹. 5 июня Калинин сформулировал эту мысль более кратко: «ведь война — это момент, когда можно расширить коммунизм»⁵². Ленинизм учит, — писал Щербаков, — что страна социализма, используя благоприятно сложившуюся международную обстановку, должна и обязана будет взять на себя инициативу наступательных военных действий против империалистического окружения с целью расширения фронта социализма.

До поры до времени СССР не мог приступить к таким действиям ввиду военной слабости. Но теперь эта военная слабость отошла в прошлое. Опираясь на свое военное могущество, используя благоприятную обстановку, СССР освободил Западную Украину и Западную Белоруссию, вернул Бессарабию, помог трудящимся Литвы, Латвии и Эстонии организовать советскую власть»⁵³. «Если бы, конечно, присоединить Финляндию, то положение еще более улучшилось с точки зрения стратегии», — откровенно заявил 20 мая Калинин⁵⁴. «Таким образом, капитализму пришлось потесниться, а фронт социализма расширен. Международная обстановка крайне обострилась, военная опасность для нашей страны приблизилась как никогда. В этих условиях ленинский лозунг "на чужой земле защищать свою землю" может в любой момент обратиться в практическое действие», — предупреждал Щербаков⁵⁵.

Как свидетельствуют документы, «миролюбивая политика СССР» трактовалась в Москве довольно своеобразно. Большевики — не пацифисты, — отмечалось в тези-

сах к речи Калинина от 20 мая. — Они всегда были и остаются противниками только несправедливых, грабительских, империалистических войн. Но они всегда стоят и будут стоять за справедливые, революционно-национально-освободительные войны. Пока социализм не победит во всем мире или по крайней мере в главнейших капиталистических странах, до тех пор неизбежны как так и другие войны. Капиталистический мир полон вопиющих мерзостей, которые могут быть уничтожены только каленым железом священной войны.

Нельзя безотчетно упиваться миром — это ведет к превращению людей в пошлых пацифистов. <...> Если мы действительно хотим мира — и не зыбкого, не кратковременного, не как момента войны, а прочного и надежного — то для этого мы должны изо всех сил готовиться к войне. Мы должны готовиться не к такой войне, какая идет сейчас, — ведь это же не война, а игра в бирюльки, а к такой войне, в которой капиталисты уже не остановятся перед какими, самыми дьявольскими средствами в борьбе за свое существование. Чтобы представить себе хотя бы приблизительное представление об этой войне, достаточно вспомнить, например, войну с Финляндией. Вот к какой войне мы должны готовиться»⁵⁶.

Подобные идеи перекликаются с запиской Запорожца на имя Жданова от 22 февраля 1941 г., содержащей «некоторые соображения о военной пропаганде среди населения», в которой четко определено, «что наша партия и советское правительство борются за мир ради мира, связывают лозунг мира с интересами социализма, с задачей обеспечения государственных интересов СССР»⁵⁷.

Все это лишний раз подтверждает тот факт, что так называемая миролюбивая внешняя политика СССР являлась не более чем пропагандистской кампанией, под прикрытием которой советское руководство стремилось обеспечить наиболее благоприятные условия для «сокрушения капитализма» военным путем. Эти условия, судя по приводимым документам, заключались в создании военно-промышленного комплекса, способного обеспечить наступательные действия Красной Армии, и в возникновении войны между остальными великими державами. В этих условиях можно было под прикрытием лозунгов о «миролюбии СССР

«экспорт революции» в страны Европы, первым шагом которого стала агрессия Советского Союза против своих западных соседей и аннексия территорий в Восточной Европе в 1939—1941 гг. Только в силу сложной международной обстановки Москве не удалось захватить Финляндию⁵⁸, которая рассматривалась как стратегический плацдарм для действий в Скандинавии и на Балтике.

Интересно отметить, что вопрос о новом расширении «фронта социализма» встал именно в мае—июне 1941 г. 15 мая Жданов на совещании работников киноведения ЦК ВКП(б), «если обстоятельства нам позволят, то и дальше будем расширять фронт социализма»⁵⁹. Однако в 1941 г. расширять «фронт социализма» далее на запад можно было, лишь сокрушив Германию, которая, по мнению советского руководства, являлась главным противником СССР и его единственным западным соседом. Для этой цели был готов достаточно серьезный инструмент — Красная Армия, которая уже в январе 1941 г. была удостоена эпитета «армия-освободительница»⁶⁰.

Удачная внешняя политика партии и советского правительства обеспечила народам СССР вот уже на протяжении 30 лет мирный труд, — писал Щербаков. — На этой основе наша страна добилась дальнейшего неуклонного роста политического, экономического и военного могущества. Красная Армия, широко используя достижения отечественной и мировой военно-технической мысли, перешла на качественно новую ступень и серьезно перевооружилась на основе опыта современной войны»⁶¹. «Она располагает мощной артиллерией, мощными танками и скоростными самолетами в количестве, превосходящем любую капиталистическую армию, — отмечалось в докладе ГУПП. — Перешла на новые методы обучения всех родов войск с максимальным приближением к боевой обстановке значительно повысилась боеспособность Красной Армии. Значительно укрепилась и воинская дисциплина. Красная Армия крепка своей политико-моральным состоянием, своей преданностью Родине, своей готовностью не щадить своих сил и способностей во имя торжества коммунизма»⁶².

Красная Армия действительно представляла собой летом 1941 г. гигантский военный инструмент, что давало советскому руководству уверенность в успехе удара по Гер-

мании. В 1939–1941 гг. была проведена колоссальная работа по совершенствованию советских вооруженных сил. Только прямые военные ассигнования возросли с 26,6% в 1939 г. до 32,6% в 1940 г. всех бюджетных расходов. В 1938–1940 гг. рост военных расходов в 2 раза превысил общий рост расходов⁶³. В 1940 г. на военные нужды было израсходовано 26% годового объема промышленной продукции (к примеру, в США этот показатель составлял 10,8%, в Германии в 1939 г. — первом военном году — 23%)⁶⁴. Ежегодный прирост военной продукции в 1938–1940 гг. составлял 39%, втрое (!) превосходя прирост всей промышленной продукции⁶⁵. Производство боеприпасов только в первом полугодии 1941 г. выросло на 66,4%, а принятым 6 июня мобилизационным планом на вторую половину 1941 и 1942 г. предусматривались его дальнейший рост и военная перестройка промышленности «на случай войны»⁶⁶.

В первой половине 1941 г. советская промышленность выпускала 89% танков и 45% самолетов новых типов, завершая переход на выпуск только этих образцов⁶⁷. Всего за 1939 — первую половину 1941 г. войска получили от промышленности 92,4 тыс. орудий и минометов, 7,4 тыс. танков и 17,7 тыс. боевых самолетов⁶⁸. Советские вооруженные силы, рост которых показан в таблице, действительно превосходили армию любой другой страны по количеству боевой техники.

Развитие Вооруженных Сил СССР в 1939–1941 гг.

	На 1.01.1939	На 22.06.1941
Личный состав (тыс.чел.)	1 943	5 710
Дивизии	136	303
Орудия и минометы (тыс.)	55,8	115,9
Танки (тыс.)	18,4	23,3
Боевые самолеты (тыс.)	17,5	22,4

* Составлено по: 1941 год — уроки и выводы. М., 1992. С. 23–24, 29, 31, 187; История второй мировой войны. Т. 4. С. 18; 50 лет Вооруженных Сил СССР. М., 1968. С. 201; Советская военная энциклопедия. М., 1976. Т. 1. С. 56; Военно-исторический журнал. 1993. № 11. С. 76–77; ЦАМО. Ф. 35. Оп. 142690. Д. 3. Л. 33; Ф. 38. Оп. 11373. Д. 65. Л. 40. Д. 1941 г. учтены пограничные и внутренние войска: ЦАГВ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 206. Л. 103; РГВА. Ф. 38261. Оп. 1. Д. 235. Л. 175–177, 340–341; Ф. 3865. Оп. 1. Д. 617. Л. 258–260; Ф. 40. Оп. 1. Д. 692. Л. 300; Ф. 38261. Оп. 1. Д. 41. Л. 8–10.

Правда, советское руководство преувеличивало боеготовность Красной Армии. Вместе с тем имеющиеся в исторической историографии⁶⁹ утверждения о якобы имевшейся боееспособности Красной Армии в 1941 г. представляются недостаточно обоснованными. Этот вывод основывается на неудачах начала Великой Отечественной войны, но при этом не учитывается тот факт, что советским войскам пришлось вести оборонительные бои, к которым они не были подготовлены, что, естественно, не могло не отразиться на их результатах. К тому же войска не успели провести сосредоточение и развертывание, провести мобилизацию и были захвачены германским нападением врасплох, что также отрицательно сказалось на их боееспособности⁷⁰. Думается, вопрос о реальной боееспособности Красной Армии накануне войны еще ждет своего изучения. «Советский Союз сейчас сильнее, чем прежде, а завтра будет еще сильнее, — отмечалось в проекте директивы ГУПП — Красная Армия и советский народ, обороняя нашу страну, обязаны действовать наступательным образом, обороняться переходить, когда этого потребуют обстоятельства, к политике наступательных действий»⁷¹. По мнению авторов доклада ГУПП, «современная международная обстановка является исключительно напряженной. Немедленно непосредственно подошла к границам нашей родины. Каждый день и час возможно нападение империалистической Германии на Советский Союз, которое мы должны быть готовы предупредить своими наступательными действиями. Опыт военных действий показал, что оборонительная стратегия против превосходящих моторизованных частей (Германии. — М. М.) никакого успеха не давала и оканчивалась поражением. Следовательно, против Германии нужно применить ту же наступательную стратегию, подкрепленную мощной техникой (выделено мной. — М. М.). Задача всего начсостава Красной Армии — изучать опыт советской войны и использовать его в подготовке наших войск. Вся учеба всех родов войск Красной Армии должна быть пропитана наступательным духом. <...>

Германская армия еще не столкнулась с равноценным противником, равным ей как по численности войск, так и по техническому оснащению и боевой выучке. Между тем такое столкновение не за горами». Интересно отме-

тить, что Александров сделал к этому предложению следующее примечание: «Этакой формулировки никак нельзя допускать. Это означало бы раскрыть карты врагу»⁷².

Подобные рассуждения в директивных документах ЦК ВКП(б) наряду с данными о непосредственных военных приготовлениях Красной Армии к наступлению⁷³, на наш взгляд, не двусмысленно свидетельствуют о намерении советского руководства совершить летом 1941 г. нападение на Германию. Подобные замыслы, естественно, приходилось держать в строгой тайне, чем и объясняется вышеприведенное примечание начальника Управления пропаганды и агитации ЦК. В этом контексте понятна и резко негативная реакция ЦК ВКП(б) на публикацию 21 мая 1941 г. в «Комсомольской правде» статьи полковника комиссара И. Баканова «Учение Ленина — Сталина о войне», в которой в несколько смягченной форме изложены некоторые идеи вышеприведенных документов о борьбе с пацифизмом, подготовке молодежи к службе в армии, усилении оборонной мощи и боевого наступательного духа советского народа, постоянной подготовке к войне, поскольку только уничтожение капитализма приведет к миру без войн, а пока этого не случилось, большевики выступают за прогрессивные, справедливые войны⁷⁴.

В связи с этой публикацией Политбюро в своем постановлении указало на необходимость более жесткого контроля со стороны Управления пропаганды и агитации ЦК по статьям на внешнеполитические темы, а непосредственные виновники ее появления в газете были сняты с работы⁷⁵. Единственно, что позволялось прессе, были туманные намеки «Правды» на возможность «всяких неожиданных событий» в современной международной обстановке⁷⁶. Одновременно планировалась серия публикаций в антигерманском духе во всех основных изданиях⁷⁷. Режим строгой маскировки распространялся даже на Коминтерн, которому было отказано в публикации воззвания к 1 мая 1941 г. с обстоятельным анализом международного положения, поскольку это «могло раскрыть наши карты врагу»⁷⁸. Вообще в апреле — июне 1941 г. советское руководство вело столь осторожную внешнюю политику, что это дало ряду авторов повод говорить об умиротворении Германии⁷⁹. Однако известные сегодня материалы не подтверждают эту версию

Вышеприведенные выдержки из документов мая — июня 1941 г. позволяют из первых рук получить сведения о планах советского руководства накануне войны с Германией. Еще раз повторим, что основной целью СССР являлось расширение «фронта социализма» на максимальную территорию. По мнению Москвы, обстановка благоприятствовала осуществлению этой задачи. Оккупация Германией большей части континента, затяжная, бесперспективная война, рост недовольства населения оккупированных стран, распыление сил вермахта на разных фронтах, близкий японо-американский конфликт — все это дало советскому руководству уникальный шанс нанести ударом разгромить Германию и «освободить» Европу от «загнивающего капитализма». Этой цели и была посвящена вся деятельность советского руководства в 1939 — 1941 гг.

М.И. Мельтюхов

Новая история. 1995. № 2.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Эта версия пронизывает практически все исследования предыстории войны. Из новейшей литературы см.: История внешней политики СССР 1917 — 1985. Т. 1. М., 1986; Ан-филов В.А. Крушение похода Гитлера на Москву. 1941. М., 1989; Волгогонов Д.А. Триумф и трагедия. Т. 2. Ч. 1. М., 1989; Самсонов А.М. Вторая мировая война. М., 1990; Волков С.В., Емельянов Ю.В. До и после секретных протоколов. М., 1990; Орлов А.С. СССР — Германия: август 1939 — июнь 1941. М., 1991; Розанов Г.Л. Сталин — Гитлер. М., 1991; Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии. 1939 — 1941. М., 1992; 1941 год — уроки и выводы. М., 1992.
- 2 Донгаров А.Г. Между Рейном и Волгой // Родина. 1991. № 5. С. 39 — 40; Фирсов Ф.И. Архивы Коминтерна и внешняя политика СССР 1939 — 1941 гг. // Новая и новейшая история. 1992. № 6. С. 18.
- 3 Некоторые из этих документов частично использованы: Невежин В.А. Идея наступательной войны в советской пропаганде 1939 — 1941 годов // Преподавание истории в школе. 1994. № 5. С. 12.

- 4 РЦХИДНИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3808. Л. 1–12.
 5 Там же. Ф. 17. Оп. 125. Д. 27. Л. 71–83.
 6 Там же. Д. 28. Л. 20–39.
 7 Там же. Ф. 88. Оп. 1. Д. 898. Л. 1–22.
 8 Киселев В.Н. Упрямые факты начала войны // Военно-исторический журнал. 1992. № 2. С. 15.
 9 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 27. Л. 84–121.
 10 Данилов В. Готовил ли Генеральный штаб Красной Армии упреждающий удар по Германии // Сегодня. 1993. 28 сентября. Хоффман И. Подготовка Советского Союза к наступательной войне. 1941 год // Отечественная история. 1993. № 1. С. 27–28; Политучеба красноармейца. 1941. № 9. С. 3–4.
 11 РЦХИДНИ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 845. Л. 1–37; Д. 846. Л. 1–2. Ф. 77. Оп. 1. Д. 919. Л. 150–167.
 12 Там же. Ф. 17. Оп. 125. Д. 27. Л. 76.
 13 Там же. Ф. 78. Оп. 1. Д. 846. Л. 4–6.
 14 См.: Дашичев В.И. Пакт Гитлера – Сталина: мифы и реальность // Историки отвечают на вопросы. М., 1990. С. 27. Он же. Из истории сталинистской дипломатии // История и сталинизм. М., 1991. С. 235–237; Семиряга М.И. Указ. соч. С. 52; Кулиш В.М. У порога войны // Общественные науки. 1989. № 4. С. 128–129; Нагжафов Д.Г. Дипломатия США и советско-германские переговоры 1939 г. // Новая новейшая история. 1992. № 1. С. 46–47.
 15 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 27. Л. 104.
 16 Там же. Ф. 78. Оп. 1. Д. 846. Л. 6; Д. 845. Л. 7.
 17 Там же. Ф. 17. Оп. 125. Д. 27. Л. 105.
 18 Там же. Ф. 78. Оп. 1. Д. 845. Л. 7; Д. 846. Л. 6.
 19 См.: Сувениров О.Ф. «Клим, Коба сказал...» // Военно-исторический журнал. 1988. № 12. С. 59; Семиряга М.И. Указ. соч. С. 55; Дашичев В.И. Пакт Гитлера – Сталина... С. 26; Соколов Б.В. Цена победы. М., 1991. С. 192; Случ С.З. Внеполитическое обеспечение польской кампании и Советский Союз // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в начале второй мировой войны. М., 1990. С. 8–38; Гибианский Л.Я. Поворот в советско-германских отношениях в 1939 г. и восточноевропейские проблемы (некоторые аспекты) // Политический кризис 1939 г. и страны Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1989. С. 75–95; Трубайчук А.Ф. Пакт о ненападении, была ли альтернатива второй мировой войне. Киев, 1990.
 20 Коробочкин М.А. Документы кабинета министров Великобритании об англо-франко-советских переговорах 1939 // Предвоенный кризис 1939 г. в документах. М., 1990. С. 70–92.

- 21 Геродецкий Г. Черчилль и Советский Союз после 22 июня 1941 г. // Новая и новейшая история. 1990. № 6. С. 61–78.
 22 Семиряга М.И. Указ. соч. С. 54; Дашичев В.И. Пакт Гитлера – Сталина... С. 265; Кулиш В.М. Указ. соч. С. 129, 133.
 23 РЦХИДНИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 898. Л. 4–7.
 24 Там же. Л. 1–3.
 25 Там же. Л. 7–8.
 26 Там же. Ф. 17. Оп. 125. Д. 27. Л. 94–95.
 27 Там же. Ф. 88. Оп. 1. Д. 898. Л. 10–12.
 28 Там же. Ф. 17. Оп. 125. Д. 27. Л. 82.
 29 Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. В 2 т. М., 1973. Т. 2. С. 144–146.
 30 Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1988. Bd. 5/1. S. 400, 587.
 31 Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 1. С. 305–316, 525–538; Т. 2. С. 135–150.
 32 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 115. Д. 246. Л. 3–3 об.; Оп. 116. Д. 91. Л. 4; Невежин В.А. Советская политика и культурные связи с Германией (1939–1941 гг.) // Отечественная история. 1993. № 1. С. 29.
 33 РЦХИДНИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 898. Л. 18; Невежин В.А. Советская политика... С. 28.
 34 К. Жуков: из неопубликованных воспоминаний // Коммунист. 1988. № 14. С. 98–99; Хрущев Н.С. Мемуары // Вопросы истории. 1990. № 9. С. 85–86; Шуранов Н.П. Политика кануна Великой Отечественной войны. Кемерово, 1992. С. 194; Новая и новейшая история. 1993. № 5. С. 67.
 35 РЦХИДНИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3808. Л. 8.
 36 Мельтюхов М.И. 22 июня 1941 г.: цифры свидетельствуют // История СССР. 1991. № 3. С. 22–26.
 37 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 27. Л. 88, 100.
 38 Там же. Ф. 78. Оп. 1. Д. 845. Л. 17.
 39 Там же. Ф. 17. Оп. 125. Д. 27. Л. 89, 114–116.
 40 Там же. Ф. 78. Оп. 1. Д. 846. Л. 8–11. Эти же идеи содержатся в обзоре: Варга Е. О международном положении // Мировое хозяйство и мировая политика. 1941. № 3. С. 46–47, 49.
 41 О тайных контактах между воюющими странами в 1939–1941 гг. см.: Безыменский Л.А. Разгаданные загадки третьего рейха: В 2 т. М., 1984. Т. 1. С. 287–330. Т. 2. С. 203–211; Он же. Тайный фронт против Второго фронта. М., 1987. С. 64–83.
 42 Романов Г.Л. Указ. соч. С. 198.
 43 Цит. по: Марьина В.В. Чешское общество о советско-германском пакте 1939 г. и начале второй мировой войны // Вопросы истории. 1990. № 7. С. 28.
 44 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 27. Л. 89–90.

- 45 Там же. Л. 105–110.
- 46 Семиряга М.И. Указ. соч. С. 77; Анфилов В.А. Указ. соч. С. 89; Воюшин В.А., Горлов С.А. Фашистская агрессия: о чем сообщали дипломаты // Военно-исторический журнал. 1991. № 6. С. 13–23; Якушевский А.С. Советско-германский договор о ненападении: взгляд через годы // Вопросы истории КПСС. 1988. № 8. С. 82–96.
- 47 Документы о переговорах в Берлине см.: Международная жизнь. 1991. № 6. С. 117–132. № 8. С. 104–119; Новая новейшая история. 1993. № 5. С. 64–99. Оценку переговоров см.: Григорьянц Т.Ю. Проблема сфер интересов СССР и Германии накануне и во время визита В.М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. // Международные отношения страны Центральной и Юго-Восточной Европы в период фашистской агрессии на Балканах и подготовки нападения на СССР. М., 1992. С. 32–55; Горлов С.А. Переговоры В.М. Молотова в Берлине в ноябре 1940 г. // Военно-исторический журнал. 1992. № 6–7. С. 45–48; Семиряга М.И. Указ. соч. С. 61–77.
- 48 Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 2. С. 58–70; Волкогонов Д.А. Указ. соч. Т. 2. Ч. 1. С. 133.
- 49 РЦХИДНИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 898. Л. 14–15. Эти же идеи содержатся в работах: Варга Е. Указ. соч. С. 50; Айрапетян М.Э. Этапы внешней политики СССР (1917–1940). М., 1941. С. 9.
- 50 Там же. Ф. 17. Оп. 125. Д. 27. Л. 85–87, 110–111, 118–119. Эти же идеи содержатся в работе: Шленский А. Война и политика // Пропагандист Красной Армии. 1941. № 1. С. 24–31.
- 51 Там же. Ф. 78. Оп. 1. Д. 845. Л. 21.
- 52 Там же. Д. 846. Л. 19.
- 53 Там же. Ф. 88. Оп. 1. Д. 898. Л. 16–17.
- 54 Там же. Ф. 78. Оп. 1. Д. 845. Л. 19.
- 55 Там же. Ф. 88. Оп. 1. Д. 898. Л. 17. Эти же идеи содержатся в работах: Айрапетян М.Э. Указ. соч. С. 92; Осипов Л. Ленин о характере войн и защите Отечества // Большевик. 1941. № 1. С. 28–39.
- 56 РЦХИДНИ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 845. Л. 35, 37. Эти же идеи содержатся в работе: Айрапетян М.Э. Что такое пацифизм? // Пропагандист Красной Армии. 1941. № 6. С. 24–31.
- 57 Известия ЦК КПСС. 1990. № 5. С. 191. Датируется по РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 119. Д. 1253. Л. 270, 281.
- 58 О намерениях советского руководства в войне с Финляндией см.: Мельтюхов М.И. «Народный фронт» для Финляндии? // Отечественная история. 1993. № 3. С. 95–101.
- 59 РЦХИДНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 919. Л. 153.

- 60 Константиновский Г. 17 лет борьбы и побед ленинизма // Мировое хозяйство и мировая политика. 1941. № 1. С. 12.
- 61 РЦХИДНИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 898. Л. 13.
- 62 Там же. Ф. 17. Оп. 125. Д. 27. Л. 120.
- 63 История социалистической экономики СССР. Т. 5. М., 1978. С. 27; Кравченко Г.С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 29, 92–93.
- 64 История социалистической экономики СССР. Т. 5. С. 101; Кравченко Г.С. Указ. соч. С. 9; История второй мировой войны. М., 1974. Т. 2. С. 298.
- 65 История СССР. М., 1971. Т. 9. С. 508; История социалистической экономики. Т. 5. С. 27.
- 66 История СССР. Т. 9. С. 509; Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948. С. 78–79.
- 67 История второй мировой войны. М., 1975. Т. 4. С. 18.
- 68 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1990. Т. 1. С. 309, 316; 1941 год – уроки и выводы. С. 25.
- 69 Это мнение редко высказывается прямо, но рассуждения о состоянии Красной Армии в различных трудах подводят читателя именно к этой мысли. См., напр.: Орлов А.С. Указ. соч. С. 52–53; Аршал Жуков: полководец и человек. М., 1988. Т. 2. С. 87; Рабинович Н.М. «Красная Армия всех сильнее»? // Военно-исторический журнал. 1991. № 12. С. 2–9; Прохтор Д.М. Фашизм: путь агрессии и гибели. М., 1989. С. 302–311.
- 70 Об этом же см.: Гареев М.А. «Об истории изучения Великой Отечественной войны» // Новая и новейшая история. 1992. № 1. С. 15.
- 71 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 27. Л. 75.
- 72 Там же. Л. 99–100, 103–104, 120.
- 73 Мельтюхов М.И. Споры вокруг 1941 года: опыт критического осмысления одной дискуссии // Отечественная история. 1994. № 3. С. 7–18.
- 74 Комсомольская правда. 1941. 21 мая.
- 75 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 278. Л. 2.
- 76 Правда. 1941. 1, 2, 6, 16, 31 мая, 3, 12 июня.
- 77 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 27. Л. 55–57; Д. 28. Л. 31, 34, 39; Шейнис З.С. Перед нашествием. Из записной книжки 1939–1941 годов // Новая и новейшая история. 1990. № 1. С. 118.
- 78 Фирсов Ф.И. Указ. соч. С. 33.
- 79 Орлов А.С. Указ. соч. С. 46, 54; Волков В.К. Советско-германские отношения и советская политика на Балканах накануне гитлеровского нападения на СССР (осень 1940 – первая половина 1941 г.) // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в период фашистской агрессии на Балканах и подготовки нападения на СССР. С. 15–17.

Речь Сталина 5 мая 1941 года и апология наступательной войны

С начала 90-х годов в отечественной историографии идет дискуссия относительно подготовки Сталиным упреждающего удара по Германии. Подведены ее первые итоги¹. Своеобразным катализатором этой дискуссии явилось введение в научный оборот ранее засекреченного документа Генерального штаба Красной Армии. Он получил название «Соображения по плану стратегического развертывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками»². Новым импульсом, способствовавшим активизации спора российских историков по названной проблеме, стали книги В. Суворова «Ледяной кол» и «День "М"»³, несмотря на их неоднозначное восприятие научной общественностью.

В ходе дискуссии выявились две основные точки зрения. Одни исследователи считают, что Советский Союз готовился в 1941 г. к наступательным действиям против Германии. Другие, стремясь опровергнуть это, приводят аргументы в пользу оборонительного характера мероприятий советского руководства накануне вооруженного столкновения с Гитлером. Сторонником первой версии В. Д. Даниловым высказано следующее соображение: историографии пока не известны документы, которые могли бы свидетельствовать о размахе работы пропагандистского аппарата большевистской партии «в интересах подготовки нападения на Германию»⁴. Теперь подобного рода материалы выявлены в Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ

... в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ). Опираясь на них, автор предложил читателю статьи сделать попытку проанализировать наметившуюся после выступления Сталина 5 мая тенденцию к перестройке большевистской пропаганды в духе идеи наступательной войны. Кроме того, в работе затрагивается практически не изученный вопрос о приятии этой идеи современниками событий, что, с нашей точки зрения, дает возможность более объективно судить об уровне общественного сознания в СССР на этапе существования пакта Риббентропа — Молотова.

В мае — июне 1941 г. разыгралась трагедия, по выражению историка и публициста Л. Безыменского, шекиперского масштаба⁵. В. Суворов утверждал, что каждый день мая 1941 г. были наполнены «событиями, смысл которых еще предстоит разгадать»⁶. В. М. Молотов на склоне лет подчеркивал: «В том памятном мае и руководство ЦК, и государственные органы страны испытывали исключительное напряжение»⁷.

Между тем первый майский день 1941 г. прошел в Москве под знаком празднования Дня международной солидарности трудящихся. Как обычно, торжества начались с военного парада на Красной площади, который показало присутствовавшему на нем писателю и драматургу В. В. Вишневскому, как и речь наркома обороны С. К. Тимошенко, «подчеркнуто мирным»⁸. Но разворачивавшиеся за пределами советских границ события несли угрозу. 30 апреля радио Москвы сообщило о высадке германских войск в Финляндии. В тот же день газета «Правда» поместила заголовку о прибытии в порт Або двенадцатитысячного контингента вермахта. В связи с этими сообщениями анонимный корреспондент, подписавшийся «Гражданин», 2 мая направил письмо в ЦК ВКП(б) на имя А. А. Жданова, где высказались некоторые суждения относительно внешнеполитических акций Германии и СССР. «Гражданин» с сожалением констатировал: «Гитлер занял Югославию, Грецию, кинется на Турцию, и нам уже скоро из Черного моря будет закупорен выход, как он закупорен из Балтийского моря в результате занятия Германией Норвегии». Автор письма высказал глубокое убеждение, что фюрер почувствовал бы себя хуже, «если бы с Востока его бы пощупали

наши войска». Ведь легче было переносить возможные поражения, считал «Гражданин», нежели «сидеть охваченным, когда Гитлер окружит нас со всех сторон и предъявит ультиматум — пропустите мои войска в Индию»⁹.

5 мая 1941 г. Вс. Вишневский записал в дневник свои впечатления от встречи с замполитом дислоцировавшейся в Ленинграде дивизии Красной Армии. Последний озабоченно говорил об активизации германских войск вблизи Черноморских проливов. Сам писатель рассуждал следующим образом: «Можно ли ожидать нападения немцев (в случае их победы над Англией) на СССР? Или Советский Союз найдет момент и начнет "революционную войну", подламывая высшую планомерную фазу капитализма?»¹⁰

Ответы на вопросы, сформулированные в письме «Гражданина», дневнике Вс. Вишневского, разговорах офицеров Красной Армии, встревоженных «общей обстановкой и особенно положением на Балканах»¹¹, в какой-то мере были даны Сталиным в его речи 5 мая 1941 г.

В тот день в Большом Кремлевском дворце состоялся торжественный прием. Сталин выступил на нем с сорокаминутной речью перед выпускниками военных академий РККА. Долгое время ее текст был неизвестен. Это давало повод многочисленным исследователям, преимущественно западным, пользоваться различными косвенными источниками для ее интерпретации. К сожалению, пока не обнаружена стенограмма сталинской речи. Свидетельства очевидцев, присутствовавших на приеме 5 мая 1941 г., разноречивы: одни утверждали, что «Сталин говорил без написанного текста»¹², другие — что, выступая, Генсек «держал перед собой листки бумаги»¹³.

В 1990—1991 гг. наконец был введен в научный оборот очень важный для историков источник — запись сталинской выступления перед выпускниками военных академий РККА, сделанная сотрудником Наркомата обороны К. Семеновым¹⁴. Ранее стала известна более короткая, но идентичная по содержанию версия Г. К. Жукова¹⁵.

Есть и третья запись речи Сталина перед выпускниками военных академий в Кремле. Она содержится в дневнике Вс. Вишневского и датируется 13 мая 1941 г. Писатель был прекрасно информированным человеком. С 1931 г. согласно специальному постановлению Реввоенсовета

он возглавлял оборонную работу в области литературы на всесоюзном масштабе. Вишневский являлся председателем Оборонной комиссии Союза советских писателей (ОСКСП), членом редколлегии журнала «Знамя». По линии своей деятельности он присутствовал на различных военных совещаниях, общался с представителями высшего военного и политического руководства Советского Союза. В середине мая 1941 г. о содержании сталинской речи выпускников военных академий было доведено до сведения руководства Осоавиахима¹⁶. Начальник управления пропаганды и агитации (УПА) ЦК ВКП(б) Александров рассказал о ней профессорам, доцентам и аспирантам ИФЛИ, где вел преподавательскую работу. Ничего невероятного в том, что о содержании сталинской выступления стало известно председателю Оборонной комиссии ССП и он тезисно изложил ее в дневнике¹⁷. Согласно версии К. Семенова, Сталин утверждал: немцы в 1870 г. разбили французов потому, что «дрались на одном фронте». В дневнике Вишневского эта сталинская мысль представлена так: «В кольце против Германии — прием решающую роль (1870, наш нейтралитет)». К. Семенов, со слов Генерального секретаря ЦК ВКП(б), отметил: «Немцы потерпели поражение в первой мировой войне, поскольку сражались на двух фронтах». В интерпретации Вишневского этот тезис сформулирован следующим образом: «В 1914—1918 гг. наше (т. е. России. — В. Н.) участие в войне предопределило поражение Германии».

Вместе с тем дневниковая запись от 13 мая 1941 г. представляет дополнительные данные о содержании сталинской речи, которых нет ни в версии К. Семенова, ни в версии Г. К. Жукова. Например, после характеристики внешнеполитического курса Германии, которая после референдума Версальского договора выступила с захватническими намерениями, а ее основной военный и экономический потенциал якобы уже был исчерпан, Сталин, согласно тезисам Вишневского, отметил: «СССР разворачивает свои силы. В Европе нет ресурсов, — они у США и у СССР. Эти мировые силы и определяют исход борьбы»¹⁸.

Все три упоминавшиеся версии сталинской речи 5 мая 1941 г. сходны в одном: она носила антигерманский характер. Помимо констатации захватнических устремлений

Германии в Европе Сталин прямо указывал на нее как на страну, начавшую новую мировую войну. Подобное утверждение явно разнилось с заявлениями В. М. Молотова, сделанными осенью 1939 г., в которых «поджигателями войны» назывались Англия и Франция.

После официальной части в Большом Кремлевском дворце 5 мая 1941 г. состоялся неофициальный прием. На нем Сталин не жалел похвал в адрес Красной Армии. Он провозглашал тосты за летчиков, танкистов, артиллеристов, кавалеристов¹⁹. Как зафиксировано в архивных записях, слово было предоставлено и генерал-майору тевтонских войск. Он провозгласил тост за мирную сталинскую внешнюю политику. Сталин дополнил его²⁰. Текст этой реплики, как и запись речи Сталина, теперь опубликованы. Генсек, во-первых, говорил о необходимости перейти в мероприятиях Красной Армии от обороны к наступательной политике наступательных действий», а во-вторых перестроить пропаганду, агитацию, печать, все воспитание «в наступательном духе»²¹.

Вс. Вишневский точно зафиксировал основной смысл сталинского выступления перед выпускниками военной академии в Кремле. Он записал в дневнике 13 мая 1941 г. что СССР начинает «идеологическое и практическое наступление». От себя писатель добавил: «США — с Западом, СССР — с Востока будут сжимать клещи, в которых окажется Германия». Он ясно помнил свой прежний прогноз о том, что Советский Союз начнет грандиозную борьбу против фашизма «во имя революционизирования Европы и, конечно, Азии». «Впереди — наш поход на Запад. Впереди — возможности, о которых мы мечтали давно», с оптимизмом отмечал Вс. Вишневский под впечатлением от сталинского выступления перед выпускниками военной академии²².

Помимо подобных оперативных записей, сделанных буквально по горячим следам, имеются свидетельства более позднего времени, зафиксировавшие размышления о речи Сталина в Кремле. Адмирал Н. Г. Кузнецов спустя десятилетия писал, что сталинское выступление не оставило сомнений в неизбежности и близости войны. «Явно сказанные вещи», о которых упоминал Сталин 5 мая 1941 г. (например, количество дивизий Красной Армии), надолго

опомнили все присутствовавшие. Кто-то даже сказал Н. Г. Кузнецову: «Это для устрашения Гитлера». По мнению адмирала, «высказавшись за вероятность войны, Сталин думал, что все высокие начальники, от которых это зависело, примут надлежащие меры»²³.

В данной связи представляются вполне обоснованными мнения «высоких начальников» из Генерального штаба Красной Армии — А. М. Василевского и Н. Ф. Ватутина — критично отреагировать на указание Сталина о переходе военной политике наступательных действий». В «Сообщениях по плану стратегического развертывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками» (документ составлен между 6 и 15 мая 1941 г.) отмечалось, например, наступление Красной Армии силами 152 дивизий против 100 германских²⁴. Естественно, не следует преувеличивать возможности реализации подобного замысла на практике, вероятность успешного выступления сосредоточившимся уже для нападения на СССР силами вермахта. Но подчеркнем еще раз: в упомянутых «Соображениях...» была указана цель — наступление на германские войска, в котором должна была участвовать половина имевшихся у Красной Армии дивизий — две трети из всех дивизий, расположенных в заданных военных округах. Следует согласиться с выводом о том, что буквально накануне войны с Германией Наркомат обороны и Генеральный штаб занимались составлением документов «в угоду субъективному мнению одного человека», т. е. Сталина²⁵.

Между тем большевистская пропаганда постепенно, но весьма радикально начала перестраиваться в духе сталинских рекомендаций от 5 мая 1941 г. Одними из первых занялись в эту работу представители кинематографии. Еще 21 марта 1941 г. прошло совещание у начальника Главного управления политической пропаганды (ГУПП) Красной Армии А. И. Запорожца. На нем присутствовали режиссеры С. Эйзенштейн, Г. Александров, сценаристы Вс. Вишневский, А. Афиногенов и другие. По их предложению была создана Оборонная комиссия Комитета кинематографии при СНК СССР²⁶.

Первое ее заседание состоялось 13 мая 1941 г. Вс. Вишневский оставил краткие записи о нем. Среди записей

имеется и такая: «Обстановка. Дело идет явным образом к новой войне»²⁷. На следующий день он направил в ЦК ВКП(б) записку о мобилизационных мерах в Комитете по делам кинематографии и о плане выпуска оборонных фильмов 1941—1942 гг. Как явствует из краткой записки Вишневого по ходу заседания 13 мая, до представления Оборонной комиссии этого комитета была доведена задача готовить фильмы о действиях различных родов войск Красной Армии против вероятных противников, т. е. немцев. Поэтому в записке, адресованной в ЦК ВКП(б), он предложил в пропагандистских целях использовать полные из Германии в 1940 г. хроникальные киноленты (в частности «Поход на Польшу», «Линия Зигфрида»), которые были сняты германскими фронтовыми кинооператорами. Эти фильмы, по мнению Вишневого, следовало отремонтировать и «с новым, большевистским текстом обратиться на головы противника», а именно — фашистов.

Писатель называл также темы «полнометражных сценариев о будущей войне», которые, считал он, можно было экранизировать. Среди них: «Прорыв укрепленного района у германской границы», «Парашютный десант в действии против них» (укрепленных районов), «Действия нашей авиации. Дальние рейды и пр.», «Рейды танков и конницы во взаимодействии с авиацией»²⁸. Даже далекому от военного дела человеку ясно, что подобная тематика отнюдь не предназначалась для пропагандистского обеспечения оборонительных операций Красной Армии. Как следует из краткой записки Вишневого от 13 мая, она должна была согласовываться с планами Наркомата обороны.

В упомянутых «Соображениях...» Генерального штаба в качестве одной из задач Красной Армии формулировалась следующая: разгром германских войск в результате наступления восточнее Вислы, а затем — выход на реки Вистулу и Нарев, чтобы овладеть районом Катовице²⁹. Таким образом, в документе фигурируют реки, ставшие пограничными в соответствии с Договором о дружбе и границе между СССР и Германией от 28 сентября 1939 г. Именно согласно «Соображениям...», должна была преодолеть Красная Армия в ходе наступления. По всей видимости, члены Оборонной комиссии Комитета по делам кинематографии в какой-то степени были информированы о подоб-

практических разработках, ибо в противном случае оставался бы неясным, почему состоявший в этой комиссии Вишневоцкий предлагал темы таких фильмов, как «Прорыв укрепленного района у германской границы», «Форсирование рек (Сан, Висла и пр.)»³⁰, т. е. пограничных рек, упоминаемых в «Соображениях...» Генерального штаба. Возможность совпадения в данном случае исключена.

11—15 мая 1941 г. в ЦК ВКП(б) состоялось расширенное совещание представителей советской кинематографии. С большой речью к собравшимся обратился член Политбюро ЦК ВКП(б) А. А. Жданов. Он отметил, что положение СССР в условиях готовности «к любым неожиданностям» обязывает сделать вывод и провести «ряд пропагандистских мероприятий по пропагандистской и идеологической линии». А. А. Жданов подчеркнул необходимость воспитывать в народе непримиримость к врагам социализма и готовить его на «смертельный бой» против люмпен-буржуазной страны либо коалиции. Эта задача, по словам секретаря ЦК ВКП(б), стояла не только перед кинематографистами, но и перед всеми советскими гражданами, понимающими «проблему нашего дальнейшего выживания», а также то обстоятельство, что столкновение между СССР и буржуазным миром «будет и мы обязаны выиграть в пользу социализма»³¹.

Все эти витиеватые словоизлияния «надзирателя идеологии» (так называл Жданова Сталин)³², естественно, не затеняли главного. Исходя из сталинских указаний на совещании подчеркивалась необходимость воспитывать людей «в духе активного, боевого, воинственного наступления»³³.

Практически реализация этих указаний была начата сразу основными органами пропаганды большевистской партии — Центральным Комитетом, УПА и ГУПП. Номенклатурные деятели высшего звена готовили соответствующие директивные материалы по пропагандистскому обеспечению наступательной войны.

Одним из основных документов такого рода явился проект постановления ЦК ВКП(б) «О задачах пропаганды в ближайшее время». Его первый вариант был представлен начальником УПА Г. Ф. Александровым секретарям ЦК ВКП(б) А. А. Жданову и А. С. Щербакову 28 мая 1941 г.

В документе излагался собственно проект постановления ЦК, а также план публикаций в газетах и журналах на военные и внешнеполитические темы. Кроме того, формулировались некоторые организационные вопросы, связанные с новыми, наступательными задачами большевистской пропаганды³⁴.

Представленный Г. Ф. Александровым текст не был одобрен А. А. Жданов на полях документа, где шла речь о необходимости проведения мероприятий для «правильного разъяснения трудящимся современной обстановки и задачах, стоящих сейчас перед Советским государством», начертал: «Не то. Надо начать с поворота в пропаганде»³⁵. Тем самым член Политбюро заострил внимание на необходимости учета коренных изменений в пропаганде в свете сталинских указаний о ее перестройке в наступательном духе.

Новый проект директивы был составлен А. С. Щербаковым. Он получил название «О текущих задачах пропаганды»³⁶. Ранее предложенный, но не одобренный текст Г. А. Александрова в июне 1941 г. был передан в секретный архив³⁷.

Помощник заведующего отделом УПА Т. Шумейко 23 мая 1941 г. обратился с письмом к секретарю ЦК ВКП(б) А. С. Щербакову. В письме отмечалось, что в связи с планировавшимся рассмотрением на ближайшем заседании Оргбюро ЦК вопроса о развертывании военной пропаганды (Т. Шумейко предложил обсудить его А. А. Жданов в личном послании от 14 декабря 1940 г.) возникла необходимость внести некоторые коррективы. Посылая свои предложения о мобилизационных мероприятиях в духе сталинских указаний от 5 мая 1941 г., помощник заведующего отделом УПА просил принять его лично³⁸. Документ, направленный Т. Шумейко на имя А. С. Щербакова, называется «Некоторые соображения о военной пропаганде» и состоит из 34 пунктов, в которых кратко сформулированы вопросы, требующие разрешения «в общем комплексе задач по воспитанию военного быта и военной идеологии в нашем народе»³⁹.

Активно шла разработка проектов директивных материалов в духе сталинской речи перед выпускниками военных академий в ГУПП. Наиболее хорошо известен иссле-

дуемым подготовленный его сотрудниками документ «О задачах политической пропаганды в Красной Армии на ближайшее время»⁴⁰. Отдельные положения проекта директивы цитировались отечественными и западными исследователями⁴¹.

По итогам инспекторской проверки политзанятий в воинских частях, согласно решению Главного военного совета (ГВС) от 14 мая 1941 г., начальнику ГУПП А. И. Запорожцу было поручено разработать и представить на рассмотрение проект. Документ после предварительной подготовки обсуждался в начале июня на заседании ГВС. Проект директивы «О задачах политической пропаганды в Красной Армии на ближайшее время» в результате вторичного обсуждения был утвержден Главным военным советом. Окончательное редактирование поручено секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову, народному комиссару обороны С. К. Тимошенко, начальнику ГУПП А. И. Запорожцу⁴².

В ГУПП был подготовлен еще один документ в духе сталинских указаний о перестройке пропаганды. 27 мая 1941 г. А. И. Запорожец направил А. А. Жданову для ознакомления проект директивы о марксистско-ленинской работе начальствующего состава Красной Армии⁴³. Проект директивы поступил также как документ, подготовленный в ГУПП, начальнику А. И. Запорожца на имя А. А. Жданова и А. С. Щербакова от 26 мая 1941 г.⁴⁴

Директорская группа Главного управления политической пропаганды Красной Армии работала над докладом «Современное международное положение и внешняя политика СССР». Судя по тому, что в документе дается ссылка на одну из статей, опубликованных в газете «Известия» 17 мая 1941 г., в середине мая составление его было уже закончено. А. И. Запорожец адресовал текст доклада секретарям ЦК ВКП(б) А. А. Жданову и А. С. Щербакову, а также начальнику УПА Г. Ф. Александрову 26 мая 1941 г.⁴⁵

Наконец, в письме начальника ГУПП от 26 мая упоминается еще два проекта директив, подготовленных в соответствии с указаниями Сталина в речи перед выпускниками военных академий: «Об очередных задачах партийно-политической работы в Красной Армии», а также «О политических занятиях с красноармейцами и младшими командирами на летний период 1941 г.»⁴⁶.

Таким образом, в архивах сохранилось 8 текстов пропагандистских материалов (главным образом проектов директив), над которыми в мае — июне 1941 г. велась активная и спешная работа под личным руководством секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Жданова, Г. М. Маленкова, А. С. Щербакова, начальника УПА Г. Ф. Александрова и начальника ГУПП А. И. Запорожца. Один документ — «Об очередных задачах партийно-политической работы в Красной Армии» — упоминается в переписке, но пока не выявлен. Все эти материалы свидетельствуют о намерениях большевистского руководства развернуть перестройку пропаганды в духе наступательной войны.

Пока не ясно, утверждались ли названные директивные материалы в Секретариате, Оргбюро или на Политбюро ЦК. Д. А. Волгонов утверждает, что директива «О задачах пропаганды в Красной Армии на ближайшее время» 20 июня 1941 г. легла на стол Сталину⁴⁷. О других документах сведений такого рода не имеется.

Поэтому пока говорить о повсеместном и широком распространении их в качестве руководящих директив, начиная от обкомов, горкомов партии и кончая политорганами воинских частей Красной Армии, нет оснований. Но можно попытаться выявить характер представлений авторов этих материалов о перспективах вступления СССР в войну и его целях. Важны те немногочисленные пометы и замечания, которые делались А. А. Ждановым и Г. Ф. Александровым на полях названных документов, поскольку они показывают отношение высшей партийной номенклатуры к готовившимся материалам, к сталинскому высказыванию о переходе к «военной политике наступательных действий».

Польский историк Я. Замойски высказал предположение, что документы об истинных намерениях большевистского руководства в 1941 г., «существование которых считается более чем вероятным, не могли быть более благоприятными, гуманными и свободолобивыми, чем их инициаторы»⁴⁸. Попробуем выявить эту связь между «инициаторами» и письменными материалами, которые готовились под их руководством, ибо теперь мы располагаем текстами подобных материалов.

Бросается в глаза, с одной стороны, поспешность с которой готовились упоминавшиеся выше директив-

ные варианты их составлены в промежутке между 15 и 20 мая 1941 г.), а с другой — участие в их разработке дирекции, возглавлявших пропагандистские органы большевистской партии («надзиратель по идеологии» А. А. Жданов, секретарь ЦК Г. М. Маленков, Г. Ф. Александров, А. И. Запорожец). Это свидетельствует о важности задачи, поставленной во главу угла после выступления Сталина перед выпускниками военных академий.

Правда, следует учитывать и другой фактор. Вплоть до июня 1941 г. ГУПП вообще не рассматривал Германию в качестве потенциального противника СССР. В июле 1940 г. в составе ГУПП был создан отдел по работе среди населения и войск противника (7-й отдел). Но до мая 1941 г. работники отдела всерьез не занимались сбором информации о социально-политическом положении Германии. В распоряжении не было достаточного количества топографических материалов по этой стране. В целом к 15 мая 1941 г. штат 7-го отдела Главного управления политической пропаганды Красной Армии на западном направлении насчитывал 104 человека. Из них лишь 17 человек знали немецкий язык, в том числе 4 человека — хорошо, остальные — в пределах 4–5-го классов школы⁴⁹.

По воспоминаниям начальника 7-го отдела ГУПП М. И. Бурцева, в начале мая 1941 г. нарком обороны СССР В. Г. Гимомшенко заслушивал на специальном совещании дирекции о политическом состоянии сопредельных стран наших армий. Сообщения старших инструкторов, отвечающих за южное и восточное направления, были полными и аргументированными. Беспокойство у М. И. Бурцева вызвали доклады по Германии и ее союзникам в Европе, поскольку 7-й отдел по его признанию, не располагал достаточно подробными данными о том, что происходит в Германии».

Однако после выступления Сталина перед выпускниками военных академий, а также после упоминавшегося заседания Главного военного совета 14 мая 1941 г. руководство ГУПП обратило серьезное внимание на составление материалов по Германии. А. И. Запорожец вызвал М. И. Бурцева и, ссылаясь на решения ГВС, подчеркнул необходимость усилить воспитание личного состава «в духе высокой бдительности и боевой готовности».

Начальник 7-го отдела ГУПП получил срочное задание «в предельно короткий срок подготовить специальный доклад о Германии и вермахте»⁵⁰.

В конце мая 1941 г. обзор политико-морального состояния немецкой армии был готов. Его объем составил 140 страниц рукописного текста. Материал был отрецензирован начальником 7-го отдела, а затем — руководителями ГУПП, которые внесли в него значительные поправки. Сокращенный до 35 машинописных страниц доклад о политико-моральном состоянии вермахта был представлен в начале июня 1941 г. руководству РККА. 9 июня поступило указание издать текст доклада незначительным тиражом для ознакомления с ним высшего командного состава вплоть до заместителей командиров дивизий⁵¹.

Следует отметить, что в основе содержания готовившихся в мае — июне 1941 г. директивных материалов по рестройке пропаганды лежали указания Сталина в речи перед выпускниками военных академий. Адресуя эти материалы секретарям ЦК ВКП(б) А. А. Жданову, Г. М. Маленкову, А. С. Щербакову, начальник ГУПП неизменно подчеркивал данное обстоятельство⁵². В текстах директивных пропагандистских материалов легко обнаружить целые фразы и положения, взятые как из сталинских выступлений, так и из реплики, произнесенной вождем на приеме 5 мая 1941 г.

В данной связи бросается в глаза малая информативность, декларативность многих утверждений, встречающихся в проектах директив ЦК ВКП(б), УПА и ГУПП. Их составители порой сбиваются на прямое цитирование либо пересказ ленинских и сталинских указаний.

Не выглядел, например, новым или оригинальным тезис о «расширении фронта социализма», имеющий в проектах директив мая — июня 1941 г. Сталин по завершении освоения «сфер интересов», оговоренных в секретном протоколе к советско-германскому пакту о ненападении 23 августа 1939 г., поспешил выдвинуть этот тезис как отражение положительной тенденции внешней политики СССР. Присоединение в результате тайного сговора с Гитлером территорий Западной Украины, западной Белоруссии, Прибалтики, Бессарабии, согласно сталинской трактовке, являлось доказательством расширения границ со-

цием на счет «капиталистического лагеря». Об этом Генерал начал на совещании в ЦК ВКП(б) 9 сентября 1940 г.⁵³ 20 ноября 1940 г. А. А. Жданов, выступая перед партийным активом Ленинграда, стремился донести смысл своего высказывания до присутствовавших⁵⁴. В речи перед советскими кинематографистами 15 мая 1941 г. Политбюро ЦК ВКП(б) напомнил, что линия большевистского руководства в международной политике состоит в частности, в стремлении расширить фронт социализма «везде и повсюду тогда, когда нам обстоятельства позволяют»⁵⁵.

В книге В. Суворова «Ледокол» содержится целое эссе о лозунге «Готовиться к неожиданностям», который становится одним из самых звучных мотивов советской пропаганды предвоенного периода⁵⁶. Впервые Сталин заявил о том, что необходимо держать весь народ в состоянии мобилизационной готовности во избежание «случайностей и неожиданностей» еще в 1938 г.⁵⁷ Сталинское высказывание на сей счет цитировалось на XVIII съезде ЦК ВКП(б) делегатом от Белоруссии А. П. Матвеевым⁵⁸, в речи И. В. Молотова на заседании Верховного Совета СССР 10 августа 1940 г.⁵⁹, в выступлениях М. И. Калинина (2 октября)⁶⁰ и А. А. Жданова (20 ноября) 1940 г.⁶¹

Сам Сталин вернулся к формулировке трехлетней давности в речи перед выпускниками военных академий 5 мая 1941 г.⁶² Ее подхватил А. А. Жданов (15 мая)⁶³, она вошла, например, в проект директивы «О задачах политической пропаганды в Красной Армии на ближайшее время (май — июнь) 1941 г.»⁶⁴

Сильной критике подверглись в проектах директивных материалов ЦК ВКП(б), УПА и ГУПП увлечения «пацифистскими настроениями», которые мешали готовить армию к наступательной войне. «Пацифизм» вообще стал популярным словом в лексиконе большевистских вождей. Обращаясь на VIII съезде Советов РСФСР (1920 г.), Ленин заявил, что «пацифистские фразы» приводят к тому, что «советскую власть, окруженную врагами, хотят связать руками и ногам и отдать на растерзание мировым империалистическим хищникам»⁶⁵.

На исходе 30-х годов упомянутый термин стал своеобразным синонимом, чуть ли не одним из признаков «врага

народа». Поэтому М. Шолохов, выступая на XVIII съезде ВКП(б), поспешил отмежеваться от него: «Советские писатели... не принадлежат к сентиментальной породе западноевропейских пацифистов»⁶⁶. «Советский пафос физм» подвергся осуждению на совещании писателей и поэтов, освещавших военные темы (25 июня 1940 г.) в речи А. А. Жданова в Ленинграде (20 ноября 1940 г.) и в выступлениях участников Всесоюзного совещания политических агитаторов 11–14 января 1941 г.⁶⁹, наконец в докладной записке А. И. Запорожца в ЦК ВКП(б) о состоянии военной пропаганды в стране (февраль 1941 г.).

Кажущийся на первый взгляд новым лозунг Сталина о переходе к «военной политике наступательных действий» звучал и ранее, в 1940 г. На расширенном совещании Главного военного совета 14–17 апреля Сталин призвал воспитывать командный состав Красной Армии в понимании необходимости активной обороны, «включая себя и наступление»⁷¹. 13 января и 8 февраля 1941 г. он говорил о «наступательных операциях», которые можно начать при достижении двойного превосходства над противником в силах. Этот тезис был провозглашен перед высшим командным составом Красной Армии и ВВС⁷².

Подобные сталинские высказывания тут же были выданы на вооружение пропагандистскими органами. На совещании «оборонных» писателей 25 июня 1940 г. Е. А. Бабурин разъяснял, что следует избавиться от настроений пессимизма: «мы будем обороняться, а сами в драку не полезем». Наоборот, народ должен быть готов, по словам тогдашнего редактора «Красной звезды», «когда это будет выгодно», первым идти воевать. «Мы должны быть готовы, резюмировал Е. А. Болтин, — первыми нанести удар и не только отвечать на удар ударом»⁷³.

В заключительной речи наркома обороны С. К. Тимошенко перед руководящим составом РККА (31 декабря 1940 г.) ставилась задача воспитать бойца, всегда стремящегося «только вперед»⁷⁴.

В проекте директивы ГУПП «О задачах политической пропаганды в Красной Армии на ближайшее время» (март 1941 г.) прямо говорилось: «Все формы пропаганды, агитации и воспитания направить к единой цели — политической, моральной и боевой подготовке личного состава

и обеспечению справедливой, наступательной (выделено курсивом — В. Н.) и всеокрушающей войны»⁷⁵.

Некоторые из пропагандистских документов мая — июня 1941 г. составлены весьма оригинально и в определенной степени смело. К их числу можно отнести предложения Шумейко о военной пропаганде среди населения (май 1941 г.). Автор утверждал, что партийное руководство страны должно понимать, что «без надлежащим образом поставленной военной пропаганды среди всего населения и в первую очередь среди руководящего состава Советского государства нельзя поднять на должную высоту военно-мобилизационную и военно-учебную подготовку нашего тыла в будущей войне». Причем эта подготовка должна была, по мнению Шумейко, подкрепляться соответствующими мероприятиями, обеспечивающими воспитание всех или по крайней мере важнейших областей нашей жизни». Дальше — больше. «Без милитаризации населения лозунг о воспитании военной наступательной психологии рискует остаться фразой», — считал он.

В подобном ключе и были сформулированы предложения Шумейко. Среди них: превращение комсомола в организацию полувоенного типа, проведение «частичной» милитаризации домов отдыха и санаториев, организация военных отделов во всех крупнейших газетах и журналах, включение в их штат «военных корреспондентов», создание военной партийной школы, в Высшей школе парторганизаторов и на Ленинских курсах при ЦК ВКП(б) военных кафедр и включение в программы изучения военного дела военной географии и «проблем милитаризма» (?!). Кроме того, Шумейко намеревался «милитаризировать преподавание географии» в школах и вузах за счет постепенного введения в них проблем милитаризма, добиться введения в штаты научно-исследовательских институтов работ по вопросам милитаризации, создания специального НИИ по изучению проблем милитаризма и даже разрешения издания журнала «Марксизм-ленинизм и милитаризм».

Это — далеко не полный перечень вопросов, подлежавших разрешению, по мнению Шумейко, «в общем комплексе задач по воспитанию военного быта и военной психологии в нашем народе»⁷⁶.

В довольно откровенных и недвусмысленных выражениях был составлен упоминавшийся выше доклад «Современное международное положение и внешняя политика СССР», подготовленный лекторской группой ГУПП. Стоит отметить, что в отличие от некоторых проектов директивных материалов мая – июня 1941 г. этот доклад содержит обширные фактические данные, в нем присутствует элемент аналитического подхода к событиям и явлениям.

В докладе основным военным противником СССР названа Германия. Более того, сделан вывод, что не за годы вооруженное столкновение Красной Армии и вермахта, вызвавший отрицательную реакцию ознакомившего с докладом Г. Ф. Александрова⁷⁷.

Говоря о политике СССР в отношении Германии после подписания пакта о ненападении, авторы доклада характеризовали ее следующим образом: «Это — временная политика, которая вызывалась необходимостью накопить достаточную силу против капиталистического окружения. Далее они констатировали, что такие силы уже накоплены и наступил новый период внешней политики СССР. Здесь представители ГУПП сочли уместным сослаться на Ленина, «который расценивал наше мирное строительство как средство накопления сил». Приводилась следующая цитата из ленинского выступления на собрании секретарей ячеек Московской организации РКП(б) 26 ноября 1920 г.: «Но как только мы будем сильны настолько, чтобы сразить весь капитализм, мы немедленно схватим его за шиворот». Примечательно, что данная цитата отсутствует и в 4-м, и в 5-м, так называемом полном, собрании сочинений Ленина, где речь воспроизводится уже по тезисному отчету (в 3-м — по архивной стенограмме)⁷⁸.

Можно лишь предполагать причину, по которой злобная ленинская цитата не была включена в послевоенное издание собраний его сочинений (выделено мной. — В. Н.)

Представляет интерес замечание Г. Ф. Александрова по поводу цитированного высказывания Ленина: «Выходит, что теперь настал момент "сразить весь капитализм и "немедленно схватить его за шиворот"», — иронически формулировал он свое отношение к аргументации автора доклада⁷⁹.

«Признаки назревания революционного кризиса в империалистических странах налицо», — утверждали состо-

ятели упомянутого документа. Рукой Г. Ф. Александрова в этой части текста была сделана приписка: «Если говорить о "признаках назревания революционного кризиса в империалистических странах", то надо конкретно остановиться и, во всяком случае, не преувеличивать эти признаки»⁸⁰.

Выше говорилось о докладе, который готовился 7-м отделом ГУПП и был посвящен политико-моральному состоянию вермахта. Предназначенный для высшего командного состава РККА, документ, однако, составлялся не на основании всестороннего анализа вопроса, а лишь с учетом сведений, полученных от литовских беженцев из Мемеля. Кроме того, по признанию М. И. Бурцева, «доклад содержал и некоторые необоснованные положения»⁸¹. В их числе — утверждения о «падении дисциплины, антивоенных настроениях и аморальных поступках солдат и офицеров вермахта», неверный вывод о начале «разложения и упадка духа» в немецкой армии⁸². Подобные сенсационные, естественно, отражали не «противоречия техники», как пытается уверить М. И. Бурцев⁸³, а стремление руководствоваться сталинскими указаниями (даже если они не отвечали действительному положению вещей). Достаточно отметить, что в речи Сталина 5 мая 1941 г. акцентировалась мысль: германские войска теряют свой пыл, в них появились хвостовство, самодовольство, зазнайство⁸⁴. Она немедленно нашла свое отражение в директивных материалах и текстах докладов ГУПП мая – июня 1941 г., в том числе — в упомянутом обзоре 7-го отдела.

В начале июня М. И. Бурцев прибыл в Луцк, где дислоцировался штаб 5-й армии. По его собственному свидетельству, он оказывал помощь армейскому управлению пропаганды в разработке «плана мероприятий на случай чрезвычайных обстоятельств»⁸⁵. Документ получило наименование «План политического обеспечения военных операций при наступлении». Он был подписан начальником управления политпропаганды 5-й армии. Очевидно, исходя из указаний эмиссара из Москвы, в нем говорилось о наличии «первых признаков падения морали немецкого вермахта», которые расширятся и углубятся в условиях нанесения ему сильного, молниеносного удара. Естественно, в плане предполагалось ведение военных

действий на территории противника «в благоприятных условиях для Красной Армии обстановке», когда ожидалась поддержка местного населения, а также «сопротивление немецких солдат войне и политике Гитлера»⁸⁶.

21 мая 1941 г. Вс. Вишневский отмечал в дневнике, что антигерманская направленность советской пропаганды была налицо. По его сведениям, уже с конца апреля немцы использовали свои антисоветские нападки в прессе⁸⁷. Ясно, что и корреспондент ТАСС в Берлине И. Ф. Филиппов (являвшийся одновременно резидентом советской разведки) заметил эту тенденцию средств массовой информации «третьего рейха»⁸⁸. На действия германской стороны, как свидетельствовал Вс. Вишневский, СССР ответил «кампанией в печати о наступательном духе русского советского народа», ударившей по «мертвой теории расизма и капитализма», которые были иницированы сталинской речью 5 мая 1941 г. Этот процесс шел по нарастающей. Статьи в советских газетах имели конкретный адрес — Берлин. Вс. Вишневскому, как хорошо информированному человеку, стало известно о намечавшейся серии публикаций «о перерастании революционной политики Франции (Наполеона) в захватническую». Писателю была совершенно ясна аналогия между наполеоновскими акциями и действиями гитлеровской Германии: вначале — «борьба против Версаля, восстановление страны», а в результате — перерастание в ведущейся войны «в захватническую»⁸⁹.

Осуществление публикаций такого рода было оговорено в проектах директивных материалов ЦК ВКП(б) и ГУПП, о которых упоминалось выше⁹⁰. Данная акция в полной мере должна была провести в жизнь сталинское указание о перестройке пропаганды в наступательном духе, соответствовала выводу его о смене Германией лозунгов «освобождения от Версаля на захватнические». Не случайно в окружных, армейских и дивизионных газетах предполагалось осветить тему «Марксизм-ленинизм о превращении войн Наполеона из прогрессивных в реакционные»⁹².

В упомянутых проектах директивных материалов можно найти также список кинофильмов, рекомендованных для демонстрации только среди красноармейцев. В их числе — снятые с проката по соображениям политического порядка после подписания пакта Риббентропа — Моло-

тово антифашистские ленты «Профессор Мамлок» и «Сен-Эшпенгейм»⁹³. И именно эти фильмы, судя по дневниковой записи Вс. Вишневского от 2 июня 1941 г., начавшие демонстрироваться в воинских частях⁹⁴.

В майских директивах о перестройке пропаганды наметилась популяризация третьей части романа И. Эренбурга, публикация которого вначале тормозилась по цензурным соображениям (роман был антифашистским), но после телефонного звонка Сталина писателю 24 апреля начал осуществляться⁹⁵. Сотрудники ГУПП, готовившие проекты пропагандистских директив, обратились к Эренбургу с просьбой прочитать отрывки из третьей части романа «Падение Парижа» в различных аудиториях. 11, 13, 17 июня 1941 г. писатель выступал с чтением романа в НКВД, в штабе, среди пограничников⁹⁶.

В упомянутом телефонном разговоре с Эренбургом 11 апреля Сталин предложил переслать ему рукопись антифашистской книги Андре Симона «Я обвиняю»⁹⁷. Вероятно, этот факт стал известен в ГУПП. Названное произведение наряду с романом «Падение Парижа» было включено в список рекомендуемых для популяризации⁹⁸.

Таким образом, перестройка большевистской пропаганды в духе наступательной войны не сводилась к составлению проектов директивных материалов и не ограничивалась кабинетной работой номенклатурных сотрудников в штабе и в ГУПП. Она начала воплощаться в практических мероприятиях, что уже в мае 1941 г. было отмечено германской стороной. Немецкая агентура догадалась, что пропагандистская и воспитательная работа в частях Красной Армии ведется в духе наступательных действий против Германии с целью освобождения европейских стран от ее оккупации, а это, в свою очередь, должно было стимулировать революционные процессы в этих странах и смену «буржуазных правительств» на советские или просоветские. В июне 1941 г. информация такого рода наряду с данными о подготовке к мобилизации, переброске к границе новых частей Красной Армии, развертывании военно-патриотической работы продолжала поступать в Берлин⁹⁹.

Начиная с мая 1941 г. из радиосообщений Москвы немецким солдатам повеяло «враждебным духом», чего ранее не замечали¹⁰⁰.

В пропагандистских директивах мая – июня 1941 г., составленных в ЦК ВКП(б), УПА, ГУПП, содержалось официальное обоснование нанесения первого удара, начала наступательной войны. Помимо цитировавшегося уже ленинского высказывания о том, что в нужный момент следует «схватить империалистов за шиворот», в них давалась своеобразная интерпретация градации Лениным войн на «справедливые» и «несправедливые». Для примера можно привести отрывок из текста проекта директивы «О политических занятиях с красноармейцами и младшими командирами Красной Армии на летний период 1941 года». Что внушалось красноармейцам в преддверии вооруженного столкновения с «капиталистическим миром»? Политработники должны были разъяснять следующее положение: «О войнах справедливых и несправедливых иногда дают такое толкование: если страна первая напала на другую и ведет наступательную войну, то эта война считается несправедливой, и наоборот, если страна подверглась нападению и только обороняется, то такая война якобы должна считаться справедливой. Из этого делается вывод, что Красная Армия будет вести только оборонительную войну, забывая ту истину, что *всякая война, которую будет вести Советский Союз, будет войной справедливой*» (выделено мной. – В. Н.)¹⁰¹. Эта же мысль подчеркивалась в проекте директивы «О марксистско-ленинской учебе начальствующего состава Красной Армии»¹⁰².

Сформулированное положение появилось отнюдь не в 1941 г., а раньше. Во время вооруженного конфликта с Финляндией 1939–1940 гг. бойцов и командиров Красной Армии учили, что любая война, которую ведет СССР, является справедливой¹⁰³. На совещании писателей-«оборонщиков» 25 июня 1940 г. представитель НКО редакция «Красной звезды» Е. А. Болтин следующим образом инструктировал «инженеров человеческих душ»: «Прежде всего, надо воспитывать людей в понимании того, что Красная Армия есть инструмент войны, а не инструмент мира. Надо воспитывать людей так, что будущая война с любым капиталистическим государством будет войной справедливой, независимо от того, кто эту войну начал»¹⁰⁴.

Надо понимать, что подобное «ценное указание» отнюдь не являлось плодом досужей фантазии Е. А. Болтина

«...обращения...» Генерального штаба Красной Армии о готовности с майско-июньскими 1941 г. проектами пропагандистских директив дают общее представление о подготовке к наступательной войне. Пока от нас остается вопрос, на какой срок намечалось ее начало.

Попробуем посмотреть на ситуацию глазами современника событий. В дневнике Вс. Вишневого, являвшегося летописцем упреждающего удара, наступательной войны, имеются весьма интересные записи на сей счет.

14 апреля 1941 г., после беседы с председателем Комитета обороны при СНК СССР К. Е. Ворошиловым (целью беседы явилось обсуждение хода работы над кинофильмом «Первая Конная» по сценарию Вишневого, были затронуты и текущие события) писатель отметил в дневнике: «Наш час, время открытой борьбы, "священная война" (по выражению Молотова в одной недавней беседе) – все ближе!»¹⁰⁵.

У Вишневого – собственное отношение к пакту Молотова – Риббентропа – Молотова. В упомянутой дневниковой записи он отмечает: «Идя на пакт, и мы планировали: пусть между драку (речь идет о Германии и ее противниках – Англии и Франции. – В. Н.), ослабят друг друга, вскроют сильные и слабые стороны, по возможности увязнут. Мы будем умело поощрять, сталкивать и пр., и при случае по ленинской формуле, сами перейдем в нападение». Из приведенной цитаты видно, насколько сходно отношение Вишневого и авторов доклада «Современное международное положение и внешняя политика СССР» (разница лишь во времени, когда зафиксированы в тексте их суждения) к советско-германскому соглашению 1939 г.

Между тем писатель считал, что и договор с Югославией от 5 апреля 1941 г., и антигерманская агитация на оккупированных немцами территориях вели к обострению отношений с Германией. «Правда вылезает наружу. Временное соглашение с Гитлером (пакт о ненападении. – В. Н.) трещит по швам», – такой вывод сделал Вишневецкий 14 апреля 1941 г.¹⁰⁶

Известие о сталинской речи 5 мая 1941 г., участие в проводившейся перестройке пропаганды в наступательном

духе активизировали размышления писателя относительно подготовки и возможных сроков нанесения упреждающего удара по Германии. Заслуживает внимания аналитическая запись в дневнике от 21 мая: «За рубежом видят и понимают, что мы выигрываем, копим силы, становимся на путь *государственной* (читай: имперской. — В. Н.) традиции России, перевооружаем армию (процесс в разгаре) — и сможем стать, если те, воюющие стороны продолжат кровопускание, — *суперарбитром в Европе и Азии*. Гитлер понимает, что мы ведем дело к тому, чтобы дать ему по затылку (выделено мной. — В. Н.) желательно при истощении Германии, так в 1942 году».

Впервые Вишневский называет предположительную дату упреждающего удара — 1942 г. В начале июня он вновь обращается к ней как к наиболее вероятной. 6 июня в его дневнике появляется следующая запись: «Может быть, реальная угроза выступления СССР в какой-либо комбинации (речь шла о возможной нейтрализации Японии от стран "оси". — В. Н.) подвинет дело мира. Но мы привыкли к прямому антифашистскому ходу мысли (хотя история вносила поправки) и полагаем, что в данном случае (например, в 42 г.), изолировав Германию от Японии, СССР ударит по Германии и выдвинется вперед».

Естественно, нет оснований представлять приведенные дневниковые записи Вишневского как главный источник о подготовке СССР к наступательной войне. Однако их автор как человек весьма информированный, возвращавшийся в высших кругах партийной, государственной и военной элиты, на наш взгляд, четко подметив имевшуюся тенденцию подобной подготовки. По крайней мере заслуживает доверия мысль о 1942 г. как дате возможного советско-германского вооруженного столкновения. В многочисленных отечественных и зарубежных исторических исследованиях можно найти косвенные свидетельства намерения Сталина оттянуть подобное столкновение именно на 1942 г.

В начале июня 1941 г. состоялось заседание Главного военного совета. Выступивший на нем А. А. Жданов заявил: «Мы стали сильнее, можем ставить более активные задачи. Война с Польшей (речь идет о так называемом оборонительном походе осени 1939 г. — В. Н.) и Финляндии

были войнами оборонительными. Мы уже вступили на путь *наступательной политики*» (выделено мной. — В. Н.). Эти слова были произнесены во время обсуждения на ГВС проекта директивы «О задачах политической пропаганды в Красной Армии на ближайшее время».

Анализ директивных материалов, готовившихся в ЦК ВКП(б), УПА и ГУПП в духе сталинского выступления перед выпускниками военных академий, показывает, что, в частности, работа над ними велась основными «пропагандистскими» и «идеологами» большевистской партии и Красной Армии. Во-вторых, она велась весьма спешно, и это является лишним доказательством ее важности. Наряду с подготовкой проектов директив ЦК и ГУПП параллельно велась разработка документов, предназначенных непосредственно для руководства на уровне управлений политической пропаганды отдельных армий (например, находившихся на острие возможной атаки на Западе 5-й армии).

Текстологическое изучение указанных материалов показывает, что в них нет и намека на то, что страна и Красная Армия должны готовиться к отражению агрессии. Напротив, везде и всюду, где было возможно, составители директивных документов ЦК ВКП(б), УПА и ГУПП неоднократно подчеркивали (и этот акцент усиливался в дублируемых документах, что при необходимости СССР возьмет на себя инициативу первого удара, начнет наступательную войну в целях дальнейшего расширения «границ социализма»). При этом всячески преувеличивалась возможность в Красной Армии осуществить данный замысел. Подчеркивалось, что она является не инструментом мира, а инструментом войны, осуждалась имевшая место «партизанские» тенденции. Таким образом, как бы отмечая неоднократно поднимавшееся на щит в прежней пропаганде «условие»: «если враг осмелится напасть, то...» (В. Н.). Ответит двойным ударом» и т. д. и т. п. В проектах директивных материалов, составленных в духе сталинского выступления о переходе к «военной политике наступательных действий» (какое дело было номенклатурным работником ЦК и ГУПП, что вождь сказал об этом, будучи «наведенным» после ряда тостов), на первый план выдвигалась возможность и необходимость нанесения Красной Армией

упреждающего удара. И если в «Соображениях...» Генерального штаба подобная мысль как бы размывалась двойственностью (половина имеющихся дивизий наступают, остальные — в обороне, к тому же на 1942 году в документе планировалось строительство дополнительных укрепленных районов), то в анализировавшихся документах она звучит однозначно.

Не исключена возможность обнаружения в архивах «вдруг, по команде» (как это было с подлинником секретного протокола к пакту Риббентропа — Молотова и с материалами по Катынскому делу) каких-либо сенсационных материалов, которые свидетельствовали бы в гораздо большей степени об истинных намерениях Сталина в отношении Германии летом 1941 г. А пока можно привести одно весьма показательное свидетельство. В упомянутом выше тексте доклада «Современное международное положение и внешняя политика СССР» (май 1941 г.) содержалось следующее утверждение: «Германская армия еще не столкнулась с равноценным противником, равной ей как по численности войск, так и по техническому оснащению и боевой выучке. Между тем такое столкновение не за горами» (к слову, аналогичный вывод был сделан в докладе 7-го отдела ГУПП о политико-моральном состоянии вермахта)¹⁰⁹.

Далее, чуть ниже, в докладе ГУПП прямо говорилось: «Опыт военных действий показал, что оборонительная стратегия никакого успеха не давала и кончалась поражением. Следовательно, против Германии нужно применить ту же наступательную стратегию (выделено мной. В. Н.), подкрепленную мощной техникой».

На полях против первого абзаца начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александров чертал: «Этакой формулировки никак нельзя допускать. Это означало бы раскрыть карты врагу» (выделено мной. В. Н.). Замечание по поводу второго из цитированных пассажей дает возможность уяснить, какие именно замыслы хотел скрыть Александров: «Война с Герм[анией]»¹¹⁰.

22 июня 1941 г. Гитлер напал на СССР. Всеми советскому народу, Красной Армии, пропагандистскому аппарату пришлось воспринимать суровую реальность Великой Отечественной войны, которая первоначально носила

явно оборонительный характер. Большевистская пропаганда была вынуждена вновь «перестраиваться». Лишь в отношении отдельных оставшихся в живых участников очевидцев событий, в документах и дневниковых записках остались отрывочные свидетельства о той грандиозной подготовительной работе, которая велась в мае — июне 1941 г. в духе сталинских указаний о переходе к «военной наступательным действиям».

В.А. Невежин

Отечественная история. 1995. № 2.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹⁰⁹ Мельтюхов М.И. Споры вокруг 1941 года: опыт критического осмысления одной дискуссии // Отечественная история. 1993. № 3. С. 4–22; № 4–5. С. 277–283.

¹¹⁰ Документ опубликован: Горьков Ю.А. Готовил ли Сталин упреждающий удар против Гитлера в 1941 г.? // Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 40–45. См. также данную книгу, с. 175.

¹¹¹ «Ледокол» выпущен АО «Издательский дом «Новое время» (1992, 1993), «День «М»» — АО «Все для вас» (1994). В. Суворов обнаружил в тексте обоих изданий отступления от его рукописи. Он также заявил, что книга «День «М»» вольным изложением фирмы «Все для вас» не может являться нашей версией (см.: Русская мысль [Париж] 1994. 11 марта — 6 апреля; 5–7 мая; Новое время. 1994. № 21. С. 35. В статье ссылки даются на впервые опубликованное в России в авторской редакции издание: Суворов В. Ледокол: Это начал вторую мировую войну?; День «М»: Когда началась вторая мировая война? М.: ТКО «АСТ». 1994.

¹¹² Данилов В. Готовил ли Сталин нападение на Германию? // Поиск. 1994. № 24. 17–23 июня.

¹¹³ Галицкий Л. Что же сказал Сталин 5 мая 1941 года? // Новое время. 1991. № 19. С. 39.

¹¹⁴ Суворов В. Указ. соч. С. 163.

¹¹⁵ Это сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 38, 39.

¹¹⁶ Вишневецкий В.В. Соч.: В 5 т. М., 1961. Т. 6 (доп.). С. 328.

- ⁹ РЦХИДНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 895. Л. 43.
- ¹⁰ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2079. Л. 29, 30 об. (Далее: РГАЛИ).
- ¹¹ *Верт А.* Россия в войне 1941–1945. М., 1967. С. 74.
- ¹² *Безыменский А.* Указ. соч. С. 37.
- ¹³ *Волкогонов Д.А.* 22 июня 1941 года // Знамя. 1991. № 6. С. 10–16.
- ¹⁴ *Сталин И.В.* Речь в Большом Кремлевском дворце 5 июля 1941 года / Публ., предисл. и заключение А. Латышева // Искусство кино. 1990. № 5. С. 10–16.
- ¹⁵ *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления: В 3 т. 10-е изд., дополн. по рукописи автора. М., 1990. Т. 1. С. 358–359.
- ¹⁶ *Суворов В.* Указ. соч. С. 178.
- ¹⁷ РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2079. Л. 31.
- * Это свидетельство получено от доктора исторических наук Ю.П. Шаропова.
- ¹⁸ *Сталин И.В.* Указ. соч. С. 14; РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2079. Л. 31.
- ¹⁹ *Безыменский А.* Указ. соч. С. 39.
- ²⁰ РЦХИДНИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3808. Л. 11.
- ²¹ *Мельтюхов М.И.* Указ. соч. С. 10.
- ²² РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2079. Л. 31.
- ²³ Правда. 1991. 20 июля.
- ²⁴ *Горьков Ю.А.* Указ. соч. С. 41.
- ²⁵ 1941 год – уроки и выводы. М., 1992. С. 97.
- ²⁶ РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2183. Л. 91–93; РЦХИДНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 913. Л. 103.
- ²⁷ РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2183. Л. 95 об.
- ²⁸ Там же. Д. 1459. Л. 4.
- ²⁹ *Горьков Ю.А.* Указ. соч. С. 41.
- ³⁰ РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 1459. Л. 4.
- ³¹ *Невежин В.А.* Идея наступательной войны в советской пропаганде 1939–1941 годов // Преподавание истории в школе. 1994. № 5. С. 12; *Юмашева О.Г., Лепихов И.А.* Феномен «тоталитарного либерализма» (Опыт реформы советской кинематографии, 1939–1941 гг.) // Киноведческие записки. 1993/1994. № 20. С. 137.
- ³² *Марьямов Г.Б.* Кремлевский цензор: Сталин смотрит кино. М., 1992. С. 11.
- ³³ *Невежин В.А.* Указ. соч. С. 12; *Юмашева О.Г., Лепихов И.А.* Указ. соч. С. 137.
- ³⁴ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 28. Л. 20–39.
- ³⁵ Там же. Л. 31.
- ³⁶ РЦХИДНИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 898. Л. 1–44.
- ³⁷ Там же. Ф. 17. Оп. 125. Д. 28. Л. 20.
- ³⁸ Там же. Л. 40.

- ³⁹ Там же. Л. 41049.
- ⁴⁰ Там же. Д. 27. Л. 71–83.
- ⁴¹ *Волкогонов Д.А.* Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина: В 2 кн. Кн. 2. Ч. 1. М., 1989. С. 56, 154–155; *Киселев В.Н.* Упрямые факты начала войны // Военно-исторический журнал. 1992. № 2. С. 15; *Хоффман И.* Подготовка Советского Союза к наступательной войне. 1941 год // Отечественная история. 1993. № 4. С. 27 и др.
- ⁴² *Горьков Ю.А.* Указ. соч. С. 37.
- ⁴³ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Л. 26–42.
- ⁴⁴ Там же. Л. 53.
- ⁴⁵ Там же. Л. 84–121.
- ⁴⁶ Там же. Л. 53. Проект директивы «О политических занятиях красноармейцами и младшими командирами на летний период 1941 г.» цитируется В.Д. Даниловым. См.: *Данилов В.Д.* Указ. соч.
- ⁴⁷ *Волкогонов Д.А.* Триумф и трагедия... Кн. 2. Ч. 1. С. 154.
- ⁴⁸ *Симоиски Я.* «Черная дыра». Сентябрь 1939 – июнь 1941 г. (К вопросу о политике СССР в начальном периоде конфликта) // Россия в XX веке: Историки мира спорят. М., 1994. С. 428.
- ⁴⁹ *Репко С.И.* Цена иллюзий (Пропаганда на войска и население противника в первые месяцы войны) // Военно-исторический журнал. 1992. № 11. С. 8–19.
- ⁵⁰ *Барцев М.И.* Прозрение. М., 1981. С. 27–28.
- ⁵¹ Там же. С. 28–29; *Репко С.И.* Указ. соч. С. 9–10.
- ⁵² РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 27. Л. 26, 53.
- ⁵³ Там же. Ф. 77. Оп. 1. Д. 907. Л. 79.
- ⁵⁴ Там же. Д. 913. Л. 118.
- ⁵⁵ *Юмашева О.Г., Лепихов И.А.* Указ. соч. С. 137.
- ⁵⁶ *Суворов В.* Указ. соч. С. 176.
- ⁵⁷ Правда. 1938. 16 февр.
- ⁵⁸ VII съезд ВКП(б). 10–21 марта 1939 г.: Стеногр. отчет. М., 1939. С. 570.
- ⁵⁹ Правда. 1940. 2 авг.
- ⁶⁰ *Калинин М.И.* О коммунистическом воспитании. М., 1958. С. 246–247.
- ⁶¹ РЦХИДНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 913. Л. 48.
- ⁶² *Сталин И.В.* Указ. соч. С. 15.
- ⁶³ РЦХИДНИ. Ф. 77. Оп. 125. Д. 27. Л. 71–83.
- ⁶⁴ Там же. Ф. 17. Оп. 125. Д. 27. Л. 7–83.
- ⁶⁵ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 42. С. 173.
- ⁶⁶ XVIII съезд ВКП(б)... С. 476.
- ⁶⁷ РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 1401. Л. 4.
- ⁶⁸ РЦХИДНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 913. Л. 49.

- 69 Там же. Ф. 17. Оп. 125. Д. 16. Л. 76–77; Д. 18. Л. 11–12.
- 70 Известия ЦК КПСС. 1990. № 5. С. 191.
- 71 Захаров М.В. Генеральный штаб в предвоенные годы. 1989. С. 185.
- 72 Хоффман И. Указ. соч. С. 22.
- 73 РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 1401. Л. 7.
- 74 Накануне войны: Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г. // Русский архив: Великая Отечественная. М., 1993. Т. 12 (1). С. 3 (Далее: РА).
- 75 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 27. Л. 74. См. также: Волков Д.А. Триумф и трагедия... Кн. 2. Ч. 1. С. 154.
- 76 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 27. Л. 41–49.
- 77 Невежин В.А. Указ. соч. С. 13.
- 78 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 27. Л. 87; Ленин В.И. Соч., изд. Т. 26. С. 500; Ср.: 4-е изд. Т. 31. С. 403–405; Полн. собр. соч. Т. 42. С. 43–46. Это ленинское высказывание приводится также в проекте директивы «О политических занятиях с красноармейцами и младшими командирами Красной Армии на летний период 1941 г.». Выявивший документ В.Д. Данилов на заседании «круглого стола» в Институте российской истории РАН (май 1994 г.) отметил то обстоятельство, что приведенная ленинская цитата не вошла в полное собрание сочинений.
- 79 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 27. Л. 86.
- 80 Там же. Л. 117, 118.
- 81 Бурцев М.И. Указ. соч. С. 29.
- 82 Репко С.И. Указ. соч. С. 9–10.
- 83 Бурцев М.И. Указ. соч. С. 29.
- 84 Сталин И.В. Указ. соч. С. 15.
- 85 Бурцев М.И. Указ. соч. С. 31.
- 86 Хоффман И. Указ. соч. С. 27.
- 87 РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2079. Л. 32 об.
- 88 Филиппов И.Ф. Записки о «третьем рейхе». 2-е изд. 1970. С. 176–177.
- 89 РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2079. Л. 32.
- 90 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 27. Л. 25, 36, 60.
- 91 Сталин И.В. Указ. соч. С. 15.
- 92 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 27. Л. 63.
- 93 Там же. Л. 69.
- 94 Святой Георгий Победоносец. 1994. № 18.
- 95 Невежин В.А. Указ. соч. С. 12.
- 96 Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь: Воспоминания. Испр. и доп. В 3 т. М., 1990. Т. 2. С. 229–230.
- 97 Там же. С. 228.

- 98 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 27. Л. 61.
- 99 Вишнев О.В. Почему медлил Сталин в 1941 г. // Новая и новейшая история. 1992. № 1. С. 89; № 2. С. 76.
- 100 Хоффман И. Указ. соч. С. 27.
- 101 Цит. по: Данилов В.Д. Указ. соч.
- 102 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 27. Л. 28.
- 103 Хорьков А.Г. Грозовой июнь: трагедия и подвиг войск приграничных военных округов в начальный период Великой Отечественной войны. М., 1991. С. 82.
- 104 РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 1401. Л. 7.
- 105 Там же. Д. 2079. Л. 23. При публикации отрывков из дневника Вс. Вишневого в 1961 г. фраза, заключенная в скобках, была опущена. Получалось, таким образом, что мысль о близости «священных боев» принадлежала не В.М. Молотову, а Вс. Вишневному (см.: Вишневский В.В. Указ. соч. С. 327).
- 106 Святой Георгий Победоносец. 1994. № 18.
- 107 Там же.
- 108 Цит. по: Киселев В.Н. Указ. соч. С. 15.
- 109 Бурцев М.И. Указ. соч. С. 29.
- 110 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 27. Л. 99, 100, 103; Невежин В.А. Указ. соч. С. 13.

Сталинская стратегия начала войны: планы и реальность

Политический спор об ответственности за начало германо-советской войны разгорелся с первых ее часов. Оппонентствующие стороны дали свои толкования происшедшего в правительственных декларациях 22 июня 1941 г.

Из заявления Берлина:

«...Части русских все более и более продвигаются к границам Германии, несмотря на то что немецкой стороной не предпринимается никаких военных мер, которые могли бы оправдать такие действия русских»¹.

Из заявления Москвы:

«...Это неслыханное нападение на нашу страну является беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством. Нападение на нашу страну произведено, несмотря на то что между СССР и Германией заключен договор о ненападении и Советское правительство со всей добросовестностью выполняло все условия этого договора»².

Несмотря на то что этот спор, перейдя из области экстренной политики в сферу идеологии и отчасти науки, не утих до настоящего времени, очевидно, что виновность Германии как агрессора не может быть поставлена под сомнение. Напомним кредо Гитлера, сформулированное им еще в 20-х годах в книге «Mein Kampf»: «Если мы сегодня говорим о новых землях и территориях в Европе, мы обращаем свой взор в первую очередь к России, а затем же к соседним с ней и зависимым от нее странам»³.

С 1933 г., когда нацисты пришли к власти, эта, казалось бы, предельная, идея стала краеугольным камнем внешней политики Германии. Весной 1940 г. по указанию Гитлера штаб вермахта начал разработку плана войны против СССР. 18 декабря 1940 г. Гитлер утвердил директиву № 21 — план «Барбаросса». Развернулась крупномасштабная подготовка войны против Советского Союза. Первоначально готовность нападения на СССР намечалась на 15 мая 1941 г. Позже этот срок был уточнен. В директиве командования сухопутных сил вермахта от 10 июня 1941 г. говорилось: «Днем "Д" предлагается считать 22 июня в 13.00 21 июня в войска будет передан... сигнал "Дор-рунх". Он означает, что наступление, как и запланированное, начнется 22 июня, 3 часа 30 минут: начало наступления сухопутных войск и перелет авиации через границу»⁴.

Не лишне напомнить и о морали Гитлера как политика. За десять дней до нападения на Польшу он заявил своим генералам: «Я дам пропагандистский повод для развязывания войны, все равно, достоверен он или нет. У политиков потом не спрашивают, сказал он правду или нет. Главное и в ходе войны важно не право, а победа»⁵.

Именно этот сценарий Гитлер использовал при нападении на Советский Союз. Таковы достаточно известные факты. Но они касаются лишь планов и действий германского руководства. В то же время остаются недостаточно решенными вопросы: как виделось предстоящее военное столкновение с Германией из Кремля? Насколько удивительна традиционная советская версия мотивов нападения Сталина в предвоенные месяцы, недели и дни? Как объяснить разительное несоответствие между многократно доказанным фактом длительной и разносторонней подготовки СССР к большой войне и сокрушительными поражениями наших войск в течение ее первых месяцев? Кто и когда войну планировал Сталин? Общий ответ на последний вопрос, на мой взгляд, уже дан на страницах последнего номера журнала «Отечественная история» за 1995 г. Но нам речь идет главным образом об идеологии будущей войны в ее пропагандистском отражении. Опубликованная в третьем номере за 1994 г. статья М.И. Мельтюхова является удачной попыткой критического осмысления историко-географической дискуссии, связанной с оценкой наме-

рений советского руководства в отношении Германии накануне войны. К сожалению, автор не привлек новых архивных документов по теме статьи для аргументации своих выводов. Статья много теряет и от того, что в своих суждениях автор совершенно не использует зарубежную историографию, имеющую, как известно, богатый опыт «критического осмысления одной дискуссии»⁶.

Работая в последние годы с документами из архива Политбюро ЦК КПСС, личного архива И.В. Сталина, а также Историко-архивного и военно-мемориального центра Генерального штаба Вооруженных Сил России, автор настоящей статьи имел возможность познакомиться с довольно обширным кругом новых материалов, связанных с историей преддверия и начала Великой Отечественной войны. На их основе был подготовлен ряд публикаций в отечественной и зарубежной печати⁷.

Сейчас уже вполне определенно можно вести разговор о комплексе документов и материалов по обсуждаемой теме. Прежде всего — это рассекреченные в августе 1992 г. «Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками»⁸ (название условное, по описи архива, далее — «Соображения»). Они позволили пробить брешь в стене, воздвигнутой режимом секретности перед исследователями. Опубликованные выдержки из этого документа сразу же привлекли к себе внимание общественности. К сожалению, многие комментарии не лишены существенных недостатков. Так, профессор Д.А. Волкогонов и писатель В.В. Карпов практически ограничились лишь незначительной цитатой из документа, не анализируя его и не высказывая к нему своего отношения. В публикациях «Военно-исторического журнала», на мой взгляд, сделана определенная попытка нащупать некоторые верные направления анализа «Соображений». Однако гриф секретности документа, по-видимому, сковывал авторов и не позволил им сделать весомые научные оценки событий преддверия войны. В частности, сам документ приведен с большими купюрами. Дело в том, что из текста «Соображений» были исключены весьма важные для научного анализа положения и сведения о составе и соотношении сил и средств сторон в целом

по отдельным фронтам, возможном направлении главного удара противника, вероятных союзниках Германии, беспечности имеющимися запасами развертывания боевых действий войск и другие данные.

В «Соображениях» упоминаются еще шесть документов (допуск к ним все еще не разрешен):

План стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР на случай войны с Германией;

План намечаемых боевых действий на случай войны с Германией;

Схема развертывания, на карте 1:1 000 000, в 1 экз.;

Схема развертывания на прикрытие, на 3-х картах;

Схема соотношения сил, в 1 экз.;

Базирование ВВС на Западе, 3 карты.

Сохранился также ряд директив (в том числе рукописных) Генштаба о перегруппировке и стратегическом развертывании войск, по оперативным, организационным и другим вопросам.

На сегодняшний день основным документом, который дает основание по-новому ставить вопрос о намерениях советского военно-политического руководства, являются «Соображения». Этот документ адресован Председателю Совета Народных Комиссаров И.В. Сталину. Он представляет собой рукопись объемом 15 страниц стандартной бумаги для пишущей машинки, написанную черными чернилами генерал-майором А.М. Василевским (с 1943 г. — Маршал Советского Союза), тогдашним заместителем начальника Оперативного управления Генштаба. Первая страница — на бланке с угловым штампом наркома обороны СССР. На нем помечено: «...мая 1941 г.» (число не указано). В правом верхнем углу гриф: «Совершенно секретно. Число важно. Только лично. Экземпляр единств.».

По тексту рукописи имеются уточнения и исправления оперативно-стратегического, статистического и редакционного характера, внесенные простым карандашом первым заместителем начальника Генштаба генерал-лейтенантом Н.Ф. Ватутиным. Сведения об организационном составе и количестве войск противника и Красной Армии приведены по состоянию на 15 мая 1941 г. Под документом указаны места для подписей наркома обороны Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко и начальника

Генштаба генерала армии Г.К. Жукова. Однако документами не подписан.

Дата разработки документа не указана. Тем не менее, учитывая, что: а) в «Соображениях» отражены некоторые положения из выступления И.В. Сталина 5 мая перед слушателями военных академий; б) Сталин назначен председателем СНК СССР 6 мая; в) данные о силах и средствах сторон приведены по состоянию на 15 мая, — вполне вероятно, что работа над документом была завершена по крайней мере между 7 и 15 мая 1941 г.

О характере этого документа предельно лаконично и выразительно говорит следующее установочное положение из него: «Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отобилизованной, с развернутыми тылами, она имеет возможность предупредить развертывание и нанести внезапный удар.

Чтобы предотвратить это и разгромить немецкую армию, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий германскому командованию, упреждать противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск»⁹ (подчеркнуто карандашом рукой Н.Ф. Ватутина).

Обосновывая целесообразность нанесения упреждающего удара, Генштаб исходил не только из благоприятной военно-политической и военно-стратегической обстановки (Германия увязла в войне с Англией), но и выгодного соотношения сил. Предполагалось, что из имевших у нее 284 дивизий Германия сосредоточила на границах СССР 120 дивизий. Всего же в случае войны она могла выставить до 137 пехотных, 19 танковых, 15 моторизованных, 4 кавалерийских и 5 воздушно-десантных дивизий, т. е. 180 дивизий. Остальные силы ей необходимо было держать в центре страны, на западных границах, в Норвегии, Африке, Греции и Италии. Всего же, по расчетам Генштаба, Германия вместе с союзниками могла развить против Советского Союза до 240 дивизий¹⁰.

Сухопутные силы Красной Армии насчитывали 303 дивизии, в том числе 198 стрелковых, 61 танковую, 31 механизированную, 13 кавалерийских и 74 артиллерийских

в резерва Главного командования (РГК). Из них в составе Северного, Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов — 210 дивизий, в том числе 136 стрелковых, 11 танковых, 23 механизированных, 7 кавалерийских и 7 артиллерийских полка РГК. При этом в составе резерва Главного командования за Юго-Западным и Западным фронтами находилось 27 стрелковых, 14 танковых и 7 механизированных дивизий¹¹. По уточненному расчету, подвезенному лично Н.Ф. Ватутиным 14 июня 1941 г., в полосе Юго-Западного фронта (Киевский Особый военный округ — КОВО), т. е. там, где намечалось нанести упреждающий удар, было сосредоточено 58 дивизий (32 стрелковых, 10 танковых, 8 механизированных, 2 кавалерийских), а также 5 противотанковых бригад и один воздушно-десантный корпус. Кроме того, с начала военных действий этот фронт получал усиление — 45 стрелковых дивизий (19 — из Одесского, 5 — из Московского, по 7 дивизий из Орловского, Харьковского и Приволжского военных округов). Таким образом, к началу войны Юго-Западный фронт мог располагать мощным ударным кулаком в составе 103 стрелковых, 16 танковых, 8 механизированных и 2 кавалерийских дивизий, а также 5 противотанковых бригад и воздушно-десантного корпуса (без учета резерва Главного командования)¹². Для сравнения укажем, что другие военные округа имели: Ленинградский — 21, Калининский — 25, Западный — 44 дивизии. В «Соображениях» подчеркивается: «Таким образом, Красная Армия имеет наступательные действия с фронта Чижов, Гомельска силами 152 дивизий против 100 дивизий германских. На остальных участках госграницы предусматривается активная оборона»¹³.

Основной стратегической целью Генштаб считал разгром главных сил немецкой армии, развертываемых южнее линии Брест, Демблин, и выход к 30-му дню операции к фронту Остроленка, р. Нарев, Лович, Лодзь, Крейцбург, Зигемунд, Оломоуц. Последующей стратегической целью являлся разгром крупных сил центра и северного крыла германского фронта и овладение территорией бывшей Польши и Восточной Пруссии. В качестве ближайшей задачей считалась задача разгромить германскую армию в полосе р. Вислы и на Краковском направлении выйти

на реки Неман, Вислу и овладеть районом Катовице. Достижения этих целей Генштаб предлагал:

«а) главный удар силами Юго-Западного фронта насти в направлении Краков, Катовице, отрезая Германию от ее союзников;

б) вспомогательный удар силами Юго-Западного фронта нанести в направлении Седлец, Демблин с целью срывания Варшавской группировки и овладения Варшавы, а также содействия Юго-Западному фронту в разгроме Люблинской группировки противника;

в) вести активную оборону против Финляндии, Восточной Пруссии, Венгрии и Румынии и быть готовым к нанесению удара против Румынии при благоприятных обстоятельствах»¹⁴.

Общим стратегическим замыслом обуславливались задачи фронтам. Северный, Северо-Западный (кроме левого крыла) должны были вести активные оборонительные действия. Юго-Западному фронту ставилась задача:

«а) концентрическим ударом армий правого крыла фронта окружить и уничтожить основную группировку противника восточнее р. Висла в районе Люблин;

б) одновременно ударом с фронта Сенява, Перемишля, Лютовиска разбить силы противника на Краковском и Сандомирском направлениях и овладеть районом Краков, Катовице, Кельце, имея в виду в дальнейшем наступать из этого района в северном или северо-западном направлении для разгрома крупных сил северного крыла фронта противника и овладения территорией бывшей Польши и Восточной Пруссии;

в) прочно оборонять границу с Венгрией и Румынией и быть готовым к нанесению концентрических ударов против Румынии из района Черновцы и Кишинев с ближайшей целью разгромить северное крыло румынской армии и выйти на рубеж р. Молдова, Яссы»¹⁵.

Таковы основные положения предлагающегося Генштабом Красной Армии стратегического плана нанесения упреждающего удара против вермахта.

Почему Генштаб избрал юго-западное направление для нанесения упреждающего удара против вермахта? Это обуславливалось, по-видимому, следующими соображениями. Во-первых, создавалась возможность от-

решению от ее южных союзников, во-вторых, отрезать от мощной военно-экономической базы, какую представляли собой Балканы, прежде всего Румыния с ее богатыми запасами нефти; в-третьих, лишить вермахт наиболее выгодного в военно-стратегическом отношении плацдарма для наступления на богатый промышленно-аграрный район Советского Союза — Украину.

В интервью «Красной звезде» один из руководителей Черновицкого Генштаба генерал-полковник А.Н. Клейменов заявил по поводу вышеизложенного документа следующее: «Видимо, это один из многочисленных черновых проектов, которых в любом оперативном органе разрабатывается немало, прежде чем рождается план, директива или иной документ»¹⁶.

Отсутствие подписей высоких должностных лиц или указания Сталина на документе служит иногда основанием для того, чтобы ставить под сомнение его ценность как документа, позволяющего реконструировать действительные планы советского военно-политического руководства накануне войны. Хотя при этом совершенно не учитывается тот факт, что по условиям времени оперативные документы такого масштаба могли разрабатываться исключительно с ведома Сталина и на основе высказанных им военных и стратегических концепций. В таком деле всякая альтернатива исключалась, ибо могла быть расценена как умышленное выступление против «линии партии», т. е. Сталина, со всеми вытекающими последствиями. Маршал Жуков в этой связи говорил: «Надо реально себе представлять, что значило тогда идти наперекор Сталину и тем самым менять общеполитическую обстановку. У всех в памяти остались недавние минувшие годы; и заявить вслух, что Сталин неправ, что он ошибается, попросту говоря, могло означать, что, еще не выйдя из здания, ты уже пошел пить кофе к Берия»¹⁷.

Вполне естественно, что каждый предпочитал пить кофе в своем кабинете. Необходимо учитывать и то, что Сталин нередко давал «добро» на проведение того или иного мероприятия, формально не оставляя «следов» на представленном ему документе. Не исключено, что именно так произошло с «Соображениями». Дело в том, что в бывшем архиве Политбюро ЦК КПСС сохранилось направ-

ленные туда на согласование письменное интервью м-ра А.М. Василевского от 20 августа 1965 г., в котором речь шла о том, что во второй половине мая 1941 г. Василевский лично привозил в Кремль документы и материалы по планируемому упреждающему удару. В приемной Сталина он передал эти документы в руки Г.К. Жукову, который вместе с С.К. Тимошенко докладывал их Сталину¹⁸.

Анализ «Соображений» и других документов, связанных с подготовкой нападения на Германию, приводит к заключению, что это были «действующие» документы. На их основе развернулись крупномасштабные мероприятия. А так как подготовка к упреждающему удару в определенном отношении являлась не чем иным, как перенаправлением армии с обороны на наступление, то, во-первых, нельзя представлять это дело так, что такая подготовка началась с сегодня на завтра. Скорее, наоборот. Мероприятия по подготовке нападения проводились в определенном отношении в рамках осуществляемых ранее мероприятий по укреплению обороны и конкретных оборонительных действий. Во-вторых, некоторые из мероприятий начались с перенацеливания армии с обороны на наступление. Получили отражение прежде всего в «Соображениях». Для того чтобы обеспечить выполнение изложенного плана, подчеркивалось в них, необходимо провести следующие мероприятия, без которых, по мнению Генштаба, возможно было нанесение внезапного удара по противнику как с воздуха, так и на земле. Вот эти мероприятия:

«1. Произвести скрытое от мобилизации войск в виде учебных сборов запаса. (С конца 1941 г. начался призыв 793 тыс. человек для «прохождения больших учебных сборов» — БУС. — В. Д.)

2. Под видом выхода в лагеря произвести скрытое сосредоточение войск ближе к западной границе, в первую очередь сосредоточить все армии резерва Главного командования. (С середины мая началось выдвижение частей армий и стрелкового корпуса из внутренних округов к рубежу Днепра и Западной Двины. В приграничных округах соединения подтягивались на расстояние 20—80 км от госграницы. — В. Д.)

3. Скрыто сосредоточить авиацию на полевые аэродромы из отдаленных округов и теперь же начать раз-

местить авиационный тыл». (В середине июня только в Дальнем Востоке началось перебазирование в европейскую часть страны нескольких авиационных дивизий.)

В «Соображениях» подчеркивалось: «Для того, чтобы избежать себя от возможного удара противника, при сосредоточении и развертывании наших войск и подготовке их к переходу в наступление, необходимо:

1. Организовать прочную оборону и прикрытие госграницы, используя для этого все войска пограничных округов и почти всю авиацию, назначенную для развертывания на Западе.

2. Разработать детальный план противовоздушной обороны страны и привести в полную готовность средства ее защиты.

По этим вопросам мною отданы распоряжения, и разработка планов обороны госграницы и ПВО полностью заканчивается к 1.6.41 г.»¹⁹ (подчеркнуто мной. — В. Д.)

В пользу того, что эти планы стали выполняться, показывают директивы наркома обороны и начальника Генштаба, направленные в западные приграничные округа в начале июня 1941 г. В них были даны следующие указания командующим округами:

«Целью прикрытия от мобилизации и развертывания войск... к 30 мая 1941 года лично Вам с начальником штаба и начальником оперативного отдела штаба округа поработать:

а) Детальный план обороны государственной границы...;

б) Детальный план противовоздушной обороны...

3. План прикрытия вводится в действие при получении шифрованной телеграммы за моей, члена Главного военного совета и начальника Генерального штаба Красной Армии, подписью следующего содержания: «Приступить к выполнению плана прикрытия 1941 года»²⁰.

4. Для повышения боевой готовности войск округа в глубинные стрелковые дивизии и управления стрелковых корпусов с корпусными частями вывести в лагеря районы, предусмотренные для них планом прикрытия...

5. Приграничные дивизии оставить на месте, имея в виду, что вывод их на границу в назначенные им районы в случае необходимости будет произведен по особому приказу.

3. Вывод указанных войск закончить к 1 июля 1941 г. Со второй половины мая мероприятия по перегруппировке и стратегическому развертыванию войск заметно активизировались.

27 мая западные приграничные округа получили указания о строительстве в срочном порядке фронтовых полевых командных пунктов. С середины июня выдвигались войска к западной границе еще более ускоряется. В течение 14–19 июня командующие западными приграничными округами получили директивы о выводе с 21 по 25 июля фронтовых управлений (создавались на базе штабов и управлений военных округов) на полевые командные пункты. 19 июня последовал приказ о маскировке аэродромов воинских частей, важных военных объектов, окраске в защитный цвет танков и машин, рассредоточении авиационных частей.

Итак, в Красной Армии развернулась лихорадочная подготовка к нанесению упреждающего удара против врага. И это, пожалуй, один из наиболее весомых аргументов против утверждений традиционной историографии относительно подготовки страны и армии к отпору агрессии. Точнее, были попытки проведения некоторых мероприятий по прикрытию и обеспечению готовившихся наступательных действий. Недавно стали достоянием гласности итоги анкетного опроса, проведенного Военно-научным управлением Генштаба в конце 40 – начале 50-х годов. С целью обобщения опыта сосредоточения и развертывания войск западных приграничных округов по плану прикрытия государственной границы участникам первого боевого задания было задано пять вопросов. Вот как ответили они на первый вопрос – был ли доведен до войск в части, их касающейся, план обороны государственной границы; как и что было сделано командованием и штабами по обеспечению выполнения этого плана?

Генерал-лейтенант П.П. Собенников (бывший командующий 8-й армией Прибалтийского Особого военного округа): «Командующим я был назначен в марте 1941-го... В Генеральном штабе, ни по прибытии в Ригу в штаб ПриОВО я не был информирован о наличии такого плана. В документах штаба армии, который располагался в г. Елгава, я также не нашел никаких указаний по этому вопросу... Лишь 28 мая 1941 г. я был вызван в штаб округа

командующий войсками генерал-полковник Ф. И. Кузнецов нас ознакомил с планом обороны... Примерно через 1,5–2 часа после получения плана, не успев еще им ознакомиться, я был вызван к генерал-полковнику И. Кузнецову, который принял меня в затемненной комнате и с глазу на глаз продиктовал мое решение».

Генерал-полковник А.М. Сангалов (бывший начальник штаба 4-й армии Западного Особого военного округа): «В апреле 1941 г. командование 4-й армии получило из штаба ЗаОВО директиву, согласно которой надлежало разработать план прикрытия от мобилизации, сосредоточения и развертывания на брестском направлении».

Генерал армии И.Х. Баграмян (бывший начальник оперативного отдела штаба Киевского Особого военного округа): «План обороны государственной границы был доведен до войск в части, их касающейся, следующим образом: войска непосредственно осуществлявшие прикрытия... имели заранее разработанные планы и документацию до полка включительно; остальные войска... имели хранимый в сейфах соответствующего начальника штаба соединения опечатанный конверт с боевым приказом и всеми распоряжениями по боевому обеспечению поставленных задач»²².

Приведенные свидетельства дополняют воспоминания маршала К.К. Рокоссовского. Будучи накануне войны командиром 9-го механизированного корпуса (КОВО), он не мог не понять смысла проводимых командованием округа мероприятий. По словам маршала, полевая поездка, проведенная накануне войны командующим округа, не дала возможности определить, что преследовалось ею. Он пишет: «Последовавшие затем из штаба округа распоряжения войскам о высылке артиллерии на артполигоны, выдвигавшиеся в приграничной зоне, и другие нелепые мероприятия по обстановке распоряжения вызвали полное недоумение...» Судя по сосредоточению нашей авиации на периферийных аэродромах и расположению складов центрального значения в прифронтовой полосе, это походило на подготовку прыжка вперед (подчеркнуто мной. – В. Д.), а расположение войск и мероприятия, проводимые в войска, этому не соответствовали. «...» Во всяком случае, какой-то план и имелся, то он явно не соответствовал сложившейся к началу войны обстановке»²³.

Недоумение К.К. Рокоссовского вполне понятно. В нарком обороны маршал С.К. Тимошенко и начальник Генштаба генерал Г.К. Жуков специальной директивой предупредили командующего Киевским Особым военным округом, что о проводимых мероприятиях по подготовке упреждающего удара «никто, кроме Вас, члена Военного совета и начальника штаба округа, не должен знать». С целью конспирации в мае 1941 г. директива Генштаба о предстоящих мероприятиях по прикрытию «отмобилизации, сосредоточения и развертывания войск» была написана от руки Василевским в одном экземпляре. Вызванные в Москву начальники оперативных отделов штаба приграничных военных округов переписывали ее содержание в свои рабочие тетради и после соответствующей регистрации доставляли эту директиву под усиленной охраной в штабы своих округов.

Естественно возникает вопрос о намечавшихся сроках упреждающего удара по вермахту. Конечно же, несостоятельны утверждения о конкретных сроках нападения на Германию. Ни в «августе – сентябре», ни тем более «6 июля»²⁵ Красная Армия, да и сам Генштаб к такой акции не могли быть готовы. Но политическое решение о нанесении упреждающего удара по Германии при благоприятной для этого военно-стратегической обстановки в Европе могло быть принято Сталиным и учетом способности Красной Армии к наступательным действиям. Остается предположить, что упреждающий удар мог быть нанесен примерно после 10 июля 1941 г., — срок, который указан в директиве Генштаба, к которому должно было завершиться развертывание войск в западных приграничных округах²⁶.

Выявленные в тайниках военных архивов документы и материалы властно диктуют, как мне представляется, необходимость уточнения некоторых концептуальных положений истории преддверия и начального периода Великой Отечественной войны. В противном случае нашей историографии, как говорили предки, придется «протрожна прати». Эта проблема, на мой взгляд, требует самостоятельного рассмотрения. Здесь хотелось бы обратить внимание лишь на некоторые кричащие противоречия в историографии, которые никак не вписываются в ло-

гические рамки действительного развития событий преддверия и начала войны.

Обратимся к языку цифр и фактов, характеризующих начало войны.

В середине июля 1941 г. из 170 советских дивизий, вышедших на себя первый удар германской военной машины, 28 оказались полностью разгромленными, 70 дивизий потеряли свыше 50% своего личного состава и техники. Особенно жестокие потери понесли войска Западного фронта. Из общего числа разгромленных на советско-германском фронте дивизий 24 входили в состав этого фронта. В катастрофическом положении оказались и остальные 20 дивизий этого фронта. Они потеряли в силах и средствах от 50 до 90%.

За первые три недели войны Красная Армия лишилась значительного количества военной техники и вооружения. Только в дивизиях (без учета усиления и боевого обеспечения) потери составляли около 6,5 тыс. орудий калибра 75 мм и выше, более 3 тыс. орудий противотанковой обороны, около 12 тыс. минометов и около 6 тыс. танков. Военно-Воздушные Силы за это время потеряли 3 468 самолетов, в том числе значительное количество машин новых конструкций. Уже к полудню 22 июня в ходе бомбардировки советских аэродромов немцы уничтожили 1 200 самолетов, из них свыше 800 — на земле. Потери Советского Военно-Морского Флота составили: 1 лидер, 3 эсминца, 5 подводных лодок, 5 тральщиков, 5 торпедных катеров, 14 других судов и транспортов.

К концу 1941 г. Красная Армия потеряла практически весь первый стратегический эшелон — наиболее подготовленные кадровые войска. Только военнопленными, как это уже установлено, потери за это время составляли около 1 000 000 человек. К 10 июля немецкие войска продвинулись на территорию советской территории: на главном, западном направлении — на 450–600 км с темпом продвижения 25–35 км в сутки, на северо-западном направлении — на 450–500 км с темпом 25–30 км в сутки, на юго-западном направлении — на 300–350 км с темпом 16–20 км в сутки. Для сравнения: потери вермахта за этот период составили около 10% танков от первоначального состава, из них 20% — тяжелые потери; 900 самолетов; на Балтике — 4 минных

заградителя, 2 торпедных катера и 1 охотник. В личном составе потери вермахта, по немецким данным, составили около 100 тыс. человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести²⁷. Такие потери немцев, хотя и превысившие значительно их потери в предыдущих боях в Западной Европе, ни в какой мере не были сопоставимы с потерями советских войск.

В связи со всем сказанным возникает законный вопрос: в чем причина трагедии 22 июня? Среди многих факторов обычно называются «ошибки» и «просчеты» советского военно-политического руководства. Но при более внимательном рассмотрении некоторые из них оказываются вовсе не наивными заблуждениями, а следствием вполне продуманных мероприятий с целью подготовки упреждающего удара и последующих наступательных действий против Германии. Этому стратегическому замыслу и был подчинен принцип оперативного построения войск первого стратегического эшелона. На деле же в начале пришлось начинать в условиях мощного неожиданного удара со стороны противника неорганизованными оборонительными действиями. К тому же войсками, практически повсеместно застигнутыми врасплох.

Другой факт. Генштаб с учетом нанесения главного удара по противнику на Юго-Западном направлении решил сосредоточить здесь группировку войск, которая в полтора раза превышала группировку войск противника. Да и задачи, поставленные фронту на этом направлении, преследовали наступательные, а не оборонительные цели. Следовательно, не из мифических ожиданий главного удара противника, а исходя из наших расчетов на Юго-Западном направлении именно здесь была сосредоточена соответствующая группировка войск. Противник же нанес главный удар на Западном, Белорусском направлении, где наш Генштаб предполагал вести в основном активные оборонительные действия.

Как уже отмечалось, для Генштаба Красной Армии было тайной немецкого плана нападения на СССР — план «Барбаросса». Через 10 дней после утверждения этого плана Гитлером, т. е. 28 декабря 1940 г., его основные положения находились в руках советской военной разведки. А это означает, что советское Главное командова-

ние имело информацию относительно немецких планов нанесения главного удара по советским войскам севернее белорусских болот, а также о наступлении особо сильных танковыми клиньями из района Варшавы и севернее ее силами разбить силы русских в Белоруссии и т. д. Поэтому советский Генштаб сосредоточил довольно сильные группировки войск в Белостокском и Львовском направлениях. Не надо быть стратегом, чтобы ответить на этот вопрос. Даже беглый взгляд на конфигурацию советско-германской границы (линии будущего фронта) показывали возможность использования Белостокского и Львовского выступов для нанесения здесь многообещающих концентрических ударов по немцам. Генштаб не мог не использовать такой шанс. Но, как известно с времен битвы при Каннах (216 г. до н. э.), маневренный выступ в определенных условиях может превратиться в пожирательный котел. Именно в таких котлах оказались войска Западной Армии. Триумф германского командования стал одновременно трагедией сотен тысяч советских воинов. В военно-исторической литературе утверждается, что именно Гитлер якобы допустил крупный просчет, разместив основные запасы материальных средств вблизи государственной границы. Как известно, они с первых часов войны оказались в зоне огневого воздействия противника. Через три недели войны около 200 складов с горючим, боеприпасами и вооружением оказались на территории, захваченной немцами. Положение усугублялось еще и тем, что значительное количество материальных средств войска, отступающие, вынуждены были уничтожать. Из 700 вагонов боеприпасов, находившихся на артиллерийских складах в районе Львова, 160 были уничтожены. За первые три недели войны на Юго-Западном фронте было уничтожено 1 933 вагона боеприпасов и 38 047 т горючего²⁸. Как это ни парадоксально признавать, размещение материальных средств вблизи границы не было простым просчетом, а диктовано объективной необходимостью эффективного обеспечения наступающих войск, точнее, планировавшегося наступления.

Исходя из предполагавшихся наступательных действий Генштаб, по-видимому, считал, что не было необходимости создавать капитальные кабельные подземные линии связи. Связь с фронтами намечалось обеспечивать

в основном по общегосударственной сети, узлы и линии которой сосредоточивались в крупных городах. Действующие узлы связи размещались в помещениях, не защищенных от воздушного нападения. Запасных узлов связи и обходов крупных населенных пунктов не было. Воздушные линии связи проходили вдоль железных и шоссейных дорог. Такая организация связи привела к тому, что с началом войны связь Генштаба с фронтами была нарушена, а фронтов с подчиненными войсками была нарушена.

«Наступательная» стратегия привела к тому, что ни Генеральный штаб, ни для командований видов вооруженных сил заранее не были подготовлены командные пункты с соответствующими системами связи, управления и жизнеобеспечения. Вот и пришлось офицерам оперативного управления Генштаба с началом войны, из-за разрушения командных пунктов, работать в непригодном для этих целей подвале здания Генштаба, а позже — на каждой ночь перебираться в зал станции метро «Белорусская», где командир артиллерии С.М. Штеменко вспоминал: «Теперь мы каждый вечер собирали документы в чемоданы и ехали к Ленинградскому вокзалу. В течение всей ночи на одной платформе метрополитеновского перрона функционировал центральный командный пункт, тогда как другая платформа, отгороженная от первой только фанерной перегородкой, с наступлением сумерек заполнялась жителями Москвы».

Надо ли доказывать, что в таких условиях руководить операциями многомиллионной армии было не так-то просто. Лишь в августе 1941 г. для Верховного Главнокомандующего и операторов было оборудовано помещение с узлом связи и другими комнатами на станции метро «Кировская».

19 июня 1941 г. Киевский Особый военный округ получил приказ о формировании на базе штаба и управлений округов фронтового управления и переброске штаба в Тернополь (Тарнополь). Очевидно, организация командного пункта фронта вблизи от госграницы также обуславливалась намерением быть как можно ближе к наступающим войскам, и уж, во всяком случае, не в интересах эффективного управления оборонительными действиями войск фронта. Ведь в случае нападения противника командный пункт оказывался (и действительно оказывался)

под воздействием огня противника. Так, утром 22 июня в Бродах, т. е. в 60 км от Тернополя, автоколонна управления Юго-Западного фронта во главе с полковником И.Х. Баграмяном подверглась бомбежке. А когда автоколонна прибыла на командный пункт фронта в Тернополь, его связь с войсками уже была нарушена³⁰.

Думается, что и так называемый просчет Сталина в определении срока нападения Германии предопределялся его необоснованным убеждением, будто инициатива в начале войны с Англией, Гитлер решится связаться в войсках СССР, так как ему в таком случае придется вести войну на два фронта, что обречено на неизбежное поражение. Возможно, именно этими обстоятельствами объясняется упорное игнорирование Сталиным практически любых сигналов о конкретной дате готовящейся агрессии Германии против СССР.

В ходе подготовки упреждающего удара Генеральный штаб провел многие мероприятия, которые, по его расчетам, обеспечивали успех намеченной акции. И уж, конечно, Сталин, ни Генштаб не предполагали, что Гитлер так легко предупредит их в нанесении мощного удара, но так же использует проводимые советской стороной военные мероприятия в качестве основания для оправдания своей агрессии. Однако между желанием нанести упреждающий удар и способностью Красной Армии выполнить такую задачу была, выражаясь словами Грибоедова, «длина» огромного размера». Видимо, Сталин стал понижать планку, особенно с начала июня 1941 г. Во всяком случае, к 10 июня, получив достоверные данные о сосредоточении немецких войск в полосе западной границы, а не истинно, — и убедившись в возможности нападения немцев в начале 20-х чисел июня, Сталин предпринял отчаянные попытки оттянуть начало войны. С этой целью появлялось известное заявление ТАСС от 13 июня, активизируются бесплодные попытки втянуть Берлин в переговорный процесс, пунктуально выполняются поставки в Германию стратегического сырья, продовольствия и т. п. Однако ситуация была такова, что уже никакая сила не могла остановить меч Германии, занесенный над Советским Союзом. В то же время Красная Армия оказалась не готовой к нападению на Германию, ни к обороне своей страны.

Сталинская стратегия победоносной наступательной войны в 1941 г. обернулась тяжелыми поражениями Красной Армии. Вместо «прыжка» на Запад был осуществлен «бросок на Восток». Бремя оборонительной патристической войны, не той войны, которую планировал Сталин, легло на плечи народа. Именно народ ценой невероятных потерь и одержал Победу в 1945 г.

В заключение хотелось бы привести две «свежие» цитаты из архивных источников, характеризующие Сталина как Верховного Главнокомандующего в трудные дни наступившей войны. Одна из цитат несколько противоречит сложившемуся у нас за годы гласности образу «всезнающего», другая же вполне ему соответствует.

27 мая 1942 г. после неоднократных просьб руководства Юго-Западного фронта (С.К. Тимошенко, Н.С. Хрущев, И.Х. Баграмян) о подкреплении в его адрес был передан ответ Сталина, в котором, в частности, говорилось: «Именно в виду, что у Ставки нет готовых к бою новых дивизий, что эти дивизии сырые, необученные и бросать их на фронт — значит доставлять врагу легкую победу. Не пора ли вам поучиться воевать малой кровью, как делают немцы? Воевать надо не числом, а умением»³¹.

13 ноября 1941 г. из Москвы в осажденный город перед командованию Ленинградского фронта было передано следующее указание Сталина: «Из опыта знаю, что немцы, когда они переходят на оборону, как, например, у вас перед Ленинградом, они обычно устраиваются под домами и в кюветами населенных пунктов в подвальных помещениях, которые они обычно углубляют. Без сомнения, перед наступающим фронтом немцы обосновываются таким же образом. Поэтому мой совет — при продвижении вперед не заходить целью взять тот или иной населенный пункт врасплох. Например, 1-го городка Синявино и т. д., а поставить себе задачу разрушить до основания населенные пункты и сжечь их, захоронив под ними укрывающиеся немецкие штабы и склады. Откиньте всякую сентиментальность и разрушайте до конца все населенные пункты на вашем пути. Это лучший способ добраться до восточного берега»³².

В первом из приведенных высказываний Сталин рассуждает так, как и должен был рассуждать в условиях дефицита подготовленных к бою людских ресурсов лю-

бомыслящий военачальник. Интересен в связи с этим и призыв «поучиться у немцев». Ведь за таким призывом — признание того, что неумение воевать малой кровью было характерной чертой советской военной школы. Второе высказывание Сталина слегка приоткрывает занавес над неисследованной у нас темой: судьбы гражданского населения в условиях ожесточенных боевых действий периода Великой Отечественной войны. Огромные жертвы в этом случае имплицитно признавались историками в качестве неизбежной платы за военный успех. Отчасти это, конечно, действительно было так. Но Сталину в этом, как и во многом другом, решительно не хватало меры.

В.Д. Данилов

Историческая стратегия начала войны. 1995. № 3.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. М., 1961. Т. 2. С. 14.
- ² Правда. 1941. 23 июня.
- ³ Hitler A. Mein Kampf. München. 1933. S. 742.
- ⁴ Цит. по: Дашичев В.И. Банкротство стратегии Германского фашизма: Исторические очерки, документы и материалы. М., 1973. Т. 2. С. 128.
- ⁵ Война Германии против Советского Союза. 1941—1945. Берлин, 1992. С. 32.
- ⁶ См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945. М., 1965. Т. 6; Большая ложь о войне: Критика новейшей буржуазной историографии второй мировой войны. М., 1971; Magenheimer H. Neue Erkenntnisse zum «Unternehmen Barbarossa». Österreichische Militärische Zeitschrift. Heft 5/1991.
- ⁷ См.: Готовил ли Сталин нападение на Германию? // Комсомольская правда. 1992. 4 янв.; Hat der Generalstab der Roten Armee einen Präventivschlag gegen Deutschland orbereit? // Österreichische Militärische Zeitschrift. Heft I. S. 41—50; Готовил ли Генеральный штаб Красной Армии упреждающий удар по Германии? // Сегодня. 1993. 28 сент.; Готовил ли Сталин нападение на Германию? // Поиск. 1994. № 24 (266).

- 17–23 июня; Начало войны: героическое и трагическое Святой Георгий Победоносец. 1994. № 19, сент.; Начало войны: почему мы отступали? // Там же. 1994. № 21, сент.; Начало войны: создание и деятельность Ставки ВГК // Там же. 1994. № 24, ноябрь; Битва под Москвой: взгляд через десятилетия // Там же. 1994. № 29, дек.; выступления на радио Свободы, радио России и др.
- ⁸ Полностью текст с научными комментариями впервые опубликован в «Österreichische Militärische Zeitschrift. Heft 1993. S. 41–51.
- ⁹ Историко-архивный и военно-мемориальный центр Генерального штаба Вооруженных Сил России. Ф. 16. Оп. 1. Д. 237. Л. 4–5. (Далее: ИА ВМЦ ГШ).
- ¹⁰ Там же. Л. 1–3.
- ¹¹ Там же. Л. 5–6.
- ¹² Там же. Д. 238. Л. 63.
- ¹³ Там же. Д. 237. Л. 5.
- ¹⁴ Там же. Л. 4–5.
- ¹⁵ Там же. Л. 8–11.
- ¹⁶ Красная звезда. 1990. 18 авг.
- ¹⁷ Новая и новейшая история. 1988. № 6. С. 7.
- ¹⁸ Василевский А.М. Накануне войны // Новая и новейшая история. 1992. № 6. С. 6–8.
- ¹⁹ ИА ВМЦ ГШ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 237. Л. 11–13.
- ²⁰ Там же. Л. 33, 45, 77.
- ²¹ Там же. Д. 235. Л. 65.
- ²² Военно-исторический журнал. 1989. № 3. С. 62–63.
- ²³ Рокоссовский К.К. Солдатский долг // Военно-исторический журнал. 1989. № 4. С. 52–55.
- ²⁴ ИА ВМЦ ГШ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 256. Л. 3.
- ²⁵ См.: Большая ложь о войне. Критика новейшей буржуазной историографии второй мировой войны. М., 1971. С. 10–11; Суворов В. Ледокол: кто начал вторую мировую войну? М., 1992. С. 333.
- ²⁶ Начальный период войны (По опыту первых кампаний и операций второй мировой войны). М., 1974. С. 211.
- ²⁷ Данилов В.Д. Ставка ВГК. 1941–1945. М., 1991. С. 15–16.
- ²⁸ Развитие тыла Советских Вооруженных Сил. 1918–1988. М., 1989. С. 118–119.
- ²⁹ Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны М., 1991. Т. 1. С. 37.
- ³⁰ Баграмян И.Х. Так начиналась война. М., 1977. С. 85, 88–89.
- ³¹ Архив президента РФ. Ф. 45. Оп. 1, 441. Л. 32.
- ³² Там же. Д. 483. Л. 131–132.

Готовил ли Сталин упреждающий удар против Гитлера в 1941 году

О Великой Отечественной войне написано немало фундаментальных трудов, издано множество монографий и военно-теоретических исследований. И все-таки вся правда о ней до конца еще не выявлена.

В последнее время на страницах печати высказываются различные точки зрения о причинах возникновения войны, поднимаются вопросы о «превентивной войне», «упреждающем ударе», «внезапности нападения»¹. В ряде публикаций утверждается, что СССР весной 1941 г. готовил превентивную войну против Германии, разрабатывая стратегию упреждающего удара по сосредоточенной на границе, еще не развернутой германской армии².

Высказывание страстей по этим вопросам до сих пор не останавливается, идут дискуссии на различных уровнях. Это нашло свое отражение, в частности, отражение во время проведения «круглого стола» на тему «Превентивная война, внезапность нападения» в мае 1992 г. в Институте военной истории Министерства обороны Российской Федерации.

Почему же спустя полвека мы вновь и вновь возвращаемся к событиям начала Великой Отечественной войны? Причин тому много, выделим из них главные.

Во-первых, необходимость раскрыть полную правду о том, как и почему летом 1941 г. наши Вооруженные Силы в целом оказались на грани катастрофы.

Во-вторых, недостаточная глубина исследования данной проблемы из-за недоступности многих архивных документов ввиду грифа секретности.

Все это породило публикацию иногда ненадежных и даже сомнительных источников, различных домыслов и толкований. Особое место здесь отводится последнему оперативному плану войны («Соображения по плану стратегического развертывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками»³), разработанному Генштабом Красной Армии по состоянию на 15 мая 1941 г. И это вполне естественно. Ведь именно с этим планом мы вступили в войну, им руководствовались командующие войсками округов и их штабы, действовали войска. Отметим, что в публикации в «Военно-историческом журнале», посвященной плану 15 мая 1941 г., приведены лишь несколько страниц из него⁴. Опущены очень важные части, особенно вводная часть и некоторые абзацы в конце, что не позволяет составить верное представление об этом плане. Поэтому в приложении к статье упомянутый план публикуется в полном виде (см. с.).

Чтобы правильно оценить план 15 мая 1941 г., необходимо проследить развитие военно-оперативного планирования в Красной Армии на протяжении двух предвоенных десятилетий.

К сожалению, широкие круги читателей мало знают об оперативном планировании войны, проводившемся в СССР в предвоенные годы. Вопросы принятия решений и их документальное оформление по многим причинам объективного и субъективного порядка глубоко не исследованы. Уже ушли из жизни люди, которые принимали личное участие в этом нелегком и весьма ответственном деле. Восстанавливать историческую правду в настоящее время приходится по имеющимся архивным делам, запискам в личных тетрадях руководителей Народного комиссариата обороны (НКО), Генштаба и политических деятелей страны. А это не всегда возможно.

Всестороннее исследование вопросов планирования войны очень важно для объективной оценки причин возникновения войны, подготовки к ней государств и армий, планов сторон, анализа хода войны, ее уроков и выводов.

В самом деле, оперативный план войны, являясь конкретным центрированным выражением военной доктрины, принятой в государстве, представляет собой тот стержневой документ, вокруг которого увязываются в единое целое все

оперативный план, план строительства вооруженных сил, программа развития вооружений и боевой техники, подготовка резервов, планы экономических мероприятий и т. д. Разумеется, оперативные планы войны, как в любом государстве, имелись и в Советском Союзе. В различное время они носили разные названия: «О стратегическом развертывании Красной Армии на случай войны на Западе по варианту РС» (1924 г.)⁵, «Записка по обороне РСФСР» (1927 г.)⁶, «План стратегического распределения РККА и оперативного развертывания на Западе» (1930 г.)⁷, «Основы стратегического развертывания на Западном и восточном театре военных действий» (1938 г.)⁸, «Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и на Востоке на 1940–1941 годы» (1940 г.)⁹, «Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками (май 1941 г.)»¹⁰.

Планирование военных действий Красной Армии было в центре внимания Генерального штаба и правительства СССР. С 1921 по 1923 г. оно сводилось к разработке документов в штабах военных округов. С 1924 г., когда был создан штаб РККА, и до начала Великой Отечественной войны оперативные планы разрабатывались и уточнялись не менее 15 раз. К разработке плана и ознакомлению с ним допускался строго ограниченный круг лиц. В Генштабе к нему были допущены в полном объеме исполнители: заместитель начальника Оперативного управления Генштаба, первый заместитель начальника этого управления, первый заместитель начальника Генштаба, начальник Генштаба, нарком обороны СССР и основные члены Совета Обороны (И.В. Сталин, В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, А.М. Каганович). План имел самый высокий гриф секретности — «совершенно секретно», «особо важно». В предвоенное время план разрабатывался в единственном экземпляре, на утверждение докладывался только лично Сталину и Молотову. Анализ указанных оперативных планов войны показывает, что наиболее полно и грамотно, с высокой штабной культурой они были разработаны и оформлены в период деятельности в должности начальника Генштаба маршала Советского Союза М.Н. Тухачевского и А.И. Егорова.

Ответственным исполнителем этих документов был начальник Оперативного управления — заместитель начальника Генштаба В.К. Триандафилов. Планы регулярно обсуждались и утверждались Советом Труда и Оборона (СТО).

Постоянными докладчиками в СТО по этим планам были указанные выше лица, но чаще всего Триандафилов. В ходе заседания тщательно велся протокол, в котором фиксировались рассматривавшиеся вопросы, выступления членов Совета и приглашенных лиц. Решения оформлялись постановлениями СТО. Они незамедлительно доводились Генштабом до исполнителей.

По исполнительным (частным) директивам разрабатывались фронтовые и армейские оперативные документы (планы обороны госграницы, иногда (до 1935 г.) — планы фронтовых и армейских операций). Все документы оформлялись надлежащим образом, подписывались должностными лицами и утверждались.

Структура оперативных планов войны была следующей:

1. Военно-политическая обстановка (оценка вероятных противников).
2. Состояние вооруженных сил вероятных противников.
3. Намерения и вероятные планы противников.
4. Основы нашего стратегического развертывания.
5. Основы стратегического развертывания на Западе.
6. Основы стратегического развертывания на Востоке.

Пункты 5, 6 иногда входили в пункт 4, пункт 6 большей частью самостоятельно не выделялся.

План, как правило, имел приложения: а) схема развертывания (одна или по отдельным вариантам); б) схема соотношения сил и средств; в) карта базирования ВВС; г) план распределения сил и средств; д) ведомость распределения сил и средств; е) план-график железнодорожных перевозок по вариантам и некоторые другие документы.

Во время деятельности в Генеральном штабе Тухачевского оперативный план именовался «План обороны страны» и имел следующую структуру: 1) военно-политическая обстановка (взаимоотношения с сопредельными государствами, оценка их возможностей, боевой и численный состав армии, предполагаемые намерения); 2) система вооруженных сил (структура НКО, виды вооруженных сил, их организация); 3) система и состояние подготовки страны к обороне; 4) общие выводы.

Этим планом устанавливалась численность Красной Армии: 600 тыс. человек в мирное и 3 085 тыс. человек в военное время, а также ежегодный бюджет — 584 638 тыс. рублей¹¹.

Последний оперативный план войны был официально оформлен в 1938 г. Его подписали нарком обороны К.Е. Ворошилов, начальник Генштаба Б.М. Шапошников. Он был утвержден Сталиным, Молотовым, Кагановичем и Ворошиловым как членом Совета Оборона.

С 1938 по 1940 г. план не уточнялся, хотя в этом имела необходимость, так как изменилась территория СССР, увеличились людские резервы, стало больше военных округов. Только к августу 1940 г. оперативный план был разработан вновь (исполнитель — заместитель начальника Оперативного управления Генштаба генерал-майор А.М. Василевский). Его представил начальник Генштаба Маршал Советского Союза Б.М. Шапошников наркому обороны Ворошилову, но одобрения не получил, так как в плане, по мнению последнего, преувеличивалось значение германской группировки в Восточной Пруссии, делался якобы неверный вывод, что основные события развернутся к северу от устья р. Сан, и, кроме того, в нем не был проработан вариант на случай, если главные силы противника будут развернуты южнее Варшавы и нанесут свой главный удар на Киев. История показала правильность выводов, сделанных в августовском проекте плана 1940 г., хотя он и не был утвержден. Вскоре Шапошников был удален от должности начальника Генштаба и назначен заместителем наркома по укрепленным районам.

Работа по уточнению оперативного плана продолжалась уже под руководством нового начальника Генштаба генерала армии К.А. Мерецкова. Непосредственным исполнителем по-прежнему оставался Василевский. К сентябрю 1940 г. проект оперативного плана был готов. 18 сентября он был скреплен подписями наркома обороны С.К. Тимошенко и К.А. Мерецкова и представлен Сталину и правительству на утверждение.

5 октября этот план, носивший название «Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и на Востоке на 1940—1941 годы», был рассмотрен правительством

(практически Сталиным и Молотовым)¹². После учета замечания, высказанного Сталиным, — об усилении войск Юго-Западного фронта — 14 октября он был утвержден.

В первом разделе плана делался следующий вывод о противниках Советского Союза: «Таким образом, Советскому Союзу необходимо быть готовым к борьбе на два фронта: на Западе против Германии, поддержанной Италией, Венгрией, Румынией, Финляндией, и на Востоке — против Японии, как открытого противника, или противника, занимающего позиции вооруженного нейтралитета, всегда могущего перейти в открытое столкновение»¹³. Предполагалось, что главным театром военных действий станет Западный, а наиболее вероятным противником будет Германия.

Дальнейшие события подтвердили этот очень важный вывод военно-политического руководства Советского Союза о составе коалиции противника.

В плане было правильно определено местоположение основной группировки немецких войск к северу от устья р. Сан, способной нанести главный удар в направлении на Ригу, а частью сил — на Ковно и далее на Двинск — Полоцк или на Ковно — Вильно и далее на Минск. Предполагались концентрические удары противника со стороны Ломжи и Бреста, с последующим их развитием в направлении Барановичи — Минск. Вспомогательный удар ожидался с территории Румынии в направлении на Жмеринку. Это был, по сути, первый вариант возможных действий войск противника. Не исключалась также вероятность создания основной группировки на юге, в районе Седлец — Люблин, для нанесения главного удара на Киев (второй вариант). Примерным сроком развертывания германских армий считалось 10—15 суток от начала сосредоточения. Однако «основным, наиболее политически выгодным для Германии, а следовательно, наиболее вероятным является первый вариант ее действий, т. е. с развертыванием главных сил к северу от устья р. Сан»¹⁴.

Каковы же были основы стратегического развертывания советских войск на западе, заложенные в замысел рассматриваемого плана войны?

Прежде всего предусматривалось два варианта развертывания войск. По первому из них «главные силы

Красной Армии на западе должны быть развернуты к югу от Брест-Литовска, с тем чтобы мощными ударами в направлении Люблин, Краков и далее на Бреслау на первом этапе войны отрезать Германию от Балканских стран, лишить ее важнейших экономических баз»¹⁵. По второму варианту главные силы должны быть развернуты «к северу от Брест-Литовска, с задачей нанести поражение главным силам германской армии в пределах Восточной Пруссии и овладеть последней»¹⁶.

В основе замысла по первому варианту лежало решение следующих задач:

«1. Активной обороной прочно прикрывать наши государственные границы в период сосредоточения войск.

2. Во взаимодействии с левобланговой армией Западного фронта силами Юго-Западного фронта нанести решительное поражение Люблинско-Сандомирской группировке противника и выйти на р. Висла, в дальнейшем нанести удар в общем направлении на Кельце, Краков и выйти на рубеж р. Пимица и верхнему течению реки Одер.

3. Прочно прикрыть границы Северной Буковины и Бессарабии.

4. Активной обороной Северо-Западного и Западного фронтов сковать часть сил немцев севернее Брест-Литовска и в Восточной Пруссии. Прочно при этом прикрывать Минское и Псковское направления»¹⁷.

По второму варианту предусматривалось:

1. Прочное прикрытие направлений на Минск и Псков.

2. Нанесение решительного поражения главным силам, находящимся в Восточной Пруссии.

3. Прочное прикрытие государственных границ на участках Западной Украины, Северной Буковины и Бессарабии, а также нанесение поражения группировке немецких войск в районе Люблина, Грубешов — Томашов.

В соответствии с общим стратегическим замыслом, часть которого приведена выше, была поставлена задача командующим фронтами, в частности командующему Юго-Западным фронтом генерал-полковнику М.П. Кирпону. Разработанный штабом Киевского Особого военного округа (КОВО) план предусматривал операцию в три этапа. «1-й этап операции — оборона на укрепленном рубеже по линии госграницы... 2-й этап — наступление.

Задача — ближайшая задача фронта. Глубина 120—130 км. Начало наступления с утра 30 дня мобилизации... 3-й этап операции. Задача — завершение стратегической задачи фронта»¹⁸.

План операции КОВО был разработан к концу 1940 г. Все планы других военных округов, в частности и Западного Особого военного округа (ЗапОВО), нацеливались только на оборону. В плане ЗапОВО в пункте 2 отмечалось: «Переходить и перелетать госграницу нашим частям разрешается только по особому указанию Народного Комиссариата обороны, переданного через комвойска»¹⁹. Для полноты картины предполагаемых военных действий со стороны Вооруженных Сил СССР рассмотрим задачи, поставленные командующим войсками КОВО 5-й армии.

«1. 5-я армия (рп № 1).

Задача оборонять государственную границу на фронте иск. Влодово, Устимуг, Крысынополь, не допустив вторжения на нашу территорию.

В основу обороны положить упорную оборону районов и возведенных полевых укреплений Ковельского, Владимир-Волынского и северной части Струшеловского укрепрайонов. Всякие попытки противника прорвать оборону ликвидировать контратаками корпусных и армейских резервов»²⁰.

Подобные же задачи ставились 6, 26, 12-й армиям.

Задачи оборонительного характера обозначены и в планах прикрытия в полосах армий; в них ни слова не говорится о наступлении»²¹.

Таким образом, мы видим, что все документы оперативного плана — от Генштаба до армий включительно — позволяют сделать вывод о том, что Советский Союз не готовился к нападению на Германию первым. Сам характер предполагаемых военных действий отражал не наступательную, а скорее зонтичную доктрину, согласно которой предусматривается ведение оборонительных действий войсками прикрытия, а затем, после развертывания основных войск, переход в наступление.

Существенно новым в сентябрьском плане 1940 г. являлось признание «южного варианта» основным. Причиной этого, отмечал маршал М.В. Захаров²², были соображения субъективного характера.

Во-первых, оказало влияние личное убеждение Сталина в том, что гитлеровцы в войне с Советским Союзом будут стремиться прежде всего овладеть Украиной, Донецким бассейном. Он полагал, что Германия не может вести длительную войну без захвата жизненно важных ресурсов Украины и Северного Кавказа. Но Гитлер и не делал ставку на длительную войну. Он был последователем теории «тотальных» и «молниеносных» войн, разработанной в свое время Шлифеном, Мольтке-младшим и Людендорфом.

Во-вторых, многие военачальники еще придерживались устоявшихся взглядов, вытекавших из «периферийной стратегии», которая была разработана в СССР в 30-х годах профессором Академии Генштаба А.А. Свечинным, последователем в этом вопросе теоретических обоснований немецкого историка Г. Дельбрука. Несостоятельность этой теории была затем показана маршалами Советского Союза А.И. Егоровым и Б.М. Шапошниковым.

В-третьих, немалое значение имело и то, что все руководители Наркомата обороны и Генштаба служили ранее в Киевском военном округе. Это нарком обороны С.К. Тимошенко — бывший командующий округом; первый заместитель начальника Генштаба Н.Ф. Ватутин — начальник штаба округа; начальник Оперативного управления Генштаба генерал-лейтенант Г.К. Маландин и некоторые другие. Позднее к ним прибавился начальник Генштаба генерал армии Г.К. Жуков, тоже бывший командующий войсками Киевского округа.

По мнению штаба КОВО, главная группировка войск противника (145—170 дивизий) должна была быть сосредоточена против Юго-Западного фронта и главный удар был наиболее вероятен на Киев.

После утверждения правительством «Соображений об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и на Востоке на 1940—1941 годы» в Генштаб были вызваны командующие войсками, члены военных советов и начальники штабов округов для разработки своих оперативных документов, которые здесь же утверждались наркомом обороны.

В конце декабря 1940 г. в Генштабе проходили сборы высшего командного состава Красной Армии. В ходе их были проведены стратегические игры по обстановке, сход-

ной с последним оперативным планом, где определились новые взгляды на ведение войны в современных условиях.

В соответствии с этими взглядами назначенный на должность начальника Генштаба Жуков дал указание начальнику Оперативного управления Маландину уточнить «Соображения...» к 22 марта 1941 г., а по «северному варианту» — к 8 марта.

Практически работа по их уточнению велась Оперативным управлением Генштаба постоянно, поэтому проект плана был готов уже к 11 марта. Он имел существенные отличия от предыдущего.

Во-первых, предполагалось, что главные силы германской армии развернутся на юго-западе от Седлец (Польша) до Венгрии с тем, чтобы ударом на Бердичев, Киев захватить Украину. Но не исключалось развертывание основной группировки в Восточной Пруссии и на Варшавском направлении.

Во-вторых, отрицалась целесообразность развертывания главных сил Красной Армии против Восточной Пруссии и на Варшавском направлении — высказывались серьезные опасения, что борьба на этом фронте может привести к затяжным боям, свяжет наши главные силы, не даст нужного и быстрого эффекта и тем ускорит вступление Балканских стран в войну против нас. При этом учитывались сложные природные условия местности для применения механизированных войск, наличие сильных укрепленных районов и серьезная подготовка театра боевых действий.

В-третьих, отмечалось, что «наиболее выгодным является развертывание наших главных сил к югу от р. Припять с тем, чтобы мощными ударами на Люблин, Радом и на Краков поставить себе первую стратегическую цель: разбить главные силы немцев и в первый же этап войны отрезать Германию от Балканских стран, лишить ее важнейших экономических баз и решительно воздействовать на Балканские страны в вопросах участия их в войне против нас...

Дальнейшей стратегической целью для главных сил Красной Армии в зависимости от обстановки может быть поставлено — развитие операции через Познань на Берлин или действия на юго-запад на Прагу и Вену, или удар

на севере на Торунь и Данциг с целью обхода Восточной Пруссии»²³.

По данному плану были подготовлены уточняющие директивы для Прибалтийского и Западного Особых военных округов, наркома ВМФ. В них подчеркивалось, что мы нападать не собираемся. Указанные директивы составлены в единственном экземпляре и в войска не отправлены.

Возможно, по плану Сталиным были высказаны замечания во время доклада Жукова о положении дел в Генштабе (Жуков принял Генштаб в феврале 1941 г.) и военно-политической обстановке. Видимо, были даны какие-то указания на сей счет, которые Жуков, как отмечено в его мемуарах, прибыв из Кремля в Генштаб, записал по памяти в рабочую тетрадь²⁴.

Еще раз проанализировав обстановку с учетом указаний Сталина, Генштаб переработал «Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза» по состоянию на 15 мая 1941 г.

В майских «Соображениях...» 1941 г. отмечено: «В настоящее время по данным разведывательного управления Красной Армии Германия имеет развернутыми около 230 пехотных, 22 танковых, 20 моторизованных, 8 воздушных и 4 кавалерийских дивизий, а всего около 284 дивизий.

...Германия, в случае нападения на СССР, сможет выставить против нас 137 пехотных, 19 танковых, 15 моторизованных, 4 кавалерийских и 5 воздушно-десантных дивизий, а всего до 180 дивизий»²⁵. Даны также боевые составы стран-сателлитов Германии и в целом всей группировки. Надо сказать, что выводы по составу войск противника были преувеличены.

Намерения противника практически изложены так же, как и в варианте 11 марта 1941 г. Но важным является следующий вывод: «Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отмобилизованной, с развернутыми тылами, она имеет возможность предупредить (подчеркнуто в тексте. — Ю. Г.) нас в развертывании и нанести внезапный удар.

Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий Германскому командованию, упредить (подчеркнуто в тексте. — Ю. Г.) противника в развертывании и атаковать германскую

армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск»²⁶.

Намерение нанести упреждающий удар было весьма заманчивым и сулило при определенных условиях крупные стратегические результаты. К таким условиям относились:

во-первых, выбор нанесения удара в то время, когда войска первого стратегического эшелона противника только прибывали и находились на территории Германии или в пути следования, авиация также еще не совершила маневр на передовые аэродромы.

Во-вторых, подготовка такого удара должна быть совершена под прикрытием всех видов маскировки и секретности, что обеспечило бы стратегическую внезапность нападения. Малейший промах здесь был бы поводом для Гитлера по развязыванию войны против СССР.

В-третьих, необходимым условием для реализации замысла должно быть заблаговременно принятое политическое решение о войне с Германией, которое в той обстановке мог сделать только Сталин.

Такого решения, как известно, принято не было. Более того, все приготовления к войне на местах пресекались сверху. Все это не позволило создать не только наступательную группировку войск, но и своевременно занять районы и рубежи обороны.

Тем не менее основы стратегического развертывания Красной Армии в майском плане 1941 г. остались практически прежними, за исключением дальнейшего усиления Юго-Западного направления и детализации задач по войскам невоюющих округов и Дальневосточного фронта. Но существенно изменилась в сторону ограничения последующая стратегическая цель. Она в новом оперативном плане была сформулирована следующим образом: «Разгромить крупные силы центра и северного крыла германского фронта и овладеть территорией бывшей Польши и Восточной Пруссии».

Таким образом, уже не ставилась задача развития операции на Берлин или Вену, Прагу. Из сформулированных задач видно, что глубина наступательной операции составляла 300–350 км, а полоса фронта наступления —

до 350–400 км, т. е. примерно 10% всей протяженности советско-германского фронта.

Очень важно подчеркнуть, что отношение Сталина к последнему плану было особое. Это диктовалось, думается, сложившейся обстановкой и явной угрозой нападения Германии на СССР. Сталин постоянно общался с Тимошенко и Жуковым, в мае 1941 г. они были на приеме у Сталина в Кремле несколько раз: 10, 12, 19 и 23 мая. Здесь же, в Кремле, 24 мая состоялось секретное совещание под личным руководством Сталина с командующими округами, членами военных советов и командующими ВВС западных приграничных округов²⁷. На совещании присутствовали 22 человека, в том числе Сталин и Молотов. Совещание не стенографировалось, поэтому достоверно воспроизвести, что на нем происходило, трудно. Но, судя по составу участников совещания, можно с большой вероятностью сказать, что разговор шел о надвигающейся угрозе нападения на СССР, задачах войск в соответствии с разработанным планом.

Рассматривая майский план 1941 г., некоторые авторы делают вывод о «подготовке Красной Армии к наступлению»²⁸. Но общая стратегическая идея этого плана не носила агрессивного характера. Ведь по плану предусматривалась оборона на 90% всей протяженности фронта в течение почти месяца, и только затем в зависимости от условий предполагались наступательные боевые действия. Следовательно, замысел оперативного плана войны отражал не наступательную, а скорее зонтичную доктрину. Войскам прикрытия согласно смыслу зонтичной доктрины должна ставиться задача прикрыть прочной обороной развертывание своих войск, выявить состав наступающих войск противника, определить направление главных и других ударов для уточнения задач главным силам своих войск.

Все это говорит о том, что Советский Союз не готовился к агрессии против Германии в 1941 г. Подтверждением того же является отсутствие решения на начало войны со стороны советского политического руководства и правительства, в соответствии с которым СССР первым бы приступил к приготовлению к войне, первым бы провел мобилизацию, сосредоточение и развертывание войск на наивыгоднейших рубежах. Но на это Сталин не решил-

ся даже в первые часы после нападения Германии на Советский Союз.

До настоящего времени документов, подтверждающих наличие такого политического решения, не выявлено. Ссылки на директиву, принятую на заседании Главного военного совета 14 мая 1941 г., — о пересмотре направления пропаганды в Красной Армии²⁹ — как доказательство изменения военной доктрины на наступательную неубедительны. Это скорее свидетельствует о запоздалости принимаемых мер, если сравнивать со степенью готовности немецкой армии. Директива Главного управления политпропаганды Красной Армии была подготовлена только к 20 июня 1941 г. Окончательное редактирование было поручено наркому обороны С.К. Тимошенко, секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову и начальнику Главного управления политпропаганды А.И. Запорожцу. Вряд ли они сумели это сделать до начала войны.

Вместе с тем известно, что политическое решение о подготовке нападения на СССР Гитлером было принято еще 31 июля 1940 г. Немецкая армия с 1939 г. была воюющей армией, полностью отмобилизованной, ее численность составляла на июнь 1940 г. 5 765 тыс., на июнь 1941 г. — 7 329 тыс. человек. В соответствии с захватнической политикой Гитлера уже в мае 1941 г. в выгодных пунктах были сосредоточены 100 пехотных дивизий, штабы корпусов, армий и групп армий, а с 6 по 18 июня — 100% всех запланированных для нападения танковых и моторизованных дивизий и т. д.

В это же время наши западные военные округа имели на 21 июня 1941 г. 2 220 тыс., с военными сборами — 2 586 тыс. человек, а по мобилизационному плану было положено иметь 4 722 тыс. человек. И только в середине мая 1941 г. на запад начали выдвигаться две общевойсковые армии (16-я, 19-я) со сроками прибытия до 1 июля 1941 г.

Следует также иметь в виду, что план 15 мая 1941 г. не предусматривал нанесения упреждающего удара именно в 1941 г. В нем рукой заместителя начальника Генштаба Красной Армии Н.Ф. Ватутина был вписан абзац, в котором говорилось о необходимости «начать строительство укрепрайонов на тыловом рубеже Осташков, Почеп и предусмотреть строительство новых укрепрайонов в 1942 г.

(подчеркнуто нами. — Ю. Г.) на границе с Венгрией, а также продолжать строительство укрепрайонов по линии старой госграницы»³⁰. Таким образом, речь шла о дальнейшем укреплении оборонительных рубежей, проведении этой работы и в 1942 г.

Кроме того, нельзя делать вывод о том, готовился ли СССР к наступлению (агрессии) или обороне, только по одному оперативному документу, подготовленному Генштабом. К тому же от его разработки до практических дел — дистанция огромного размера. Необходимо в этой связи исследовать оперативные документы округов (фронтов), армий, учесть состояние всех вооруженных сил, степень подготовленности театра военных действий, возможности всего государства.

Общий характер подготовки советских войск к будущей войне Василевский в неопубликованном интервью «Накануне войны» (1965 г.) определял так: «Наши вооруженные силы готовились не только к отпору внезапного нападения врага, но и к тому, чтобы встречными мощными ударами и широкими наступательными операциями в последующем полностью уничтожить вооруженные силы агрессора»³¹. В самом деле, если мы возвратимся к советским оперативным планам, то увидим, что основной стратегической целью был «разгром главной группировки и других крупных сил немецкой армии»³², а не захват чужих стран и овладение территорией.

И последнее. На заседании Главного военного совета по итогам советско-финской войны, состоявшемся 14—17 апреля 1940 г., Сталин требовал воспитывать наш комсостав в духе активной обороны. А, как известно, активная оборона может состоять из совокупности оборонительных и наступательных операций. Важен также комплексный анализ «Соображений...» 1941 г. и разработанных оперативных планов округов и армий.

Заканчивая рассуждения об оперативных планах войны, разработанных в различное время Генеральным штабом, считаем необходимым остановиться на официальном оформлении указанных документов.

После 1938 г. все оперативные планы, разработанные Генштабом, не имеют подписей наркома и начальника Генштаба (кроме сентябрьского плана 1940 г., подписанного

Тимошенко и Мерецковым). Не найдем мы в них и подписей Сталина, Молотова. Казалось бы, данные документы не имеют юридической силы. Но они докладывались Сталину в Кремле. Так, по сентябрьскому плану Тимошенко и Мерецков были с докладами 16 сентября, 5 и 14 октября 1940 г. План получил одобрение Сталина, но его подписи нет. Попытки исследователей найти документы с соответствующими подписями не увенчались успехом. Картина проясняется, если мы обратимся к высказываниям Василевского в упомянутом выше интервью «Накануне войны».

«Все стратегические решения высшего военного командования, на которых строился оперативный план, — писал он, — как полагали работники Оперативного управления, были утверждены Советским правительством. Лично я приходил к этой мысли потому, что вместе с другим заместителем начальника Оперативного управления тов. Анисовым в 1940 г. дважды сопровождал, имея при себе оперативный план вооруженных сил, заместителя начальника Генштаба тов. Ватутина в Кремль, где этот план должен был докладываться наркомом обороны и начальником Генштаба И.В. Сталину... Никаких отметок в плане или указаний в дальнейшем о каких-либо поправках к нему в результате его рассмотрения мы не получили. Не было на плане и никаких виз, которые говорили бы о том, что план был принят или отвергнут, хотя продолжавшиеся работы над ним свидетельствовали о том, что, по-видимому, он получил одобрение»³³.

После завершения стратегического планирования в Генштаб вызывались командующие войсками, члены военных советов, начальники штабов и оперативных управлений, которые на основе общего оперативного плана неделями работали в оперативном управлении над окружными планами.

За несколько недель до нападения фашистской Германии на нашу страну вся документация по окружным планам была передана из Генштаба командованиям и штабам округов.

Некоторые историки относят неудачи начального периода к запоздалой разработке оперативного плана. Изучая причины, которые поставили в катастрофическое положение Красную Армию и в целом нашу страну в начальный период войны, Василевский писал:

«Надо говорить прежде всего не о том, существовали ли в Вооруженных Силах Советского Союза к моменту нападения на нас фашистской Германии план отражения этого нападения, а о том, почему наши Вооруженные Силы не были приведены своевременно в полную боевую готовность и не оказались там, где им надлежало быть даже по этому далеко не совершенному плану»³⁴.

В самом деле, даже самая подготовленная и обученная армия может быть разгромлена, если она не будет приведена в полную боевую готовность, не займет намеченные районы обороны и если она не будет своевременно отмобилизована.

Ошибка Генштаба в планировании заключалась в том, что Красная Армия и немецкая армия ставились в одинаковые условия по срокам отмобилизования и развертывания. В расчет брался классический вариант развязывания войны, когда ввод в дело основных сил начинался после отмобилизования и развертывания войск под защитой армий прикрытия. Не учитывался имевшийся к тому времени опыт второй мировой войны, когда войны не объявляются, а начинаются уже отмобилизованными и подготовленными армиями.

Задача, которая была поставлена армиям прикрытия, могла решаться только главными силами при обязательном условии своевременного приведения их в боевую готовность. К сожалению, Генштабом не было определено хотя бы примерное время нападения Германии, а ведь от этого должен был идти весь отсчет времени проводимых мероприятий.

Существовал и другой просчет. Это — переоценка значения Юго-Западного направления и недооценка Западного направления как главного, выводящего противника кратчайшим путем к Москве. Ошибку пришлось исправлять в ходе войны рокировкой 16-й и 19-й армий на Западное направление и вводить их в сражение в исключительно сложной обстановке уже начавшейся войны.

Тяжелый урок начала Великой Отечественной войны настоятельно требует решать сложнейшие задачи обороны страны без повторения трагических ошибок прошлых лет.

Ю.А. Горьков

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См. интервью: заместителя начальника Генерального штаба генерал-полковника А.Н. Клейменова (Красная звезда. 1990. 18 авг.), В.Д. Данилова (Комсомольская правда. 1992. 4 янв.); генерала армии М.А. Гареева (Мужество. 1991. № 5), а также: *Волгогонов Д.* Эту версию уже опровергла история // Известия. 1993. 16 янв.
- 2 *Киселев В.Н.* Упрямые факты начала войны // Военно-исторический журнал. 1992. № 2; *Суворов В.* Ледокол. М., 1992.
- 3 Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 16 А. Оп. 2951. Д. 237. Л. 1. (Далее: — ЦАМО РФ).
- 4 См.: *Киселев В.Н.* Указ. соч.
- 5 ЦАМО РФ. Ф. 16 А. Оп. 2951. Д. 4. Л. 21.
- 6 Там же. Д. 25.
- 7 Там же. Д. 175.
- 8 Там же. Д. 209.
- 9 Там же. Д. 239. Л. 198.
- 10 Там же. Д. 237. Л. 1—15.
- 11 Там же. Д. 26. Л. 60—61.
- 12 Там же. Д. 239. Л. 197.
- 13 Там же. Л. 199.
- 14 Там же. Д. 204.
- 15 Там же.
- 16 Там же. Л. 211.
- 17 Там же. Л. 210—211.
- 18 Там же. Л. 266, 277.
- 19 Там же. Д. 232. Л. 2.
- 20 Там же. Д. 262. Л. 6—22.
- 21 Там же. Ф. 31. Оп. 12507. Д. 14. Л. 1—2.
- 22 *Захаров М.В.* Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 1989. С. 219—221.
- 23 ЦАМО РФ. Ф. 16 А. Оп. 2951. Д. 241.
- 24 *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. 10-е изд., дополненное по рукописи автора. М., 1990. Т. I. С. 326, 327.
- 25 ЦАМО РФ. Ф. 16 А. Оп. 2951. Д. 237. Л. 1—3.
- 26 Там же. Л. 3—4.
- 27 Личный архив Сталина (журнал посещений). Ф. 45. Д. 412.
- 28 *Киселев В.Н.* Указ. соч. С. 15.
- 29 Там же.
- 30 ЦАМО РФ. Ф. 16 А. Оп. 2951. Д. 237. Л. 13.
- 31 См.: *Василевский А.М.* Накануне войны // Новая и новейшая история. 1992. № 6. С. 7.
- 32 ЦАМО РФ. Ф. 16 А. Оп. 2951 А. Д. 237. Л. 4.
- 33 См.: *Василевский А.М.* Указ. соч. С. 8.
- 34 Там же. С. 10.

Приложение

Соображения по плану стратегического развертывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками*

Народный комиссар
обороны Союза ССР
мая 1941 г.

Только лично.
Экземпляр единств.

**Председателю Совета Народных Комиссаров СССР
тов. Сталину**

Докладываю на Ваше рассмотрение соображения по плану стратегического развертывания вооруженных сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками.

I. В настоящее время по данным разведывательного управления Красной Армии Германия имеет развернутыми около 230 пехотных, 22 танковых, 20 моторизованных, 8 воздушных и 4 кавалерийских дивизий, а всего около 284 дивизий.

Из них на границах Советского Союза, по состоянию на 15.4.41 г., сосредоточено до 86 пехотных, 13 танковых, 12 моторизованных и 1 кавалерийской дивизий, а всего до 120 дивизий.

Предполагается, что в условиях политической обстановки сегодняшнего дня Германия, в случае нападения

* Документ написан рукой заместителя начальника Оперативного управления Генерального штаба Красной Армии генерал-майора А.М. Василевского. Публикуется с учетом правки цифровых данных и текста, сделанной рукой заместителя начальника Генерального штаба Красной Армии генерал-лейтенанта Н.Ф. Ватутина. Правка Ватутиным цифровых данных, вычеркивание, вписывание и правка отдельных слов не оговариваются. Оговорки сделаны только там, где Ватутин вписывал абзацы и фразы (даны курсивом). Под документом обозначены подписи наркома обороны СССР Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко и начальника Генштаба Красной Армии генерала армии Г.К. Жукова. Но их собственноручных подписей нет.

Орфография и пунктуация даются по подлиннику документа. (Примеч. публикатора.)

на СССР, сможет выставить против нас — до 137 пехотных, 19 танковых, 15 моторизованных, 4 кавалерийских и 5 воздушно-десантных дивизий, а всего до 180 дивизий.

Остальные 104 дивизии вероятно будут находиться¹:

№ п/п	В каких странах	ПД	МД	ТД	КД	Возд.-дес. дивизии	Всего дивизий
1	В центре страны в резерве	22	1	1	—	1	25
2	В Дании, Бельгии, Голландии, Франции	40	2	1	—	2	45
3	Югославия	7	—	—	—	—	7
4	Греция	7	1	—	—	—	8
5	Болгария	3	—	—	—	—	3
6	Африка	5	1	1	—	—	7
7	Норвегия	9	—	—	—	—	9
	Всего	93	5	3	—	3	104

Вероятнее всего главные силы немецкой армии в составе 76 пехотных, 11 танковых, 8 моторизованных, 2 кавалерийских и 5 воздушных, а всего до 100 дивизий будут развернуты к югу от линии Брест — Демблин для нанесения удара в направлении — Ковель, Ровно, Киев.

Одновременно надо ожидать удары на севере из Восточной Пруссии на Вильно и Ригу, а также коротких, концентрических ударов со стороны Сувалки и Бреста на Волковыск, Барановичи.

На юге — надо ожидать ударов: а) в направлении Жмеринка, Румынской армии, поддержанной германскими дивизиями, б) в направлении Мункач, Львов и в) Сянок, Львов.

Вероятные союзники Германии могут выставить против СССР: Финляндия до 20 пехотных дивизий, Венгрия — 15 пд, Румыния до 25 пд.

Всего Германия с союзниками может развернуть против СССР до 240 дивизий.

Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отмобилизованной, с развернутыми тылами, она имеет возможность предупредить (подчеркнуто в тексте. — Ю. Г.) нас в развертывании и нанести внезапный удар.

Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий Германскому Командованию, упредить (подчеркнуто в тексте. — Ю. Г.)

противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск.

II. Первой стратегической (подчеркнуто нами. — Ю. Г.) целью действий войск Красной Армии поставить — разгром главных сил немецкой армии, развертываемых южнее линии Брест — Демблин и выход к 30 дню операции на фронт Остроленка, р. Нарев, Лович, Лодзь, Крейцбург, Опшельн, Оломоуц. Последующей стратегической (подчеркнуто нами. — Ю. Г.) целью иметь наступлением из района Катовице в северном или северо-западном направлении разгромить крупные силы центра и северного крыла германского фронта и овладеть территорией бывшей Польши и Восточной Пруссии.

Ближайшая задача — разгромить германскую армию южнее р. Висла и на Краковском направлении, выйти на р.р. Нарев, Висла и овладеть районом Катовице², для чего:

а) главный удар силами Юго-Западного фронта нанести в направлении Краков, Катовице, отрезая Германию от ее южных союзников;

б) вспомогательный удар левым крылом Западного фронта нанести в направлении Седлец, Демблин, с целью сковывания варшавской группировки и овладения Варшавой, а также содействия Юго-Западному фронту в разгроме Люблинской группировки противника;

в) вести активную оборону против Финляндии, Восточной Пруссии, Венгрии и Румынии и быть готовым к нанесению удара против Румынии при благоприятной обстановке. Таким образом Красная Армия начнет наступательные действия с фронта Чижев, Лютовиско силами 152 дивизий против 100 германских. На остальных участках госграницы предусматривается активная оборона³.

III. Исходя из указанного замысла стратегического развертывания, предусматривается следующая группировка вооруженных сил СССР.

1. Сухопутные силы Красной Армии в составе — 198 сд, 61 тд, 31 мд, 13 кд — всего 303 дивизии и 74 артполка РГК, распределить следующим образом:

а) Главные силы в составе 163 сд, 58 тд, 30 мд, и 7 кд (всего 258 дивизий) и 53 артполка РГК иметь на Западе,

из них: в составе Северного, Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов — 136 сд, 44 тд, 23 мд, 7 кд (всего 210 дивизий) и 53 артполка РГК; в составе резерва Главного командования за Юго-Западным и Западным фронтами — 27 сд, 14 тд, 7 мд (всего 48 дивизий);

б) Остальные силы в составе 35 сд, 3 тд, 1 мд, 6 кд (всего 45 дивизий) и 21 ап РГК назначаются для обороны дальневосточных, южной и северной границ СССР, из них:

— на Дальнем Востоке и в Забво — 22 сд, 3 тд, 1 мд, 1 кд (всего 27 дивизий) и 14 ап РГК;

— в Средней Азии — 2 горно-стрелковых и 3 кав. дивизии (всего 5 дивизий);

— в Закавказье — 8 стрелковых и 2 кавалерийских дивизий (всего 10 дивизий) и 2 ап РГК;

— на обороне Черноморского побережья Северного Кавказа и Крыма — 2 стр. дивизии;

— на побережье Белого моря — 1 стр. дивизия.

Детальная группировка сил показана на прилагаемой карте.

2. Военно-воздушные силы Красной Армии в составе имеющихся и боеспособных на сегодняшний день 97 иап, 75 ббп, 11 шап, 29 дбп и 6 тбп — всего 218 авиаполков — распределить следующим образом:

а) Главные силы, в составе 66 иап, 64 ббп, 5 шап, 25 дбп и 5 тбп — всего 165 авиаполков, развернуть на Западе, из них:

— в составе Северного, Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов — 63 иап, 64 ббп, 5 шап, 11 дбп и 1 тбп — всего 144 авиаполка;

— в составе резерва Главного командования за Юго-Западным и Западным фронтами — 14 дбп и 4 тбп, всего 21 авиаполк;

б) Остальные силы в составе 31 иап, 11 ббп, 6 шап, 4 дбп и 1 тбп — всего 53 авиаполка оставить на обороне дальневосточных, южной и северной границ и пункта ПВО гор. Москвы, из них:

— на Дальнем Востоке и в Забво — 14 иап, 9 ббп, 5 шап, 4 дбп и 1 тбп, всего 33 авиаполка;

— в Саво — 1 иап и 1 шап, всего 2 авиаполка;

— в Закво — 9 иап, 2 ббп, всего 11 авиаполков;

— в Архво — 1 истр. авиаполк.

На обороне города Москвы — 6 истребительных авиаполков.

Детальная группировка сил показана на прилагаемой карте.

Кроме указанных ВВС на сегодняшний день имеется в стадии формирования и совершенно еще небоеспособных 52 иап, 30 ббп, 4 шап, 7 дбп и 22 дис, всего 115 авиаполков, на полную готовность которых можно рассчитывать к 1.1.42 г. (подчеркнуто нами. — Ю. Г.)

Эти авиаполки по мере их готовности намечено распределить следующим образом:

— на Запад назначить 41 иап, 30 ббп, 4 шап, 5 дбп, 14 дис, а всего 94 авиаполка, из них:

— в состав фронтов 41 иап, 33 ббп, 6 шап, 7 дис, всего 87 авиаполков;

— в составе резерва Главного командования — 4 иап, 3 дбп, всего 7 авиаполков;

— оставить для ДВфронта и Забво 10 и в Закво — 6 авиаполков;

— на обороне г. Москвы — 5 истр. авиаполков.

Ориентировочные сроки вступления этих авиаполков в строй — согласно таблице на картах.

IV. Состав и задачи развертываемых на Западе фронтов (карта 1: 1.000.000):

Северный фронт (ЛВО) — 3 армии, в составе — 15 стрелковых, 4 танковых и 2 моторизованных дивизий, а всего 21 дивизии, 18 полков авиации и Северного военно-морского флота, с основными задачами — обороны г. Ленинграда, порта Мурманск, Кировской желдороги и совместно с Балтийским военно-морским флотом обеспечить за нами полное господство в водах Финского залива. С этой же целью предусматривается передача Северному фронту из Прибово обороны северного и северо-западного побережья Эстонской ССР.

Границы фронта слева — Осташков, Остров, Выру, Вильянди, зал. Матсалу, острова Эзель и Даго исключительно.

Штаб фронта — Парголово.

Северо-Западный фронт (Прибово) — три армии, в составе 17 стрелковых дивизий, 4 танковых, 2 моторизованных дивизий, а всего 23 дивизий и 13 полков авиаций,

с задачами: упорной обороной прочно прикрыть Рижское и Виленское направления, не допустив вторжения противника из Восточной Пруссии; обороной западного побережья и островов Эзель и Даго не допустить высадки морских десантов противника.

Граница фронта слева — Полоцк, Ошмяны, Друскеники, Маргграбова, Летцен. Штаб фронта — Поневеж.

Западный фронт (Запово) — четыре армии, в составе — 31 стрелковой, 8 танковых, 4 моторизованных и 2 кавалерийских дивизий, а всего 45 дивизий и 21 полка авиации.

Задачи: упорной обороной на фронте Друскеники, Остроленка прочно прикрыть Лидское и Белостокское направления;

— с переходом армий Юго-Западного фронта в наступление, ударом левого крыла фронта в общем направлении на Варшаву и Седлец, Радом, разбить Варшавскую группировку и овладеть Варшавой, во взаимодействии с Юго-Западным фронтом разбить Люблинско-Радомскую группировку противника, выйти на р. Висла и подвижными частями овладеть Радом.

Граница фронта слева — р. Припять, Пинск, Влодава, Демблин, Радом.

Штаб фронта — Барановичи.

Юго-Западный фронт — восемь армий, в составе 74 стрелковых, 28 танковых, 15 моторизованных и 5 кавалерийских дивизий, а всего 122 дивизий и 91 полка авиации, с ближайшими задачами:

а) концентрическим ударом армий правого крыла фронта окружить и уничтожить основную группировку противника восточнее р. Вислы в районе Люблин;

б) одновременно ударом с фронта Сеньява, Перемышль, Лютовиска разбить силы противника на Краковском и Сандомирско-Келецком направлениях и овладеть районом Краков, Катовице, Кельце, имея в виду в дальнейшем наступать из этого района в северном или северо-западном направлении для разгрома крупных сил северного крыла фронта противника и овладения территорией бывшей Польши и Восточной Пруссии;

в) прочно оборонять госграницу с Венгрией и Румынией и быть готовым к нанесению концентрических ударов против Румынии. Из районов Черновицы и Кишинев с бли-

жайшей целью разгромить сев. крыло Румынской армии и выйти на рубеж р. Молдова, Яссы⁴.

Для того, чтобы обеспечить выполнение изложенного плана замысла, необходимо заблаговременно провести следующие мероприятия, без которых невозможно нанесение внезапного удара по противнику как с воздуха, так и на земле:

1. произвести скрытое от мобилизации войск под видом учебных сборов запаса;

2. под видом выхода в лагеря произвести скрытое сосредоточение войск ближе к западной границе, в первую очередь сосредоточить все армии резерва Главного командования;

3. скрыто сосредоточить авиацию на полевые аэродромы из отдаленных округов и теперь же начать развертывать авиационный тыл;

4. постепенно под видом учебных сборов и тыловых учений развертывать тыл и госпитальную базу.

V. Группировка резервов Главного командования.

В резерве Главного командования иметь 5 армий и сосредоточить их:

— две армии, в составе 9 стрелковых, 4 танковых и 2 моторизованных дивизий, а всего 15 дивизий, в районе Вязьма, Сычевка, Ельня, Брянск, Сухиничи;

— одну армию в составе 4 стрелковых, 2 танковых и 2 моторизованных дивизий, а всего 8 дивизий, в районе Вилейка, Новогрудок, Минск;

— одну армию в составе 6 стрелковых, 4 танковых и 2 моторизованных дивизий, а всего 12 дивизий, в районе Шепетовки, Проскуров, Бердичев и

— одну армию в составе 8 стрелковых, 2 танковых и 2 моторизованных дивизий, а всего 12 дивизий, в районе Белая Церковь, Звенигородка, Черкассы.

VI. Прикрытие сосредоточения и развертывания.

Для того, чтобы обеспечить себя от возможного внезапного удара противника, прикрыть сосредоточение и развертывание наших войск и подготовку их к переходу в наступление, необходимо:

1. организовать прочную оборону и прикрытие госграницы, используя для этого все войска приграничных округов и почти всю авиацию, назначенную для развертывания на западе;

2. разработать детальный план противовоздушной обороны страны и привести в полную готовность средства ПВО.

По этим вопросам мною отданы распоряжения и разработка планов обороны госграницы и ПВО полностью заканчивается к 1.6.41 г. (подчеркнуто нами. — Ю. Г.).

Состав и группировка войск прикрытия — согласно прилагаемой карте.

Одновременно необходимо всемерно форсировать строительство и вооружение укрепленных районов, начать строительство укрепрайонов на тыловом рубеже Осташков, Почеп и предусмотреть строительство новых укрепрайонов в 1942 г. на границе с Венгрией, а также продолжать строительство укрепрайонов по линии старой госграницы⁹ (подчеркнуто нами. — Ю. Г.).

VII. Задачи Военно-морскому флоту поставлены — согласно ранее утвержденных Вами моих докладов.

VIII. Развертывание войск и их боевые действия имеющимися запасами обеспечиваются:

по боеприпасам —

мелкокалиберными снарядами на три недели;
среднекалиберными — на месяц;
тяжелокалиберными — на месяц;
минами — на полмесяца;

по зенитным выстрелам —

37 мм — на 5 дней;
76 мм — на полтора месяца;
85 мм — на 11 дней;

по авиабоеприпасам —

фугасными бомбами — на месяц;
бронебойными — на 10 дней;
бетонобойными — на 10 дней;
осколочными — на месяц;
зажигательными — на полмесяца;

по горюче-смазочным материалам —

бензином Б-78 — на 10 дней;
" Б-74 — на месяц;
" Б-70 — на 2 1/2 месяца;
автобензином — на 1 1/2;
дизельным топливом — на месяц;

Запасы горючего, предназначенные для западных округов, эшелонированы в значительном количестве (из-за

недостатка емкости на их территории) во внутренних округах.

IX. Прошу:

1. Утвердить представляемый план стратегического развертывания вооруженных сил СССР и план намечаемых боевых действий на случай войны с Германией;

2. своевременно разрешить последовательное проведение скрытого от мобилизации и скрытого сосредоточения в первую очередь всех армий резерва Главного командования и авиации;

3. потребовать от НКПС полного и своевременного выполнения строительства железных дорог по плану II года и особенно на Львовском направлении;

4. обязать промышленность выполнять план выпуска материальной части танков и самолетов, а также производства и подачи боеприпасов и горючего строго в назначенные сроки;

5. утвердить предложение о строительстве новых укрепрайонов⁶.

Приложения: 1. схема развертывания на карте

1: 1.000.000, в 1 экз.;

2. схема развертывания на прикрытии на 3-х картах;

3. схема соотношения сил, в 1 экз.;

4. три карты базирования ВВС на западе.

Народный Комиссар Обороны СССР
Маршал Советского Союза

С. Тимошенко

Начальник Генерального Штаба К.А.
Генерал Армии

Г. Жуков

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Приведенная ниже таблица составлена Н.Ф. Ватутиным. ЦАМО РФ. Ф. 16 А. Оп. 2956. Л. 1об. (Примеч. публикатора.)
- ² Последний абзац и последняя фраза предыдущего написаны Н.Ф. Ватутиным. ЦАМО РФ. Ф. 16 А. Оп. 2951. Д. 237. Л. 4. (Примеч. публикатора.)
- ³ Последние две фразы вписаны Н.Ф. Ватутиным. ЦАМО РФ. Ф. 16 А. Оп. 2951. Д. 237. Л. 5. (Примеч. публикатора.)
- ⁴ Слово «концентрических» и последняя фраза абзаца вписаны Н.Ф. Ватутиным. (Примеч. публикатора.)
- ⁵ Последний абзац вписан Н.Ф. Ватутиным. ЦАМО РФ. Ф. 16 А. Оп. 2951. Д. 237. Л. 13. (Примеч. публикатора.)
- ⁶ Фраза вписана Н.Ф. Ватутиным. (Примеч. публикатора.)

Была ли возможность наступать?

Готовил ли СССР упреждающий удар против Гитлера? Планировал ли Сталин нападение на Германию?¹ Однозначный ответ на поставленные вопросы, видимо, не может быть дан в настоящее время, поскольку до сих пор исследователям не удалось обнаружить документы, которые безусловно свидетельствовали бы о полномасштабной подготовке Советского Союза к нападению на Германию летом 1941 г. В распоряжении историков имеется несколько вариантов плана стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками. Эти варианты разрабатывались в Генеральном штабе РККА в 1940 и 1941 гг.²

Анализируя одни и те же документы, историки приходят к противоположным выводам. Одни авторы увеличение численности Красной Армии, изменение ее организационной структуры и передислокацию войск к западным границам расценивают как подготовку к отражению фашистской агрессии, другие же, напротив, видят в этом доказательство наступательных планов Сталина. Политики, принимая серьезные решения, вынуждены считаться с реальными возможностями их осуществления. Поэтому для ответа на вопрос, готовился ли СССР напасть на Германию летом 1941 г., нужно прежде всего определить уровень боеготовности РККА. Была ли она в состоянии вести наступательные действия против такого сильного противника, каким являлся германский вермахт? Если при положительном ответе на поставленный вопрос еще сохраняется поле для дискуссии о действительных намерениях советской стороны, то при отрица-

тельном ответе рассуждения о превентивной войне во многом теряют смысл.

Уровень боеготовности войск зависит от укомплектованности их личным составом, его боевой выучки, состояния воинской дисциплины и организованности, от качества управления войсками, от наличия качественных планов приведения войск в боевую готовность и умения всего личного состава действовать по этим планам. Также необходимо принять во внимание обеспеченность армии современным оружием и боевой техникой³. В угрожаемый период очень важно своевременно перевести армию в высшую степень боевой готовности, при которой войска могут немедленно приступить к выполнению боевых задач. В данной статье автор пытается дать ответ на вопрос: соответствовала ли РККА в 1941 г. перечисленным выше требованиям?

В конце 30-х годов Вооруженные Силы СССР пережили период серьезных перемен: росла их численность, совершенствовалась структура, изменялись принципы комплектования и обучения войск, в среде командного состава происходили сложные, крайне болезненные явления. Из-за ограниченности финансовых средств и материальных ресурсов наша страна не могла содержать многочисленную кадровую армию, поэтому до конца 30-х годов РККА строилась на основе смешанной системы. Хорошо обученные кадровые дивизии составляли небольшое ядро армии, а остальные дивизии являлись территориальными, т. е. комплектовались из мужчин, периодически призывавшихся на краткосрочные военные сборы. Естественно, что уровень боевой подготовки территориальных частей был значительно ниже, чем кадровых. Это показали первые же военные конфликты, в которых им довелось участвовать. «Наши территориальные дивизии были подготовлены из рук вон плохо, — вспоминал маршал Г.К. Жуков. — Людской материал, на котором они развешивались до полного состава, был плохо обучен, не имел ни представления о современном бое, ни опыта взаимодействия с артиллерией и танками. По уровню подготовки наши территориальные части не шли ни в какое сравнение с кадровыми»⁴. В условиях нарастания военной угрозы территориальная система организации армии вошла в противоречие

с потребностями обороны страны. В вооруженные силы в больших количествах поступала сложная боевая техника, для качественного освоения которой требовалось увеличить сроки военной службы и повысить качество обучения. Жизнь заставила перейти к новой системе комплектования армии. Если к 1 января 1937 г. в сухопутных войсках было 58 кадровых, 4 смешанных и 35 территориальных стрелковых дивизий, то через два года все 98 дивизий и 5 бригад стали кадровыми⁵. Новая система потребовала улучшить учет военнообязанных и усовершенствовать организацию призыва на военную службу. В день начала второй мировой войны был принят Закон о всеобщей воинской обязанности, закрепивший кадровый принцип построения армии, снизивший призывной возраст и увеличивший срок военной службы в сухопутных войсках до трех лет, а на флоте — до пяти. Из года в год росла численность вооруженных сил: в 1936 г. — 1,1 млн, в 1938 г. — 1,5 млн, 31 августа 1939 г. — более 2 млн, к 1 января 1941 г. — 4,2 млн, а к июню в армии и на флоте служило 5 млн 373 тыс. человек⁶. Таким образом, за пять лет численный состав вырос почти в пять раз.

Растущая армия нуждалась в большом количестве квалифицированных командных кадров, которых катастрофически не хватало. Армию захлестнула волна репрессий. С 1925 по 1936 г. из армии было уволено 47 тыс. командиров, среди которых было немало способных военных специалистов. В начале 1937 г. в армии насчитывалось 206 тыс. офицеров; свыше 90% командного, военно-медицинского и военно-технического состава имели законченное военное образование. Среди политработников и хозяйственников военное или специальное образование имели от 43 до 50%⁷. С мая 1937 по сентябрь 1938 г. из армии был уволен 36 761 командир, флот за это время недоучитался 3 тыс. офицеров. Репрессии продолжались и после сентября 1938 г., хотя размах их несколько сократился. Особенно сильно пострадал высший командный состав. С 1937 по 1941 г. погибли 9 заместителей народного комиссара обороны СССР, 2 наркома Военно-Морского Флота СССР, 4 командующих Военно-Воздушными Силами, 4 начальника разведуправления Генерального штаба, все командующие флотов и военных округов, многие ко-

мандиры дивизий и корпусов, а также многие работники центральных управлений НКО и военно-учебных заведений. В общей сложности в предвоенные годы было уничтожено около 600 лиц высшего начальствующего состава⁸. История не знает таких примеров, когда в преддверии большой войны с таким ожесточением истреблялся бы цвет армии. Даже в самой кровопролитной войне потери высшего комсостава не достигали таких размеров. На фронтах Великой Отечественной за четыре года погибли и умерли от ран 294 генерала и адмирала⁹, т. е. вдвое меньше, чем уничтожено в застенках НКВД. Военный совет при наркоме обороны, образованный из 85 наиболее авторитетных военачальников, был практически разгромлен: 68 человек погибли, еще двое умерли в тюрьме, четверо арестовывались на различные сроки¹⁰. Совнарком утвердил новый состав Военного совета из 111 человек, при этом более 90% были новичками¹¹. Вскоре некоторые из них также были уничтожены. Нарком обороны К.Е. Ворошилов с пафосом докладывал о результатах борьбы с врагами народа в армии: «Чистка была проведена радикальная и всесторонняя. Чистили мы, как и подобает большевикам, все, что подлежало очищению, начиная с самых верхов и кончая низами... Достаточно сказать, что за все время мы вычистили больше 4-х десятков тысяч человек»¹².

Репрессии привели к огромной текучести командных кадров: ежегодно получали новые назначения десятки тысяч офицеров. Нередко, едва приступив к работе в новой должности, они вновь перебрасывались к другому месту службы. Все это происходило в период бурного роста численности армии, создания новых частей и соединений, увеличения числа командных должностей. В этих условиях военные училища и академии не могли покрыть огромный некомплект комначсостава. Пришлось сократить сроки обучения и выпускать курсантов досрочно, кроме того, была развернута широкая сеть различных курсов подготовки и переподготовки командиров. О качестве подготовки выпускников ускоренных курсов говорить не приходится.

Кровавые чистки оказали пагубное влияние и на тех офицеров, которые остались на свободе. Гнетущая атмосфера подозрительности и недоверия сковывала инициа-

тиву командиров, некоторые из них боялись принимать серьезные решения, так как в случае неудачи их могли обвинить в умышленном вредительстве. Разного рода карьеристы и демагоги быстро продвигались по службе, устраняя своих конкурентов при помощи доносов. Нелегко пришлось командирам, которые в этих условиях требовали от подчиненных сохранять высокую дисциплину, вести интенсивную боевую учебу¹³.

Публичное шельмование командиров подорвало доверие к ним со стороны красноармейцев. Неудивительно, ведь за короткий период были названы шпионами и предателями многие начальники от командира подразделения до Маршалов Советского Союза. Возникло самое пагубное для военного организма — недоверие к комсоставу. Оно незамедлительно сказывалось на уровне воинской дисциплины, боеготовности частей и соединений.

Разрушительные последствия происходивших в армии процессов выявила советско-финская война. Пропаганда твердила, что Красная Армия всех сильнее, если потребуется, то она в короткий срок и малой кровью разгромит любого противника на его территории. В высших кругах царили шапкозакидательские настроения. Командарм Г.М. Штерн заявил, что в будущей войне мы сможем за каждого погибшего красноармейца положить десять врагов. Ворошилов дополнил, что десяти будет мало — надо двадцать. Жизнь посмеялась над этими стратегами. Для победы над маленькой Финляндией Советскому Союзу потребовалось 105 дней. Еще до начала военных действий начальник Генерального штаба крупнейший специалист своего дела Б.М. Шапошников предложил основательно подготовиться к войне, провести разведку, передислоцировать войска, подтянуть резервы и тыловые службы. К.Е. Ворошилову, Г.И. Кулику и другим кремлевским стратегам, привыкшим решать сложные проблемы кавалерийским наскоком, предложения опытного генштабиста показались слишком осторожными. Они были уверены, что смогут одним ударом сокрушить финскую оборону и продиктовать побежденным свои условия. Вышло наоборот. Советские войска уперлись в линию Маннергейма и, понеся тяжелые потери, надолго остановились. Был создан Северо-Западный фронт под командованием

С.К. Тимошенко, сосредоточены на этом направлении танки, артиллерия, авиация, стрелковые войска. Только после этого ценой больших потерь была достигнута долгожданная победа. Цена была слишком велика. Весь мир увидел, что Красная Армия не является серьезной военной силой, не способна вести современную войну. Сталин был взбешен и попытался возложить всю вину за небоеспособность войск на наркома обороны¹⁴.

В выступлении Сталина на заседании комиссии Главного Военного совета 21 апреля 1940 г. было заявлено о засилии в командном составе участников гражданской войны и необходимости выдвигать им на смену молодых. На них делал ставку Сталин. Новым наркомом обороны стал 45-летний маршал С.К. Тимошенко, а начальником Генштаба — 43-летний генерал К.А. Мерецков. За отличия в войне с финнами они оба были удостоены звания Героя Советского Союза. На руководящие посты в военных округах и в центральном аппарате НКО назначались молодые генералы, отличившиеся в боях с фашистами в Испании или в сражениях против японцев в Китае и Монголии, а также герои советско-финской кампании. Однако многие выдвиженцы 1940 г. не в полной мере соответствовали своим новым должностям, начавшаяся война со всей очевидностью подтвердила это. Попытка Сталина одним махом решить кадровую проблему провалилась. Чтобы вырастить достойную замену полководцам, уничтоженным в 1937—1938 гг., потребовались годы.

Пришедший на смену Ворошилову маршал Тимошенко понимал, что Вооруженные Силы СССР нуждаются в коренной реорганизации, в полной перестройке системы боевой подготовки, в приоритетном развитии современных родов войск, скорейшем переоснащении их новой боевой техникой. Будучи сторонником единоначалия в армии, он смог убедить Сталина отменить введенный в 1937 г. институт военных комиссаров. Наличие в каждой воинской части, учебном заведении и учреждении полномочного комиссара вело к двоевластию, сковывало инициативу командира, ограничивало его возможности при решении срочных вопросов. Функционирование института военных комиссаров пришлось на самые тяжелые годы массовых репрессий в армии, и это обстоятельство также

польза сбрасывать со счетов. Начальником Политуправления РККА в этот период был Л.З. Мехлис, виновный в гибели многих. Тимошенко удалось избавиться от этого вредного для армии человека. На его место был назначен А.И. Запорожец, пользовавшийся гораздо меньшим влиянием в наркомате, чем его предшественник. Вместо ЦУ РККА создается Главное управление политпропаганды, при этом полномочия политработников резко уменьшаются. Если комиссар, имея равные с командиром права, мог вмешиваться во все вопросы армейской жизни, то функции замполитов были сведены к политическому воспитанию личного состава. Нарком требовал от органов политпропаганды «помочь командованию в укреплении единоначалия, в повышении авторитета командира — полновластного руководителя войск»¹⁵. Тимошенко неоднократно подчеркивал, что без полного единоначалия невозможно навести в армии настоящий порядок и ликвидировать отставание Красной Армии от современных требований. На декабрьском совещании высшего руководящего состава нарком говорил: «Переход к полному единоначалию был совершенно необходим, ибо обучить Красную Армию в духе новых требований, подготовить ее к успешному ведению современной войны и научить побеждать не только слабых, но и сильных врагов было бы невозможно без полновластного командира-единоначальника. Всякое умаление авторитета командира, всякое ограничение полноты его власти неизбежно ведут к ослаблению дисциплины, а следовательно, и к ослаблению боеспособности Красной Армии. Без полного единоначалия невозможно руководить войсками Красной Армии в современных условиях»¹⁶.

Ворошилов был скорее политиком, а не военным, не обладал полководческими способностями, слабо разбирался в собственно армейских проблемах, в конце 30-х годов продолжал руководствоваться представлениями времен гражданской войны. «Первый маршал» гораздо комфортнее чувствовал себя на кремлевском паркете, на съездах, приемах и парадах, чем на маневрах и в походах. Под его руководством в армии насаждалась шагистика, в обучении войск допускалось много упрощений, условностей, снижавших боевую мощь армии. Тимошенко реши-

тельно порвал со всем этим, потребовав резко увеличить объем полевых занятий, проводить учения в обстановке, максимально приближенной к реальным условиям войны. Летом 1940 г. во многих военных округах прошли учения, показавшие, что войска полностью еще не перестроились, что слишком живучими оказались старые, порочные методы работы. В декабре, подведя итоги года, нарком констатировал: «Боевая подготовка и сегодня хромает на обе ноги... наследие старой расхлябанности не изгнано и живет вблизи больших руководящих начальников и их штабов. Во время войны такие начальники будут расплачиваться кровью своих частей. Поэтому мы должны сейчас же пресечь в корне всякое попустительство и потребовать точного выполнения приказов»¹⁷. В приказах и выступлениях Тимошенко требовал учить войска только тому, что нужно на войне, и только так, как делается на войне. Претворение в жизнь этих установок мыслилось через насаждение строжайшей воинской дисциплины. Нарком обратился в Политбюро ЦК ВКП(б) с просьбой усилить уголовную ответственность за воинские преступления, для чего внести изменения в Уголовный кодекс. В соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за самовольные отлучки и дезертирство» красноармейцы и сержанты, совершившие «самоволку», направлялись в только что созданные дисциплинарные батальоны на срок от 3 месяцев до двух лет. В этот период наблюдается резкий рост числа осужденных среди военнослужащих. Например, за воинские преступления в 1939 г. осуждено 128 офицеров, а в 1940 г. — 1 019; младшего начсостава соответственно — 349 и 7 119, рядовых — 2 799 и 24 891. За пьянство осужден в 1939 г. 1 001 военнослужащий, в 1940 г. — 1 800. В 1940 г. в дисциплинарные батальоны было направлено 11 759 красноармейцев¹⁸. Новый дисциплинарный устав предоставлял командиру право в случае неповиновения, открытого сопротивления или злостного нарушения дисциплины и порядка принимать все меры принуждения, вплоть до применения силы и оружия. «Командир не несет ответственности за последствия, если он для принуждения не повиновующихся приказу и для восстановления дисциплины и порядка будет вынужден применить силу или оружие»¹⁹.

Эти положения были восприняты некоторыми командирами как официальное разрешение рукоприкладства. В обстановке, царившей тогда в стране, многие рассматривали принуждение как наиболее подходящее, универсальное средство достижения наилучших результатов. Имели место совершенно дикие случаи: один замполит так разъяснял подчиненным этот пункт устава: «теперь можно бить красноармейца чем попало», даже указывал — ломом, топором и т. д. Заместитель наркома обороны маршал Г.И. Кулик оценил данный случай следующим образом: «Там, где лес рубят, там щепки летят. Но надо, чтобы щепок было поменьше. Плакать над тем, что где-то кого-то пристрелили, не стоит»²⁰. Дисциплина в армии, а значит, и боеготовность были настолько низкими, что ради скорейшего изменения такого положения в условиях надвигавшейся войны некоторые высшие военачальники считали возможным и необходимым идти на крайние меры. Если для поднятия боевой выучки красноармейца требовалось сравнительно непродолжительное время, то для качественной подготовки офицеров и генералов нужны годы учебы и практики командования войсками. Военно-учебные заведения, понеся серьезный урон от репрессий, миштившись опытных преподавателей, не могли в короткие сроки дать армии необходимое число квалифицированных офицеров. «Из наших вузов и академий выходят кадры, недостаточно овладевшие знаниями и практическими навыками по боевому использованию родов войск и современных средств боя, — признал на декабрьском совещании 1940 г. начальник Генштаба Мерецков. — Они не могут правильно и быстро организовать взаимодействие родов войск на поле боя и не имеют правильного представления о характере современного боя. Это происходит потому, что вся система подготовки кадров командиров сверху донизу не отвечает требованиям, которые предъявляются к подготовке командиров современного боя»²¹. Невысокая квалификация командиров отражалась на уровне руководимых ими частей и подразделений. Так, во время осенней инспекторской проверки во многих военных округах положительную оценку по огневой подготовке получили лишь некоторые дивизии, полки и подразделения. В Западном Особом военном округе положитель-

ную оценку из 54 проверенных частей получили только 3, в Ленинградском округе — 5 из 30, в Приволжском — 6 из 15, в Уральском — 3 из 18. Значительно лучше других обстояли дела в Московском военном округе и на Дальневосточном фронте, где из 64 проверенных частей положительной оценки удостоились 47. Бойцы-дальневосточники продемонстрировали хорошее владение стрелковым оружием²².

Слабая теоретическая и практическая подготовка многих командиров, с одной стороны, была следствием стремительного численного роста командных должностей, а с другой — результатом массовых репрессий. В ряде военных округов до половины офицеров находились в занимаемых должностях от 6 месяцев до одного года. Уровень их военного образования не соответствовал требованиям времени. На 1 января 1941 г. в вооруженных силах проходил службу 579 581 офицер, из которых лишь 7,1% имели высшее образование, 55,9% — среднее, 24,6% окончили различные ускоренные курсы, а 12,4% вообще не имели военного образования²³. Только 14,2% командиров полков окончили военные академии, 59,9% — военные училища, а 25,7% прошли лишь ускоренную военную подготовку, что совершенно недостаточно для квалифицированного руководства полком. 39,6% командиров дивизий и бригад и 52,4% командиров корпусов имели высшее образование. Большая часть командного состава отличалась молодостью и отсутствием боевого опыта. Люди, не достигшие 35 лет, составляли 85,6% офицерского корпуса²⁴.

«Русский офицерский корпус исключительно плох (производит жалкое впечатление), гораздо хуже, чем в 1933 году. России потребуется 20 лет, чтобы офицерский корпус достиг прежнего уровня»²⁵, — записал в своем дневнике, несколько стусив краски, начальник немецкого генштаба сухопутных войск Ф. Гальдер.

В предвоенные годы представители армии и флота заверяли народ, что в случае необходимости наши вооруженные силы, безусловно, одолеют любого врага, что у нас лучшие в мире бойцы и самые талантливые командиры. Эти речи звучали на торжественных мероприятиях, парадах и митингах. При встречах в узком кругу оценки были более сдержанными.

Выступая 31 декабря 1940 г. перед руководящим составом РККА, нарком обороны СССР обратил внимание на серьезные недостатки советского генералитета: «На сегодня оперативная подготовка высшего командного состава не достигает требуемой высоты и нуждается в дальнейшей упорной работе как в порядке подчиненности, так и лично каждым над собой. Необходимо всем нам в вопросах личной военной подкованности со всей решительностью изжить вредное чванство и самодовольную успокоенность. Нужно признать, что некоторым товарищам надо еще оправдывать звание генерала и высокую должность неустанным трудом над собой, кропотливо изучая теорию военного дела, опыт войн и осваивая опыт вождения войск в современном бою... у некоторых наших генералов еще слаба база знаний; нет глубокого анализа вопросов: отсутствует перспектива развития отдельных положений современной операции»²⁶. Устранить эти недостатки за 6 месяцев, оставшихся до нападения Германии, было невозможно. Вот почему советское руководство всеми силами стремилось отсрочить роковой день, добиться любой ценой продления мирного периода до 1942 г. 5 мая 1941 г. в выступлении перед выпускниками военных академий И.В. Сталин подверг критике недостатки в системе военно-учебных заведений, в которых обучение ведется на устаревшей технике и по старым программам. «Наша школа должна и может перестроить свое обучение командных кадров на новой технике и использовать опыт современной войны. Наши школы отстают, это отставание закономерно. Его нужно ликвидировать»²⁷, — подчеркнул Сталин. Однако времени на устранение отставания уже не осталось. Через полтора месяца началась война.

Сталин рекомендовал выпускникам академий не преувеличивать значение наших побед над японцами в 1938 и 1939 гг., а уделить главное внимание анализу опыта боевых действий в Финляндии и того нового, что дала вторая мировая война. Причину военных успехов Германии советский лидер видел в том, что она сделала серьезные выводы из поражения в первой мировой войне, успешно развивала военную науку, перевооружила армию, овладела новыми приемами ведения войны. Напротив, Франция и Англия все эти годы почивали на лаврах, армия в этих

странах не пользовалась поддержкой государства и народа, к военным относились пренебрежительно, появилась новая мораль, разлагавшая армию. Подобная политика и привела западные державы к военной катастрофе. Военные победы Гитлера вызывали серьезное беспокойство, но Сталин заверил слушателей, что теперь, когда Германия ведет войну под лозунгом захвата чужих земель и покорения других народов, она не будет иметь успеха. «Действительно ли германская армия непобедима? — задавал вопрос Сталин и сам же на него отвечал. — Нет. В мире нет и не было непобедимых армий. Есть армии лучшие, хорошие и слабые... В смысле дальнейшего военного роста германская армия потеряла вкус к дальнейшему улучшению военной техники. Немцы считают, что их армия — самая идеальная, самая хорошая, самая непобедимая. Это неверно. Армию необходимо изо дня в день совершенствовать»²⁸. Красная Армия, по словам Сталина, за 3—4 года претерпела серьезные изменения к лучшему. Если раньше было 120 дивизий, то теперь их стало 300, из которых одна треть — механизированные. «Об этом не говорят, но это вы должны знать. Из 100 дивизий — 2/3 танковые, а 1/3 моторизованные»²⁹, — доверительно сообщил он, несколько преувеличив реальную цифру. На смену старым танкам с тонкой броней (Т-26 и БТ) пришли современные тяжелые и средние танки (КВ и Т-34). Действительно, в то время в вооруженных силах числилось 29 мехкорпусов, имевших в своем составе по две танковых и одной механизированной дивизии. Вождь не стал огорчать слушателей такими деталями, что эти подвижные соединения пока еще не стали реальной военной силой: девять из них начали формироваться в конце 1940 г., а 20 — только в марте 1941 г. Лишь каждый десятый корпус получил необходимое количество танков, еще 5 соединений были укомплектованы танками лишь наполовину, а 17 корпусов имели менее половины положенных по штату танков, причем 10 из них располагали 20—30% штатной численности; 17-й и 20-й мехкорпуса имели соответственно 3,5% и 9% боевых машин, т. е. не являлись боевыми соединениями³⁰. Для полного укомплектования механизированных соединений требовалось около 32 тыс. танков, из них свыше 16 тыс. новых. По плану 1941 г. намечалось выпустить 4 тыс. Т-34 и КВ³¹.

Основу советского танкового парка в 1941 г. составляли тихоходные Т-26 и скоростные БТ. Если в 1936—1939 гг. они неплохо показали себя, участвуя в боевых действиях против франкистов и самураев, где не было серьезной противотанковой обороны, то к началу Великой Отечественной войны они безнадежно отстали от требований времени. Их тонкая броня могла защитить экипаж только от пуль и осколков, а артиллерийский снаряд пробивал ее с первого попадания. Не спасали от поражения ни мастерство танкистов, ни высокая подвижность БТ. Время легких танков безвозвратно ушло в прошлое. На полях второй мировой войны главную роль стали играть средние и тяжелые танки с противоснарядным бронированием и мощной танковой пушкой. В 1940 г. в СССР были собраны первые опытные образцы таких машин. Опытные экземпляры тяжелого танка КВ успели испытать в боевых условиях при прорыве финских укреплений, где они блестяще себя показали. Тогда же было принято решение начать серийное производство новых тяжелых и средних танков взамен легких колесно-гусеничных.

В книге В. Суворова «Ледокол» наличие в Советском Союзе большого количества колесно-гусеничных скоростных танков БТ рассматривается в качестве доказательства агрессивных намерений Сталина. Автор утверждает, что, поскольку в нашей стране не было хороших дорог, колесно-гусеничные машины нельзя было использовать на территории СССР. Зато на автострадах Европы они могли продемонстрировать свои скоростные возможности. Суворов умудрился расшифровать индекс танка А-20 как «автострадный», т. е. построенный исключительно для войны на автострадах Германии. По мысли автора «Ледокола», Сталин создал полчища колесно-гусеничных танков с единственной целью — захватить Европу. При этом Суворов не учел, что пресловутый А-20 существовал в единственном экземпляре, а Т-26 и БТ строились серийно, но совсем не для автострад. Они хорошо воевали в гористой местности Испании, в степях Монголии и снегах Финляндии, где автострад и в помине не было. Кроме того, в 1940 г. советские конструкторы окончательно отказались от ненадежного колесно-гусеничного движителя и полностью переключились на гусеничные танки. При

вступлении Тимошенко в должность наркома обороны в Красной Армии насчитывалось 9 012 экземпляров Т-26, 7,3 тыс. БТ, 470 трехбашенных Т-28, 60 неповоротливых сухопутных дредноутов Т-35 и всего девять КВ³². Через год положение изменилось. К 1 июня 1941 г. в воинских частях имелся 18 691 боеготовый танк, из которых 10% — танки первой линии (636 КВ и 1 225 Т-34)³³. Именно их имел в виду Сталин, говоря: «Наши танки изменили свой облик. Раньше все были тонкостенные. Теперь этого недостаточно. Теперь требуется броня в 3–4 раза больше. Есть у нас танки первой линии, которые будут рвать фронт. Есть танки 2–3 линии — это танки сопровождения пехоты»³⁴. К сожалению, машины второй линии составляли 90% танкового парка. Танки, находившиеся в эксплуатации несколько лет, нуждались в замене двигателей и ремонте ходовой части. При наработке 150–200 моточасов требовалось провести средний ремонт, а после 400–600 моточасов — капитальный. Нехватка запчастей и слабость ремонтной базы ограничивали боевые возможности старых танков. В силу изношенности ходовой части и ограниченности моторесурса их нельзя было использовать в большом наступлении. Это подтвердилось в первые же дни Великой Отечественной войны, когда при совершении маршей на Т-26 и БТ происходили частые поломки, на устранение которых приходилось тратить много времени. О широкомасштабных наступательных действиях с такой техникой нечего было и думать. Из-за технических неисправностей тысячи советских танков были оставлены экипажами и достались немцам в качестве трофеев³⁵.

Тяжелый период переживала советская авиация, на вооружении которой в 1940 г. состояли 497 безнадежно устаревших бомбовозов ТБ-3, 1 090 дальних бомбардировщиков ДБ-3, 3 480 фронтовых бомбардировщиков СБ. К числу современных машин можно было отнести 20 ближних бомбардировщиков Су-2 (ББ-1), 10 Як-4 (ББ-22) и 10 четырехмоторных летающих крепостей Пе-8 (ТБ-7), т. е. из 5,1 тыс. бомбардировщиков лишь 40 машин (0,8%) отвечали современным требованиям. Кроме того, в авиачастях имелось 4 058 тихоходных бипланов Р-5, Р-10, Р-3ет, построенных в первой половине 30-х годов, и 6 215 истребителей И-15, И-16, И-153, уступавших немец-

ким «мессершмитгам» в скорости, скороподъемности и мощности вооружения³⁶. По количеству самолетов советские военно-воздушные силы превосходили авиацию любой страны мира, но по качественным параметрам наши самолеты серьезно уступали немецким. После фейерверка авиационных рекордов признать свое отставание было нелегко. По инициативе Сталина за полтора года до войны проводится реорганизация: М.М. Каганович был снят с должности наркома авиационной промышленности СССР, а вместо него назначен тридцатилетний А.И. Шахурин; заместителем наркома по опытному самолетостроению становится молодой талантливый авиаконструктор А.С. Яковлев. Вместо двух конструкторских бюро, являвшихся монополистами в деле создания истребителей и бомбардировщиков, создаются около 20 новых КБ, получивших задание в минимальные сроки спроектировать и построить боевые самолеты, соответствующие мировому уровню. В напряженной конкурентной борьбе победили творческие коллективы С.В. Ильюшина, В.М. Петлякова, С.А. Лавочкина, А.И. Микояна и А.С. Яковлева, создавшие уникальный бронированный штурмовик Ил-2, скоростной пикирующий бомбардировщик Пе-2, а также истребители ЛаГГ-3, МиГ-3 и Як-1, способные конкурировать с «Мессершмитгом-109». Потребность в этих машинах была так велика, что они еще до завершения испытаний запускались в серийное производство. Однако к январю 1941 г. промышленность смогла выпустить всего 64 «яка», 20 «мигов» и 2 Пе-2³⁷. С учетом вышеизложенного совершенно необоснованным выглядит утверждение В. Суворова, что к началу 1941 г. Советский Союз имел все необходимое для нанесения внезапного удара с воздуха по немецким аэродромам и уничтожения германской авиации на земле. «Для таких действий у Сталина было подавляющее количественное и качественное превосходство»³⁸. В подтверждение своих слов автор ссылается на наличие в Красной Армии штурмовиков и пикирующих бомбардировщиков, несмотря на то что к началу 1941 г. Пе-2 существовал всего в двух экземплярах, а первые штурмовики сошли с конвейера только весной 1941 г. Суворов утверждает, что Сталин назначил нападение на Германию на 6 июля 1941 г. Основным самолетом грядущей

войны должен был стать Су-2 (ББ-1), спроектированный под шифром «Иванов». По словам Суворова, основная серия «иванова» планировалась в количестве 100–150 тыс. самолетов³⁹. «Шакал», «крылатый Чингисхан», «самолет-агрессор» — эпитеты, которыми Суворов наградил этот самолет, посвятив ему два десятка страниц своей книги. Автор убеждает читателя, что использовать этот бомбардировщик в войне можно лишь, напав первым на врага и нейтрализовав его авиацию. «Вот почему решение о выпуске минимум ста тысяч легких бомбардировщиков Су-2 было равносильно решению начать войну внезапным ударом по аэродромам противника»⁴⁰. Автор не объясняет, откуда взялась цифра 100 000, два нуля в ней явно лишние. В 1940 г. в армии насчитывалось два десятка Су-2. В первом полугодии 1941 года, т. е. к определенному Суворовым сроку нападения СССР на Германию, намечалось построить 405 Су-2, а в третьем квартале — еще 330 этих самолетов⁴¹. Такими темпами стотысячную армию «самолетов-агрессоров» пришлось бы строить почти сто лет. Правда, когда началась война, план третьего квартала по производству Су-2 увеличили с 330 до 460 машин⁴². Но это изменение нельзя назвать существенным. В таком случае правомерен вопрос, где же те стаи «крылатых шакалов», которые должны были 6 июля 1941 г. нанести коварный обезоруживающий удар по мирным германским аэродромам? Быть может, «вероломный Сталин» вовсе не собирался нападать на Гитлера летом 1941 г.?

В соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 7 декабря 1940 г. планировалось произвести в 1941 г. 16 530 боевых самолетов, а в первом квартале 1942 г. еще 6 720⁴³. Таким образом, в апреле 1942 г. в СССР насчитывалось бы свыше 23 тыс. современных истребителей, бомбардировщиков и штурмовиков, что сделало бы советскую авиацию сильнейшей в мире. Поэтому нападать на Германию в июле 1941 г., когда в Красной Армии было всего 2,7 тыс. новых самолетов⁴⁴, было бы преждевременно.

Не выдерживают критики и другие аргументы военнотехнического характера, использованные Суворовым для доказательства подготовки советского нападения летом 1941 г. Из книги «Ледокол» читатель узнает, что в 30-е годы Советский Союз был охвачен парашютным психозом.

Вооавиахим готовил массы парашютистов, и к началу второй мировой войны СССР имел более 1 000 000 отлично подготовленных десантников-парашютистов⁴⁵. Уж очень любит автор рисовать лишние нули. Для перевозки этой армии парашютистов потребовалось бы десятки тысяч транспортных самолетов и планеров. Назвав американский С-47 лучшим военно-транспортным самолетом мира, Суворов заявил, что в СССР этих самолетов было больше, чем в США⁴⁶. Транспортный «дуглас» строился у нас по лицензии под названием Ли-2. В мае 1940 г. в Красной Армии имелось 20 «дугласов». В первом полугодии 1941 г. планировали построить 100, а во втором — еще 200 транспортных самолетов⁴⁷. Для миллиона десантников этого слишком мало. Не подтвердилось и заявление Суворова о начале весной 1941 г. массового выпуска десантных планеров, означавшее, по его мнению, решимость советского руководства напасть на немцев летом или ранней осенью того же года. «Если бы Сталин намеревался выбросить сотни тысяч своих десантников в Западную Европу в 1942 году, то массовое производство планеров нужно было планировать на весну 1942 года»⁴⁸. Необходимо уточнить: в пяти советских воздушно-десантных корпусах насчитывалось около 40 тыс. бойцов, но поскольку специальной десантной техники и транспортной авиации они не получили, то участвовали в начавшейся войне как обычная пехота⁴⁹. Серийное производство планеров для десантников началось не весной, а в ноябре 1941 г.⁵⁰ Следовательно, версия о подготовке к широкомасштабной десантной операции советских войск летом 1941 г. не нашла подтверждения, как и другие сенсационные гипотезы автора «Ледокола» и «Дня "М"». Не оказалось в СССР ни миллиона десантников, ни ста тысяч «самолетов-агрессоров», ни «автострадных танков».

Общая численность советских вооруженных сил к июню 1941 г. достигла 5 373 тыс. против 7 254 тыс. человек в Германии. В советской артиллерии насчитывалось 67 тыс. орудий и минометов, в немецкой — 61 тыс., а с учетом армий ее союзников (Финляндии, Румынии и Венгрии) — 73 850 стволов⁵¹. В СССР имелось около 18,7 тыс. боеготовых танков, у Германии — 5 639 немецких и 1 930 трофейных танков⁵², т. е. всего более 10 тыс. машин.

Налицо почти двойное превосходство советских танковых войск. Таким же было соотношение в авиации: 10 тыс. немецких самолетов и 20 тыс. советских⁵³. Вместе с тем при выработке военных планов советская сторона не могла игнорировать наличие Квантунской армии, насчитывавшей около 700 тыс. солдат, 1 800 самолетов, свыше 1 тыс. танков⁵⁴.

Таким образом, при относительном равенстве в артиллерии Советский Союз превосходил Германию по количеству танков и самолетов, но уступал ей по числу солдат и офицеров. Такое соотношение сил, на первый взгляд, внушало советскому руководству уверенность в победе в случае войны с Германией. Однако при оценке боевой мощи нужно учитывать не только количественные, но в первую очередь качественные показатели состояния вооруженных сил страны. По качественным параметрам вермахт в 1941 г., безусловно, превосходил Красную Армию. Для германской армии были характерны высокая дисциплина, прекрасная боевая выучка, опыт ведения современной войны, хорошее взаимодействие частей и соединений различных родов войск, умение офицеров и генералов управлять войсками в боевых условиях. Это сделало вермахт сильнейшей армией мира.

Чтобы достойно противостоять вермахту, в Красной Армии следовало провести ряд мероприятий:

заменить в авиации устаревшие самолеты новыми и научить пилотов летать на них;

пополнить танковые войска тяжелыми и средними танками (КВ и Т-34), завершить формирование механизированных корпусов;

оснастить воздушно-десантные корпуса необходимой техникой;

ликвидировать серьезные пробелы в профессиональной подготовке офицерских кадров;

наладить твердую дисциплину и существенно поднять уровень боевой подготовки.

Для решения этих задач требовалось как минимум 1—2 года напряженной работы, а до тех пор любые планы нападения на Германию были обречены на провал.

Оперативные планы войны в Советском Союзе с 1924 по 1941 г. разрабатывались и уточнялись не менее 15 раз.

Летом 1940 г. в связи с переносом западных границ СССР и изменением обстановки в Европе Генштаб подготовил очередной вариант. К разработке оперплана привлекался ограниченный круг лиц: начальник Генштаба Б.М. Шапошников, его первый заместитель генерал-лейтенант Г.К. Маландин и его заместитель генерал-майор А.М. Василевский. Разработчики исходили из возможности нападения на СССР Японии и Германии, но главную роль они отводили западному театру военных действий. «Германия, вероятнее всего, развернет свои главные силы к северу от устья р. Сан, с тем, чтобы из Восточной Пруссии через Литву нанести и развить главный удар в направлениях на Ригу, на Ковно, Вильно и далее на Минск. Одновременно необходимо ожидать ударов на фронт Белосток, Брест с развитием их в направлении Барановичи, Минск». Не исключалась возможность, что немцы для захвата Украины и Кавказа сосредоточат свои главные силы к югу от устья р. Сан с направлением главного удара на Киев. «Основным, наиболее политически выгодным для Германии, а следовательно, и наиболее вероятным является 1-й вариант ее действий, т. е. с развертыванием главных сил немецкой армии к северу от устья р. Сан», — считал маршал Шапошников и предлагал развернуть главные силы Красной Армии к северу от Полесья, а на юге активной обороной прикрыть Западную Украину и Бессарабию⁵⁵. Но Сталин не согласился с этим. Маршала Шапошникова 19 августа перевели на должность заместителя наркома обороны, а новым начальником Генштаба стал генерал армии К.А. Мерецков. 16 сентября Тимошенко и Мерецков доложили членам Политбюро свои соображения по плану развертывания войск на случай войны. Сталин заявил, что немцы нанесут главный удар не в центре советско-германского фронта, а на юго-западе, чтобы прежде всего захватить наиболее богатые сырьевые, промышленные и сельскохозяйственные районы Украины, а затем — нефть Кавказа. Генштабу поручалось переработать план, предусмотрев сосредоточение главной группировки советских войск на юго-западе⁵⁶. 18 сентября Тимошенко и Мерецков направили Сталину и Молотову соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и на Востоке на 1940 и

1941 г.⁵⁷ Этот документ почти полностью повторял августовский вариант Шапошникова в части оценки намерений Германии, но предусматривал существенное изменение группировки советских войск. На западном театре военных действий предлагалось развернуть три фронта. Северо-Западный и Западный фронты должны были активными действиями сковать немецкие силы в Восточной Пруссии, прочно прикрыть Минское и Рижско-Псковское направления и не допустить вторжения немцев на нашу территорию. Юго-Западному фронту поручалось прочно прикрыть границы Бессарабии и Северной Буковины и во взаимодействии с 4-й армией Западного фронта мощным ударом в направлении Люблин и Краков и далее на Брестлау отрезать Германию от Балканских стран, лишить ее важнейших экономических баз и решительно воздействовать на Балканские страны в вопросах участия их в войне⁵⁸. В соответствии с этим стратегическим замыслом штаб Киевского Особого военного округа (КОВО), который во время войны намечалось преобразовать в Юго-Западный фронт, разработал план операции фронта, состоящей из трех этапов: «1 этап операции — оборона на укрепленном рубеже по линии госграницы... 2 этап — наступление. Задача — ближайшая задача фронта. Глубина 120—130 км. Начало наступления с утра 30 дня мобилизации... 3 этап операции. Задача — завершение стратегической задачи фронта»⁵⁹. Таким образом, фронт, предназначенный для нанесения главного удара, должен был в начале войны отразить нападение врага и на тридцатый день мобилизации перейти в решительное наступление на своем участке. Планы остальных приграничных округов предусматривали только оборону. Приведенные выше факты позволяют сделать вывод, что Советский Союз не собирался первым нападать на Германию, но в случае фашистской агрессии намеревался разгромить врага на его территории. Следовательно, оперативный план, утвержденный Сталиным 14 октября 1940 г., исходил из советской военной доктрины, в наиболее концентрированном виде изложенной в проекте полевого устава 1939 г.: «На всякое нападение врага Союз Советских Социалистических Республик ответит сокрушающим ударом всей мощи своих вооруженных сил. Наша война против напавшего

врага будет самой справедливой из всех войн, какие знает история человечества. Если враг навяжет нам войну, Рабоче-Крестьянская Красная Армия будет самой нападающей из всех когда-либо нападавших армий. Войну мы будем вести наступательно, перенеся ее на территорию противника. Боевые действия Красной Армии будут веситься на уничтожение с целью полного разгрома противника и достижения решительной победы»⁶⁰.

После проведения в январе 1941 г. двух оперативно-стратегических игр, в ходе которых наилучшим образом показал себя командующий КОВО генерал армии Г.К. Жуков, Сталин назначил его начальником Генштаба. В феврале началась массовая переброска войск Германии к советским границам: десятки пехотных, танковых и моторизованных дивизий прибывали на территорию Польши и Восточной Пруссии. Советская сторона не могла безучастно наблюдать за этим. 11 марта 1941 г. Генштаб подготовил уточненный план стратегического развертывания вооруженных сил, в котором предлагалось увеличить число советских войск против Германии и Финляндии до 171 стрелковой, 27 мотострелковых, 54 танковых, 7 кавалерийских дивизий и 2 отдельных стрелковых бригад⁶¹. В документе перед Красной Армией ставились более решительные цели, чем в предыдущем варианте плана: «Дальнейшей стратегической целью для главных сил Красной Армии в зависимости от обстановки может быть поставлено — развитие операции через Познань на Берлин или действия на юго-запад на Прагу и Вену, или удар на севере на Торунь и Данциг с целью обхода Восточной Пруссии»⁶². Таким образом, разгром агрессора предполагалось осуществить не на территории Польши, как намечалось ранее, а в Германии, Австрии и Чехословакии. В уточняющих директивах по данному плану для Прибалтийского и Западного Особых военных округов и наркома ВМФ подчеркивалось, что мы нападать не собираемся. Указанные директивы были составлены в единственном экземпляре и в войска не отправлены⁶³. Лишь через два месяца, 13 мая, принимается решение о переброске на Украину и в Белоруссию 28 дивизий и четырех армейских управлений. Немцы за это время придвинули к нашим границам в 4 раза больше своих дивизий.

Некоторые авторы утверждают, что Сталин якобы поверил миролюбивым заявлениям Гитлера и, чтобы не спровоцировать немцев, запрещал приводить наши войска в повышенную боевую готовность. Но Сталин никогда не отличался излишней доверчивостью, тем более по отношению к Гитлеру. Дело было в другом: он ясно сознавал, что наша промышленность и армия переживают очень болезненный период реорганизации, когда они наиболее уязвимы; до завершения этой перестройки вступление в войну чревато поражением. Если мы не готовы к войне, значит ее не должно быть. Уверовавший в собственную непогрешимость и способность определять ход истории, Сталин находил подтверждение собственным прогнозам в донесениях начальника разведуправления генерал-лейтенанта Ф.И. Голикова, предшественники которого — Берзин, Урицкий, Гендин, Орлов и Проскуров, посмеившие иногда высказывать свое мнение, — расстались не только с должностью, но и с жизнью. Все, что не совпадало с прогнозами вождя, отвергалось. 17 июня 1941 г. НКГБ СССР представил ему ценнейшее сообщение: «Источник, работающий в штабе германской авиации, сообщает: 1. Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время...». На этом документе вождь собственноручно начертил: «Т-щу Меркулову. Может, послать ваш "источник" из штаба Герм. авиации к ...матери. Это не "источник", а дезинформатор. И. Ст.»⁶⁴. Комментарии излишни.

Тимошенко и Жуков неоднократно обращались к Сталину с настойчивыми предложениями провести частичную мобилизацию, укомплектовать войска приграничных округов до штатов военного времени и привести в боевую готовность укрепленные районы на границе. Под таким напором военных Сталин разрешил призвать в течение лета на военные сборы около 800 тыс. человек, что было явно недостаточно, учитывая почти двойное численное превосходство противника в живой силе. Руководители военного ведомства, наблюдая за концентрацией войск противника на наших границах, ясно представляли, что за этим последует, и пытались переубедить главу правительства, пребывавшего в плену своих ложных военно-поли-

тических прогнозов. Но в условиях режима личной власти принятие важнейших решений зависело не от профессионалов, а от кремлевских политиков, всегда готовых поддержать мнение «хозяина». К середине мая 1941 г. Генштаб подготовил для Председателя Совнаркома СССР «Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками»⁶⁵. Документ написан в единственном экземпляре рукой генерал-майора А.М. Василевского и с поправками генерал-лейтенанта Н.Ф. Ватушина. Тимошенко и Жуков документ не подписали. В «Соображениях» подчеркивается, что Германия может выставить против нас до 180 дивизий, ее армия уже отобилирована, а наша еще нет. Поэтому немцы могут предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар. Отчаянной попыткой побудить Сталина к принятию судьбоносного для страны решения выглядят следующие слова документа: «Чтобы предотвратить это и разгромить немецкую армию, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий германскому командованию, предупредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск»⁶⁶. Наступать должен был только Юго-Западный фронт (ЮЗФ), на остальных участках госграницы (90% протяженности) предусматривалась активная оборона. В составе ЮЗФ предполагалось иметь 122 дивизии: 74 стрелковых, 28 танковых, 15 моторизованных и 5 кавалерийских. Фактически их было гораздо меньше: 58 дивизий, в том числе 16 танковых, 8 моторизованных и 2 кавалерийские⁶⁷. Таким образом, прежде чем наступать, предстояло в 2,1 раза увеличить число боевых соединений фронта, а к имевшимся четырем армиям добавить еще четыре. В настоящее время нет никаких данных, что майские «Соображения...» были утверждены правительством. Выдвижение на Запад четырех армий из внутренних округов также не является доказательством, поскольку само выдвижение началось, согласно директиве от 13 мая, т. е. за два дня до того, как был написан данный документ. Сталин категорически отверг предложения наркома обороны о проведении

в стране мобилизации, приведении войск в боевую готовность и развертывании первых эшелонов, а без этих мероприятий реализовать главную задачу майского плана было невозможно. Когда 14 июня Тимошенко и Жуков в очередной раз доложили об опасной концентрации немецких войск у границы, Сталин прервал доклад, заявив, что правительство лучше их знает обстановку, и пригрозил, что если они без его ведома посмеют двигать войска, то лишатся своих голов⁶⁸. Это привело к тому, что вместо 4 722 тыс. предусмотренных мобилизационным планом в западных округах имелось 2 586 тыс. человек⁶⁹, а противник сосредоточил у наших границ 5,5 млн человек. На всей территории СССР от Балтики до Тихого океана в июне 1941 г. было 5 373 тыс. солдат и офицеров, т. е. меньше, чем в немецкой армии вторжения. Ясно, что никакие переброски советских войск к западным границам не могли обеспечить численного превосходства над врагом. По майскому плану в приграничных округах требовалось сосредоточить 258 дивизий, а к началу войны их насчитывалось 170, в том числе в первом эшелоне — 56, во втором — 52, в резерве фронтов — 62 дивизии. При таком построении войск нельзя было не только наступать, но и оказывать серьезное сопротивление вермахту, имевшему в первом эшелоне 149, во втором — 14 и в резерве — 28 дивизий⁷⁰.

В последние мирные дни, когда немцы уже занимали исходные позиции для наступления, началась скрытая перегруппировка советских дивизий внутри приграничных округов, большая часть перемещаемых дивизий выдвигалась в районы, удаленные от границы на 20–80 км. Тогда же было приказано вывести фронтовые управления на полевые командные пункты. Но даже в эти дни советское руководство не решилось начать всеобщую мобилизацию и привести войска в боевую готовность. Эти запоздалые шаги советской стороны не могли изменить неблагоприятное для нас соотношение сил: приграничные округа по-прежнему вдвое уступали немцам в живой силе. Нападение на немецкие войска, которые значительно превосходили Красную Армию по численности, боевому опыту и другим качественным параметрам, было бы безрассудством. Утверждения В. Суворова, И. Хоффмана и некото-

рых других авторов о том, что СССР должен был напасть на Германию в июле 1941 г., не нашли подтверждения. Реальный уровень боевой готовности советских вооруженных сил не позволял им не только наступать, но и квалифицированно отразить фашистскую агрессию.

А.А. Печенкин

Отечественная история. 1995. № 3.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См.: Горьков Ю.А. Готовил ли Сталин упреждающий удар против Гитлера в 1941 г. // Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 29–39; Данилов В. Готовил ли Сталин нападение на Германию? // Поиск. 1994. № 24. С. 15; Хоффман И. Подготовка Советского Союза к наступательной войне. 1941 год // Отечественная история. 1993. № 4. С. 19–31; Киселев В.Н. Упрямые факты начала войны // Военно-исторический журнал. 1992. № 2. С. 14–19.
- 2 Военно-исторический журнал. 1991. № 12. С. 17–20; 1992. № 1. С. 24–29; № 2. С. 18–22; Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 40–45.
- 3 Советская военная энциклопедия. 2-е изд. М., 1990. Т. 1. С. 424.
- 4 Военно-исторический журнал. 1987. № 6. С. 53.
- 5 История второй мировой войны. М., 1974. Т. 2. С. 199.
- 6 Там же. Т. 4. М., 1975. С. 18; 50 лет Вооруженных Сил СССР. М., 1968. С. 198, 234.
- 7 Военные архивы России. М., 1993. Вып. 1. С. 23.
- 8 Павленко Н.Г. Размышления о судьбе полководца. М., 1989. С. 15.
- 9 Военно-исторический журнал. 1991. № 6. С. 76. Общие потери высшего командного состава (боевые и небоевые) за 1941–1945 гг.: 1 Маршал Советского Союза, 411 генералов и 9 адмиралов.
- 10 Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 80.
- 11 Российский государственный военный архив. Ф. 4. Оп. 15. Д. 20. Л. 422, 423. (Далее: РГВА).
- 12 Там же. Ф. 4. Оп. 18. Д. 47. Л. 99.
- 13 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления 10-е изд., доп. по рукописи автора. М., 1990. Т. 1. С. 231–233.

- 14 Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории. 1990. № 7. С. 104; Уроки войны с Финляндией. Неопубликованный доклад наркома обороны СССР К.Е. Ворошилова на Пленуме ЦК ВКП(б) 28 марта 1940 г. // Новая и новейшая история. 1993. № 4. С. 104, 110, 111, 118, 119.
- 15 РА: Великая Отечественная. М.: Терра, 1993. Т. 12 (1). С. 369.
- 16 Там же.
- 17 Там же. С. 363.
- 18 Военно-исторический журнал. 1993. № 1. С. 57, 58.
- 19 РА: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР. М.: Терра, 1994. Т. 13 (2-1). С. 181.
- 20 РА: Великая Отечественная. Т. 12(1). С. 109.
- 21 Там же. С. 25.
- 22 Там же. С. 26.
- 23 *Комал Ф.Б.* Военные кадры накануне войны // Военно-исторический журнал. 1990. № 2. С. 28.
- 24 Скрытая правда войны. 1941 год: Неизвестные документы. М., 1992. С. 340, 341.
- 25 *Гальдер Ф.* Военный дневник. М., 1969. Т. 2. С. 504.
- 26 РА: Великая Отечественная. Т. 12(1). С. 368.
- 27 РЦХИДНИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3808. Л. 4.
- 28 *Безыменский Л.* Что же сказал Сталин 5 мая 1941 года? // Новое время. 1991. № 19. С. 38.
- 29 РЦХИДНИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3808. Л. 2.
- 30 Подсчитано по: *Крикунов В.П.* «Простая арифметика» В.В. Шлыкова // Военно-исторический журнал. 1989. № 4. С. 42.
- 31 Известия ЦК КПСС. 1990. № 2. С. 202, 204.
- 32 РГВА. Ф. 4. Оп. 19. Д. 90. Л. 35.
- 33 *Золотов Н.П., Исаев С.И.* Боеготовы были... Историко-статистическое исследование количественно-качественного состояния танкового парка Красной Армии накануне Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 1993. № 11. С. 76.
- 34 РЦХИДНИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3808. Л. 2.
- 35 *Крикунов В.П.* Куда делись танки? // Военно-исторический журнал. 1988. № 11.
- 36 РГВА. Ф. 4. Оп. 19. Д. 90. Л. 29.
- 37 История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941 – 1945. М., 1963. Т. 1. С. 414.
- 38 *Суворов В.* День «М». М., 1994. С. 103.
- 39 Там же. С. 99.
- 40 Там же. С. 103.
- 41 Известия ЦК КПСС. 1990. № 2. С. 195.
- 42 РЦХИДНИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 1. Л. 83.

- 43 Известия ЦК КПСС. 1990. № 2. С. 195.
- 44 История Великой Отечественной войны Советского Союза. Т. 1. С. 414.
- 45 *Суворов В.* Ледокол. Кто начал вторую мировую войну? Нефантастическая повесть-документ. М., 1992. С. 113.
- 46 Там же. С. 123.
- 47 РГВА. Ф. 4. Оп. 19. Д. 90. Л. 30; Известия ЦК КПСС. 1990. № 2. С. 195.
- 48 *Суворов В.* Ледокол. С. 122.
- 49 Великая Отечественная война. 1941 – 1945: Энциклопедия. М., 1985. С. 165.
- 50 *Грибовский К.В.* Развитие транспортного планеризма в СССР. М., 1993.
- 51 История второй мировой войны. Т. 4. С. 13, 18.
- 52 Там же. С. 13; *Гальдер Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 316; Военно-исторический журнал. 1993. № 11. С. 76.
- 53 История второй мировой войны. Т. 4. С. 13; Военно-исторический журнал. 1991. № 4. С. 39.
- 54 Великая Отечественная война. 1941 – 1945: Энциклопедия. С. 327.
- 55 Военно-исторический журнал. 1991. № 12. С. 18.
- 56 *Василевский А.М.* Дело всей жизни. М., 1975. С. 105, 106.
- 57 Военно-исторический журнал. 1992. № 1. С. 24 – 29.
- 58 Там же. С. 27, 28.
- 59 *Горьков Ю.А.* Указ. соч. С. 33.
- 60 Военно-исторический журнал. 1961. № 5. С. 73.
- 61 Там же. 1992. № 2. С. 22.
- 62 *Горьков Ю.А.* Указ. соч. С. 35.
- 63 Там же.
- 64 Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 221.
- 65 Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 40 – 45.
- 66 Там же. С. 41.
- 67 Там же. С. 43; Военно-исторический журнал. 1988. № 8. С. 32.
- 68 *Жуков Г.К.* Указ. соч. Т. 1. С. 366 – 367; *Безыменский Л.* Указ. соч. С. 40.
- 69 *Горьков Ю.А.* Указ. соч. С. 37.
- 70 Военно-исторический журнал. 1991. № 6. С. 42.

Война против России – «правильная война»

Самоубийственное решение

В 1940 и 1941 гг. у Гитлера не было причин бояться Советского Союза или жаловаться на него. Пакт о ненападении, заключенный в августе 1939 г., функционировал удовлетворительно. Несмотря на отдельные трения, Советский Союз придерживался в отношении Германии исключительно оборонительной тактики и был вполне лоялен. Отношение СССР к Англии было более чем холодным. Значительные и осуществлявшиеся в срок поставки сырья и продовольствия с Востока делали Германию неустойчивой на случай блокады. Стремление путем доброжелательного нейтралитета по отношению к Германии не дать втянуть себя в войну полностью отвечало также интересам и позиции Советского Союза. СССР был еще далек от завершения своей индустриализации, и от войны с Германией он не мог ожидать ничего хорошего, напротив – лишь опасаться самого худшего. И недаром в августе 1939 г., когда Россию сманивали обе стороны, она оставалась на стороне Германии. И совершенно правильно писал генерал-майор Эрих Маркс, который 5 августа 1940 г. по заданию Гитлера представил первую разработку генеральным штабом похода на Восток: «Русские не окажут нам дружеской услуги – они не нападут на нас».

И все же во второй половине 1940 г. Гитлер принял решение напасть на Россию. Это решение, оказавшееся самоубийственным, производит совершенно необъяснимое впечатление. Как мог Гитлер, отягощенный войной

с Англией (и угрозой войны с Америкой), начать без нужды еще войну с Россией? Именно он, который в качестве предпосылки войны с Россией всегда проповедовал партнерство с Англией? И все же в этих рассуждениях, в которых неизбежная война с Англией казалась Гитлеру теперь дополнительным аргументом для войны с Россией, есть определенная парадоксальная логика. Целесообразно со всем беспристрастием проследить ход мыслей Гитлера.

Война с Англией достигла осенью 1940 г. мертвой точки. Вторжение в Англию с помощью имеющихся средств оказалось неосуществимым. Воздушная война осталась со стратегической точки зрения безрезультатной. В это время Гитлер не мог подступиться к Англии. Англия же отставала от Германии в области вооружения по крайней мере на два года, и даже при полной мобилизации всех ее сил их никогда не хватило бы для успешного вторжения на континент. Она вынуждена была ждать Америку, которая отставала от Германии по вооружению по меньшей мере на три года.

Таким образом, война на Западе должна была оставаться в ближайшие два-три года позиционной войной и сопровождаться гонкой вооружения. Однако Германию такая перспектива совсем не устраивала по двум причинам.

Во-первых, объединенный англо-американский военный потенциал был больше германского и при полном развертывании неизбежно превосходил бы его. Германия не могла выиграть гонку вооружений, разве только при условии, что она значительно расширила бы свой собственный потенциал.

Во-вторых, благодаря своему преимуществу в вооружении Германия достигла в то время как раз апогея в военном превосходстве, что даже в лучшем случае не могло больше повториться.

Вооружение современного индустриального государства – процесс, занимающий четыре года. Когда-то Черчилль очень образно описал это: «В первый год – почти ничего; во второй – очень мало; в третий – значительное количество; начиная с четвертого – столько, сколько нужно». В 1940 г. Англия застряла на втором году своего вооружения («очень мало»), Америка – даже на первом («почти ничего»), Германия же находилась на четвертом («столько, сколько нужно»).

В результате Германия как минимум еще на два года была гарантирована от крупного наступления Запада и имела свободные руки. Если бы она использовала эти два года для значительного расширения собственного потенциала, она могла бы надеяться, что и позже не уступит своим западным противникам. Однако Германия не использовала эту возможность и поэтому должна была ожидать, что примерно с 1943 г. начнет во все большей степени отставать. Итак, она должна была использовать эти два года. Но как и где?

Германия готовилась к войне не против Англии и Америки — у нее не было крупного флота и бомбардировщиков дальнего действия, — а в соответствии с внешнеполитической концепцией Гитлера — к войне на суше против Франции и России. Ее сила заключалась в армии и авиации, которая создавалась как вспомогательное оружие для сухопутных войск, как летающая артиллерия. Однако этот инструмент войны мог быть использован только на континенте, а на континенте имелась лишь одна цель — Россия.

К Англии Гитлер не мог подступиться (тем более к Америке), а к СССР мог. И если бы ему удалось в течение этих двух лет подчинить эту страну своей воле и заставить ее людей и машины работать на Германию, тогда бы он мог надеяться, что в 1943 или 1944 г. будет готов к заключительной схватке с Англией и Америкой и успешному отражению попытки англо-американского вторжения.

Россия — или ничего

Такова логика, которой руководствовался Гитлер в 1940 г., когда он свою конечную цель, а именно завоевание Советского Союза, превратил в необходимый промежуточный этап для войны с Англией. Если Германия хотела использовать эти два года не нарушаемой никем свободы действий, созданной ее преобладанием в сфере вооружений, то это могло произойти только путем победоносной войны против Советского Союза, даже если СССР не давал ни повода, ни предлога к подобной войне. Другие агрессивные планы, как, например, план командующего флотом Редера о глубоком вторжении на Средний Восток

или проникновении в Западную Африку через Испанию, не соответствовали характеру вооружений Германии. Подобные планы подвергали германскую армию, заброшенную за океан, опасности быть отрезанной преобладающим английским флотом и не обещали даже в случае удач (что было невероятным) никаких результатов, могущих оказать решающее влияние на исход войны. Нужно было решать: Россия — или ничего.

Два других соображения укрепили Гитлера в его решении начать войну против СССР, которая всегда была и оставалась его истинным намерением, и не откладывать поход на Восток до окончания войны с Западом. Первый момент носил психологический характер и состоял в том, что в данном случае отложить означало, видимо, отказаться вообще. Гитлер неоднократно заявлял, что после победоносной войны с Западом и заключения мира ему едва ли удастся «поднять еще раз против России» «переутомленный двумя крупными войнами» немецкий народ. Теперь же все равно шла война, и поэтому заодно можно было решить и эту проблему.

Именно для обоснования войны с СССР Гитлер часто прибегал ко лжи — лишь отдельные из его высказываний по этому комплексу вопросов можно принимать за истинную монету. Но и они отличаются правдоподобностью лишь потому, что позволяют разглядеть, что война против Советского Союза всегда оставалась его заветной целью.

Вторым моментом была чрезвычайно неприятная мысль о растущей зависимости, в которую Гитлер неизбежно попал бы от СССР в ходе войны с Западом, если бы он отказался от своего замысла. Правда, с 1939 г. СССР вел себя как вполне лояльный партнер и поставщик, и разница между тем, что эта страна добровольно делала для Германии, и тем, что можно было получить силой от побежденной, разрушенной войной и озлобленной России, во всяком случае в первые решающие годы войны, была совсем не такой уж большой. Не было также оснований считать, что Сталин нанес бы Германии удар в спину, когда она вела решающую битву с западными державами на побережье Атлантики. Сталин не мог серьезно желать поражения Германии, поскольку она была нужна ему как противовес и заграждение от западных держав, которые внушали ему еще больший страх и недоверие, нежели Гер-

мания. Однако можно было ожидать, что Сталин станет поднимать политическую цену за свое доброжелательное отношение и поддержку по мере того, как Германия будет попадать в затруднительное положение на Западе.

Партнерство между Гитлером и Сталиным не было любовным союзом, в том числе и со стороны Сталина. Если можно было бы превратить своенравного и самовольного партнера — СССР — в беззащитную и покоренную, по крайней мере уступчивую, Россию, то Гитлер всегда предпочел бы такой вариант.

Но было ли это вообще возможно? Как раз в этом месте мы сталкиваемся с ошибкой Гитлера.

Ошибка Гитлера

На войну с Советским Союзом, которую он хотел вести теперь в известной мере лишь как промежуточный этап в войне с Западом, Гитлер перенес без проверки и изменений представления, которые он составил себе с самого начала на этот случай. В то время он надеялся, что сможет вести войну без всяких отклонений и осложнений, в полном согласии с Англией, с прочным обеспечением тыла и концентрированным использованием всех сил Германской империи и будет иметь для этого неограниченное время.

Планировавшаяся ранее война должна была стать войной колониальной, а это значит особенно жестокой. Разгром русских вооруженных сил был бы лишь первым актом, за которым должна была последовать тотальная оккупация этой огромной страны, полная ликвидация государственной власти Советского Союза, истребление звена руководящих кадров и интеллигенции, создание подвижного германского колониального аппарата и, наконец, порабощение 170-миллионного населения. Сомнительно, был ли вообще, отбросив всякую мораль, выполнен подобный план даже при самых благоприятных обстоятельствах. Во всяком случае, это был план, для выполнения которого была необходима жизнь целого поколения.

Теперь же Гитлер имел для войны с СССР всего лишь два года. Но даже и в эти два года четверть германской армии и треть военно-воздушных сил были связаны на Запа-

де. К концу этого срока Гитлер был бы вынужден вновь перебросить большую часть своих войск на Атлантическое побережье, и Россия, если не считать незначительные оккупационные войска, была бы предоставлена сама себе.

В этих изменившихся условиях Гитлер мог, однако, лишь надеяться в лучшем случае выиграть против Советского Союза «европейскую нормальную войну» с ограниченными целями — своего рода расширенный вариант блитцкрига против Франции. Этому соответствовали и военные планы, которые предусматривали наступление лишь до линии Волга — Архангельск. Длительная оккупация также и азиатской части Советского Союза по ту сторону Урала, даже в случае военной победы, полностью истощила бы немецкие силы и сделала невозможным продолжение мировой войны.

В условиях ограниченного времени и сил планы Гитлера могли иметь успех только в том случае, если бы русские сделали ему одолжение и, как французы в 1940 г., вступили бы всей силой своих мобилизованных армий в решающую борьбу вблизи границы, вместо того чтобы использовать просторы русской территории. Только в этом случае можно было бы выиграть решающую битву. Кроме того, должно было найтись русское правительство, которое признало бы такое военное решение неизменным и, как правительство Петена во Франции, предпочло бы длительной отчаянной борьбе быстрое военное перемирие.

Но и в этом случае Гитлер должен был бы, как и во Франции, проявить готовность выставить для такого перемирия приемлемые, «нормальные» условия. Он должен был бы признать такое русское правительство и создать для русского населения в оккупированных областях более или менее нормальные условия жизни. Только в этом случае Гитлер мог надеяться заставить побежденную Россию пойти на «коллаборацию», подобно тому, как это было с побежденной Францией. Только в этом случае он мог думать о том, чтобы спустя два, самое большее три года вновь повернуться к побежденной России спиной, не опасаясь немедленного развязывания русскими освободительной войны, которая означала бы войну на два фронта в момент англо-американского вторжения.

Это была дилемма, которая вставала перед Гитлером в случае войны с СССР. Даже быстрая военная победа,

которая была далеко не само собой разумеющейся, грозила скорее ухудшением, нежели улучшением положения Гитлера в решающей фазе мировой войны, если бы не удалось победу на Востоке тотчас же перечекинуть в мир — более того, установить дружеские отношения между побежденной Россией и Германией.

Однако любая мысль о подобной политике была для Гитлера весьма далекой. Он по-прежнему находился в плену своей идефикс о германском жизненном пространстве на Востоке. Он не признавал или не хотел признавать, что эта идея разрывает теперь рамки его стратегических возможностей. Из-за недостатка времени, который исключал колониальную войну с Россией, он уже с первого дня войны пустил в ход колониальные меры истребления и порабощения. Тем самым он с самого начала показал народу и армии противника, что их ожидает в случае поражения, и вверг их в отчаяние, еще не победив.

Жизнь или смерть, победа или поражение

Война с Россией была проиграна еще до того, как Гитлер ее начал.

Даже в европейской, «нормальной» войне Россия оказалась бы, очевидно, победителем: численность ее населения более чем в два раза превышала численность населения Германии. СССР также имеет богатые военные традиции, высокую степень вооружения, а для обороны — такое почти непреодолимое оружие, как пространство. Советский Союз совсем не «созрел для падения» — это было молодое, мощно развивающееся государство, которое переживало этап широкой модернизации и индустриализации.

С того момента как русская боевая мораль не ставилась больше под вопрос, Россия с ее военно-техническим равновесием и ее численным и территориальным превосходством не могла больше проиграть войну, а Германия выиграть ее. Даже крупные отступления русских на Южном фронте в 1942 военном году никак не меняли положения дел. В ходе этих отступлений не было больше массовых пленений, как это имело место во время крупных поражений в первые месяцы войны. В 1942 г. Россия

сознательно использовала свое пространство как оружие, долгое отступление завершилось Сталинградом.

Война против СССР, начатая в 1941 г., не имела дипломатической предыстории. В отличие от войны с Англией ей не предшествовали ни спор, ни напряженная ситуация, ни разногласия, ни ультиматум. Кроме как своим существованием, СССР не давал Гитлеру никакого повода для развязывания войны. Начать войну против СССР и вести ее как колониальную войну было единственным решением Гитлера. Однако следует подчеркнуть, что против этого решения в Германии не было ни малейшего признака сопротивления, как это еще имело место в кризисы, которые предшествовали Мюнхенскому соглашению 1938 г., развязыванию войны 1939 г. и походу против Франции 1940 г. Никогда еще Гитлер не имел за собой столь сплоченную Германскую империю, как в своей убийственной и самоубийственной войне против Советского Союза.

Несмотря на большое количество кровопролитных битв, война с СССР не имеет собственной военной истории. Ни разу в ходе войны ее исход не зависел от лучшего или худшего плана отдельных операций, смелости проекта битвы, стратегического таланта того или иного ведущего генерала. Имевший место впоследствии спор о решении Гитлера осуществить в сентябре 1941 г. нападение сначала на Киев, а не на Москву является бесполезным. Противоположное решение, даже если бы оно привело к взятию Москвы, не изменило бы ход войны. С того момента, когда русскому народу стали ясны истинные намерения Гитлера, немецкой силе была противопоставлена сила русского народа. С этого момента был ясен также исход: русские были сильнее не только потому, что они превышали численностью, но прежде всего потому, что для них решался вопрос жизни и смерти, а для немцев — нет.

Для немцев речь шла лишь о победе или поражении. Победа была проиграна с того момента, когда русские взяли себя в руки, т. е. уже в декабре 1941 г. Однако поражение от русских не означало для немцев, что их страна будет превращена в то, во что превратилась бы Россия в случае нанесения ей поражения Гитлером.

Кроме того, немцы еще могли помешать тому, чтобы русские стали их единственными победителями. После

декабря 1941 г., когда контрнаступлением под Москвой русские доказали свою вновь обретенную волю к борьбе, Германия уже не могла выиграть войну, но она могла затянуть ее на годы, пока западные державы не были готовы к вступлению в войну. Немцы могли до известной степени выбирать, кем они хотели бы быть побежденными и кому помочь одержать победу — Востоку или Западу. Они могли даже надеяться использовать Восток против Запада или Запад против Востока. С этого момента, правда, они поставили бы на карту единство своего государства.

С этого времени западные державы играли для Германии другую роль, и война на Западе изменила свое лицо. Пока Германия боролась на Востоке за победу, она была заинтересована по возможности дольше затягивать активизацию военных действий на Западе, а особенно вступление в войну Америки. Но с тех пор как Германия на Востоке могла бороться лишь за отсрочку поражения, она должна была быть заинтересована по возможности ускорить вступление западных держав в войну, а значит, и вступление в войну Америки. Ведь лишь активное выступление Англии и Америки на европейском театре военных действий давало Германии шанс заменить поражение на Востоке поражением на Западе или даже вызвать большую войну между Востоком и Западом как продолжение войны с Советским Союзом, в ходе которой выступить на той или иной стороне (на какой, сомнений почти не вызывало) и таким образом все же превратить поражение в победу.

Это новое положение Гитлер осознал 6 декабря 1941 г., когда русские начали необычайно мощное контрнаступление под Москвой. «Когда началась зимняя катастрофа 1941 — 1942 гг., — говорится в военном дневнике начальника главного штаба вермахта, — фюреру и генерал-полковнику (Иодлю) стало ясно, что кульминационный пункт пройден и... больше нельзя достичь победы».

Объявление войны как зов о помощи

Нападение Японии на США не было для Гитлера причиной для самоубийственного пересмотра политики в отношении Америки. Оно могло послужить лишь поводом

для этого. Причину же мы должны искать в другом месте. Для этого нам нужно вернуться на один день назад до японского нападения. Япония нанесла удар по Перл-Харбору 7 декабря 1941 г. За день до этого, 6 декабря, Красная Армия начала контрнаступление под Москвой, далеко отбросила передовые германские части и одним разом поставила неподготовленную для зимних боев сухопутную армию Германии под угрозу полной катастрофы. Это обстоятельство, а не Перл-Харбор было причиной поспешного объявления Гитлером войны Америке. Оно было скрытым зовом о помощи.

Для Гитлера и германского верховного командования наступление русских было полной неожиданностью. Оно означало полный крах плана войны Германии против СССР, на котором основывалась вся стратегия Гитлера. План войны против Советского Союза был планом молниеносной войны. СССР должен был быть не только разбит, но и разбит в *короткий срок*, так как Гитлер спешил: он был вынужден считаться с усилением Англии, возможным вступлением в войну Америки и вторжением на Западе в 1943 — 1944 гг.

Однако отныне не было надежды на скорую победу над СССР, хотя в июле, а затем в октябре 1941 г. Гитлер считал, что победа уже обеспечена. Германские блицпобеды не сломили оборонительную мощь русских. Более того, Советский Союз, как это теперь доказано, по-прежнему обладал огромной наступательной силой. Немцы же перешагнули апогей своих возможностей. Лучшее, на что они могли еще надеяться, была длительная, изнурительная, почти предрешенная война на Востоке. Но такая война не могла обеспечить достаточную оборонительную силу на Западе. Кроме того, не была исключена быстрая катастрофа, как это было с Наполеоном в 1812 г.

Другими словами, начиная с 6 декабря 1941 г. Гитлер впервые был вынужден считаться с возможностью германского поражения. Теперь он должен был выработать планы, которые обеспечивали бы шанс превратить тотальное поражение в частичную победу. Для этого нужно было втянуть в войну Америку, чего он, пока речь шла о победе, пытался по возможности избегать или хотя бы оттягивать.

План Гитлера был совершенно ясен: в случае быстрой катастрофы нужно было позаботиться о том, чтобы Гер-

мания по меньшей мере не полностью попала в руки вероятно раздраженной России, с которой так жестоко обращались. В случае такой катастрофы Запад должен был стать из противника помощником по необходимости. Для того чтобы он стал таковым, нужно было усилить Англию. Даже в самой благоприятной ситуации Англия не могла составить на континенте противовес победоносному Советскому Союзу. Вместе же с Америкой это было возможно, даже если в 1942 г. обе западные державы были еще далеки от полного развертывания своих вооруженных сил. Объявление Гитлером войны Америке было не чем иным, как зовом о помощи: «Приходите скорее, пока не пришли русские».

Союзник вчерашнего врага?

В этом отношении Гитлер не ошибся в американцах. Правда, они планировали вторжение на континент лишь в 1943 г. (позже перенесли даже на 1944 г.). Планы их штаба предусматривали, однако, вторжение и при имевшихся недостаточных силах уже в 1942 г. в двух крайних случаях: как отвлекающая операция в случае угрозы поражения России или как операция по ликвидации последствий германского поражения на Востоке. Они не желали отдать русским Германию и всю Европу.

В это время полного разгрома Германии на Востоке еще не было. Гитлер мог еще надеяться предотвратить его, и зимой 1941 — 1942 г. он действительно сумел это сделать. Но, хотя война на Востоке и продолжалась, Гитлер должен был с этого времени учитывать свое поражение в России в перспективе. СССР не был разбит одним мощным ударом, а поэтому он неизбежно становился сильнее Германии. Его превосходящая численность населения и пространство должны были со временем сказаться на ходе войны.

Поскольку у одной Германии не хватало сил победить СССР или хотя бы не давать ему передышки, надо было ввести в бой другие, более мощные силы, чтобы держать СССР под постоянной угрозой, а может быть, кто знает, и даже победить в перспективе. Нужна была Америка. Единственным средством втянуть Америку в европейское

поле в этих условиях было объявление ей войны.

Конечно, такой шаг означал, что вначале американцы выступят вместе с Англией, а позже и на континенте не против СССР, а против Германии. Изменить это было невозможно. Но американцы и англичане так же не хотели тотальной победы СССР, как и Германии.

Непомерный рост мощи СССР неизбежно вызывал у них недоверие и вновь заставлял думать о старой роли Германии как «бастиона против большевизма».

Если бы все развивалось по плану, то противоестественный союз, навязанный Гитлером Востоку и Западу, мог еще в ходе войны распасться на враждебные стороны. Германия могла стать союзником своего западного противника. Истории известны такие случаи.

Даже при самом неблагоприятном исходе поражение Германии силами Востока и Запада должно было привести к их прямой конфронтации и спору из-за добычи. Это могло обеспечить Германии, даже в случае поражения, возможность вновь играть решающую роль.

Если бы после поражения Германии удалось продолжить войну между Западом и Востоком, когда Запад только что достиг полного развертывания своих вооруженных сил, а Восток был серьезно ослаблен войной, Германия могла бы, выступая на стороне Запада, все же выиграть в длинном числе свою восточную войну.

Все эти планы имели обязательной предпосылкой вступление в войну Америки. Чтобы заставить ее сделать это, было лишь одно средство: объявить ей войну. Какое дело было до того, что Германия не могла вести войну против Америки и объявление войны было лишь приглашением начать войну против Германии?

В пользу наших предположений говорит не только то обстоятельство, что позже многое, хотя и не все, на что надеялся Гитлер, принимая решения, действительно произошло. За это значительно весомее говорит то, что подобный взгляд вперед полностью отвечает образу мышления и стилю действий Гитлера. Наконец, за это еще более убедительно говорит то, что в действиях Гитлера нашла свое отражение его прежняя внешнеполитическая концепция.

Основная идея гитлеровской концепции всегда носила двойственный характер: главной целью была колонизация

Советского Союза; прикрытие тыла с помощью союза с Англией было необходимой предпосылкой для этого. После того как это не удалось, Гитлер попытался достичь своей цели на Востоке без западного прикрытия с тыла. Тем самым он отклонился от своей основной концепции и потерпел крах.

В этой ситуации Гитлер «интуитивно» видел лишь один путь вернуться к своей основной идее — германской колонизации Востока, имея западное прикрытие с тыла. Поскольку западные державы не хотели предоставить Германии «свободу рук на Востоке», надо было в наказание обходным путем, а именно через войну, втянуть их самих в конфликт с Востоком.

Если бы эта конфронтация привела к войне между Востоком и Западом, Запад был бы вынужден превратить Германию, даже побежденную, в свой головной отряд или соответственно обеспечить Германии тыл для ее новой агрессивной войны на Востоке. И если бы Запад, как этого ожидал Гитлер, в союзе с Германией в конце концов выиграл войну, то по своему географическому положению лишь Германия, пусть даже ранее и побежденная, могла в перспективе пожать плоды победы.

«С Западом против России» — таковой всегда была идефикс Гитлера. Это особенно наглядно, хотя и в извращенном виде, проявилось именно в тот момент, когда он перед лицом грозящей катастрофы на Востоке вызвал Америку на войну против Германии, надеясь в итоге все же организовать совместную войну против СССР.

С. Хаффнер

*Главы из книги «Самоубийство Германской империи».
М.: Прогресс, 1972.*

ЧЕЛОВЕК И ВОЙНА

Катынь

Катынь — это не просто географическое название, но и символ трагической судьбы польских офицеров в советском плену. Причем не только тех, кто находился в спецлагерях в Козельске, Старобельске и Осташкове, но и нескольких тысяч поляков, содержавшихся в 1940 г. в тюрьмах Западной Украины и Белоруссии.

После нападения 1 сентября 1939 г. на Польшу вермахт стал быстро занимать ее территорию. Присоединение к этой агрессии Советского Союза положило начало необъявленной (формально) войны с Польшей и на востоке. Это следует из директив командования Красной Армии, а также из обнаруженных фронтовых сводок о ходе сражений и о взятых в плен польских военнослужащих. В заключении российской экспертной комиссии по катыньскому вопросу говорится, что «советское руководство, формально не объявляя войну Польше, на практике реализовало предпосылку, что целью этой войны должна быть ликвидация польского государства». Лишь признав, что сложившаяся тогда ситуация была настоящей войной, можно понять, почему захваченные поляки рассматривались как военнопленные, а не как интернированные. Директивы советского руководства предписывали ликвидацию польских воинских формирований как вражеских. Военнопленными признавались все: взятые в плен в ходе военных действий польские офицеры, солдаты, пограничники, а также административные работники, — будь они с оружием в руках или невооруженные, равно как и задержанные органами НКВД во время регистрации. Более

того, согласно решению Главного командования, Положение о военнопленных от 20 сентября 1939 г. предусматривало, что военнопленными считались также гражданские лица, «задержанные в ходе военных действий».

В целом в плену у вермахта оказалось более 400 тыс. польских солдат и 19 тыс. офицеров, в плену у Красной Армии — около четверти миллиона польских солдат и офицеров, половина из которых была выслана в лагеря НКВД, а остальные были либо освобождены, либо бежали. Среди военнопленных, захваченных Красной Армией, оказалось 8,5 тыс. офицеров, а также 6,5 тыс. служащих полиции и работников юстиции. Они были сконцентрированы в трех спецлагерях НКВД: в Козельском (4,7 тыс.) и Старобельском (ок. 4 тыс.) находились военные, в Осташковском (6,5 тыс.) были сосредоточены служащие полиции и жандармерии. Офицеры действительной службы составляли менее половины всех военных, содержавшихся в этих лагерях. Остальные являлись офицерами запаса, большинство из них были специалистами высокого уровня в разных областях: педагогами, инженерами, врачами, юристами, духовными лицами, т. е. принадлежали к элите польской интеллигенции. Из 13 генералов и адмиралов более половины уже перед войной находились в отставке. В Осташкове среди полицейских и жандармов оказался пожилые резервисты или лица, непригодные к воинской службе, а также небольшая группа гражданских лиц. Надзор за этими лагерями осуществляло созданное в то время Управление НКВД СССР по делам о военнопленных (УПВ), которым руководил П.К. Сопруненко, бывший сотрудник секретариата Берии, народный комиссар внутренних дел СССР.

После революции советское правительство не денонсировало Гаагскую конвенцию, однако в целом признало прежние международные соглашения недействительными и подлежащими допроверке. Так, из заключенных 27 июля 1929 г. двух Женевских соглашений (об улучшении участи больных и раненных на поле боя и об обращении с военнопленными) советское правительство подписало только первое. Второе же из этих соглашений, являвшееся дополнением к статьям Гаагской конвенции, правительство Советского Союза отказывалось ратифицировать вплоть до лета 1941 г. В результате положения этой конвенции

не соблюдались и в отношении польских военнопленных. Самые сильные протесты это вызывало в Старобельском лагере. Его коменданту, который отреагировал на эти протесты обращением в УПВ, впредь было запрещено интересоваться международным правом; все директивы и постановления НКВД должны были безоговорочно выполняться.

Поначалу польских офицеров, переживших осенний разгром, оказавшихся в плену в крайне примитивных условиях и в полной изоляции от всего мира, охватило чувство подавленности. Однако часть из них быстро оправилась от душевного потрясения. Они демонстрировали осмысленным пленным пример достойного поведения. Ко многим вернулась вера в будущее поражение Гитлера и возрождение родины; некоторые стали открыто проявлять враждебное отношение к СССР. Празднование Дня независимости 11 ноября послужило поводом, чтобы подбодрить наших духом. В Козельске подпольно даже выходили журналы «Меркурий» и «Монитор», подготавливались устные «живые газеты», содержавшие критический анализ доступной официальной прессы. Наиболее сплоченными были заключенные Старобельского лагеря, где существовали группы самообразования, вслух высказывались протесты против пребывания в плену. Поскольку Польша и Россия официально не находились в состоянии войны, многие (юристы, врачи) в соответствии с международным правом стремились получить статус пленного. Поздней осенью здесь была раскрыта антисоветская организация. На каждый лагерь приходилось по два-три капеллана, которые также морально поддерживали пленных. Особенно тяжелой была обстановка в Осташкове, где подавленное состояние людей усугублялось опасениями длительных репрессий.

Поспешные приготовления к «разгрузке» лагерей, в которых находились польские военнопленные, были предприняты сразу после нападения на Финляндию. Сталин ожидал, что в результате первого победного удара в советском плену окажется множество финских солдат, для размещения которых и потребуются эти лагеря. Работники центрального аппарата НКВД занялись подготовкой следственных документов на каждого пленного и уголовных дел для их осуждения. Эту работу необходимо было закончить до конца января 1940 г. Однако последовавшие затем неудачи на фронте замедлили приготовления.

Возникают сомнения, действительно ли с самого начала планировалась физическая ликвидация военнопленных из спецлагерей в том объеме, в каком она была впоследствии осуществлена. Ведь Сопруненко, искавший возможности для разгрузки переполненных, нерентабельных лагерей, еще 20 февраля 1940 г. представил Берии план, касавшийся дальнейшей судьбы 1 100—1 200 пленных из Старобельска и Козельска. Он предлагал передать 400 политзаключенных областным НКВД для рассмотрения их дел Особым совещанием и освободить 300 тяжело больных, инвалидов и лиц старше 60 лет, а также 400—500 офицеров запаса — жителей западных областей Белоруссии и Украины, на которых не имелось «компрометирующих материалов». Зная механизм работы советских властей на высшем уровне, трудно допустить, чтобы Сопруненко внес такое предложение без распоряжения сверху, которое в данном случае исходило от Берии. Эти догадки подтверждаются тем, что два дня спустя В. Меркулов, заместитель Берии, отдал соответствующие распоряжения о переводе пленных-политзаключенных в тюрьмы. На следующий день эти распоряжения были дополнены соответствующими инструкциями, а с начала марта начали выполняться. Однако через две с небольшим недели, а именно 5 марта 1945 г., Политбюро ЦК ВКП(б), опираясь на информацию Берии о формировании групп из заключенных спецлагерей и на основании его выводов, вынесло решение о расстреле всех польских военных, содержащихся в спецлагерях, а также 11 тыс. поляков, находившихся в лагерях и тюрьмах. Это произошло три дня спустя после принятия Советом Народных Комиссаров решения о переселении 22 тыс. семей заключенных, пребывавших в тюрьмах Западной Украины и Белоруссии, а также семей военнопленных из трех спецлагерей.

Это решение было принято за день до заключения СССР перемирия с Финляндией и объявления условий мира. Можно только строить гипотезы относительно того, что вызвало имевшее такие последствия неожиданное изменение сроков уничтожения польских пленных. Очевидно, это было личное решение Сталина, для принятия которого у него были веские основания. Могли повлиять негативные чувства Сталина, связанные с советско-польской войной 1920 г., а также намерение эмигрантского прави-

тельства Польши направить в Финляндию польскую бригаду. Лучший знаток документов по Катыни Н.С. Лебедева не обнаружила материалов, однозначно объясняющих обстоятельства и причины вынесения решения о казни всех польских офицеров, находившихся в советском плену. Несмотря на это, мнение самой Лебедевой вполне определено. Она считает, что физическая ликвидация пленных была направлена на разрушение устоев польской государственности и ее подготовка началась значительно раньше, еще в декабре 1939 г., прежде всего в связи с советско-финской войной. Была и другая причина. Эта акция полностью вписывалась в стратегическую линию, которую проводил Сталин в международной политике: граница проходила по линии Буга, под контролем были республики Прибалтики, «ухудшилось самочувствие» японцев во время сражений в Монголии, Финляндия, по сути, была вынуждена подписать договоры о мире и о территориальных уступках, невзирая на собственные потери. Сталин ожидал весеннего наступления Гитлера на Западе, которое должно было, по его расчетам, обескровить обе стороны и впоследствии открыть для Красной Армии путь на Запад. Сталин был полностью уверен в успешной реализации своих европейских планов. Поэтому стремление поляков к независимости, разбуженное польской элитой, могло казаться хозяину Кремля более опасным, чем в дни аннексии Польши. В то же время непримиримая враждебность по отношению к советскому строю, которую демонстрировали большинство пленных польских офицеров, не имела принципиального значения для решения Сталина. Таким образом, в марте 1940 г. сталинская политика по отношению к Польше, заключавшаяся в уничтожении остатков польской государственности, была скоординирована с глобальной политикой, вследствие чего и возникло решение о судьбе польских офицеров. Сталин в разговоре с генеральным секретарем Коминтерна Г. Димитровым уже 7 сентября 1939 г. высказывался так: «Уничтожение этого государства в нынешних условиях означало бы одним буржуазным государством меньше! Что плохого было бы, если бы в результате разгрома Польши мы распространили социалистическую систему на новые территории и население».

Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) от 5 марта 1940 г. следует расценивать не только как несоблюдение международного права, но и как правовое нарушение по отношению к собственному государству — оно поставило личный приказ Сталина и его исполнителей, в частности органы НКВД, выше закона. Рассмотрение дел заключенных и вынесение приговоров было поручено псевдосуду, состоявшему из руководящих сотрудников НКВД СССР: двух заместителей Берии (В. Меркулов и Б. Кобулов) и начальника главного хозяйственного управления, руководителя 1-го специального отдела Л. Баштакова. Упрощенный ход следствия, принятый на Особом совещании (созданном еще в 20-е годы), стал повсеместно применяться во время сталинского террора в 1936—1938 гг. При таком порядке ведения следствия приговор выносился при отсутствии состава преступления и без судебной процедуры. Теперь не требовалось даже предварительного следствия, составления обвинительного акта, наличия состава преступления, участия в разбирательстве представителей различных организаций (помимо НКВД). Прежний порядок судопроизводства замедлил бы разгрузку лагерей и затруднил бы сохранение тайны, из-за чего акция могла бы выйти из-под контроля НКВД, а ее проведение оказалось бы под вопросом. Кроме того, требуемое во время Особого совещания соблюдение формальных норм законности в сложившихся условиях могло бы спровоцировать утечку за границу информации о масштабах бесчинств, совершаемых над польскими военнопленными.

На момент вынесения постановления от 5 марта 1940 г. в спецлагерях находилось около 14 854 пленных. Тройка каждый день подписывала списки, содержавшие 1 100—1 300 фамилий, поэтому даже при двадцатичасовом рабочем дне на решение одного дела уходило не более минуты. Фактически подписывались заранее подготовленные постановления о вынесении смертного приговора, заверялись протоколы (по образцу протоколов Особого совещания), составленные в основном 1-м специальным отделом НКВД. К ним были приложены папки с личными делами и собранными обвинительными материалами, которые до сих пор в архивах не найдены.

Списки фамилий осужденных и предназначенных для отправки к местам казни пленных стали поступать комен-

там лагерей в Козельске, Старобельске и Осташкове уже с 1 апреля. Указанных лиц надлежало без промедления, придерживаясь расписания железнодорожного транспорта, передать областным управлениям НКВД: из Козельска — Смоленскому управлению, из Старобельска — Харьковскому и из Осташкова — Калининскому (Гверскому) управлению. 3 апреля вступил в действие механизм уничтожения людей на железнодорожной ветке Козельск—Гнездово, а дольше всего, вплоть до 20 мая, он функционировал на другой линии — Осташков—Калинин, откуда пленные направлялись в пос. Медное. Разгрузка лагеря в Осташкове заняла больше всего времени, поскольку это был самый многочисленный лагерь и отправка пленных здесь началась позже всего. Поначалу отправка не вызывала у пленных беспокойства, некоторые из них даже стремились ускорить отъезд. Всех волновала лишь конечная цель путешествия: будет ли это Польша, находившаяся под немецкой оккупацией, нейтральные государства (это был наиболее желательный вариант) или просто другая часть СССР? О том, как все это происходило, свидетельствуют сохранившиеся воспоминания немногих чудом уцелевших людей. Наиболее существенные подробности содержатся в записках 20 пленных офицеров из Козельска. Записки были найдены во время эксгумации в 1943 г. тел казненных. Эти записки дневникового содержания (последние из них датированы днем смерти) представляют огромную ценность с точки зрения подлинности описанных в них событий.

Расстрелом и погребением казненных занимались тюремные служащие, в том числе работники комендантской службы, тюремные охранники и руководители вышеупомянутых областных управлений НКВД. Почти сто человек из их числа получили за успешное выполнение этого задания денежное вознаграждение.

То, что СССР несет ответственность за преступления в Катыни, члены комиссии Польского Красного Креста осознали еще весной 1943 г., находясь в условиях немецкой оккупации. В середине 1943 г. был составлен конфиденциальный отчет об участии Польского Красного Креста в работах по эксгумации в Катыни под Смоленском в период с апреля по июнь 1943 г. Установлено, что расстрелы производились весной 1940 г. Сотрудники Поль-

ского Красного Креста, который возглавлял врач М. Вошинский, как и международная комиссия, состоявшая из специалистов рейха в области медицины и криминалистики, установили не только время, но также и способ расправы с польскими военнопленными. Утверждения международной комиссии стали мощной основой пропагандистской кампании Берлина, обвинявшего СССР в совершении этих убийств.

До сих пор в архивах НКВД не обнаружены документы, описывающие, как именно совершались экзекуции. О них свидетельствуют здравствующие поныне бывшие работники НКВД, которые принимали участие в уничтожении пленных в качестве помощников или были невольными наблюдателями. Они дали показания Российской прокуратуре или же опубликовали воспоминания. Подтверждается, что сотрудники областных управлений НКВД, приводившие казни в исполнение, стреляли своим жертвам в голову, но не в затылок, а в передне-боковую часть черепа. Пленных из Старобельска и Осташкова расстреливали во внутренних тюрьмах вышеуказанных областных отделов НКВД в специально оборудованных помещениях — по одиночке вечером и ночью. Пленных из Козельского лагеря расстреливали в катынском лесу — партиями в дневное время. Тела убитых из тюрем Харькова и Калинина перевозились на грузовиках к приготовленным поблизости общим могилам, если можно так именовать ямы, в которые они были сброшены. До 90-х годов эти захоронения оставались неизвестными, лишь недавно здесь были проведены эксгумация и судебно-медицинская экспертиза.

Из польских военнопленных НКВД оставил в живых почти 400 человек, или 3%. Они смогли уцелеть только благодаря особо принятым мерам. В результате вмешательства германского посольства было спасено 47 человек. В частности 24 офицера, считавшихся немцами, были выданы властям рейха. Были приняты также во внимание 19 прошений литовской миссии о выдаче военных лиц, находившихся на службе у этого государства, которое увеличило свою территорию за счет присоединения к нему Вильненской области. По распоряжению Меркулова была сохранена жизнь 91 пленному; благодаря вмешательству разведывательного отдела Главного управления государственной безопасности были спасены 47 человек;

еще 167 уцелели по другим причинам. Часть из них сохранила себе жизнь, согласившись сотрудничать с НКВД (таймерная агентура). В итоге из пленных Старобельского лагеря выжило 80 человек, Козельского — 206, Осташковского — 51. Обращает на себя внимание тот факт, что из живых были оставлены 40 врачей. Однако по большей части иностранное вмешательство оказалось запоздалым. Уникальным является случай с экономистом из Вильно С. Станевичем: из группы пленных, которых перевозили из Козельска в Катынь, он был этапирован в Москву для рассмотрения дела о шпионаже только со станции Гнездовое, которая находилась в 3—4 километрах от Катыни. Один генерал, восемь полковников, шестнадцать подполковников, девять майоров, восемнадцать капитанов и другие уцелевшие пленные (400 человек) были переправлены в лагерь в Павлищевом Бору, а затем в Грязовец, где оставались вплоть до подписания договора Сикорского — Майского. Историки полагают, что среди них (помимо офицеров немецкого происхождения, которые были переданы Германии на рубеже 1940—1941 гг.) находились офицеры, сгруппировавшиеся вокруг генерала Е. Волковичского, группа З. Берлинга, готовая сотрудничать с Советской властью на определенных условиях (учитывалась их лояльность по отношению к польскому правительству), а также группа старших офицеров под руководством М. Моравского, считавшихся с возможностью возникновения в результате войны Союза Европейских Социалистических Республик. Часть этих заключенных была перевезена в Москву и размещена в тюрьме на Лубянке. Берия и его подручные вели с ними переговоры о создании на советской территории польской воинской части. Одновременно проводились переговоры на более низком уровне между НКВД и пленными генералами М. Янушайтисом, М. Боротой-Спеховичем, а также генералом В. Пшездецким, ранее интернированным в Литве. Последние, однако, настаивали на том, что создание польского подразделения возможно лишь по согласованию с правительством В. Сикорского. 20 ноября 1940 г. Берия направил Сталину письмо, в котором предложил сформировать польскую дивизию под командованием подполковника З. Берлинга. Однако Сталин счел, что это явилось бы провокацией против немцев. Дальнейшие переговоры в этом направлении

прекратились в результате подписания договора Сикорского — Майского и создания на востоке СССР польской армии под командованием В. Андерса.

До сих пор немного известно о судьбе поляков, находившихся в местных тюрьмах на присоединенных к СССР территориях. Там было уничтожено не 11 тыс. человек, как того требовало постановление Политбюро, а 6—7 тыс. В Киевском архиве хранятся 33 списка «осужденных», находившихся на территории тогдашней Западной Украины. Эти списки, включающие фамилии 3,5 тыс. польских граждан, вскоре станут доступными, как и судебные дела. На присоединенных землях казни проводились по иному сценарию. 22 марта 1940 г. Берия отдал приказ в целях освобождения местных тюрем перевезти из них польских пленных в центральные тюрьмы Украины (Киев, Харьков, Херсон) и Белоруссии (Минск). Решение о расстреле принадлежало уже упоминавшейся тройке — Меркулову, Кобулову и Баштакову.

Расстрелы не были эпилогом катынской истории. Следующие два акта драмы — это политические манипуляции вокруг трагических событий. Началом второго акта можно считать сообщение немецких властей от 13 апреля 1943 г. об обнаружении могил польских офицеров в Катыни, а завершением — Нюрнбергский процесс, на котором весной 1946 г. обсуждался вопрос об ответственности за катынские преступления. Сталин воспользовался антисоюзнической игрой Геббельса, гроссмейстера гитлеровской пропаганды, в собственных интересах, при молчаливом согласии Англии и США, заинтересованных исключительно в наибольшем вкладе СССР в покорение разгромленных Германии и Японии. После освобождения Смоленщины официальной правдой о Катыни должно было стать «Сообщение Специальной комиссии по определению и изучению обстоятельств расстрела гитлеровскими оккупантами в Катынском лесу польских офицеров-военнопленных». Руководил этой комиссией академик Н.Н. Бурденко, член Государственной чрезвычайной комиссии. Сообщение содержало наспех подготовленное обвинение Германии в преступлении, которое якобы было совершено сразу после оккупации Смоленщины летом 1941 г. Попытка возложить ответственность за события в Катыни на Германию завершилась полным провалом

в ходе Международного военного трибунала в Нюрнберге. Советский прокурор, выдвигавший обвинение против Германии, вынужден был закрыть дело, так как свидетели защиты опровергали все представленные доказательства.

Третьей частью драмы стали длительное молчание бывших союзников, с одной стороны, и безуспешные попытки польской и мировой общественности узнать правду о катынских убийствах — с другой. Долгое время польские эмигранты и некоторые представители общественности в самой Польше собирали доказательства того, что именно на Советском Союзе лежит ответственность за это преступление. В конце 80-х годов этой проблеме была посвящена деятельность Партийной комиссии польских и советских историков по изучению так называемых белых пятен. В результате нажима польской общественности, для которой правда о Катыни была неразрывно связана с вопросом о доверии правительству, ТАСС сообщил 13 апреля 1990 г. о признании ответственности НКВД за эти преступления. А 14 октября 1992 г. был опубликован важнейший документ, содержащий текст постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. Только после публикации постановления стало ясно, что оно затрагивало и судьбы поляков, находившихся в тюрьмах и исправительно-трудовых лагерях, о чем исследователи и не подозревали.

Эта часть катынского дела, остававшегося картой в политической игре, закончилась не так давно определением точных мест захоронений польских военнопленных — как оказалось, они были расположены на территории бывших аэродромов НКВД. Стала реальной возможность создания, по договоренности с властями Украины и Белоруссии, мемориалов, чтобы увековечить память об этой трагедии.

Можно ли найти в современном мире другое, столь неподходящее место для захоронения убитых, как в Катыни? Вместо могил — рвы; вместо вечного покоя — польская эксгумация тел под немецким надзором и при участии Международной комиссии по расследованию обстоятельств катынского дела; 3 июня 1943 г. бывшие захоронения были засыпаны, а 7 июня закончено повторное захоронение останков, которые были снабжены жетонами и уложены в могилы с учетом последовательности фамилий в списке. Затем — очередная частичная эксгумация (около тысячи останков), проведенная минским НКВД непосредственно

перед прибытием Комиссии под руководством Н.Н. Бурденко и без участия в ней поляков, находившихся в СССР и объединившихся в Союз польских патриотов (январь 1944 г.), и наконец — зондирующие эксгумации, осуществленные польской стороной с целью определить места захоронения польских пленных и увековечить их.

Говоря о Катыни, мы помним о боли и страданиях семей расстрелянных поляков. Однако нельзя забывать и о ране, нанесенной целому государству, которое не только потеряло значительную часть офицерского состава и интеллектуальной элиты, но и подвергалось в те трудные времена обвинениям в нелояльности по отношению к союзникам, в желании ослабить и даже уничтожить антигитлеровскую коалицию.

Если первая мировая война велась по правилам честной войны, то во второй было навсегда утрачено то, что когда-то называлось «романтизм войны». Во время второй мировой войны мир был поражен такими преступлениями воюющих сторон, как расовая дискриминация со стороны Германии и террор против завоеванных и оккупированных государств, переходящие в геноцид японские массовые репрессии на Дальнем Востоке (в основном в Китае), бомбардировки гражданского населения и жестокое обращение с военнопленными. Несущие за это ответственность политики и военные государств «оси» были осуждены трибуналами в Нюрнберге и Токио. С большим опозданием общество дает оценку жестокости и со стороны союзников. Такой оценкой является моральное и юридическое осуждение сталинского террора по отношению к польским офицерам-военнопленным, квалифицированного международным правом как преступление против человечества, которое нельзя оправдать военной необходимостью. И спустя полвека продолжает оставаться актуальной моральная оценка преступлений, виновники которых либо уже ушли из жизни, либо недоступны для правосудия.

Ч. Магайчик

Четвертый раздел Польши и катынская трагедия

Катынь — небольшая деревня в 15 км от Смоленска — стала символом преступления сталинского режима не только против 21 тыс. военнопленных — офицеров и помещайских, узников тюрем, но и всего польского народа. Об этом свидетельствует прямая связь между злодеяниями в отношении военнопленных и заключенных тюрем, с одной стороны, и депортациями сотен тысяч польских граждан из западных областей УССР и БССР — с другой. В мировой историографии катынская трагедия изучается уже более полувека¹. Находки в советских архивах 1988 — 1995 гг. основательно расширили источниковую базу данной темы, позволили значительно углубить исследование катынской проблематики².

Преступление против мира

Статья 6 Устава Международного военного трибунала дает следующее определение преступлений против мира: «...планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений или участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из выше изложенных действий»³.

Именно таким преступлением и была война, которую подготовил и вел сталинский режим против польского государства и его народа.

Сегодня уже ни для кого не секрет, что в 1939 г. судьба Речи Посполитой была решена в результате сговора

двух диктаторов — А. Гитлера и И.В. Сталина. Намерение фюрера «третьего рейха» захватить Польшу превратилось в твердую решимость, после того как в октябре 1938 г., а затем и в январе 1939 г. Варшава отвергла предложение Берлина о подготовке к совместному походу против СССР. 24 октября 1938 г. И. Риббентроп вручил польскому послу ноту с требованием присоединить Данциг к Германии и предоставить экстерриториальную зону для строительства автострады и железной дороги. 21 марта 1939 г. Польше были предъявлены новые, фактически ультимативные требования. 11 апреля Гитлер подписал директиву о готовности начиная с 1 сентября к проведению операции «Вейс» — захвату Польши. Эта акция рассматривалась как прелюдия к войне с Англией и Францией. Гитлер исходил из того, что «содействия России, если она вообще окажется на него способной, Польша никак не сможет принять, так как это означало бы ее уничтожение большевизмом»⁴.

Сталин, ликвидировав всех инакомыслящих соратников, переключил свое внимание с дел внутренних на внешнюю политику. Видимо, идея возвращения потерянных в ходе революции и гражданской войны территорий бывшей Российской империи импонировала одержимому гигантоманией «отцу народов». К тому же представлялось заманчивым столкнуть западные демократии и державы «оси», а самому ждать, когда в истощивших друг друга странах вспыхнет пролетарская революция. Антизападные настроения получили отражение в речи Сталина на XVIII съезде ВКП(б), в смещении М.М. Литвинова. Как доносил 5 июня 1939 г. посол Германии в СССР Ф. Шуленбург, новый нарком иностранных дел В.М. Молотов не только не отклонил в разговоре с ним предложение о германо-советском урегулировании, но «почти что призвал нас к политическому диалогу. Наше предложение о проведении только экономических переговоров не удовлетворило его»⁵.

Конкретное предложение заключить соглашение, которое приняло бы во внимание «жизненные политические интересы сторон», было внесено немцами в конце июля. Советское руководство встретило его с интересом и сразу поставило вопрос о территориях, населенных ук-

раицами, т. е. о тех, которые по Рижскому мирному договору 1921 г. вошли в состав Польши. 29 июля 1939 г. статс-секретарь германского МИД Э. Вайцзеккер уполномочил Шуленбурга передать Молотову: «При любом решении польского вопроса, мирным ли путем, как мы этого хотим, или любым другим путем, т. е. с применением нашей силы, мы будем готовы гарантировать все советские интересы и достигнуть понимания с московским правительством»⁶. Подчеркивалась и готовность Германии откорректировать свою позицию в отношении Прибалтики, приняв во внимание жизненную заинтересованность СССР в этом вопросе.

1 августа в Берлин поступило сообщение о благожелательном отношении Москвы к идее соглашения. 2 августа Риббентроп в разговоре с поверенным в делах СССР в Германии Г.А. Астаховым выдвинул идею советско-германского секретного протокола, который бы разграничил интересы обеих сторон «на всем протяжении от Черного до Балтийского моря»⁷.

В материалах Нюрнбергского процесса имеется одна интригующая запись беседы Гитлера с министром иностранных дел Италии графом Г. Чиано. Фюрер информировал Италию о предстоящем нападении на Польшу, чтобы заручиться поддержкой Муссолини. Однако в Риме опасались, что конфликт перерастет в мировую войну, к которой Италия еще не была готова. Гитлер же убеждал графа в том, что предстоит быстрая кампания, не сулящая осложнений державам «оси». При этом был разыгран небольшой спектакль: Гитлера вызвали из зала, где шли переговоры, а через несколько минут он вернулся, держа в руке якобы полученную из Москвы телеграмму, подтверждавшую, что СССР не встанет на пути рейха в его конфликте с Польшей. Именно в тот день, 12 августа, начались трехсторонние переговоры военных миссий СССР, Англии и Франции. Долгое время я, как и многие другие историки, полагала, что эта инсценировка была чистой мистификацией фюрера, до которых он был так склонен. Однако публикация советских архивных документов пролила новый свет на этот эпизод. Оказалось, что еще 10 августа советник германского МИД К. Шнурре сообщил Астахову, что война с Польшей стала неизбежной,

поэтому желательно знать, какова будет позиция СССР в случае германо-польской войны. Советник подчеркнул, что германские интересы в Польше ограничены и рейх готов считаться с интересами СССР, связанными с обеспечением его безопасности⁸.

12 августа Астахов проинформировал Шнурре о полученном им из Москвы ответе. Молотов выразил готовность обсудить поставленные немцами вопросы, включая польскую и другие политические проблемы⁹. И, хотя предлагалось вести переговоры без спешки, принципиальное согласие на переговоры было получено. Это означало, что Москва не встанет на пути германской агрессии против Польши.

Результатом последующих переговоров были советско-германский Договор о ненападении и секретный протокол к нему, подписанные в ночь с 23 на 24 августа Молотовым и Риббентропом в присутствии Сталина.

Традиционно в договорах о ненападении соблюдение нейтралитета обязательно, если одна из сторон является объектом нападения со стороны третьей державы. В пакте же Риббентропа — Молотова нейтралитет гарантировался даже в случае, если участница соглашения сама совершала акт агрессии. Более того, договор запрещал помогать как жертве разбоя, так и любому государству, заступившему за нее. Фактически это было соглашение не о нейтралитете, а о сотрудничестве. В нем предусматривались консультации, информация друг друга, решение вопросов «в порядке дружественного обмена мнениями» и т. д. Взаимному сотрудничеству был посвящен и секретный протокол, разграничивший сферы обоюдных интересов СССР и Германии в Восточной Европе. Предвидя, а точнее планируя, «территориально-политическое переустройство областей», входивших в состав Прибалтийских государств и Польши, стороны заранее договорились, какие территории составят сферу интересов рейха, какие — СССР. В дальнейшем предполагалось выяснить, «является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского государства и каковы будут границы этого государства»¹⁰. Сталин после подписания договора заявил Риббентропу: «Советское правительство относится к новому пакту очень серьезно. Он (т. е. Сталин. — Н. Л.)

может дать свое честное слово, что Советский Союз никогда не предаст своего партнера». 24 августа Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение созвать 28 августа внеочередную IV сессию Верховного Совета СССР, включив в ее повестку вопрос о ратификации договора о ненападении между Германией и СССР¹¹.

Все указанные действия двух тоталитарных режимов подпадают под понятие заговора — заговора против пяти суверенных государств с целью лишить их независимости и территориальной целостности.

1 сентября 1939 г. гитлеровцы напали на Польшу, два дня спустя Англия и Франция объявили войну агрессору. 4 сентября Риббентроп через своего посла передал Молотову, что разгром польской армии займет несколько недель; в результате будут оккупированы области, входящие в сферу германских интересов, и потребуются сокрушить те воинские соединения, которые уйдут на территорию, составляющую сферу интересов СССР. Шуленбургу поручалось выяснить, не может ли Советский Союз ввести свою армию в эти районы.

5 сентября советский нарком ответил: «Мы согласны с Вами, что в подходящее время нам будет совершенно необходимо начать конкретные действия. Мы считаем, однако, что это время еще не наступило»¹². Тем не менее еще 1 сентября 1939 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение увеличить РККА на 76 стрелковых дивизий, по 5 тыс. человек каждая, доведя их количество до 173. Этот же орган принял 3 сентября секретное решение о продлении на месяц службы в РККА для красноармейцев и сержантов, отслуживших свой срок и подлежащих демобилизации (всего 310 632 человека), а также об увеличении приписного состава частей ряда округов, автотранспорта, лошадей, тракторов, приведении в готовность пунктов ПВО Ленинграда, Великих Лук, Минска и Киева. Указанные меры относились прежде всего к Киевскому и Белорусскому Особым военным округам, а также к Калининскому и Ленинградскому. 8 сентября Политбюро утверждает совместное постановление ЦК ВКП(б) и Совмина СССР о сокращении на срок с 10 по 20 сентября гражданских грузоперевозок с 66 448 вагонов до 46 243 в среднем в сутки и на треть — пассажирских составов. 10 сентяб-

ря высшая партийная инстанция поручает Экономсовету обеспечить бесперебойное снабжение армии и флота продовольствием, медицинским обслуживанием, горючим; Комитету обороны — снабжение вооружением, боеприпасами и транспортом, включая железнодорожный. Оба этих органа были расширены путем включения в них самых влиятельных в стране лиц. Их обязывали заседать ежедневно. Таким образом, Политбюро ЦК ВКП(б) приняло все необходимые меры к подготовке ширококомасштабной операции — «освободительному походу» в Западную Белоруссию и на Западную Украину¹³.

6 сентября в Москве было принято решение о подготовке соответствующей военной операции — осуществлении «освободительного похода».

В связи с этим Политбюро ЦК ВКП(б) предложило наркоматам внутренних и иностранных дел срочно систематизировать сведения о Польше и представить свои записки А.А. Жданову. Именно в его адрес направил справку, подписанную начальником Особого бюро НКВД СССР П. Шарией, нарком внутренних дел СССР Л.П. Берия. В ней характеризовались государственное устройство Речи Посполитой, ее национальный состав, экономика, вооруженные силы, транспорт. Указывалось, что во главе Польши стоит президент, наделенный властью в таких размерах, которые «далеко выходят за пределы функций и прав президента любого буржуазно-демократического государства». Подчеркивалось, что «польская конституция ничего не обещает ни в области социального обеспечения, ни в области охраны труда, она не гарантирует никаких свобод, не запрещает эксплуатации малолетних, не предусматривает никаких обязательств в охране материнства и младенчества». Сообщалось, что, по данным на 1938 г., население страны составляло 34,5 млн человек, причем, по переписи 1931 г., 69% граждан называли себя поляками, 14,3 — украинцами, 3,9 — белорусами, 3,9 — немцами, 7% — евреями. Однако отмечалось, что официальная статистика преуменьшает количество национальных меньшинств, которое, по мнению ведомства Берии, составляло 40% (7 млн украинцев, 2 млн белорусов, 3 млн евреев, 1 млн немцев, 100 тыс. литовцев и т. д.). Указывалось, что в Станиславовском, Тарнопольском, Новогрудском, Бре-

стском и Волынском воеводствах поляки составляли менее 25% населения, в Львовском и Виленском — до 50%, в Белостокском — свыше 50%. Тем самым обосновывалась правомерность «возвращения» этих земель в состав советских Украины и Белоруссии. Подробно освещался вопрос о внешних задолженностях страны, о доле иностранного капитала в акционерных обществах (42,9%), приводились сведения о всех родах вооруженных сил Польши, о ее оборонительных сооружениях¹⁴.

Весьма любопытен и документ, составленный Восточно-европейским отделом НКВД. В нем, в частности, указывалось: «Польша образовалась после первой мировой войны из частей Австро-Венгрии, Германии, России. Польша при поддержке Антанты захватила Западную Украину и Западную Белоруссию... Государственный строй Польши — республика фашистского типа». Авторы документа стремились доказать, что подавляющая часть населения страны — это безземельные и малоземельные крестьянские семьи (2 650 тыс.), в то время как середняцкие хозяйства насчитывали всего 600—700 тыс., кулацкие же, владевшие от 10 до 15 га земли, — 300 тыс. Подчеркивалось при этом, что помещики, духовенство и государство владели почти половиной всей земельной собственности (42,4%). Приводились в справке и сведения о крупнейших партиях Польши. При этом ОЗОН характеризовалась как правящая партия, созданная Рыдз-Смиглы в 1937 г.; «Стронництво Народове» как «правое крыло польского фашизма», бывшие национал-демократы, «эндеки»; «консерваторы» как реакционная партия крупных землевладельцев (группа Радзицилла), целиком поддерживающая «фашистский правящий лагерь»; «Стронництво Людове» («Народная партия») как левая оппозиция, отражающая интересы зажиточного крестьянства; «Партия польских социалистов» (ППС) как выступающая за восстановление буржуазного парламентаризма; «Украинское национально-демократическое объединение» (УНДО) и Бунд как националистические объединения буржуазных слоев нацменьшинств Польши. В справке утверждалось, в частности, что «предательская, контрреволюционная политика Бунда особенно усилилась в последнее время благодаря широкому проникновению в ее ряды и на руководящие посты в центральном аппарате

троцкистских элементов. Ряд печатных органов Бунда... используются троцкистами для своей антисоветской, контрреволюционной и подрывной деятельности среди местного пролетариата»¹⁵. Неудивительно, что в дальнейшем НКВД одной из главных задач особистов считал выявление всех членов политических партий Польши, от левых до самых правых, как наиболее активной части населения, и их поголовное уничтожение.

Материалы о Западной Украине и Западной Белоруссии, о политике польского правительства было поручено подготовить и Исполкому Коммунистического Интернационала (ИККИ). В первые дни войны руководство Коминтерна, не получая указаний из Кремля, не видело ничего плохого в многочисленных заявлениях компартий в защиту Польши с осуждением германской агрессии, в призывах сражаться против нацизма и фашизма. Однако Г. Димитров, генеральный секретарь ИККИ, 7 сентября был вызван к Сталину, где ему «разъяснили» ситуацию. Вождь охарактеризовал Польшу как фашистское государство, которое угнетает украинцев, белорусов и др. «Уничтожение этого государства в нынешних условиях означало бы одним буржуазным фашистским государством меньше! Что плохого было бы, если бы в результате разгрома Польши мы распространили социалистическую систему на новые территории и население», — сказал Сталин¹⁶. 15 сентября секретариат ИККИ принял постановление, запрещавшее коммунистам и сочувствовавшим им вступать в легионы, которые начали создаваться в ряде стран для участия в войне против фашистской Германии на стороне Польши. В разосланной же компартиям 8—9 сентября директиве ИККИ подчеркивалось: «Настоящая война — империалистическая, в которой одинаково повинна буржуазия всех воюющих государств. Войну не могут поддержать ни в одной стране ни рабочий класс, ни тем более компартии... Международный пролетариат не может ни в коем случае защищать фашистскую Польшу, отвергшую помощь Советского Союза, угнетающую другие национальности»¹⁷.

Одновременно с политической подготовкой к вторжению в восточные районы Польши проводились и интенсивные военные приготовления.

7—16 сентября отдаются приказы о призыве в армию резервистов пяти военных округов, передислоцировании многих соединений в направлении западной границы, формировании новых дивизий и корпусов. В составе Киевского Особого военного округа (КОВО) и Белорусского Особого военного округа (БОВО) создаются мощные группировки войск, переименованные затем в армии.

9 сентября в связи с переданной из Берлина дезинформацией о занятии немецкими войсками Варшавы Молотов направил приветствия и поздравления правительству германской империи и передал послу Ф. Шуленбургу, что «советские военные действия начнутся в ближайшие несколько дней»¹⁸. В этот же день был составлен первый вариант директивы наркома обороны СССР К.Е. Ворошилова и начальника Генштаба РККА Б.М. Шапошникова № 16633 и 16634 о переходе войсками Белорусского и Украинского фронтов в ночь с 12 на 13 сентября 1939 г. советско-польской границы с задачей разгромить польские войска. В директиве определялись задачи на ближайшие два дня для каждой из армейских групп этих фронтов. Однако известие о том, что Варшава все еще держится, по-видимому, заставило перенести дату перехода советскими войсками советско-польской границы на 5.00 17 сентября. Директива об этом была отдана Белорусскому и Украинскому фронтам Ворошиловым и Шапошниковым 14 сентября¹⁹. Как мы видим, приказы о переходе частей двух фронтов в наступление против Войска польского были отданы тогда, когда и правительство, и верховное командование Речи Посполитой находились в стране и продолжали принимать интенсивные меры к организации обороны. На Белорусском фронте (командующий — командарм II ранга М.П. Ковалев, члены военного совета — первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии П.К. Пономаренко и корпусной комиссар И.З. Сусайков, начальник штаба фронта — комкор М.А. Пуркаев) должны были действовать четыре армейские (Полоцкая, Минская, Дзержинская, Бобруйская) и одна конно-механизированная группы. Их развертывание началось 5 сентября и завершилось, кроме Дзержинской, к 16 сентября²⁰.

В ночь на 15 сентября издается боевой приказ № 01, в котором определялась «ближайшая задача фронта —

уничтожить и пленить вооруженные силы Польши, действующие восточнее Литовской границы и линии Гродно — Кобрин» (выделено мной. — Н. Л.)²¹. Этих целей мыслилось достичь путем нанесения польской армии сильного удара центром фронта в общем направлении на Гродно — Волковыск. Планировалось с выходом правой группировки полностью отрезать «виленский коридор» от центральных районов Польши.

Армейские группы БОВО получили уже конкретные оперативные задания и приказ, не ожидая окончания сосредоточения всех приданных им частей, в 5.00 17 сентября перейти границу. При этом Полоцкая группа должна была к исходу 18 сентября овладеть районом Свенцяны — Михалишки и далее двигаться на Вильно; Минская — прорвав фронт, к этому же сроку выйти в район Ошмяны — Ивье, с тем чтобы в дальнейшем часть ее соединений оказала помощь Полоцкой группе в овладении Вильно, а остальными силами наступать на Гродно.

Дзержинская группа должна была продолжать сосредоточение на границе, в то время как конно-механизированная подвижная группа (КМГ) «обязывалась мощным ударом по войскам противника разгромить их, наступая в направлении на Новогрудок, Волковыск, и к исходу 18 сентября выйти на р. Молчадь на участке от ее устья до м. Молчадь, в дальнейшем двигаться на Барановичи, нанести удар на Волковыск»²².

Бобруйской группе к исходу 17 сентября следовало выйти на подступы к Барановичам. 23-й стрелковый корпус и Днепровская флотилия обеспечивали стык с Украинским фронтом и в течение двух дней должны были овладеть Лунином.

Фронтной авиации поручалось содействовать наступлению главных сил Полоцкой и Бобруйской групп и Дзержинской КМГ, «вскрыть группировку наземных войск и авиации противника по линии Свенцяны — Вильно — Гродно — Брест-Литовск и уничтожить их; воспретить подход резервов противника по железной дороге и грунтовыми путями с линий Свенцяны — Вильно — Гродно — Брест-Литовск; не допустить отход противника за линию Поставы — Лида — Слоним — Пинск»²³. Как видим, был разработан детальный план военной кампании и отданы

конкретные приказы о ведении самых настоящих военных действий против соседнего государства, с которым СССР был связан договором о ненападении, другими международными актами. Планирование агрессии также, по определению статьи 6 Устава Нюрнбергского трибунала, является преступлением против мира.

В составе Украинского фронта, которым командовал командарм I ранга С.К. Тимошенко (начштаба — комдив Н.Ф. Ватутин, член военного совета — корпусной комиссар В.Н. Борисов и первый секретарь ЦК КП(б)У П.С. Хрущев), действовали три армейские группы. Правое крыло фронта составляла Шепетовская (Северная) группа (командующий — комдив И.Г. Советников). Она была развернута на фронте в 250 км на Ровно — Владимир-Волынский направлении, правым флангом — на Ковельском. Уже 14 сентября закончилось сосредоточение двух ее корпусов в отведенных им районах. 16 сентября группа была полностью готова занять исходное положение. «Политико-моральное состояние войск хорошее», — докладывал начальству начштаба Савинов²⁴. В соответствии с приказом командования фронтом группа должна была к исходу 17 сентября занять Ровно, Дубно, 18 сентября — район Луцка и затем наступать на Владимир-Волынский. В боевом приказе № 01 штаба Шепетовской группы от 16 сентября говорилось: «Приказом Военного Совета КОВО перед войсками Шепетовской армейской группы поставлена задача — нанести мощный и молниеносный удар по польским войскам, решительно и быстро наступая в направлении Ровно. Справа действуют войска КОВО... слева — Волочискская группа». Установив задание для каждого из корпусов, Советников далее предписывал: «Действия корпусов и танковой бригады должны быть быстрыми и решительными. Избегать втягиваться во фронтальные бои на укрепленных позициях противника, а оставляя отход с фронта, обходить фланги и заходить в тыл, продолжая выполнять поставленную задачу. Иметь специальные подвижные отряды для внезапного захвата железнодорожных и крупных шоссе мостов, не давая противнику разрушать их»²⁵. Именно эта армия впоследствии взяла в плен наибольшее количество польских военнослужащих — 190,5 тыс. человек.

Южнее Шепетовской группы, в центре Украинского фронта, на участке около 90 км разместилась Волочическая (впоследствии Восточная) группа (командующий — командир Ф.И. Голиков), в состав которой входили 2-й конный корпус, 17-й стрелковый корпус, 10, 24 и 38-я танковые бригады. Перед ней ставилась задача нанести 17 сентября мощный удар по польским войскам в районе Тарнополя (сейчас г. Тернополь), овладеть Езерней, Козовой, Тарнополем, выйти на следующий день в район Буска, Перемышлян, Бобрки с дальнейшей задачей овладеть Львовом. При этом предписывалось отрезать польским войскам пути отхода на запад²⁶.

16 сентября по войскам Волочической группы, равно как и по всем соединениям КОВО и БОВО, был отдан приказ к исходу дня «произвести перегруппировку войск группы и скрытно подтянуть их на 3—5 км к нашим государственным границам в исходное положение», проверить боеготовность и материально-техническую обеспеченность частей. Управлению Украинского фронта было сообщено о готовности армии приступить «к выполнению боевой задачи»²⁷.

В Комагепол (Южную) группу (командующий — командир II ранга И.В. Тюленев), составлявшую левое крыло фронта и развернутую в радиусе около 70 км в направлении на Станиславов и Дрогобыч, входили 4-й и 5-й конные корпуса, 25-й танковый корпус, 23-я и 26-я танковые бригады, 13-й стрелковый корпус. Перед группой была поставлена задача: разгромить противостоявшие ей части противника и к исходу 17 сентября выйти на р. Стрыпа. Танковой бригаде, усиленной мотопехотой, надлежало захватить железнодорожный узел Коломыя. К исходу следующего дня группе следовало овладеть районом Галича, Станиславова и далее наступать на Стрый и Дрогобыч. Левым флангом группа должна была захлестнуть противника и отрезать ему пути отступления в Румынию и Венгрию²⁸.

Таким образом, из документов следует, что перед войсками ставилась задача не освобождения украинского и белорусского населения, для чего было достаточно просто оттеснить из этих районов польские части, а сокрушительного и полного разгрома польской армии, ликвидации

государства, в котором сталинское руководство на протяжении многих лет видело потенциального противника.

Непосредственно на границе войскам Украинского фронта могли противостоять лишь части Корпуса охраны пограничья (КОП). Довольно мощным укрепленным районом был район Сарны, защищаемый сводным отрядом в 10 тыс. человек. В Ровно находились на переформировании остатки 7, 8 и 11-й польских дивизий. Местом сбора небоеспособных частей и создания на их базе новых соединений служили Ковель и Дубно. В районе Тарнополя концентрировалось шесть пехотных дивизий, потерявших в боях с вермахтом значительную часть своего состава. Львов защищала от наступающих германских частей группа генерала В. Лянгнера в 15 тыс. штыков и сабель. Всего же в восточных воеводствах к 15 сентября находилось около 340 тыс. польских солдат и офицеров, 540 орудий, более 70 танков²⁹.

В 3.00 17 сентября заместитель наркома иностранных дел СССР В.П. Потемкин зачитал польскому послу в Москве В. Гжибовскому ноту, которую Сталин незадолго до этого с готовностью откорректировал с учетом пожеланий германского посла. В ней говорилось: «Польско-германская война выявила внутреннюю несостоятельность польского государства...

Варшава как столица Польши не существует больше. Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это значит, что польское государство и правительство фактически перестали существовать. Тем самым прекратили свое действие договоры, заключенные между СССР и Польшей. Предоставленная самой себе и оставленная без руководства, Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР»³⁰. Однако это заявление не соответствовало действительности. Капитуляция Варшавы была подписана 28 сентября, группировка «Полесье» держалась до 5 октября. Польский президент, правительство и главное командование находились в это время в стране и даже пытались осуществить перегруппировку войск.

Как следует из обзора, составленного в штабе КОВО, на восточный берег Вислы и Сана отводились польские

армии, которые действовали на западе; в район Брест-Литовска — те части, что были на северо-востоке с задачей обеспечить связь с Румынией; армии генерала Т. Кутшебы, находившейся в окружении, ставилась задача прорваться на юго-восток. Для того чтобы обезопасить армию от возможного окружения, командованию 9-го корпуса поручалось создать заградительную линию Пинск — Брест-Литовск. Одновременно в Ровно, Ковель, Луцк и Дубно были посланы высшие армейские чины с заданием формировать новые части. «Но переход войсками Украинского фронта границы сорвал эти намерения», — констатируется в обзоре³¹.

Введя без объявления войны части Красной Армии на территорию Польши, санкционируя боевые действия против ее армии, сталинское руководство тем самым нарушило: договор о мире с этой страной, подписанный 18 марта 1921 г. в Риге; протокол от 9 февраля 1929 г. о досрочном введении в силу пакта Бриана — Келлога, запрещающего использование войны как инструмента национальной политики; конвенцию об определении агрессии 1933 г.; договор о ненападении между СССР и Польшей от 25 июля 1932 г.³² и протокол, продлевавший действие этого договора до 1945 г.; совместное коммюнике, опубликованное польским и советским правительствами в Москве 26 ноября 1938 г., в котором вновь подтверждалось, что основой мирных отношений между двумя странами является договор о ненападении 1932 г. Тем самым правящие круги СССР начали не только агрессивную войну, но войну в нарушение договоров и международных соглашений. И то и другое в соответствии со статьей 6 Устава Нюрнбергского трибунала является преступлением против мира.

Для польского правительства и верховного военного командования вступление на их территорию подразделений РККА явилось полной неожиданностью. Полагая, что советские войска вводятся для того, чтобы не дать вермахту оккупировать значительную часть территории их страны, и исходя из того, что война на два фронта для них невозможна, руководство армии и страны решило сражаться только против гитлеровцев. Армия, как правило, выполняла приказ своего главнокомандующего Э. Рыдз-Смиглы, гласивший: «С Советами в бой не вступать, ока-

зывать сопротивление только в случае попыток с их стороны разоружения наших частей... С немцами продолжать борьбу. Окруженные города должны сражаться. В случае, если подойдут советские войска, вести с ними переговоры с целью добиться вывода наших гарнизонов в Румынию и Венгрию»³³. Как видно, у польского руководства имелись еще иллюзии в отношении намерений СССР.

Однако Сталин и его соратники, не обращая ни малейшего внимания на протесты правительств Англии и Франции и реакцию мировой общественности, в тесном взаимодействии с Германией неуклонно проводили политическими и военными средствами курс на ликвидацию независимого польского государства.

17 сентября, выступая по радио, Молотов подчеркнул, что польское государство обанкротилось и фактически перестало существовать. На следующий день было подписано советско-германское коммюнике, в котором прямо говорилось об общей задаче СССР и Германии в войне против Польши, которая «состоит в том, чтобы восстановить в Польше порядок и спокойствие, нарушенные расходом польского государства, и помочь населению Польши переустроить условия своего государственного существования»³⁴.

Однако это «переустройство» понималось весьма своеобразно — Польша ликвидировалась как государство. Именно на этом настаивал Сталин в беседах с Шуленбургом 20 и 25 сентября, в ходе переговоров с Риббентропом, прибывшим в Москву 27 сентября³⁵.

В то же время, намереваясь «немедленно взяться за решение проблемы прибалтийских государств в соответствии с Протоколом от 23 августа» и ожидая «в этом деле полную поддержку со стороны германского правительства», Сталин 25 сентября выразил готовность передать Германии населенные поляками Люблинское воеводство и правобережную часть Варшавского в обмен на Литву³⁶. Германия дала на это согласие.

В подписанном 28 сентября в Москве Риббентропом и Молотовым Договоре о дружбе и границе между СССР и Германией устанавливалась окончательная граница обоюдных государственных интересов на территории «быв-

шего польского государства», а государственное переустройство, осуществлявшееся к западу от установленной Германией и к востоку — Советским Союзом линии, рассматривалось «как надежный фундамент для дальнейшего развития дружественных отношений между своими народами»³⁷. Таким образом, договор «узаконил» результат двух агрессий — фашистского рейха и сталинщины против страны, первой решившейся не поддаваться нацистскому диктату и мужественно ему сопротивлявшейся, несмотря на огромный перевес сил противника. В секретном протоколе была зафиксирована договоренность о сотрудничестве в борьбе против польской агитации. И оно действительно было налажено. В частности, в Закопане в декабре 1939 г. был создан совместный учебный центр служб безопасности и проходили переговоры ответственных чинов гестапо и НКВД³⁸. Не исключено, что уничтожение 15 тыс. польских офицеров и полицейских в апреле — мае 1940 г. было связано с этим позорным сотрудничеством двух палаческих организаций.

Как свидетельствовал военный атташе Германии в Москве Е. Кестринг, реальным и протекавшим безукоризненно на всех уровнях было и военное сотрудничество между СССР и Германией³⁹, в первую очередь во время боевых действий советских и германских частей в Польше с 17 сентября по 5 октября 1939 г.

17 сентября в 5.00 войска Украинского и Белорусского фронтов перешли границу и стали почти беспрепятственно продвигаться на запад, делая по 50—70 км в день. При этом Полоцкая группа, разгромив отряды КОП, к вечеру следующего дня выполнила поставленную перед ней задачу — заняла Свенцяны и вышла в район Поставы. Минская группа, также не встретив сопротивления, развила бурные темпы наступления, овладев к 15.00 Молодечно, к исходу следующего дня — укрепленным районом по линии Ошмяны — Курмяны — Гольшаны⁴⁰.

Дзержинская КМГ, встретив лишь некоторое сопротивление со стороны отрядов КОП, обнаружила, что Барановичский укрепрайон никем не обороняется, и взяла его без боя. В тот же день был занят Новогрудок. К вечеру 18 сентября она вышла на железнодорожную линию Вильно — Барановичи. Бобруйская группа совместно с

механизированными частями 29-го танкового батальона 17 сентября в 17.00 достигла Барановичей, на следующий день вышла в район юго-западнее города Слоним⁴¹.

В ночь с 17 на 18 сентября войска Белорусского фронта начали Виленскую операцию. Оборона города строилась на сочетании естественных и искусственных препятствий с применением пулеметного огня. Охватив Вильно с севера частями Полоцкой группы и с юга Минской, 18 сентября в 11.30 танковые части ворвались в город. В плен было взято 10 тыс. польских военнослужащих. К утру 19 сентября войска фронта вышли на линию литовской границы Вильно — Лида — Волковыск — Ружаны — Ивацевичи. После этого командование приостановило движение двух правофланговых армейских групп, приказав выставить стрелковые заставы на литовской и латвийской границах. В то же время Дзержинская группа (будущая 10-я армия) должна была выйти на рубеж Новогрудок — Городище, а КМГ — захватить Гродно. Для установления связи с германскими войсками на линию Сопоткин — Белосток выдвигались передовые части. Бобруйская группа овладевала Кобрином и также устанавливала связь с германскими соединениями. С вечера 19 сентября войска Белорусского фронта приступили к выполнению этой директивы. 22 сентября в ходе массированных атак они овладели Гродно. Его защитники оказали упорное сопротивление, отбив несколько танковых атак, ведя ружейно-пулеметный огонь с чердаков домов, бросая бутылки с зажигательной смесью в танки⁴².

21—22 сентября войска вошли в соприкосновение с германской армией и в соответствии с соглашением между представителями СССР и Германии об установлении согласованной линии части вермахта начали отход на запад, а РККА, держа дистанцию в 25 км, стала выдвигаться на демаркационную линию. К 30 сентября войска Белорусского фронта полностью выполнили поставленную перед ними задачу⁴³.

Войска Украинского фронта перешли границу в 5.00 17 сентября и, не встречая серьезного сопротивления, стали быстро продвигаться вперед. Наиболее широким — в 230 км — фронтом наступала Шепетовская (переименованная в Северную) группа, имея главные силы на левом

фланге (четыре стрелковые дивизии с танковой бригадой). К исходу дня они форсировали р. Горынь и 18 сентября заняли Ровно⁴⁴.

Восточная армейская группа (ВАГ), захватив волочичский мост в 5.00, форсировала р. Збруч и перешла «в решительное наступление по всему фронту». В боевом приказе ВАГ № 002 констатировалось: «Противник, не оказывая серьезного сопротивления, в течение 17.9.39 отходил в западном направлении, оставив Тарнополь»⁴⁵. Второй кавалерийский корпус вышел на р. Серет и захватил переправу северо-западнее Тарнополя. 18 сентября был занят Золочев.

Наступление Южной группы (будущей 12-й армии) началось форсированием р. Збруч. Разбив польскую пограничную бригаду и отряды КОП, войска устремились на запад, форсировали р. Серет и к концу дня овладели г. Чортковом, вышли на р. Стрыпа от ее устья до местечка Золотники. Левый фланг группы продвинулся до р. Днестр. В районе Чорткова в плен было захвачено около 5 тыс. польских солдат и офицеров⁴⁶.

В итоге первого дня операции войска Украинского фронта углубились на 70–100 км, овладев Ровно, Коломыей, Тарнополем, Чортковом. На следующий день, по сводке Генштаба РККА, они заняли железнодорожный узел Сарны, г. Луцк, Станиславов (ныне г. Станислав), Галич, Красне, Бучач. При захвате Дубно было взято в плен 5 800 солдат и 500 офицеров, а в районе Луцка — 9 тыс., из них 1 тыс. — офицеры. При овладении Галичем Южная группа взяла в плен до 20 тыс. поляков⁴⁷. 19 сентября советские части вошли в Сокаль, Броды, Бобрку, Рогатин, Долину, вышли на окраины Львова. Командующий фронтом направил Сталину, Молотову, Ворошилову, Шапошникову боевое донесение: «В 24.00 19 сентября 36-я танковая бригада заняла Владимир-Волынский. Взято в плен 6 тыс. пленных и много трофеев»⁴⁸. В соответствии со сводкой Генштаба РККА с 17 по 21 сентября в плен было захвачено 120 тыс. человек⁴⁹.

Действия советских войск были не только военным, но и моральным ударом по напрягавшему все силы в борьбе с германским фашизмом польскому народу. В своих воспоминаниях В. Андерс отмечал, что ему и в голову

не могло прийти, что СССР выступит вместе с Германией. «Думаю, что и верховное командование Польши оценивало обстановку подобным образом. В противном случае оно не стало бы перемещать оборудование и предприятия на восток, да и само бы не переехало в Брест. Правительств вместе с иностранными посольствами не эвакуировалось бы в Кременец и Тарнополь. Оказалось, что наши тылы, открытые и беззащитные, отданы на милость советской армии и как раз в ту минуту, когда натиск немцев стал ослабевать, когда растянутые на сотни километров немецкие коммуникации стали рваться, когда мы могли бы еще сопротивляться некоторое время и дать союзникам возможность ударить на открытые западные границы Германии. Советская Россия в одностороннем порядке разорвала договор с Польшей о ненападении в самую тяжелую для Польши минуту и, как шакал, набросилась со спины на истекающую кровью польскую армию»⁵⁰. Как ни сурова эта оценка польского генерала, с ней трудно не согласиться.

Через два часа после перехода Красной Армией польской границы немецкие войска получили приказ «остановиться на линии Сколе — Львов — Владимир-Волынский — Белосток», о чем немедленно было сообщено в Москву. А уже на следующий день командование Украинского фронта передало штабам Северной, Восточной и Южной армейских групп: «1. Главное командование германских войск приказало своим войскам в случае приближения советских самолетов показывать следующие знаки: а) выкладывать белые полотнища, по возможности в виде свастик; б) пускать зеленые и красные ракеты попеременно». К исходу дня 17.9.39 германские войска занимали следующую линию: а) 18-й корпус правым флангом юго-восточнее г. Самбор, большими частями на запад от Львова. Львов окружен войсками; б) 17-й корпус правым флангом восточнее Яворова, левый фланг — Вишинька; в) 20-й корпус по дороге Томашов — Любичев — Рава-Русская, часть в Комарно; г) 7-й корпус — Янов; д) 4-й корпус — Гельчев (30 км юго-восточнее Люблина); е) 19-й корпус — Словашице (40 км южнее Брест-Литовска), большими частями в самом Бресте; 21-й корпус — Заблудов, Белосток. 3. При приближении советских войск с германскими германское

командование просит наши части не наступать ночью во избежание всевозможных случайностей. 4. Главное командование германских войск выпустило воззвание, в котором говорится (суть воззвания, не дословно): "Армия Советского Союза перешла западную границу. Скоро нужно ожидать встречи частей обеих стран на остановившейся линии. При встрече частей обеих сторон от каждого батальона германских войск выделяется один офицер и объявляет — германская армия приветствует армию Советского Союза. Как офицеры, так и солдаты германской армии желают быть в хороших отношениях с вами. От Красной Армии также ожидают в дальнейшем таких же отношений..." Начальник штаба КОВО комдив Ватутин⁵¹.

Сближение позиций двух армий побудило ускорить переговоры об установлении демаркационной линии, для чего в Москву 19 сентября прибыла военная делегация из Берлина. С советской стороны в них приняли участие Ворошилов и Шапошников. 20 сентября была установлена линия по р. Писса, Нарев, Висла, железная дорога вдоль р. Сан, а на следующий день подписан протокол, зафиксировавший порядок и временные параметры отхода немецких войск на запад до установленной демаркационной линии, который должен был завершиться к 4 октября⁵².

К этому времени в соответствии со сводкой Генштаба части РККА занимали рубеж Ковель — Владимир-Волынский — Сокаль — предместья Львова. Характерно, что германским войскам, в течение десяти дней окружавшим Львов, не удалось заставить город капитулировать даже под угрозой его разрушения артиллерией и бомбежками с воздуха. После того как в соответствии с соглашением германские части начали отходить на запад, их место занимала Восточная армейская группа, получившая приказ овладеть городом к исходу 19 сентября⁵³. Однако в районе м. Красное наступавшие части встретились с сильным сопротивлением со стороны польских войск генерала В. Орлик-Рюкемана. В результате к вечеру советские части смогли лишь выйти к окраинам Львова, но не овладеть им. По сведениям, полученным советской разведкой, в городе находились две-три польские пехотные дивизии и много офицеров, стекавшихся туда при отступлении с различных участков фронта. На помощь гарнизону Льво-

ва прорывалась группировка генерала К. Соснковского. Чтобы помочь ей, из города навстречу была направлена часть сил. Однако подход ко Львову крупной группировки советских войск лишил защитников города последней надежды. К тому же 20 сентября стало известно, что немцы разбили дивизии Соснковского. Отходившие польские части в районе Лашки Муроване наткнулись на красноармейские соединения. Последние завершили начатое немецкими дело, взяв в плен большое количество польских военнослужащих. Сам генерал с частью войск ушел в Венгрию. 21 сентября по войскам ВАГ был отдан боевой приказ № 004: «Противник удерживает последний опорный пункт на своей территории — г. Львов. Обороной города руководит фашистская организация. Принцип обороны — круговой, с уличными баррикадами и частично минированными проездами... Восточная группа войск в 9.00 22.9.39 атакует противника с задачей сломить его сопротивление, принудить сложить оружие и сдать его»⁵⁴. Ставилась задача не только занять город, но и отрезать пути отступления польским частям на запад. Артиллерии предписывалось до наступления произвести десятиминутный огневой налет и подавить очаги сопротивления⁵⁵. Однако приказ выполнить не довелось. Тимошенко сообщал (доносение подписано также членом военного совета фронта Н.С. Хрущевым) Сталину, Молотову, Ворошилову и Шапошникову: «В результате новых боев в городе в 8.40 22 сентября начальник гарнизона Львова генерал Лянгнер явился лично на командный пункт командующего Восточной группой т. Голикова и сдал нам город Львов. Выделена комиссия по разработке техники передачи города. Вводу отборные части для занятия объектов и охраны их и города. На окраинах города оставляю дежурные части и остальные привожу в порядок для дальнейших действий. В городе Львове нет воды и хлеба. Принял меры к полному удовлетворению населения питанием»⁵⁶.

В соответствии с условиями сдачи города польскому гарнизону была гарантирована и обещана возможность уйти в Румынию или Венгрию⁵⁷. Однако обещания не были выполнены. Большинство офицеров — свыше 2 тыс. человек — вскоре оказались в лагере для военнопленных в Старобельске и в апреле — мае 1940 г. вместе с другими

его обитателями были расстреляны и захоронены в лесопарковой зоне Харькова.

Не допускался переход границы и в других операциях. 19 сентября Тимошенко приказал командующему погранвойсками КОВО комдиву В.В. Осокину: «Немедленно закрыть госграницу на указанном участке (по р. Збруч и к западу. — Н. Л.). Не допускать ни в коем случае ухода польских солдат и офицеров из Польши в Румынию. Командующему Южной группой командарму т. Тюленеву выделить в распоряжение т. В.В. Осокина части... способные обеспечить границу занятой территории с Румынией»⁵⁸. Ворошилов потребовал от командования КОВО разъяснений, почему не прикрыт участок границы близ г. Коломыя (Кутно), через который польские части переходят в Румынию. Заместитель наркома обороны Г.И. Кулик в докладе Сталину, Молотову и Ворошилову также рекомендовал срочно направить в район действия Южной группы дополнительную сильную оперативную группу НКВД. Он полагал, что действия «вооруженных банд» в районе румынской и венгерской границ могут перерасти в партизанские действия, если не очистить эти территории. Беспокоила Кулика и проблема создания администрации в занятых областях. «Наши люди, выделенные для организации власти на местах, после захвата пунктов РККА сильно отстают от темпов продвижения (войск. — Н. Л.), и часто в больших местечках и городах власть организуется через 1—2 суток после прихода войск, что является подрывом нашего авторитета, и снижается подъем у населения. Необходимы указания ЦК КП(б)У о более быстром темпе продвижения этих людей и организации власти на местах. В крупных городах выделенных наших товарищей необходимо усилить аппаратом», — писал Кулик. Он ставил также вопрос об улучшении работы Наркомата путей сообщения и налаживании подвоза продовольствия для населения занятых районов. «В связи с быстрыми темпами нашего продвижения местность оказалась неосвоенной, польская армия, бросив оружие, распозлась по селам», — сообщал замнаркома в Кремль. Предлагалось срочно решить вопросы о соотношении золота и рубля, о создании местной милиции, об оставшихся в поместьях немолоченном зерне, овощах, о сахар-

ных и спиртовых заводах, о снабжении школ учебниками на украинском, белорусском и еврейском языках, об издании газет и обеспечении агитационными материалами, о недопущении разграбления помещичьих имений и предотвращении столкновений между коренным населением и поляками⁵⁹.

Ввиду сближения немецких и советских войск 20 сентября нарком обороны приказал командующим Северной, Восточной и Южной армейскими группами остановиться на зафиксированной к 20.00 этого дня линии, с тем чтобы начать движение вперед вновь с утра 23 сентября⁶⁰.

22 сентября комбриг А.М. Василевский лично передал по прямому проводу, а Ватугин принял следующую директиву наркома обороны: «Первое. Части германской армии по договоренности с нами, начиная с 22 сентября, отводятся на разграничительную линию между германскими войсками и Красной Армией, а именно западный берег реки Писса до ее устья, западный берег реки Нарев до ее устья, западный берег реки Буг до ее устья, западный берег реки Висла до устья реки Сан, западный берег реки Сан до ее истоков...

Второе. Во избежание возможных провокаций, диверсий от польских банд и т. п. германское командование принимает необходимые меры в городах и местечках, которые переходят к частям Красной Армии, к их сохранности и обращает особое внимание на то, чтобы города, местечки и важные оборонительные и хозяйственные сооружения... были бы сохранены от порчи и уничтожения до передачи их представителям частей Красной Армии.

Третье. Приказываю войскам Белорусского и Киевского Особых военных округов с рассветом 23 сентября начать движение к указанной разграничительной линии, руководствуясь следующим: а) движение войск организовать с таким расчетом, чтобы имелась дистанция между передовыми частями колонн Красной Армии и хвостом колонн германских частей в среднем до 25 км с тем, чтобы выйти к вечеру 29 сентября на восточный берег реки Писса и к вечеру 1 октября — на восточный берег реки Нарев... б) для разрешения вопросов, могущих возникнуть при совершении передвижения войск и при передаче германскими частями и приеме частями Красной Ар-

мии районов, пунктов, городов и т. п., выделить на каждой основной магистрали движения наших войск специальных делегатов в составе представителя штаба дивизии или политотдела, дивизии или танковой бригады, которым связаться с делегатами отводимых германских частей и выяснять и регулировать все возникающие вопросы. Этих делегатов персонально назначить Военным советом армии, проинструктировать и фамилии их сообщить Военному совету округа и мне.

Четвертое. При обращении германских представителей к командованию Красной Армии об оказании помощи в деле уничтожения польских частей или банг, стоящих на пути движения мелких частей германских войск, командование Красной Армии, начальники колонн, в случае необходимости, выделяют необходимые силы, обеспечивающие уничтожение препятствий, лежащих на их пути движения...»⁶¹ (выделено мною. — Н. Л.).

Таким образом, приказ наркома предусматривал не только координацию действий армий двух государств, но и оказание частями РККА боевого содействия вермахту в его борьбе с польскими вооруженными силами.

Выполнению приказа уделялось большое внимание, тем не менее отдельных инцидентов избежать не удалось. 20 сентября восточнее Львова немецкая артиллерия подбила несколько двигавшихся в колонне советских танков. 23 сентября части 10-й танковой дивизии генерала Шаала по ошибке вели бои с советской кавалерийской частью. С другой стороны, советские войска обстреляли немецких солдат при их отходе от Львова, в связи с чем германское командование предъявило свои претензии. Начальник Генштаба Б.М. Шапошников немедленно потребовал от командующих БОВО и КОВО уточнить, доведена ли директива Ворошилова до войск. На место происшествия выехали Кестринг и Ватутин⁶². 24 сентября германский военный атташе сообщил в отдел внешних сношений Народного комиссариата обороны (НКО): «Командир 28-го стрелкового корпуса генерал Бейер встретился лично с комкором Ивановым (комендантом Львова. — Н. Л.) от стрелкового корпуса частей Красной Армии, находящихся подо Львовом. Теснейшая связь между обоими командующими, так же, как между командирами частей, ко-

торые стоворились о всех подробностях в товарищеском духе, восстановлена»⁶³. Аналогичное донесение направил и Ватутин.

После взбучки от НКО командование ВАГ проявляло еще большую заботу о боевом взаимодействии с вермахтом. Начальник штаба Савинов и военком Детухин сообщили Ватутину, что их представители Шипов и Демьянов ночью согласовали с германским командованием рубежи движения и для предотвращения новых инцидентов оставили у них офицера связи. «Немцы предлагают войти с ними в связь по радио, для чего прислали позывные и волны. Вообще их поведение вежливо-назойливое»⁶⁴, — писали начштаба и военком ВАГ. Но «вежливо-назойливое поведение» германского командования не препятствовало ему обманывать своего новоиспеченного союзника. Из Стрыя они вывезли все, что могли, даже мебель. Надеясь отправить из Дрогобыча в Германию как можно больше нефти, задерживали передачу этого района РККА. Командующий Южной группой вынужден был направить протест против нарушения плана отвода войск. Указывалось, что 24 сентября по графику германская сторона должна оставить Дрогобыч, Борислав и Самбор. Считаясь с просьбой германского командования, Тюленев согласился отоминуть передачу г. Самбора с 24 на 25 сентября, но настаивал на немедленном отводе частей вермахта из Дрогобыча.

Правда, требовательный тон был скорее исключением, нежели правилом. Превалировало прежде всего со стороны Сталина и Ворошилова подобострастное отношение к немцам, все желания которых удовлетворялись, и притом немедленно. Отклонив претензии Риббентропа на нефтеносный район Дрогобыча, Сталин в то же время обязался поставлять Германии по 300 тыс. т нефти ежегодно. Причтенны и такие факты: нарком обороны приказал военным советам Северной, Восточной и Южной групп, вступающим на Вольинь и в Галицию, проявлять максимально доброжелательное отношение к колонистам немецкого происхождения. Запрещалось проводить у них реквизиции, фураж и продовольствие следовало закупать только за наличные деньги по ценам местного рынка⁶⁵. 25 сентября командование КОВО передало приказ Воро-

шилова, касающийся благотворительной организации немецкого протестантского священника Цеклера, владевшей машиностроительным заводом, мастерскими и прочими коммерческими предприятиями. Предписывалось не чинить никаких препятствий ни в отношении его собственности, ни в отношении самого Цеклера и членов его семьи⁶⁶. Аналогичная забота была проявлена и об итальянской концессии в Надворно (ныне г. Надворная). Естественно, по отношению к украинским, белорусским, еврейским и тем более польским служителям культа и промышленникам такой предупредительности не проявлялось. Большинство из них вскоре оказались в тюрьмах или лагерях.

Однако заботой о колонистах, служителях культа, концессионерах дело не ограничивалось. 23 сентября во Львов прибыла делегация из четырех германских офицеров, сообщивших, что западнее г. Грубешова собираются крупные силы поляков (до 3-х пехотных, 4-х кавалерийских дивизий, а также артиллерия). Было сказано, что германское командование собирается нанести удар во фланг танками в северном направлении по грубешовской группировке. «Одновременно предлагают, — указывал комдив Иванов в донесении командующему КОВО, — чтобы мы участвовали в совместном уничтожении данной группировки. Штаб немецких войск находится в Грудек-Ягельонский, куда просим выслать нашу делегацию». На документе Тимошенко написал: «Подобное для разговоров в большом штабе, но не для меня»⁶⁷. Видимо, в «большом штабе» идея германского командования о совместной операции нашла благожелательный отклик. Во всяком случае, 8-й стрелковый корпус был направлен в район Грубешова, где вступил в бой с польскими частями. Утром 24 сентября командарм ВАГ отдал командирам 2-го конного корпуса, 10-й танковой бригады и 99-го стрелкового корпуса следующий приказ: «По данным немецкого командования, в районе Замостье, Томашов, Грубешов группируются крупные силы поляков. По данным Генштаба, 23.9 в районе Томашов поляки нанесли контрудар против немецких частей. 8-й с.к. Северной группы 23.9 к исходу дня между Грубешов и Сокаль вошел в соприкосновение с неуставленными силами противника. Приказываю: 1. 2 к.к. с 24-й т.б. к 16.00 24.9 занять район Туринка, До-

просин, Жулкев, имея передовые отряды ст. Липник, Матерув, Вишинька, Велька. Вести разведку в направлениях на Кристинополь, Белз, Угнув. При обнаружении значительных сил противника перед фронтом 8 с.к. атаковать и истребить их. Не допускать также попыток противника прорваться из указанного района на Львов, Каменка»⁶⁸. Оперативная сводка за 24 сентября также отмечала, что 14-й конный корпус с 24-й бригадой после суточного отдыха был выдвинут в район Туринки, Добросина, Жулкева для оказания помощи 8-му стрелковому корпусу Северной группы, который в тот же день форсировал р. Буг и захватил Грубешов⁶⁹.

Несмотря на то что Сталин 25 сентября предложил Германии Люблинское воеводство и правобережную часть Варшавского в обмен на включение Литвы в зону интересов СССР, части РККА продолжали продвижение в эти воеводства. При этом командование приказало не допускать отхода польских частей на север; в случае, если линия Любартов — Люблин не занята германскими войсками, ликвидировать находящиеся здесь соединения польской армии и «к исходу 29 сентября подвижными частями овладеть районами Любартов, Люблин»⁷⁰. Однако в ходе визита Риббентропа в Москву предложение Сталина об обмене территориями было принято и оформлено специальным секретным протоколом, после чего наступила очередь РККА отводить свои части на новую демаркационную линию⁷¹.

Взаимодействие советских и германских войск сыграло роковую роль и в судьбе Новогрудской бригады, которой командовал генерал В. Андерс. В упорных боях с немцами она прорывалась к румынской границе, но 26 сентября была с тыла атакована частями РККА. Разделившись на мелкие группы, бригада продолжала прорываться к границе. Ее командующий, получивший несколько ранений, был захвачен в плен⁷². Вплоть до 3 октября оказывало упорное сопротивление частям Красной Армии группировка польских войск под командованием полковника П. Зеленецкого. 5 октября, судя по сводке 14-й конной дивизии и донесению 36-й стрелковой дивизии, «группа полковника Зеленецкого окончательно ликвидирована»⁷³. Были взяты в плен более 11 тыс. поляков.

Примечательно и то, что при встречах германской и советской армий в ряде городов проводились совместные военные парады, которые в Гродно вместе с германским генералом принимал комкор В.И. Чуйков, в Бресте — Г. Гудериан и комбриг С.М. Кривошеин.

В целом же за 12 дней боевых действий на территории Польши Красная Армия продвинулась на 250–350 км на запад, заняла территорию общей площадью в 190 тыс. кв. км с населением более 12 млн человек.

Во время польской кампании погибли с польской стороны 3 500 военных и гражданских лиц, около 20 000 были ранены или пропали без вести. Советская сторона официально объявила о 737 убитых и 1 862 раненых, однако, по некоторым данным, эти цифры занижены. Жизни погибших в этой кампании также на совести «вождя»⁷⁴.

Итак, несмотря на то что СССР не объявлял войны Польше, он ее вел в тесном взаимодействии с Германией. При этом нападение и военные действия были тщательно спланированы, подготовлены и осуществлены с использованием большого количества войск и боевой техники обеих стран. Огромная военная мощь РККА обрушилась на почти безоружных людей, на части, потрепанные в боях с немцами и к тому же по приказу своего главнокомандующего не оказывавшие сопротивления. По всем критериям статьи 6 Устава Международного военного трибунала эти действия квалифицируются как преступление против мира.

По завершении «освободительного похода», 1 октября 1939 г., Политбюро ЦК ВКП(б) приняло развернутое постановление о советизации захваченных территорий⁷⁵. В нем предусматривалось созвать 26 октября Украинское народное собрание из выборных по областям Западной Украины и Белорусское народное собрание — из выборных по областям Западной Белоруссии. Эти «народные» собрания должны были утвердить передачу помещичьих земель крестьянским комитетам, решить вопрос о характере власти — советской или буржуазной, проблему вхождения в состав СССР, принять постановление о национализации банков и крупной промышленности. Право выдвигать кандидатов в народные собрания закреплялось за крестьянскими комитетам, временными управлениями городов, собраниями рабочих по предприятиям, собраниями

ми рабочей гвардии. Затем на окружных совещаниях «доверенные лица» должны были договариваться об окончательной кандидатуре по округу.

Избирательную кампанию следовало проводить под лозунгами установления советской власти на территории Западной Украины и Западной Белоруссии, вхождения их в СССР и БССР, одобрения конфискации помещичьих земель, требования национализации банков и крупной промышленности. По повестке дня должны были приниматься «Декларации», текст которых готовили ЦК КП(б) Украины и ЦК КП(б) Белоруссии. Политбюро предписывало приступить к созданию на этих территориях коммунистических организаций, для чего наряду с приемом в партию «передовых рабочих, оказавших помощь Красной Армии», из армии демобилизовывались и направлялись в распоряжение украинской парторганизации 1 000 коммунистов, белорусской парторганизации — 800 коммунистов. На работу в западные области мобилизовывались 2 000 украинских и 1 500 белорусских коммунистов. До проведения выборов в этих областях должны были действовать временные управления из четырех человек — по два от армейских органов и по одному — от НКВД и от временного управления областного города. Временные областные управления назначали комиссаров во все банки, а во Львов и Белосток командировались также уполномоченные Госбанка СССР. Все счета практически замораживались. Иностранные консульства в западных областях Украины и Белоруссии ликвидировались. В дальнейшем в течение всего октября Политбюро приняло не одно решение по организации выборов и другим вопросам, затронутым в этом постановлении. Оно выработало систему мер, которая в дальнейшем осуществлялась в период присоединения к СССР прибалтийских республик, Северной Буковины и Бессарабии. Главными методами господства на этих территориях стали террор и массовые депортации.

Катынская расправа

В ходе боев Красная Армия взяла в плен более 240 тыс. военнослужащих польской армии. Все пленники,

вопреки международному праву, были переданы из-под опеки армии органам НКВД. Будучи не в состоянии обеспечить такое количество людей продовольствием, жильем, даже питьевой водой, сталинское руководство решило в начале октября распустить по домам рядовых и унтер-офицеров — жителей присоединенных к СССР земель, а в середине октября передать Германии эти же категории военнопленных — уроженцев центральных польских воеводств. Однако около 25 тыс. рядового и младшего командного состава армии были задержаны в Ровенском лагере и лагерях Наркомчермета для строительства шоссе стратегического назначения и работы на шахтах Кривого Рога и Донбасса. По решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 3 октября 1939 г. около 15 тыс. польских офицеров, полицейских, тюремных работников вскоре были размещены в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях.

В тот же день, 3 октября, Политбюро ЦК ВКП(б) приняло еще одно решение, непосредственно касающееся судьбы польских офицеров. В соответствии с ним Военным советам Украинского и Белорусского фронтов предоставлялось право «утверждать приговоры трибуналов к высшей мере наказания по контрреволюционным преступлениям гражданских лиц Западной Украины и Западной Белоруссии и военнослужащих быв[шей] польской армии»⁷⁶.

Документы оперативной разработки военнопленных, начатой буквально с первых дней их пребывания в лагерях НКВД, показывают, что они не смирились с разделом Польши и были готовы бороться за возрождение страны. Весь ноябрь 1939 г. в Старобельском, Козельском и Осташковском лагерях работали следственные бригады из работников центрального аппарата НКВД во главе соответственно с Е.М. Ефимовым, В.М. Зарубиным и Антоновым.

3 декабря Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило предложение НКВД СССР об аресте всех взятых на учет кадровых офицеров бывшей польской армии⁷⁷. На следующий день в Осташковский лагерь была направлена новая следственная бригада во главе с С.Е. Белолипецким, ответственным сотрудником следственной части Главного управления госбезопасности НКВД СССР (ГУТБ НКВД СССР). Бригаде поручалось оформить к концу января следственные дела и обвинительные заключения на весь осташковский

конtingент для представления их на Особое совещание — орган внесудебной расправы⁷⁸.

В это же самое время Политбюро и Совнарком СССР готовили первую крупную депортацию осадников⁷⁹ и их семей в районы Крайнего Севера и Сибири. 5 декабря СНК СССР принял постановление № 2001-558сс, утвержденное в тот же день Политбюро ЦК ВКП(б), о создании спецпоселений для 21 тыс. семей осадников⁸⁰. В поселках на 100—500 семей все взрослые должны были принудительно работать на лесоповале и не имели права покидать места вселения более чем на 24 часа. Переселение планировалось осуществить в самый разгар зимы — в начале февраля 1940 г.

21 декабря Политбюро утвердило предложения ЦК КП(б) Украины и ЦК КП(б) Белоруссии об использовании имущества выселяемых осадников. Было решено: «1) всю землю осадников, за вычетом той части земли, которая уже распределена между крестьянами, передать в земельные фонды областных комитетов для наделения ими совхозов и колхозов; 2) лошадей, продуктивный скот и сельскохозяйственный инвентарь передать вновь организуемым колхозам и совхозам. В каждой области организовать 2—3 совхоза, которым передать весь скот и сельскохозяйственный инвентарь осадников и по мере организации колхозов выделять им скот и сельскохозяйственный инвентарь, оставляя в колхозах в первую очередь племенной и высокопродуктивный скот». Дома осадников предполагалось использовать прежде всего для организации школ, больниц, медицинских пунктов, родильных домов, детских яслей, сельских советов, кооперации, правлений колхозов, МТС, в качестве квартир для учителей и врачей. В число выселяемых дополнительно включалась категория сторожевой охраны лесов⁸¹.

29 декабря Совнарком СССР и Политбюро утвердили документы, подготовленные ведомством А.П. Берии, — «Положение о спецпоселках и трудовом устройстве осадников, выселяемых из западных областей УССР и БССР» и «Инструкцию Народного комиссариата внутренних дел Союза ССР о порядке переселения польских осадников из западных областей УССР и БССР». СНК издал специальное постановление по этому вопросу в развитие своего

постановления от 5 декабря, а Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило и его. В нем предписывалось: Наркомлесу обеспечить подготовку к приему, расселению и трудоустройству осадников; Наркомату путей сообщения — их перевозку отдельными эшелонами; Наркомздраву — выделить медицинский персонал для каждого эшелона и обслуживания спецпоселков. Кировский, Пермский, Вологодский, Архангельский, Ивановский, Ярославский, Новосибирский и Свердловский, Омский обласполкомы, Красноярский и Алтайский крайисполкомы, СНК Коми АССР должны были оказывать практическую помощь НКВД СССР. Утверждались штаты и ставки поселковых и районных комендатур, создававшихся в спецпоселках для надзора за депортированными.

НКВД выделялись дополнительные ассигнования в 17,5 млн руб. на расходы по переселению осадников, Наркомлесу СССР — 14 млн руб. на обустройство спецпоселков⁸².

В соответствии с Инструкцией депортация осадников из БССР и УССР должна была производиться одновременно в день, определенный НКВД СССР. Все недвижимое имущество, скот, инвентарь конфисковывались и принимались по акту. С собой разрешалось брать лишь одежду, белье, обувь, постельные принадлежности, часть посуды (ножи, вилки, ложки, чайники, ведра), продовольствие на месяц, хозяйственный бытовой инструмент (топор, пила, лопата, мотыга, коса, грабли, вилы и т. п.), деньги и ценности — всего не более 500 кг на семью. На сборы отводилось не более двух часов⁸³.

Руководили депортациями оперативные тройки — центральные, областные, уездные, а также специально созданные для этого штабы. Они разрабатывали план операции, определяли состав семей выселяемых, формировали оперативные группы, готовили транспорт. Опергруппы собирались накануне операции вечером и не могли отлучаться из штаба ни на минуту. Старший опергруппы изучал состав семей, которые ему надлежало выселять, пути подъезда к их домам, маршруты движения к железнодорожным станциям, где проходила погрузка в вагоны. Операция должна была начинаться на рассвете, чтобы избежать «ненужной шумихи и паники». Станции оцеплялись

войсковыми войсками, которые сопровождали эшелоны по 55 вагонов по 25—30 человек в каждом.

Первая депортация намечалась на начало февраля, и именно к этому времени Особому совещанию должны были передать следственные дела на весь контингент Осташковского лагеря, закончить следствие по делам офицеров из Козельского и Старобельского лагерей. В связи с этим 31 декабря 1939 г. Л.П. Берия издал серию приказов, предписав начальнику Управления по делам военнопленных П.К. Сопруненко вместе с бригадой следователей выехать в Осташков, его заместителю И.М. Полухину и начальнику 1-го отдела Главного экономического управления (ГЭУ) Я.А. Йоршу — в Козельский, комиссару УПВ С.В. Нехорошеву и ответственному работнику ГЭУ Родионову — в Старобельский⁸⁴. Им надлежало проверить степень обеспеченности лагерей агентурой и осведомителями, активизировать их работу, завершить следствие к концу января. «Агентурным обслуживанием» планировалось охватить не только военнопленных, но и аппарат лагерей и даже окрестные поселки. Примечательно, что об этом совещании речь шла только в приказе Берии по Осташковскому лагерю. Бригадам же, направлявшимся в Козельский и Старобельский лагеря, предписывалось ознакомиться с состоянием агентурно-осведомительской работы, проводимой Особыми отделениями лагерей, обратить внимание на качество агентурной работы и наличие сведений о настроениях всех категорий военнопленных, выявлять членов политических партий, работников Генштаба и особенно его второго (контрразведывательного) управления и т. д. К концу января значительная часть из введенных в Осташковском лагере свыше 6 тыс. следственных дел была передана Особому совещанию. 1 февраля Сопруненко и Белоплицкий передали шифром Берии: «Следствие в Осташковском лагере закончено, оформлено 6 тысяч 50 дел. Приступил к отправке дел Особ[ое] совещание. Отpravку закончим 8 февраля»⁸⁵. Отчет о производимой работе составил и Нехорошев.

10 февраля была проведена первая массовая депортация польского мирного населения, в ходе которой были переселены 139 590 человек, в подавляющем своем большинстве семьи осадников и лесников. Их разместили в

21 крае и области в 115 поселках, при этом наибольшее количество семей пришлось на Архангельскую область (8 084) и Красноярский край (3 279). В 25–30-градусный мороз людей везли в вагонах для скота, при недостаточном питании, в результате чего несколько тысяч человек умерло в пути.

В итоговом обзоре Главного управления конвойных войск описывается, как проходила отправка 100 эшелонов февральской депортации: «Вся работа частей по выполнению задания протекала в крайне сложной, а потому трудной обстановке (суровая зима, конвоируемый контингент принимался мелкими группами в разных районах, требование произвести погрузку и отправление всех эшелонов в один день, перегрузка из вагонов с узкой колеей на широкую, отсутствие команд обслуживания и питание конвоируемых из железнодорожных буфетов силами конвоя, перебои в снабжении продуктами и т. д.)»⁸⁶.

Нередко по прибытии на место людям не предоставлялось жилье, не было налажено продовольственное снабжение, что также приводило к высокой смертности. Условия работы в спецпоселках мало чем отличались от гулаговских. Детей в случае смерти матерей отправляли в приюты, где не были созданы хотя бы мало-мальски сносные условия.

В конце февраля были предприняты меры для глобального решения участи большей части военнопленных. К этому времени Особое совещание уже вынесло решения по делам более чем 600 военнопленных и в 1-м спецотделе НКВД СССР готовились к отправке почти всего осташковского контингента в лагерь ГУЛАГа на Камчатке. В Москве было проведено совещание работников УПВ, Главного управления конвойных войск (ГУКВ НКВД СССР), Осташковского лагеря для выработки мероприятий по отправке военнопленных. Вот как описывает это двухдневное совещание, проводимое 1-м спецотделом, начальник Особого отделения Осташковского лагеря младший лейтенант госбезопасности Г.В. Корытов в донесении начальнику Особого отдела УНКВД Калининской области полковнику В.П. Павлову: «Основные вопросы стояли так: 1. Подготовка в лагере осужденных к отправке. 2. Где объявлять решения Особого совещания. 3. Где произво-

дить сдачу конвоем осужденных — в лагере или на вокзале. 4. Оперативное обслуживание в пути. 5. Хозобслуживание... Исходя из настроений военнопленных, их численности, а главным образом имея в виду, что весь этот контингент представляет из себя активную к[онтр]-р[еволюционную] силу, я свои соображения высказал: 1. Подготовку к отправке производить в том же духе, как производили ранее при отправке в Германию и районы нашей территории, т. е. соблюдая принцип землячества, что будет служить поводом думать осужденным, что их готовят к отправке домой. 2. Решение Особого совещания здесь у нас во избежание различного рода эксцессов и возмущений ни в коем случае не объявлять, а объявлять таковое в том лагере, где они будут содержаться. Если же в пути следования от в[оенно]пл[енных] последуют вопросы, куда их везут, то конвой им может объяснить одно: "На работы в другой лагерь". 3. Сдачу осужденных конвоем производить, как и ранее у нас в лагере. 4. В части оперативного обслуживания в пути, то я просил Совещание эту обязанность с О[собого] о[тделения] сложить, исходя из малочисленности штата... В таком духе был написан проект организации отправки и передан на утверждение Зам. Наркома тов. МЕРКУЛОВУ... Как скоро мы будем разгружаться? Из представленных нами 6 005 дел пока рассмотрены 600, сроки 3–5–8 лет (Камчатка), дальнейшее рассмотрение Наркомом пока приостановлено. Но разговоры таковы, что в марте мы должны основательно разгрузиться и подготавливаться к приемке финнов. Есть распоряжение Наркома о заключении нескольких категорий военнопленных в местные тюрьмы. На этот счет у начальника Управления по КО (т. е. УНКВД Калининской области. — Н.А.) есть директива от 29.II.40 г. за № 25/1869, с которой прошу ознакомиться»⁸⁷.

В последней фразе речь шла о документе, развивавшем положения директивы НКВД СССР от 22 февраля о частичной разгрузке лагерей для военнопленных, в соответствии с которой в тюрьмы УНКВД переводились военнопленные — офицеры Корпуса охраны пограничья (КОП), судейско-прокурорские и тюремные работники, разведчики, провокаторы, осадники, помещики, торговцы, крупные собственники⁸⁸.

Примечательна и ссылка Корытова на необходимость разгрузки лагерей в связи с подготовкой к приему военнопленных финнов. Впервые о подготовке лагерей к приему военнопленных финнов говорилось уже в приказе наркома от 1 декабря, а 4 декабря в Осташковский лагерь, как уже отмечалось, выехала бригада Белолипецкого с заданием к концу января подготовить дела на весь контингент для передачи их Особому совещанию. В соответствии со справкой УПВ от 21 февраля резервные лагеря для военнопленных были готовы принять около 25 тыс. финнов⁸⁹. По всей видимости, планировалось разгрузить и три самых больших и обустроенных лагеря и также приспособить их для содержания финнов. Однако заключение мирного договора с Финляндией 13 марта 1940 г. привело к тому, что пленные финны так и не поступили. И тем не менее Сталин не только не отказался от глобального решения в отношении участи польских офицеров и полицейских — узников лагерей для военнопленных, но и пошел в решении данного вопроса значительно дальше, чем предлагал Берия.

В то же время с Украины от Н.С. Хрущева поступил предложение об укреплении охраны границы в западных областях УССР и БССР, поддержанные Берией и рассмотренные 2 марта 1940 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б). Предлагалось наряду с очисткой от местного населения 800-метровой полосы вдоль границы депортировать в районы Казахстана на 10 лет семьи репрессированных и находящихся в лагерях для военнопленных поляков, всего 22—25 тыс. семей. «Наиболее зlostных» из подлежащих выселению надлежало арестовывать и передавать их дела Особому совещанию. Дома и квартиры выселяемых должны были служить для расселения военнопленных РККА, партийно-советских работников, командированных для работы в западные области Украины и Белоруссии. Политбюро поддержало эти предложения и приняло специальное решение по данному вопросу. Аналогичное постановление принял и Совнарком СССР⁹⁰.

По всей видимости, эти предложения послужили толчком и к принятию всеобъемлющего кардинального решения в отношении судьбы польских офицеров и полицейских — узников лагерей для военнопленных НКВД СССР

3 марта по требованию Берии были составлены сводные данные о наличии в системе УПВ польских офицеров, полицейских, священников, тюремных работников, правонарушителей, разведчиков и т. д. А к 5 марта уже было подготовлено и письмо наркома внутренних дел СССР Сталину, предусматривавшее расстрел этих лиц без всякой судебной процедуры, включая даже такую ее карикатурную форму, как Особое совещание. Кроме 14,7 тыс. военнопленных, предлагалось расстрелять и 11 тыс. узников тюрем западных областей УССР и БССР. Чтобы обосновать избранный сталинским руководством метод расправы (расстрел) над польской государственной, военной и интеллектуальной элитой, Берия включил в свое письмо и пространную характеристику контингента лагерей и тюрем, подчеркнув: «Все они являются заклятыми врагами советской власти, преисполненными ненависти к советскому строю». Говорилось, что военнопленные офицеры и полицейские, находясь в лагерях, «пытаются продолжать контрреволюционную работу, ведут антисоветскую агитацию. Каждый из них только и ждет освобождения, чтобы иметь возможность активно включиться в борьбу против советской власти. Органами НКВД в западных областях Украины и Белоруссии вскрыт ряд к-р повстанческих организаций. Во всех этих к-р организациях активную руководящую роль играли бывшие офицеры бывшей польской армии, бывшие полицейские и жандармы»⁹¹.

Нарком отмечал также, что среди перебежчиков и нарушителей границ, составлявших значительную часть заключенных тюрем, также много участников этих организаций. Сообщив, какое количество чинов армии и полиции, чиновников и тому подобных лиц находится в лагерях для военнопленных, какие категории и сколько каждой из них содержится в тюрьмах, нарком предлагал рассмотреть их дела «в особом порядке с применением к ним высшей меры наказания — расстрела». Первым на этой бумаге поставил «за» и расписался Сталин, затем Ворошилов, Молотов и Микоян. На полях рукой секретаря: «Каганович — за, Каганович — за»⁹².

В этот же день Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение:

«1) Дела о находящихся в лагерях для военнопленных 11 700 человек бывших польских офицеров, чиновников,

помещиков, полицейских, разведчиков, жандармов, осадников и тюремщиков,

2) а также дела об арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в количестве 11 000 человек членов различных к[онтр]-р[еволюционных] шпионских и диверсионных организаций, бывших помещиков, фабрикантов, бывших польских офицеров, чиновников и перебежчиков — рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания — расстрела.

II. Рассмотрение дел провести без вызова арестованных и без предъявления обвинения, постановления окончаний следствия и обвинительного заключения — в следующем порядке:

а) на лиц, находящихся в лагерях военнопленных, — по справкам, представленным Управлением по делам военнопленных НКВД СССР;

б) на лиц арестованных — по справкам из дел, представляемым НКВД УССР и НКВД БССР.

III. Рассмотрение дел и вынесение решения возложить на тройку в составе т. т. Меркулова, Кабулова (так в тексте. Правильно: Кобулова. — Н. Л.) и Баштакова (начальник 1-го Спецотдела НКВД СССР).

СЕКРЕТАРЬ ЦК»⁹³

В этот же день Политбюро рассматривало и вопрос о создании нового саркофага для тела В.И. Ленина...

Подготовка к проведению расстрела узников трех спецлагерей для военнопленных и тюрем западных областей УССР и БССР началась буквально на следующий день после заседания Политбюро. С 7 по 15 марта был проведен ряд совещаний в Москве — с сотрудниками центрального аппарата НКВД, с начальниками Управлений НКВД трех областей — Смоленской, Калининской и Харьковской, с их заместителями и комендантами, с начальниками Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей, с руководством НКВД УССР и БССР и др.

Во исполнение решения Политбюро ЦК ВКП(б) была развернута работа по составлению справок-заключений на военнопленных и узников тюрем. Ее форма поступила в УПВ от Кобулова 16 марта 1940 г. Она выглядела следующим образом:

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

СПРАВКА

по личному делу № _____
на военнопленного (фамилия, имя, отчество)

Фамилия, имя, отчество	Установочные данные	Последняя должность и чин в бывш. польской армии или в полицейских, разведывательных и карательных органах	Заключение
	Указать год, место рождения, имущественное положение, где содержится, когда взят в плен		

« _____ 1940 г. Начальник Управления по делам военнопленных, капитан госбезопасности Сопруненко»⁹⁴.

Последняя графа, по-видимому, оставалась для внесения в нее рекомендации по делу конкретного военнопленного. В порядке встречающихся в делах УПВ «справках» данной формы она всегда оставалась незаполненной. Этим справкам придавалось особое значение, печатание для них бланков в типографиях категорически запрещалось ввиду «сугубой секретности проводимой работы». Спецлагеря незамедлительно стали готовить справки-заключения. Первые были посланы в Москву 19—21 марта, большая их часть была готова к 25 марта. Впоследствии их заполняли на вновь прибывших, тех, кого переводили в Козельск, Старобельск, Осташков из лагерей Наркомчермета, Ровенского, а также из больниц.

22 марта Берия подписал приказ «О разгрузке тюрем НКВД УССР и БССР». Значительную часть заключенных в этих тюрьмах составляли офицеры и полицейские. Переводу в Ефевскую, Харьковскую и Херсонскую тюрьмы (для последующего расстрела там) подлежали 900 заключенных из Львовской тюрьмы, 500 — из Ровенской, 500 — из Волынской, 500 — из Тарнопольской, 200 — из Дрогобычской, 100 — из Станиславовской; в Минск — 3 000 арестованных из Пинска — 500, из Брест-Литовска — 1 500, из Вилеек — 100, из Барановичей — 450). Всю работу по перевозке заключенных надлежало осуществить в десятидневный срок, т. е. в начале массового расстрела узников лагерей и тюрем⁹⁵.

Начиная с 7 марта проводится и интенсивная подготовка к депортации семей военнопленных — офицеров и полицейских и заключенных тюрем, т. е. семей тех, кого намеревались расстрелять. В этот день Берия направил наркомом внутренних дел УССР И.А. Серову и БССР Л.Ф. Цанаве приказ о подготовке к выселению семей офицеров, полицейских, чиновников, помещиков, промышленников⁹⁶. Предлагалось произвести эту депортацию к 15 апреля; район выселения — Казахстан; срок ссылки — 10 лет.

Для подготовки и проведения операции при УНКВД западных областей Украины и Белоруссии создавались оперативные тройки в составе начальника соответствующего УНКВД, представителей НКВД СССР и НКВД УССР и БССР. Кроме того, создавались городские и районные тройки, которые и разрабатывали планы операции в пределах своего участка. В операции должны были участвовать сотрудники всех органов НКВД, командиры, политработники и красноармейцы внутренних и пограничных войск НКВД, оперативные работники милиции. Из них формировали оперативные группы по три человека. Каждой группе надлежало выселить две-три семьи. Как и в случае с осадниками, операцию предписывалось провести в один день.

НКВД УССР и БССР было приказано немедленно приступить и к 30 марта закончить составление списков членов семей военнопленных и арестованных. 7 марта нарком приказал начальнику УПВ Сопруненко и, по всей видимости, начальнику Тюремного управления А.Г. Звереву «организовать составление точных списков содержащихся в лагерях военнопленных — бывших польских офицеров, полицейских, жандармов, тюремщиков, гласных и негласных агентов полиции, бывших помещиков, фабрикантов и крупных чиновников бывшего польского государственного аппарата», заключенных тюрем с указанием состава семьи и их точного адреса. Списки необходимо было составить по городам и районам западных областей Украины и Белорусии и направить НКВД этих республик⁹⁷.

Следовало составить и отправить НКВД УССР и БССР и списки тех, чьи семьи проживали на территории Польши, отошедшей к Германии. Если реестры проживавших в СССР людей представляли практический интерес для

органов НКВД, то адреса семей, находившихся в подконтрольной Германии сфере, не могли быть использованы в предстоявшей апрельской депортации. Тем не менее в приказе Берии Серову и Цанаве от 7 марта указывалось: «Если в процессе проверки и учета органами НКВД будет установлено, что члены семей, подлежащие выселению, выехали за пределы западных областей Украины и Белоруссии, необходимо принять меры к выяснению их нового местожительства и все материалы об этом выслать в НКВД СССР»⁹⁸. Как известно, многие семьи в процессе проводившегося СССР и Германией обмена населением выехали в центральные районы Польши. Не исключено, что списки и адреса семей репрессированных и военнопленных готовились по договоренности с германской стороной. Случайно ли проводились одновременно печально известная нацистская «акция АБ» по уничтожению польской интеллектуальной и государственной элиты и сталинская операция по «разгрузке» трех спецлагерей военнопленных и тюрем западных областей Украины и Белоруссии или существовала определенная координация действий двух тоталитарных режимов?

Для выполнения приказа наркома в лагеря для военнопленных выехали заместитель начальника УПВ И.М. Полушин, заместитель начальника Особого отдела УПВ Н.А. Романов и начальник учетно-регистрационного отдела УПВ П.В. Маклярский. Последний вскоре телеграфировал Сопруненко: «В абсолютном большинстве учетных дел персональные сведения членов семей военнопленных отсутствуют. Для составления списков приступил опросом военнопленных. Для этой работы мобилизовано 20 человек расчетом окончания ее в течение семи — восьми дней». 16 марта он же докладывал: «работа с печатанием списков подходит к концу. Еще 2 — 3 дня, и нарочными они будут отправлены в Минск и Киев. Очень большие трудности с точным установлением местожительства семей. Оказывается, что значительная часть семей, которые этого хотели, через смешанные комиссии выехали с нашей территории на германскую территорию... На холостых я списки не составлял. Прошу сообщить, следует ли после окончания списков семейных, составлять на холостых. Я лично считаю, что это делать нецелесообразно, ибо они никому не

нужны будут»⁹⁹. Однако Маклярский ошибался — для этих лиц предлагалось сообщать местожительство их родителей, братьев и сестер, проживавших вместе с ними.

Из Старобельска к 15 марта направили в Москву списки на 3 041 военнопленного, в том числе 27 тетрадей (1 662 человека) по воеводствам центральной Польши. В дальнейшем отсутствие сведений о местожительстве семьи в следственном деле и справке-заключении служило основанием для их возвращения из УПВ в лагеря на доработку.

Приказ приступить к «операции по разгрузке» Старобельского, Осташковского и Козельского лагерей поступил в последних числах марта. В это время в Старобельске содержалось 8 генералов, 55 полковников, 126 подполковников, 316 майоров, 843 капитана, 2 527 других офицеров, 9 ксендзов, 2 помещика, 5 крупных государственных чиновников, 1 учащийся, 1 лакей бывшего президента Польши Й. Мосьцицкого; в Козельске — 4 599 военнопленных, включая 1 адмирала, 4 генералов, 26 полковников, 72 подполковников, 232 майоров, 647 капитанов, 12 капитанов морфлота, 3 капитана II ранга, 2 капитана I ранга, 3 480 других офицеров, 8 ксендзов, 9 помещиков, 61 государственного чиновника, 5 солдат, 37 других лиц; в Осташковском лагере — 6 364 человека, из них офицеров армии — 48, офицеров полиции и жандармерии — 240, полицейских и жандармов младшего командного состава — 775, рядовых полиции — 4 924, тюремных работников — 189, разведчиков — 9, ксендзов — 5, солдат и младших командиров армии — 72, прочих — 54¹⁰⁰.

Таким образом, в трех спецлагерях находилось 14 857 человек, в процессе «операции» туда дополнительно свозили военнопленных, как из «трудовых» лагерей, так и из тюрем и больниц.

Первые списки на отправку военнопленных из лагерей в распоряжение УНКВД, т. е. к месту расстрела, начали поступать в Козельск, Старобельск и Осташков 3–5 апреля, в тюрьмы — около 20 апреля¹⁰¹. Чаще всего каждый список содержал фамилии около ста человек. Оформлялись они в 1-м спецотделе НКВД СССР. Списки, подписанные начальником УПВ (с 14 апреля — его заместителем И.И. Хохловым в связи с командированием Сопруненко на границу с Финляндией для обмена там военно-

военными), содержали предписание начальникам трех спецлагерей немедленно направить указанных в списке лиц в Калинин, Смоленск и Харьков для передачи их в распоряжение УНКВД Калининской, Смоленской и Харьковской областей. Аналогичные списки за подписью Меркулова вручались и начальникам УНКВД указанных трех областей и содержали приказ о расстреле поименованных в них лиц. Как правило, из Москвы сразу поступало от 1 до 5 списков, в результате одновременно конвоировалось 300 — 450 человек, которые вскоре после доставки в тюрьму там же и расстреливались. В наряды на передачу людей УНКВД были включены 97% всех офицеров, помещицких и других военнопленных, содержавшихся в трех спецлагерях. Среди них были кадровые военные, резервисты, престарелые отставники; члены политических партий и абсолютно аполитичные люди; поляки, евреи, белорусы и украинцы. Врачей, исполнявших в армии свой гуманитарный долг, обрекали на расстрел наравне с жандармами, контрразведчиками и тюремными работниками. Практически речь шла не о том, кого осудить, а кому следует сохранить жизнь, включив в списки на отправку в Юхновский лагерь. В силу каких причин 395 узникам сохранили жизнь, не могли понять ни исследователи, ни оставшиеся в живых узники. «Почему некоторые пленные избежали расстрела — этого мы никогда не узнаем», — писал Ежи Лоек (Л. Ежеский) в своей книге «Катынь. 1940»¹⁰². Мотивы, по которым 3% узников была сохранена жизнь, столь же загадочны, как и те, по которым остальные 97% были ликвидированы, замечает в своих воспоминаниях профессор С. Свяневич, бывший заключенный Козельского лагеря, снятый с этапа по приказу Берии¹⁰³.

Однако материалы Центра хранения историко-документальных коллекций (ЦХИДК) позволили ответить и на этот вопрос. В справке, составленной начальником УПВ, в частности, указывалось: «Всего отправлено в Юхновский лагерь 395 человек. Из них: а) По заданию 5-го Отдела НКВД — 47 чел.; б) По заданию германского посольства — 1 чел.; в) По запросу литовской миссии — 19 чел.; г) Немцев — 24 чел.; д) По распоряжению зам. народного комиссара внутренних дел Союза ССР тов. Меркулова — 91 чел.; е) Прочих — 167 чел.»¹⁰⁴. Другой документ — это список

военнопленных, препровожденных в Юхнов, с указанием, по какому из названных мотивов был вывезен в лагерь тот или иной человек.

Разведка, т. е. 5-й отдел ГУГБ, составила список лиц, которые ее интересовали как источники информации или которые выразили готовность сражаться вместе с Красной Армией в случае нападения Германии на СССР. В связи с запросами германского посольства оставили в живых даже тех людей, которые никогда не были связаны с Германией, но о которых ходатайствовали влиятельные европейские, прежде всего итальянские, лица. Так, еще 30 января 1940 г. к советнику германского посольства в Риме барону И. фон Плиссену обратился граф де Кастель с просьбой посодействовать освобождению из плена графа Ю. Чапского, известного художника, одного из основателей польского импрессионизма. Об этом же просила князя Бисмарка и графиня Палецкая. В дополнительном запросе, поступившем в НКВД из НКВД СССР, наряду с фамилией Чапского фигурировали фамилии В. Комарницкого, будущего министра в правительстве В. Сикорского, адъютанта В. Андерса О. Слизиеня и другие.

В группе, отобранной по указанию Меркулова, были и те, у кого надеялись выведать интересующие НКВД сведения, и те, кто не являлись офицерами или служащими карательных органов, — рядовые, унтер-офицеры армии, подхорунжие, юнаки, беженцы. В Юхновский лагерь попали и люди, заявившие о своих коммунистических убеждениях. В разряд «прочих» входили и несколько десятков осведомителей, поставлявших Особым отделением лагерей компромат на своих сокамерников. Еще 4 апреля Зарубину (Козельский лагерь), Миронову (Старобельский) и Холичеву (Осташковский) было передано поручение Меркулова составить справки и характеристики на всех доверенных лиц и вместе с их делами и агентурными материалами на них выслать в Москву. 7 апреля им же и начальникам трех спецлагерей было направлено новое предписание: «На основании распоряжения замнаркома тов. Меркулова вторично предупреждаю, если в списках военнопленных, подлежащих отправке в лагерь, будут Ваши люди, последних, как ошибочно включенных в списки, никому не отправлять до особого распоряжения»¹⁰⁵. Черес-

через дней Сопруненко вновь напоминает начальникам лагеря о необходимости предоставлять Зарубину, Миронову и Холичеву списки на отправку и оставлять в лагере тех, на кого они укажут.

Дела военнопленных, вероятно, проходили следующим образом: из лагерей в УПВ поступали личные досье и справки-заключения с незаполненной последней графой, а также списки следственных дел в порядке их номеров. Здесь их проверяли и в случае каких-то недочетов отправляли на доработку. Если все бумаги отвечали предъявлявшимся требованиям, их передавали в 1-й спецотдел, предварительно вписав рекомендацию по делу в справку-заключение. В 1-м спецотделе над ними работали под руководством замначальника этого отдела капитана тов. безопасности А.Я. Герцовского. Учитывались и материалы дел, оформленных ранее бригадами следователей из центрального аппарата НКВД СССР. При этом часть досье ставилась на особый контроль, решение по ним принимал лично Меркулов. Остальные передавались в Комиссию (т. е. тройке Меркулов, Кобулов и Баштаков), которая приговаривала военнопленных и узников тюрем к той или иной мере наказания. Решения Комиссии оформлялись особыми протоколами, в которых, по-видимому, фиксировали не фамилии осужденных, а номера списков. Первые семь списков, которые были подписаны 1 и 2 апреля, включали фамилии 692 офицеров из Козельского лагеря. 9 апреля были подписаны 13 списков на 1 297 человек. Мог ли орган внесудебной расправы рассмотреть по существу 1 100—1 300 дел? Ответ очевиден — это физически невозможно. Понятно, что в задачу тройки входило лишь простамповать списки, оформив это специальными протоколами. Именно о них докладывал Н.С. Хрущев председателю КГБ А.Н. Шелепину 3 марта 1959 г., предлагая уничтожить все личные и следственные дела военнопленных, но сохранить протоколы тройки. Хрущев, как следует из показаний ряда работников бывшего КГБ, отдал по телефону приказ сжечь все, включая и протоколы. Несколько Хрущев как первый секретарь КП(б)У был причастен и к проведению «операции по разгрузке» тюрем западных областей Украины, расстрелы узников которых оформлялись протоколами этой тройки, и к депор-

тации семей офицеров и полицейских, его стремление уничтожить всю документацию представляется естественным. Другое дело, насколько достоверны показания бывших работников органов госбезопасности. Об этом мы сможем судить только после открытия архивов этих органов. Без документального подтверждения они вызывают серьезные сомнения у польской общественности.

Дела тех, кого было решено оставить в живых, в Комиссию не передавались и осужденными они не значились. В УНКВД, т. е. на расстрел, были отправлены по предварительным данным 14 587 военнопленных из трех спецлагерей, по справкам 1941—1943 гг. — 15 131 человек. Шелепин же 3 марта 1959 г. сообщил Хрущеву о 21 857 расстрелянных военнопленных и узников тюрем, из которых 7 305 были заключенными¹⁰⁶.

Тех, кого отправляли в УНКВД, даже не подозревали, что их ждет. Комиссар УПВ С.В. Нехорошев сообщил трем заместителям наркома — В.В. Чернышову, И.И. Масленникову и В.Н. Меркулову, что «в связи с отправкой на расстрел военнопленных приподнятое»¹⁰⁷. Большая часть военнопленных жителей оккупированных Германии и польских территорий высказывали нежелание возвращаться на родину, но стремились попасть в нейтральную страну. Оттуда они рассчитывали пробраться во Францию и продолжить борьбу против нацистов. При задержках этапированием в Смоленск, Харьков и Калинин польские офицеры и полицейские проявляли серьезное беспокойство, опасаясь, что их не отправят на родину, обращались к лагерному начальству с просьбой ускорить отправку. Старшие офицеры советовали своим коллегам, отправлявшимся с первыми партиями, делать в вагонах надписи с указанием конечной станции, чтобы последующие знали, куда их везут. 7 апреля при возврате вагонов была обнаружена фраза на польском языке: «Вторая партия — Смоленск, 6/IV — 1940»¹⁰⁸. Естественно, последовал приказ тщательно осматривать вагоны и все надписи смывать.

О том, как проходило этапирование военнопленных, что они при этом чувствовали, мы знаем из дневников, обнаруженных в катынских могилах в 1943 г. Тридцатидвухлетний поручик Вацлав Крук вел свой дневник всего двенадцать последних дня своей жизни. Приведем запись от 8 апреля

До сих пор я ничего не писал, считая, что ничего особенного не происходит. В последнее время, то есть под конец марта и в начале апреля, появились настроения «на выездах». Мы считали это обычной сплетней. Тем временем планетия начала реализовываться. В первых днях апреля начали... (несколько слов смыто. — Н. А.) отправлять этапированных, сначала небольшие. Со Скита работ... по десять и больше человек. Наконец 7-го, в субботу, ликвидировали... и перевели в главный лагерь... Нас временно поместили в майорский блок. Вчера отправили высших офицеров — 1 генерала, 20—25 полковников и столько же майоров. Способ отправки вселял в нас лучшие надежды. Сегодня очередь дошла до меня. Утром я помылся в бане, постирал носки и платочки... вообще... до... «С вещами». После сдачи казенных вещей обыскали повторно в 19-м бараке, а оттуда через ворота вывели к машинам, на которых мы выехали до небольшой станции, но не до Козельска (Козельск отрезан половодьем). На этой станции под строгим надзором нас погрузили в тюремные вагоны. В тюремном вагоне вагона, который я вижу первый раз в жизни, нас 10 человек. Я еще не знаком с этими товарищами по плену. Теперь ждем отправки со станции. Если ранее я был настроен оптимистически, то теперь от этого путешествия жду ничего хорошего... Едем в направлении Смоленск. Погода... солнечная, на полях еще много снега»¹⁰⁹.

Запись, сделанная 9 апреля:

«Вторник. Ночь мы провели лучше, чем предыдущую в вагонах для скота. Было немного больше места и не так сильно трясло. Сегодня погода... вполне зимняя. Сыплет снег, пасмурно. Снегу на полях, как в январе. Невозможно ориентироваться, в каком направлении движемся <...> День проходит как обычно. Вчера утром дали порцию хлеба и сахара, а в вагоне — холодную кипяченую воду. Сейчас приближается полдень, но еды не дают. Обращение с нами... также ординарное. Не разрешают ничего. Выйти в туалет можно лишь тогда, когда это вздумается конвоирам; ни просьбы, ни крики не помогают <...> Теперь 14.30. Везем в Смоленск. Уже вечер, проехали Смоленск, прибыли в Гнездово. Похоже, нас будут выгружать, вокруг много военных. До сих пор нам не дали ничего поесть. Со второго завтрака живем порцией хлеба и воды»¹¹⁰.

Военнопленных со станции Гнездово, ближайшей к Катинскому лесу, везли в «черных воронах» в сосновый бор, где группами уводили на расстрел. Расстреливали в мундаирах, в орденах. В восьми катынских могилах в 1943 г. были обнаружены 4 143 тела; при их эксгумации нашли документы, письма, дневники, польские монеты, крупные купюры золотых и т. д. Стреляли в затылок с близкого расстояния. Использовались немецкие пули 7,655 мм калибра. В 20% случаев руки у офицеров были связаны за спиной проволокой или плетеным шнуром с двойной петлей. В одной из могил находились тела, на головах которых были шинели, на уровне шеи обмотанные шнуром, который соединялся петлей со связанными руками. Если человек пытался двинуть руками, петля на шее тут же затягивалась. На территории Катинского леса покоятся и многие тысячи советских людей, расстрелянных гебистами¹¹¹.

О том, как проходили расстрелы в Калининской тюрьме военнопленных из Осташковского лагеря, рассказал следователям Военной прокуратуры бывший начальник УНКВД по Калининской области Д.С. Токарев. Он сообщил, что для руководства этой работой были присланы майор госбезопасности начальник комендантского отдела НКВД СССР В.М. Блохин, майор госбезопасности Синегубов и начальник штаба конвойных войск комбриг М.С. Кривенко.

Военнопленных после выгрузки в Калинин размещали во внутренней тюрьме Калининского УНКВД на Советской улице. Тюрьму временно очистили от других заключенных, одну из камер обшили войлоком, чтобы не были слышны выстрелы. Из камер поляков поодиночке доставляли в «красный уголок» (Ленинскую комнату), там свешивали данные — фамилию, имя, отчество, год рождения. Затем надевали наручники, вели в приготовленную камеру и стреляли из пистолета в затылок. Потом через другую дверь тело выносили во двор, где грузили в крытый грузовик. Руководил расстрелом Блохин, который привез с собой целый чемодан немецких «вальтеров», ибо советские наганы не выдерживали — перегревались. Перед расстрелом Блохин надевал спецодежду: кожаную коричневую кепку, длинный кожаный фартук, такие же перчатки и длинные крагами выше локтей. «Я увидел палача», —

он рассказывал следователям Д.С. Токарев¹¹². На рассвете в грузовых машинах везли тела в Медное, где уже были выкопаны экскаватором ямы, в которые тела как попало сбрасывали и закапывали. После каждого такого расстрела Токарев доносил В.Н. Меркулову: по такому-то наряду исполнено (т. е. расстреляно) столько-то. 5 апреля он, в частности, отправил шифровку: «Первому наряду исполнено 113 343»¹¹³. Именно столько накануне было отправлено из Осташкова в Калинин военнопленных. Офицеров из Старообольского лагеря расстреливали в Харьковской тюрьме при самом активном участии начальника УНКВД Харьковской области майора госбезопасности П.С. Сафонова. Технология расстрела была такой же, как и в Калининской тюрьме. Тела везли в район Семихаток — ныне 6-й район лесопарковой зоны Харькова. Как в Катynie и в Медном, здесь недавно закапывали тела расстрелянных органами людей.

Исчезновение более 15 тыс. офицеров и полицейских вызвало огромное беспокойство у их родных и близких, которые бомбардировали НКВД запросами. Так, И. Томяк писал начальнику Осташковского лагеря П.Ф. Борисову: «Простите, что осмеливаюсь Вас беспокоить, но руководит мною сильная любовь к мужу и забота о нем. ...Не сплю по ночам, беспокоюсь ужасно. Умоляю, пожалуйста, меня, напишите, жив ли муж, можно ли ему помочь деньгами, и, если его нет уже в тюрьме, укажите место пребывания его или к кому я должна обратиться для того, чтобы узнать, где теперь находится. Прошу, пожалуйста, меня, не откажите в моей просьбе, буду от души благодарна. Зная, что муж жив, буду спокойно работать, зарабатывать на содержание шитьем одежды. С почтением Изабелла Томяк»¹¹⁴. На письме помета «1-й Спецотдел». Это означало, что И.И. Томяка уже не было в живых.

Расправившись с польскими офицерами и полицейскими, Сталин и Берия не пощадили и военнопленных из лагерей Наркомчермета, которые постоянно требовали отправки их домой и зачастую саботировали работу на шахтах Кривого Рога и Донбасса. Сразу по завершении операции по разгрузке трех спецлагерей 8 000 рядовых и младших командиров польской армии были переведены из наркомчерметовских лагерей в Северный железнодорожный лагерь ГУЛАГа на строительство Северо-Печор-

ской железнодорожной магистрали. Условия, в которых находились поляки, ничем не отличались от условий, созданных для советских зэков, т. е. рассчитанных на убийство трудом. К началу войны подавляющее большинство из них подорвали свое здоровье и были уже нетрудоспособным¹¹⁵. Лишь начавшаяся в июне 1941 г. война и последовавшая в сентябре 1941 г. передача их, как и других уцелевших польских военнопленных, в армию В. Андерса спасла их от гибели.

Параллельно с операцией по разгрузке лагерей для военнопленных и тюрем западных областей УССР и БССР 13 апреля была проведена депортация семей военнопленных. Окончательное решение о ее проведении было принято Политбюро и Советом Народных Комиссаров 10 апреля. Они одобрили предложения, представленные Берией 5 апреля. Утверждена была и инструкция о проведении операции. Кроме семей военнопленных офицеров и полицейских, узников тюрем, было предписано депортировать и беженцев с территории Польши, «отошедшей к Германии, изъявивших желание выехать из пределов Советского Союза на территорию, занятую немцами и неприкрытую германским правительством», а также проституток. СНК Казахстана предлагалось обеспечить 22–25 тыс. семей жильем и работой, наркомату путей сообщения — выделить 81 эшелон по 55 вагонов в каждом, наркомату торговли — обеспечить переселенцев питанием в пути. Трудом устроить их предлагалось прежде всего на предприятия наркоматов лесной промышленности и цветной металлургии. Наркомат финансов должен был выделить на эту операцию 30 млн рублей¹¹⁶.

По данным начальника отдела трудовых поселений ГУЛАГа М.В. Конрадова, за I и II кварталы 1940 г. в 586 поселках были размещены 215 тыс. человек (54 832 семьи) из западных областей УССР и БССР, преимущественно поляков. Из них 138 тыс. — в I квартале, 77 тыс. — во II¹¹⁷.

Условия жизни в Казахстане были не многим лучше, чем в северных областях СССР. Жили чаще всего в землянках, мазанках, из-за отсутствия воды мылись крайне редко, в основном летом, когда вода нагревалась на солнце. Во многих поселках не было ни школ, ни больниц. Не-

привычен и тяжел был климат: летом жара доходила до 40°, зимой морозы в 50°. По степи рыскали волки, нападавшие на скот и людей. Особенно трагичной была судьба детей. 20 мая, в день, когда закончилась операция по массовому расстрелу военнопленных и заключенных тюрем, польские дети Иван Денишин, Фалей Заводзcki, Юлиан Евнджейчик и Барбара Ковальска обратились к Сталину: «Коханный ойче Сталин! Мы малы деци з баланим прощэнием до Великого Отца Сталина просим з гарачного серца чтоб нам вирнули наших отцов, которые работают в Осташкове. Нас переслали з Западной Белорусии на Сибирь и нам нивилели что небуць взяць з сабой. Нам сичас цяжко жывецца у всех децей мать не здоровые и не могут работаць и вопшэ ничто пронас не думае как мы живем и работы никакой не дають. За это мы малы деци голодам примерае и еничо просим отца Сталина што пронас не забыл мы всегда будем в Советким Союзе работать рабочыми народем только нам тяжко жиць без наших отцов. До свидания ойче»¹¹⁸. Однако отцов их к этому времени уже расстреляли по воле «отца Сталина».

Третий поток депортаций пришелся на последнюю декаду июня 1941 г. 29 июня было начато и к середине июня закончено выселение 76 382 человек (25 682 семьи) в Красноярский и Алтайский края, Архангельскую, Вологодскую, Горьковскую, Иркутскую, Новосибирскую, Омскую, Свердловскую, Челябинскую, Якутскую области, Коми АССР. Касалось оно прежде всего выходцев из центральных польских воеводств¹¹⁹.

Последняя депортация была проведена накануне нападения Германии на СССР, 20 июня. В пути эшелоны бомбили немцы. Вывозили главным образом в районы Центральной Сибири, Алтайский край, на Север. По прибытии на место, все, включая подростков 10–12 лет, должны были трудиться. Даже после августовской амнистии вагоны с заключенными поляками продолжали следовать в направлении Владивостока.

Всего, по данным А.Я. Вышинского, из присоединенных к СССР в результате сентябрьского «освободительного» похода территорий были выселены 388 тыс. человек. Эти данные подтверждаются справками НКВД и конвойных войск, хотя в польской историографии все еще фигу-

рирует цифра 1 500 000 депортированных. Однако и выселение почти 400 тыс. поляков, большую часть которых составляли дети, женщины и старики, свидетельствует о планомерном подрыве генофонда польского народа. Если же учесть, что эти депортации проводились параллельно и в тесной связи с уничтожением польских офицеров, полицейских, работников государственного аппарата, промышленников, землевладельцев, что большую часть офицеров составляли запасники, призванные лишь за несколько недель до их пленения, учителя, врачи, агрономы и другие представители польской интеллигенции, то факт геноцида против польского народа станет очевидным.

Кардинальные вопросы катынской трагедии — кто, когда и почему принял решение о массовом уничтожении польских военнопленных — офицеров и полицейских — после обнаружения «Особой папки» по катынскому вопросу в Архиве президента Российской Федерации можно в основном считать решенными. Найденные в кремлевском архиве папки помогают понять, какими соображениями руководствовались Сталин и Политбюро ЦК ВКП(б), принимая это преступное решение. В сочетании со всем комплексом ранее найденных нами архивных материалов они позволяют ощутить атмосферу, которая царила в то время в окружении Сталина и в НКВД, осознать их отношение к военнопленным как к государственным, классовым и идеологическим врагам. Многие разъясняет и анализ отношения советского руководства к «панской Польше» в 20-х и 30-х годах, внутриполитической ситуации в СССР и, наконец, особенностей психологии «вождя».

На протяжении 20-х и 30-х годов Польша в СССР рассматривалась в качестве «санитарного кордона» на ее границах. В ней видели активного борца за идею Великой Польши, за расчленение СССР, отделение от него Украины и Белоруссии, угнетателя «братьев по крови». Польские вооруженные силы, с которыми Красной Армии довелось сражаться в 20-х годах, продемонстрировали свою мощь и в целом считались в предвоенный период потенциальным врагом страны Советов.

Военные и политики в СССР с беспокойством следили за усилиями нацистской Германии склонить Варшаву к совместному походу против СССР. Когда же планы Бер-

лин не были реализованы, а Польша связала себя тесными узами с Лондоном и Парижем, но не с Москвой, разрывание Сталина против нее лишь усилилось. В польском государстве увидели не только неблагодарного соседа, отказавшегося от пропуска Красной Армии через свою территорию в случае нападения Германии на Польшу, но и участника западной коалиции. Последняя же не принималась советским руководством как сила, способная противодействовать разделу сфер влияния между СССР и Германией. Закрепив 28 сентября 1939 г. «Советско-германским договором о дружбе и границе» ликвидацию польского государства, Сталин и Гитлер стали предпринимать каждый со своей стороны далеко идущие меры по подрыву самих основ польской государственности.

30 мая 1940 г. нацистский генерал-губернатор оккупированных польских территорий Г. Франк заявил: «10 мая началось наступление на Западе. Это значит, что в этот день угас преобладающий интерес мира к происходящему здесь у нас... Теперь мы должны использовать представившийся нам момент... Как национал-социалисты мы обязаны думать о том, как бы за счет этих немецких жертв не появилась польская нация... Я совершенно открыто признаю, что это будет стоить жизни нескольким тысячам польской интеллигенции... Фюрер выразился так: то, что мы сейчас определили как руководящий слой в Польше, нужно ликвидировать. То, что вновь вырастет ему на смену, нам нужно обезопасить и в пределах соответствующего времени снова устранить». Массовые депортации поляков, рабский труд, уничтожение мирных граждан — все это были составные элементы политики геноцида против польского народа, поддерживаемой желанием уничтожить навеки само понятие «Польша».

О том, как на практике реализовалось решение Гитлера поведал бригаденфюрер СС Штрекенбах. Со времени проведенной полицией безопасности 1 марта 1940 г. операции в ее руках оказалось около 2 000 мужчин и несколько сот женщин, «действительно представлявших собой интеллектуальный руководящий слой... Суммарное уничтожение этих людей началось в тот момент, когда был издан приказ о чрезвычайной акции по умиротворению.

Осуждение военно-полевыми судами 2 000 арестованных приближается к концу, и осталось вынести приговоры лишь очень немногим лицам», — сообщил своим коллегам эсэсовец. На этом, однако, «акция АБ» — операция по уничтожению польской интеллектуальной элиты — не закончивалась, планировалось арестовать еще 2 000 человек. В этом же ключе проводил свои акции и Сталин.

Узники Козельска, Старобельска и Осташкова представляли собой военную и интеллектуальную элиту Польши. Они были полны решимости вступить в борьбу за восстановление независимости своей страны, воспрепятствовать усилиям сталинского режима в насаждении своих порядков на отошедших к СССР территориях. Офицеры и полицейские, пробыв более полугодом в достаточно тяжелых условиях плена, не были сломлены психологически и нравственно. Они не отказались ни от своей родины, ни от религии, ни от политических, ни от моральных ценностей. Надежды советского руководства на «перевоспитание» хотя бы части рабочих и крестьян, представителей трудовой интеллигенции, одетых в мундиры, оказались тщетными. Следовательно, по логике Сталина и его приближенных, носителей инакомыслия надо было ликвидировать.

Мы не должны забывать и о той ненависти, которую питал «вождь народов» к польскому офицерству, заставившему его испытать в 1920 г. горечь сокрушительного поражения. Аргумент о возмездии «белополякам» за пролитую ими в 1919—1920 гг. кровь красноармейцев был призван оправдать акцию в глазах тех, кто ее осуществлял.

Могли быть и другие, не столь кардинальные соображения, например стремление заверить Берлин, что СССР не держит камня за пазухой, пестуя польское офицерство; стремление избавиться от «пятой колонны» на случай, если разразится война с Францией и Англией из-за Финляндии и Прибалтики, и т. д.

По свидетельству английского посла при лондонском правительстве В. Сикорского Оуэна О'Маллея, сами поляки усматривали причину уничтожения офицеров и полицейских именно в желании разрушить фундамент, на котором могла впоследствии возродиться польская государственность, в подрыве основы польской нации¹²⁰.

Лишь нападение Германии на СССР побудило сталинский режим несколько изменить свою политику в отношении польского населения, большая часть которого в 1945 г. была репатриирована в Польшу. Однако и в последующее время руководство СССР старалось полностью контролировать действия коммунистического режима в Польше, создавая лишь видимость ее независимости.

Н.С. Лебегава

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В изданной польским историком М. Харц библиографии насчитывается 2 026 названий. *Harz M. Bibliografia Zbrodni Katynskiej: Materiały z lat 1943—1993. Warszawa, 1993.* См. также: *Tarczynski uwagi o stanie badan nad zbrodnią Katynską. Katyn. Problemy i zagaki. Warszawa, 1990. S. 45—69; Tucholski Mord w Katyniu. Warszawa, 1991. S. 539—542; Zbrodnia Katynska. Droga do prawdy: Historia, archeologia, kryminalistyka, polityka, prawo. Warszawa, 1992. S. 411—427.*
- ² *Лебегава Н.С. О трагедии в Катыни // Международная жизнь. 1990. № 5; Парсаганова В.С. К истории катынского дела // Новая и новейшая история. 1990. № 4; Зоря Ю.Н., Прокопенко А.С. Нюрнбергский бумеранг (публикация документов) // Военно-исторический журнал. 1990. № 6; Абрашинов В.К. Катынский лабиринт. М., 1990; Лебегава Н.С. Сталин, Сикорский, Андерс и другие (публикация документов) // Международная жизнь. 1990. № 12; Лебегава Н.С. Катынские голоса (публикация документов) // Новый мир. 1991. № 2; Катынская драма. М., 1992; Лебегава Н.С. Катынь: преступление против человечества. М., 1994; Лебегава Н.С. Агрессия и геноцид в сталинской политике (1939—1941 гг.) // Политическая история на пороге XXI века: традиции и новации. М., 1995.*
- ³ *Нюрнбергский процесс: Сб. материалов: в 8 т. М., 1987. Т. 1. С. 147—148.*
- ⁴ *Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. М., 1973. Т. 1. С. 362.*
- ⁵ *Hass G. 23. August 1939, Der Hitler—Stalin—Pact. Dokumentation. Berlin. 1990. S. 120—122.*
- ⁶ *Ibid. S. 139—140.*

- ⁷ Ibid. S. 141–143.
- ⁸ Международная жизнь. 1989. № 5. С. 135–137; Год кризиса. 1938–1939: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 183.
- ⁹ Бережков В. Просчет Сталина // Международная жизнь. 1989. № 8. С. 16; Год кризиса. 1938–1939. Т. 2. С. 185.
- ¹⁰ Вокруг пакта о ненападении (Документы о советско-германских отношениях 1939 года) // Международная жизнь. 1989. № 9. С. 90–92.
- ¹¹ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1013. Л. 34, 40.
- ¹² СССР–Германия 1939–1941. Нью-Йорк, 1989. С. 73–80–81.
- ¹³ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 26. Л. 167; Д. 27. Л. 3–4; Д. 1014. Л. 8.
- ¹⁴ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 15.
- ¹⁵ Там же. Л. 1–16, 20–31.
- ¹⁶ Коминтерн и вторая мировая война. Часть 1. До 22 июня 1941 г. М., 1994. С. 11.
- ¹⁷ РЦХИДНИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1292. Л. 47; Д. 1293. Л. 2–272–273.
- ¹⁸ Цит. по: Agresja sowiecka na Polsce 17 wrzesnia 1939 w swietle dokumentow. Т. 1. Warszawa, 1994. Dok. 59, 60. S. 112.
- ¹⁹ ЦАМО. Ф. 148 а. Оп. 3763. Д. 69. Л. 1–6.
- ²⁰ РГВА. Ф. 35086. Оп. 1 е. Д. 555. Л. 13, 15–35; Д. 534. Л. 13, 43.
- ²¹ Там же. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 21. Л. 1–4.
- ²² Там же. Д. 556. Л. 1–4; Д. 535. Л. 43.
- ²³ Там же. Д. 555. Л. 4–5.
- ²⁴ Там же. Л. 16.
- ²⁵ Там же. Ф. 35084. Оп. 1 с. Д. 2. Л. 1–2.
- ²⁶ Там же. Д. 3. Л. 26–27.
- ²⁷ Там же. Д. 3. Л. 1–3; Ф. 35086. Оп. 1. Д. 535. Л. 45.
- ²⁸ Там же. Ф. 35086. Оп. 1 с. Д. 556. Л. 20.
- ²⁹ Там же. Л. 16–20.
- ³⁰ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VII, 1939–1943. М., 1973. С. 178.
- ³¹ РГВА. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 14. Л. 261–265; Д. 7. Л. 3–14.
- ³² Договор о ненападении и нейтралитете 1932 г. подтверждает Рижский мирный договор 1921 г. как основу взаимных отношений двух стран, обязал стороны воздерживаться от агрессивных действий или нападения друг на друга отдельно или совместно с другими державами. Агрессивными действиями признавался всякий акт насилия, нарушающий целостность и неприкосновенность территории или политическую независимость другой стороны. См.: Документы внешней политики СССР. М., 1969. Т. 15. С. 436–439.

- ³³ Семияра М.И. 17 сентября 1939 года // «Славяноведение». 1990. № 5. С. 7.
- ³⁴ Внешняя политика СССР (1935 – июнь 1941 г.). М., 1946. Т. IV. С. 446–447, 449.
- ³⁵ Hass G. Op. cit. S. 232, 235, 237–39.
- ³⁶ Ibid. S. 235.
- ³⁷ Международная жизнь. 1989. № 9. С. 93–94.
- ³⁸ Piekalkiewicz J. Hitler und Stalin zerschlagen die Polnische Republik. Berish Gladbach, 1982. S. 274.
- ³⁹ Цит. по: Семияра М.И. Указ. соч. С. 13.
- ⁴⁰ РГВА. Ф. 35084. Оп. 1 е. Д. 2. Л. 6–9.
- ⁴¹ Там же. Л. 9–11.
- ⁴² Там же. Л. 12–13; Ф. 35086. Оп. 1. Д. 555. Л. 78.
- ⁴³ Там же. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 2. Л. 13–16.
- ⁴⁴ Там же. Ф. 35086. Оп. 1 е. Д. 556. Л. 20–23.
- ⁴⁵ Там же. Ф. 35084. Оп. 1 е. Д. 2. Л. 32; Д. 4. Л. 3.
- ⁴⁶ Там же. Ф. 35086. Оп. 1 е. Д. 556. Л. 20.
- ⁴⁷ Там же. Л. 20–21; Ф. 35084. Д. 12. Оп. 1; Д. 4.
- ⁴⁸ Там же. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 12.
- ⁴⁹ Правда. 1939. 23 сент.
- ⁵⁰ Андерс В. Без последней главы // Иностранная литература. 1990. № 11. С. 235. Андерс Владислав (1892–1970) – видный военный деятель Польши, генерал, в 1939 г. командовал Новогрудской кавалерийской бригадой, попал в плен. С 1941 г. – командующий польской армией в СССР.
- ⁵¹ РГВА. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 8. Л. 24–25.
- ⁵² Там же. Л. 40–41.
- ⁵³ Там же. Д. 4. Л. 4.
- ⁵⁴ Там же. Л. 5–6.
- ⁵⁵ Там же. Л. 6.
- ⁵⁶ Там же. Д. 7. Л. 17–18.
- ⁵⁷ Wrzesien 1939 w relacjach i wspomnieniach. Warszawa, 1989. S. 701–712.
- ⁵⁸ РГВА. Ф. 35084. Оп. 1 е. Д. 8. Л. 168; Д. 13. Л. 44.
- ⁵⁹ Там же. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 7. Л. 15–16 об.
- ⁶⁰ Там же. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 8. Л. 41.
- ⁶¹ Там же. Д. 7. Л. 24–30.
- ⁶² Там же. Д. 13. Л. 39; Д. 11. Л. 130.
- ⁶³ Некрич А. Дорога к войне // Огонек. 1991. № 27, 29 июня–3 июля. С. 6; РГВА. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 14. Л. 130–191.
- ⁶⁴ РГВА. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 17. Л. 69.
- ⁶⁵ Там же. Д. 10. Л. 120.
- ⁶⁶ Там же. Д. 10. Л. 243; Д. 4. Л. 45; Д. 7. Л. 179–180.
- ⁶⁷ Там же. Д. 12. Л. 34.
- ⁶⁸ Там же. Д. 4. Л. 10.

- 69 Там же. Д. 2. Л. 35.
 70 Там же. Д. 2. Л. 6; Д. 8. Л. 175.
 71 Там же. Д. 7. Л. 37–38.
 72 Там же. Д. 5. Л. 90–96.
 73 Там же. Д. 6. Д. 12. Л. 248.
 74 Szubanski R. Siedemnasty wrzesnia 1939. Warszawa, 1990. S. 125.
 75 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1014. Л. 57–61.
 76 АПРФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 410. Л. 145, 151–152; РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 26. Л. 21.
 77 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 26. Л. 119.
 78 Центр хранения историко-документальных коллекций. Ф. 1/п. Оп. 1 е. Д. 10. Л. 8; Оп. 2 е. Д. 11. Л. 139, 160–161 об., 186–186 об. (Далее: ЦХИДК).
 79 Осадники – бывшие военнослужащие Войска польского получившие земельные наделы на присоединенных к Польше по Рижскому договору территориях и периодически совершавшиеся на военные сборы.
 80 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 26. Л. 120 (?).
 81 Там же. Л. 152, 157.
 82 Государственный архив Российской Федерации. Ф. 947. Оп. 1. Д. 61. Л. 1–3; Ф. Р-5446. Оп. 57. Д. 65. Л. 163–164 (Далее: ГАРФ); РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 26. Л. 159.
 83 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 26. Л. 185–190.
 84 ЦХИДК. Ф. 1/п. Оп. 1 а. Д. 1. Л. 218–223, 261–262.
 85 Центральный архив Федеральной службы безопасности. Коллекция материалов. (Далее: ЦАФСБ).
 86 РГВА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 70. Л. 28–29.
 87 ЦАФСБ. Коллекция материалов.
 88 ЦХИДК. Ф. 1/п. Оп. 1 е. Д. 1. Л. 230.
 89 ЦХИДК. Ф. 1/п. Оп. 4 в. Д. 9. Л. 240–252; Оп. 2 а. Д. Л. 437.
 90 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 27. Л. 48–49.
 91 АПРФ. Пакет № 1. См. также: Вопросы истории. 1993. № 1. С. 17–19.
 92 Вопросы истории. 1993. № 1. С. 17.
 93 Там же. С. 20.
 94 См.: Лебедева Н.С. Катынь: преступление против человечества. С. 163–164.
 95 Там же. С. 168–170.
 96 ЦАФСБ. Коллекция материалов.
 97 Там же.
 98 Там же.
 99 ЦХИДК. Оп. 2 е. Д. 11. Л. 170–171 об.
 100 ЦХИДК. Ф. 1/п. Оп. 01 е. Д. 3. Л. 142–143.

- 101 См. подробнее: Лебедева Н.С. Катынь: преступление против человечества. С. 177–213.
 102 Ежковский Л. Катынь 1940. Нью-Йорк, 1987. С. 18.
 103 Свяневич С. В тени Катыни. Лондон, 1989. С. 104–105.
 104 ЦХИДК. Ф. 1/п. Оп. 4 е. Д. 13. Л. 421.
 105 ЦХИДК. Ф. 1/п. Оп. 1 е. Д. 1. Л. 239–245; Оп. 2 е. Д. 11. Л. 338; Оп. 4 е. Д. 13. Л. 135; Оп. 2 е. Д. 9. Л. 348.
 106 ЦХИДК. Ф. 1/п. Оп. 3 а. Д. 1. Л. 257–261, 273; Оп. 1 е. Д. 4. Л. 3–3 об. Оп. 01 е. Д. 1. Л. 38–39.
 107 ЦХИДК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1. Л. 118–120, 145–153.
 108 Там же. Л. 150–151.
 109 Pamietniki znalezione w Katyniu. Wydanie II. Paris; Warszawa, 1990. S. 59.
 110 Ibid. S. 60.
 111 Катынская драма. С. 99–103.
 112 Елин Л. 53 палача – и два свидетеля // Новое время. 1991. № 42. С. 32–35.
 113 ЦАФСБ. Коллекция материалов.
 114 ЦХИДК. Ф. 1/п. Оп. 4 е. Д. 1. Л. 180–181.
 115 ЦХИДК. Ф. 1/п. Оп. 4 в. Д. 17. Л. 74–82; Д. 8. Л. 22–40; Оп. 5 а. Д. 2. Л. 180–181.
 116 ГАРФ. Ф. 7446. Оп. 57. Д. 68. Л. 123–128.
 117 ГАРФ. Ф. Р-9479с. Оп. 1. Д. 61. Л. 47.
 118 См.: Лебедева Н.С. Катыньские голоса // Новый мир. 1991. № 2. С. 215–216.
 119 РГВА. Ф. 38106. Оп. 1. Д. 10. Л. 132; Ф. 40. Оп. 1. Д. 70. Л. 29.
 120 Katyn. Despatches of Sir Owen O'Malley to the British Government. London, 1972. P. 15.

Дни великих бедствий в сознании современников

Великая Отечественная война советского народа против германского фашизма, ставшая самым суровым и жестоким испытанием для нашей страны, сохранилась не только в памяти ее участников. Война во многом определила последующее политическое, экономическое, социальное и культурное развитие общества и оставила на нем глубокие шрамы. Она наложила отпечаток на сознание народа, сказалась на формировании народного характера. Последствия войны, длившейся четыре года, ощущаются и сейчас, полвека спустя после ее окончания. Не только ветераны снова и снова возвращаются к пережитому. Каждый, кому небезразлична судьба Родины, стремится больше узнать о событиях и людях удаленного во времени, но, несмотря на это, близкого прошлого, понять их. И чем дальше, тем больше нас интересует человек 40-х годов — воин и труженик, его мысли и настроения, его мироощущение, восприятие им действительности тех лет.

Тотальность сознания или общественная пассивность

Многие годы тема Великой Отечественной войны вошла в средства массовой информации и пропаганды почти исключительно в связи с юбилеями ее победоносного окончания. И трактовка ее была традиционно юбилейной. Победа, ее всемирно-историческое значение закрывали собой трагизм первого периода войны, страдания народа на всем ее протяжении. Вопрос о цене побед, о причинах поражений и непомерности жертв, об ответственности за них никогда четко и определенно не ставился.

Н.В. Сталин, выступая на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 г., признал: «У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941 — 1942 годах, когда наша армия отступала...» Однако, как оказалось, признал он это лишь для того, чтобы закрыть вопрос. В отличие от других сталинских высказываний, которые бесчисленно повторялись и комментировались, это признание как бы забыли.

А между тем боль поражений и утрат никогда не переставала волновать людей. Неудивительно поэтому, что в последние годы на страницы газет и журналов хлынул поток писем, интервью, статей и очерков о войне. Обнаружились так называемые белые пятна в ее, казалось бы, полностью изученной и описанной истории. Однако возникли они не сегодня, а существовали изначально из-за замалчивания и сознательной фальсификации наиболее тяжелых и трагических страниц войны.

В наши дни порой высказывается мнение, будто при господстве сталинской административно-карательной системы и тщательно разработанной манипуляции общественным сознанием широкие народные массы «ничего не знали», «все му верили». К тому же тогда якобы много времени не приходилось, так как война не оставляла времени и сил для размышлений на «общие темы». Представление о тотальности сознания как признаке единства народа утвердилось в качестве стереотипа и в исторической литературе. Между тем в действительности за привычкой не рассуждать кроется общественная пассивность. Так ли было на самом деле?

К сожалению, и это было. Об одном из таких людей, которых оказалось гораздо больше, чем до сих пор говорилось, писал В. Быков в повести «Сотников»: «...был неважным партизаном, наверно, считался опытным старшиной, но как человек и гражданин, безусловно, недобрал что-то». Именно поэтому Рыбак «запутался» на войне: партизана стал полицаем. Однако источники свидетельствуют, что определяли лицо воюющего народа не такие люди, а те, кто сознательно и глубоко воспринял идеи патриотизма, понимал неразрывность своей судьбы с судьбой Родины, болел ее болями.

Человека на войне, его порой мучительные раздумья по-разному, с разных сторон, с разной глубиной проникновения стремились отобразить писатели, пережившие войну и писавшие о ней спустя годы и десятилетия. Синцов из романа К. Симонова «Живые и мертвые» признается сам себе: «У меня лопается голова, когда бывает время думать над тем, как все это могло случиться. Значит, что-то было не так еще до войны, и не я один об этом думаю, а думают почти все. И те, которые иногда говорят и те, которые никогда не говорят об этом... И я думаю о том, как же все будет после войны. Иногда, правда, мечтаю о времени после войны просто как о тишине. Но потом я опять вспоминаю, как началась война, и уж не хочу, чтобы после войны все было так, как было...».

Однако размышления литературных героев, хотя и основанные на авторских впечатлениях и переживаниях военных лет, как бы проходят через призму времени. К тому же они несут на себе отпечаток личности самого автора. По этим же причинам ограниченное значение для изучения общественного настроения имеют мемуары выдающихся полководцев и политических деятелей.

Духовный настрой общества

Достаточно достоверные свидетельства о чувствах и мыслях рядовых участников войны, простых и обыкновенных, тех, кого называют «широкие массы», содержатся в дошедших до нас документах того времени. Это дневники, личные письма. Правда, дневники во время войны мало кто вел. А письма подвергались военной цензуре, в них не все можно было сказать. Выпущенные сборники в основном составлены из фронтовых писем, которые во время войны публиковались в центральных и местных газетах.

В архивах сохранились письма в партийные органы и редакции газет. Их авторы старались довести до руководства информацию, которая, как они считали, до него не доходила, высказывали свои мнения, выдвигали предложения. Сохранились и вопросы, которые задавали... до рядовикам и лекторам. Они могут служить довольно объективным показателем общественного мнения, так как их ха-

рактер и тон позволяют понять не только то, о чем люди думали, но и как думали. Их собирали, обобщали и включали в свои докладные местные партийные работники. Лекторы пропагандистских групп Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) доводили вопросы, полученные во время поездок по стране, до сведения руководства. Так, Ярославский, побывавший в сентябре 1941 г. в прифронтовом Донбассе, составил список из 220 типичных вопросов. В ноябре 1942 г. организационно-инструкторский отдел ЦК распорядился ежемесячно присылать с мест перечень вопросов. С тех пор они начали регулярно поступать из всех республик, краев и областей. Некоторые информационные записки содержали устные высказывания граждан. Таким образом, до руководства партии и государства доводились сведения о настроениях в тылу. Поэтому источнику судить о них в какой-то степени можно и мы. К сожалению, аналогичными сведениями о фронтовиках автор не располагает.

Охватить весь спектр духовного настроения общества в пределах одной статьи невозможно. Остановлюсь поэтому на том, что оставалось до сих пор в тени, составляя одну из «белых пятен» истории Великой Отечественной войны. Это прежде всего отношение народа к поражению 1941—1942 гг. и их последствиям.

Советские люди в подавляющем большинстве с первыми днями войны выражали решимость принять активное участие в борьбе с фашистским агрессором. ЦК получал сообщения о хорошем моральном состоянии населения. В печати публиковались корреспонденции о митингах, на которых повторялся призыв из заявления советского правительства 22 июня 1941 г. «еще теснее сплотить свои ряды вокруг нашей славной большевистской партии, вокруг нашего правительства, вокруг нашего великого вождя товарища Сталина». Народ разделял выраженную в обращении правительства уверенность: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

Восприятие начала войны разными людьми определялось уровнем их понимания международной обстановки и политики накануне войны, умением или неумением самостоятельно анализировать и оценивать действительность. Настроение благодушия и беспечности вполне

уживалось тогда у многих с патриотизмом и чувством долга перед Родиной. «Все разговоры и жаркие споры выявляли моральную готовность выполнить свой долг... Но представить войну в профессиональном, военном, конкретном смысле не могли... в массе своей были охвачены предчувствием: схватки с фашизмом нам скорее всего не миновать. Но и понимая это, особой тревоги не испытывали... В канун войны мы жили полноценно и радостно, и военные тревоги, как нам казалось, были еще далеко», — вспоминает Б.Н. Еремин, в то время летчик-старший лейтенант в приграничном Одесском военном округе. По-видимому, это настроение разделял и летчик В.Г. Козлов, который 14 июля 1941 г. писал: «Просто не верилось сначала, насколько это было чудовищно и вероломно...» Однако война не могла быть неожиданной для командира батареи лейтенанта П.Я. Попова, предупреждавшего 13 июня 1941 г. родных: «Мы выехали из Миллеров на Запад, где за нашей границей лютует фашизм. ...Прошу учесть это и понять международную обстановку».

23 июня текст Заявления советского правительства был помещен в газете. Рядом — большой портрет И.В. Сталина. Сводка Главного командования сообщала: «Противник был отбит с большими потерями». И люди в тылу верили ей, ведь это так соответствовало довоенным представлениям о том, какова будет будущая война. Представления эти в полной мере отвечали и утверждение на второй день войны на страницах «Правды» — «Война не застала нас врасплох. Мы зорко следили за тем, что делается по ту сторону границы», и «отклики общественности» — «Мы ждали этого дня, он не был внезапен».

Народ воспитывался в духе прочной уверенности, что Красная Армия готова дать отпор любому агрессору. Всего за полтора месяца до войны Сталин заявил: «Красная Армия перестроилась организационно и серьезно перевооружилась», — и эти слова, единственные из сорокаминутной речи перед выпускниками военных академий, были опубликованы 6 мая 1941 г.

О внезапности, неожиданности нападения гитлеровской Германии в эти первые дни не говорилось. Официальные сообщения уверяли, что все попытки наступления врага не только натываются на упорное сопротивление, но и успешно отбиваются с большими для него потерями

налеты гитлеровской авиации на наши аэродромы встретили решительный отпор, что вклинившийся на нашу территорию противник разбит и отброшен за госграницу. «Правда» писала в передовой статье: «Фашистские авиачики хотели застигнуть советский народ врасплох, нанести ему неожиданный, молниеносный, сокрушительный удар. Они просчитались».

Диссонансом в бодряческой пропаганде первых дней прозвучали слова академика П.Л. Капицы: «Мы знаем, что война эта будет тяжелая, потребует от всех нас больших усилий». По-видимому, он выразил то, о чем многие уже тогда думали. А между тем в репортажах из Москвы рассказывалось о том, что на улицах продают сирень, тюльпаны и пионы, а на аллеях Центрального парка полно гуляющих. Газеты писали о легнем отдыхе трудящихся, премьеры в Большом театре и подготовке к Лермонтовским дням.

С 25 июня все органы массовой информации начали публиковать сводки Советского информационного бюро, созданного накануне по решению Политбюро ЦК ВКП(б). Первые (хотя и сильно преуменьшенные) сведения о потерях наших самолетов сопровождались оптимистическим сообщением о значительном количестве немецких танков, подрыве наступательного духа фашистской армии, о том, что ее солдаты идут в бой лишь под угрозой расстрела. Так пытались поддерживать довоенный миф о том, что пролетарии капиталистических стран, одетые в солдатские шинели, не будут воевать против СССР.

Только 30 июня до людей в тылу начала доходить страшная правда. Из сообщения за 29 июня они узнали, что советские войска оставили Белосток, Гродно, Брест, Вильнюс, Каунас. Но это была еще не вся правда: ведь к этому времени пали Ровно, Бобруйск, Минск, Даугавпилс...

Как воспринимались эти сообщения? К сожалению, авторы мемуаров, касаясь первых дней войны, обычно поворачивают общие сведения, рассказывают об обстановке, о своих встречах и действиях, а не о мыслях, настроении. Одно из немногих исключений — воспоминания К.Ф. Телешина, в то время работника Управления политпропаганды пограничных войск СССР. Он писал: «...в первый день войны мы с нетерпением ждали с границы сообщений, но враг не прошел, а там, где прорвался, разгромлен и отброшен назад. Это настроение не проходило еще несколь-

ко дней, пока не прояснилась обстановка и не стала очевидной опасность совершенных врагом глубоких прорывов. Скудные, а порой и путаные вести с границы были столь неутошительными, что горький смысл их воспринимался с большим трудом»¹.

Из ежедневно публиковавшихся сводок Совинформбюро невозможно было составить четкое представление о масштабах постигшей страну катастрофы, о реальном положении на фронтах. Вчитываясь в них, люди пытались понять, что же все-таки происходит. Некоторые анонимно, а кто и не боясь подписаться, обращались в Совинформбюро, в редакции центральных газет, требуя правдивой информации: «Характерная черта наших сводок — большая краткость в первой, главной части и, напротив, детальное описание отдельных благоприятных для нас эпизодов»; «Вы систематически ничего не сообщаете о положении на фронте... Остальную болтовню о мелких эпизодах все перестали слушать и читать»; «Какое положение на фронте, так как коротки информационные сводки?» Старые члены партии вспоминали гражданскую войну, когда коммунистам подробно разъясняли на собраниях положение на фронтах. Незнание особенно тревожила население прифронтовых районов. Скудную информацию люди воспринимали как «неуважение к широкой читательской массе», «ко всем гражданам страны которое «только нервирует весь тыл».

Недостаток информации способствовал возникновению слухов. Об этом также говорилось в письмах. «Боязнь фактов... одна из причин, способствующих распространению неофициальных сообщений и слухов»; «слухи распространяются по вашей вине, так как вы ничего не сообщаете». Это писали москвичи. В каком же неведении находились жители небольших городков, куда с опозданием доходили газеты, и особенно крестьяне, у которых в подавляющем большинстве не было ни газет, ни радио.

Даже опубликование Указа Президиума Верховного Совета СССР о том, что за распространение ложных слухов, возбуждающих тревогу населения, виновные караются по меньшей мере тюремным заключением на срок от 2 до 5 лет, не пресекло их. Отсутствие правдивой информации, честной разъяснительной работы в особо критических ситуациях порождало недоверие к местным пар-

тийным и государственным органам, панику и даже беспорядки.

Иллюзии и реальность

Шокой раз воспитанная всей нашей довоенной пропагандой и глубоко проникшая в сознание людей вера в непрочность тыла противника возбуждала своеобразную эйфорию. Как вспоминал В.С. Емельянов, в то время первым заместителем председателя Всесоюзного комитета по стандартизации при СНК СССР, 22 июня после выступления В.М. Молотова попутчик в поезде сообщил ему, будто сам слышал по радио, что в Германии государственным переворот, Гитлер арестован, к власти пришло правительство Риббентропа². И Емельянов поверил ему! В первые дни войны по Москве усиленно циркулировали слухи о взятии Варшавы, Данцига, Кёнигсберга, о наступлении на Румынию, самоубийстве Риббентропа и т. п. Поэт А.И. Яшин, служивший на Балтийском флоте, записал в своем дневнике: «Ходят самые разные, часто провокационные слухи, потому что связь и информация слабые. Иногда слухи как будто и в нашу пользу, но в конечном счете они приводят к разочарованию и вредят. Например: немцы взяли Минск, Смоленск, Варшаву и прочее»³.

3 июля — на двенадцатый день войны — было передано по радио и опубликовано в газетах выступление И.В. Сталина. В нем были наконец признаны огромные территориальные потери нашей страны: Литва, значительная часть Латвии, западная часть Белоруссии, часть западной Украины. Сталин заявил о серьезной опасности, нависшей над Родиной. «Дело идет, таким образом, — заявил он, — о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР... Войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной. Она является не только войной между двумя армиями. Она является войной с тем великой войной всего советского народа против немецко-фашистских войск»⁴. Теперь уже ни у кого не оставалось никаких иллюзий.

Это выступление, заключавшее в себе горькую правду, сыграло огромную роль в переломе настроения народа с мирного на военный лад, в мобилизации его сил

на отпор агрессии. Оно легло в основу всей массово-политической работы, широко использовалось в пропаганде и агитации в тылу и на фронте.

Вместе с тем выступление Сталина положило начало созданию «концепции», призванной объяснить причины поражений Красной Армии в первый период войны, которые он называл «временные неудачи». В разное время на передний план выдвигались то вероломство и внезапность нападения фашистской Германии, то нехватка боевой техники, то несостоятельность военачальников старого закала, то неопытность армии, то отсутствие в ней дисциплины и порядка, то промедление союзников с открытием второго фронта, то такая «историческая закономерность», как наличие «агрессивных наций» и «миролюбивых наций». Не вдаваясь здесь в разбор и оценку всех этих версий, так как это — особая тема, требующая специального освещения, скажу только, что, перебирая одну причину за другой, не боясь впасть в противоречия, Сталин на протяжении всей войны добивался одного: чтобы в сознание народа не могла проникнуть мысль об ошибках в подготовке и ведении войны, о его личной ответственности за трагедию поражений.

И все же, несмотря на все усилия пропаганды, официально-однозначные оценки, официальная информация отнюдь не всегда принимались на веру. Нередко они подвергались сомнению.

Политическая активность трудящихся не формально, а по существу в годы войны неизмеримо выросла. Патриотизм проявлялся не только на поле боя, в труде на помощь фронту, но и в сознательном, заинтересованном отношении к событиям на фронте, в тылу, на международной арене. Газета, радио, доклад, беседа превратились даже для малообразованных слушателей в жизненную потребность. Местные партийные органы повсеместно отмечали это. Так, в информации Молотовского обкома в ЦК ВКП(б) за 12–20 июля 1941 г. сообщалось: «Теперь агитатору не приходится собирать слушателей. Рабочие, служащие, домохозяйки сами собираются задолго до начала беседы»⁵. Сходные вести шли и из других обкомов.

О чем думали люди?

Конечно, существовало определенное своеобразие в настроениях и запросах населения города и деревни,

тыловых, прифронтовых и освобожденных районов, центра и Дальнего Востока, Урала и Сибири, союзных республик Закавказья и Средней Азии и т. д. Однако всех в одинаковой степени волновало положение на фронтах. Расширялся круг интересующихся отношениями СССР со странами антигитлеровской коалиции, позицией нейтральных государств, состоянием международного коммунистического движения, антифашистских сил в Германии. Люди хотели знать о судьбе соотечественников, оказавшихся в оккупации, с негодованием воспринимали сообщения о зверствах гитлеровских захватчиков. Большой интерес вызывали политика государства по отношению к церкви, межнациональные отношения. К пропагандистам и агитаторам обращались с вопросами о продовольственном снабжении, условиях труда и быта городского населения, об оплате труда и обеспечении насущно необходимыми товарами колхозников и др.

Среди многих вопросов выделяются те, которые касались причин поражений Красной Армии в 1941–1942 гг., перспектив окончания войны, людских потерь. Их задавали везде — в цехах предприятий, в колхозах, госпиталях, перед сеансами в кинотеатрах, на собраниях домохозяек, служащих, учащихся, на инструктажах агитаторов и пропагандистов. Их задавали на протяжении всей войны вплоть до ее окончания. Это были постоянные болевые точки народного сознания. Но на такие вопросы, особенно в то время, когда Красная Армия отступала, трудно было ответить. Имеются данные о том, что в 1941 г. идейно-политическая работа во многих местах была ослаблена, партийные работники, пропагандисты, руководители производства избегали встречаться с трудящимися. Это отмечал секретарь ЦК, МК и МГК ВКП(б) А.С. Щербаков в докладе на собрании актива Московской парторганизации 29 сентября 1941 г., говоря о боязни «неприятных вопросов». Не получая столь необходимой информации, сталкиваясь порой с неквалифицированными, плохо осведомленными пропагандистами, люди питались слухами, домыслами, а наиболее мыслящие продолжали мучительно раздумывать над судьбой Родины.

Много вопросов вызывала предвоенная внешняя политика нашего государства. Выплеснулось наружу неприятие народом дружественных отношений с фашистской

Германией в последние предвоенные годы. Сталин постарался оправдать эту политику в своем выступлении 3 июля, и его объяснения тысячекратно повторялись в печати и по радио, в устных докладах и беседах. И все-таки люди спрашивали: «Не был ли ошибочным наш союз с Германией?», «Почему мы раньше не препятствовали Гитлеру оккупировать страны Западной Европы?», «Почему наше правительство не заключило договора с Англией и Францией до заключения договора с Германией?», «Почему СССР не выступил против Германии, когда она воевала с Францией?», «Почему в 1939–1940 гг. СССР поддерживал связь и оказывал помощь Германии, ведущей войну с Англией?», «Какова цель поездки Молотова в Германию перед войной?». Высказывались мнения и об экономических отношениях с Германией: «Наше правительство два года кормило немцев, лучше бы запасли продукты для своей армии и для народа». Со слов «не было ли ошибкой» начинались многие вопросы о предвоенной внешней политике. Сама постановка такого вопроса означала сомнение во всегдашней правоте государственного и партийного руководства. О том, насколько распространено было несогласие с внешней политикой государства накануне войны, свидетельствует такой факт. Лектор МК Лепендин в 1941 г. писал в ЦК ВКП(б), что советские патриоты давно в записках на собраниях высказывали мысль о том, что нельзя было позволять фашистам усиливаться⁶.

Хотя о факторе внезапности, как о главной причине отступления Красной Армии, в официальных выступлениях говорилось очень много, вновь и вновь задавались вопросы: «Знало ли наше правительство о готовящемся нападении?», «Почему Германия раньше стянула свои войска к границе?», «Зная о том, что Германия готовится к войне, почему мы не подвели к самой границе свои основные силы?», «...ведь г. Молотов был в Германии, работала же разведка». Часто вспоминались предвоенные прогнозы: «Все говорили, что будем бить врага на его территории. Выходит, наоборот...», «Почему мы два с половиной года воюем на своей территории, хотя нам говорили, что будем воевать на чужой?», «Почему война идет на нашей территории, а не на немецкой? Ведь товарищ Сталин учил нас, что война будет на территории врага».

Поколебленная вера

Ошеломляющие вести с фронта порождали недоумение. Люди спрашивали, почему при наших людских и материальных ресурсах, имея многочисленную и вооруженную по последнему слову техники армию, мы терпим поражения: «Были ли мы готовы к войне с Германией?», «Разве у нас на границах мало было войск и техники?», «Сколько насчитывает наша Красная Армия?», «Какое соотношение технического вооружения Германии и СССР?». Наиболее четко это недоумение выражено в одном из писем, автор которого слушатель Военно-инженерной академии им. Куйбышева лейтенант Бытгенский обращался к Сталину «и как к председателю ГКО, и как к главе правительства, и как к члену партии, и как к вождю»: «Читая газеты, все время видишь, что мы сдерживаем превосходящие силы противника. Это же странно!! Где же наша техника, о которой мы столько говорили? Где же наши танки и авиация?? ...Нас же 200 миллионов!!! И начиная с 22 июня по сегодня, т. е. 19 июля, мы не можем противопоставить армии немцев в 2–3 раза большую свою армию».

В ЦК ВКП(б), на имя Сталина, в редакции газет в первые недели войны поступали письма и телеграммы (подписанные, часто групповые) от фронтовиков, в которых они рисовали страшные картины отступления. Исходя из конкретных наблюдений на отдельных участках, они объясняли поражения частными упущениями, чьей-то нераспорядительностью, недобросовестностью, однако порой смотрели шире: «Народ на фронте дерется хорошо. Но одного героизма мало... Надо централизовать руководство, и тогда победа будет обеспечена», — читаем в письме, автор которого уловил существенное обстоятельство неподготовленности к войне.

Довольно широкое хождение в начале войны имела версия о предательстве командования как причине поражений на фронтах. Распространение ее неудивительно, если учесть массовые репрессии против командования Красной Армии, обвиненного в измене Родине в 30-е — начале 40-х годов, атмосферу всеобщей подозрительности. Такого рода настроения подогревались расстрелом командования Западного фронта за якобы сознательный развал управления войсками, обвинением в дезертирстве

и добровольной сдаче в плен нескольких генералов и т. п. Соответствующие приказы не публиковались, но зачитывались в войсках и доводились до сведения партийных и советских работников, вплоть до секретарей райкомов и горкомов, председателей исполкомов районных и городских Советов. Слухи об этом доходили и до широких масс в тылу. Обвинения против командиров на уровне фронта призваны были отвести ответственность за поражения от высшего руководства партии, государства и вооруженных сил. Вместе с тем в народе поддерживался привычный миф об изменниках и вредителях как виновниках всех бед. Тот факт, что эти обвинения не публиковались в открытой печати, не мешал, а, скорее, способствовал их убедительности, тем более что попадали они на подготовленную почву. Об измене говорили и спрашивали повсюду. Это было самое простое, понятное и привычное объяснение поражений.

Еще большую горечь вызвали военные неудачи 1942 г. К этому времени люди, уже страшно уставшие от войны, были ободрены зимним наступлением 1941 — 1942 гг., поверили оптимистическим прогнозам Сталина. 7 ноября 1941 г. он говорил: «Еще несколько месяцев, еще полгода, может быть годик, — и гитлеровская Германия должна лопнуть под тяжестью своих преступлений»⁷. 1 мая 1942 г. народный комиссар обороны отдал приказ: «Всей Красной Армии — добиться того, чтобы 1942 год стал годом окончательного разгрома немецко-фашистских войск и освобождения советской земли от гитлеровских мерзавцев!»⁸ Понятно, Сталин стремился таким образом укрепить уверенность в победе, однако этот приказ многие вспоминали осенью, когда шла гигантская битва на Волге: «Остается ли в силе приказ т. Сталина об окончательном разгроме немцев в 1942 г.?», «Тов. Сталин сказал, что в 1942 г. война окончится. Но если она не кончится?», «Будет ли осуществлен приказ Сталина о разгроме немцев в 1942 г.?», «Будет ли выполнен первомайский приказ Сталина?», «Сталин сказал, что в 1942 г. немецко-фашистские войска будут разгромлены, почему это не осуществилось?» И не поймешь, чего в этих вопросах больше — разочарования или слепой веры в вождя.

И конечно бесчисленными были вопросы о причинах новых поражений. Ссылки на отсутствие второго фронта,

на действия «трусов и паникеров», недостаток дисциплины, по-видимому, удовлетворяли далеко не всех, потому что вопросы эти повторялись и в 1943, и в 1944 гг. Люди не только спрашивали, некоторые высказывали свои оценки: «Почему не предвидели наступление? Руководить — надо предвидеть». Требования объяснить, «почему немцы дошли до Москвы и Сталинграда», продолжались и на заключительном этапе войны.

Проблема потерь

До сего дня порой раздаются голоса о неправомерности вопроса о цене победы. В годы войны в официальных выступлениях и информациях о потерях либо вообще не сообщали, либо приводили неправдоподобно преуменьшенные сведения. Из них явствовало, будто за три недели, за два месяца, за полгода, за год и так далее потери врага в несколько раз превышают наши потери. Соответствующие цифры приводились в докладах Сталина, в сообщениях Совинформбюро, в газетных и журнальных статьях и инструктивных материалах для пропагандистов и агитаторов. Подразумевалось, видимо, что это поднимает боевой дух народа. Соккрытие правды о потерях было одновременно попыткой скрыть политические и военные просчеты государственного руководства. Однако замалчивание числа жертв не могло заставить забыть о них. Люди сомневались в публикуемой информации и на протяжении всей войны спрашивали: «Как подсчитываются потери немцев?», «Почему о потерях немцев газеты публикуют чаще, чем о наших?», «Почему Германия несет больше потерь в людях и вооружении?», «Каковы действительные потери СССР?», «Почему Совинформбюро не сообщает о наших потерях?», «Каковы потери убитыми и пленными?», «Почему не сообщается о наших потерях, в частности под Сталинградом?», «При наступлении наших войск кто несет большие потери?», «Вы говорите, сколько немцев уничтожили, а сколько наших уничтожено, сколько убитых, сколько раненых? Почему об этом не говорите?»

К концу войны в народном сознании возникла проблема общих людских потерь, в том числе убитыми, пропав-

шими без вести, потерь среди населения. Победные залпы салюта не могли заслонить память об утратах, жертвах и страданиях. Появился вопрос: «Будет ли объявлен день траура по воинам, погибшим в боях за Родину?» Людей все больше волновала судьба пленных, мирных жителей, угнанных на фашистскую каторгу, судьба граждан, переживших оккупацию. Недоумение вызывали уверения, что СССР завершает войну еще более окрепшим. Ведь все видели и на себе чувствовали, что не только разорены и разграблены захватчиками освобожденные районы, но и до крайности истощен тыл. Добывая победу, народ мечтал не просто о мирной жизни, но и о лучшем, чем до войны, будущем в послевоенном мире. Многие осознавали необходимость перемен во всех сферах жизни общества.

Репрессии за гражданское неравнодушие

Однако любые попытки самостоятельно разобраться в сути событий жестоко карались. Дело в том, что провозглашенный в 30-х годах тезис об укреплении морально-политического единства советского общества подразумевал абсолютное единомыслие, «монолитное» единство (хотя этого не может быть ни в каком обществе). Во время войны народ, несомненно, в морально-политическом отношении был сплочен — как никогда ранее — на почве патриотизма, ненависти к фашистским захватчикам. Вместе с тем это не исключало своего рода «плюрализма» мнений. Жестокие испытания многому научили людей. Они размышляли над судьбой Родины. Критически анализировали официальную пропаганду. Хотя, конечно, выразить открыто свои мысли не имели возможности, так как все, что выходило за рамки предписываемых сверху установок, объявлялось «враждебным», «несовместимым». Упомянутый выше лектор МК Ленинград был исключен из партии, хотя сам честно сообщил в ЦК о своих сомнениях. Такая же или худшая участь постигла многих людей, которые имели неосторожность выразить письменно или устно свое личное мнение по военным, политическим, экономическим и другим вопросам, о послевоенном устройстве и т. д. Высказывания об обнаружившейся неготовности Советского Союза к войне с гитлеровской Гер-

маншей, недоверие к сообщениям печати, и особенно сводкам Совинформбюро, в первые годы войны, недовольство материальными условиями жизни и другие суждения, отражавшие действительное положение вещей, влекли за собой обвинение в проведении антисоветской агитации и репрессии. Справедливость в отношении многих пострадавших в связи с этим людей была впоследствии восстановлена. Состоявшиеся в апреле — мае 1989 г. пленумы Верховного Суда СССР признали необоснованным осуждение за приведенные высказывания даже по действовавшему в то время законодательству, так как они не содержали призывов к свержению, подрыву или ослаблению советской власти. Более того, мы можем сейчас сказать, что люди, которых сочли носителями «антисоветских», «контрреволюционных» взглядов, болезненно и чутко реагировали именно на то, что шло во вред советской власти. Надо отметить должное гражданскому неравнодушию даже тех, кто решился тогда высказать свое мнение хотя бы анонимно, поставить о нем в известность руководство.

И все-таки в обстановке преследования любого выражения «инакомыслия» находились талантливые, честные и смелые люди в среде творческой интеллигенции, которые пытались проникнуть в истоки постигшей народ трагедии, отразить всю глубину народного горя. Однако любые попытки решительно пресекались руководителями идеологического фронта». Был подвергнут остракизму А. Довженко, высказавший свою точку зрения на причины поражений первого периода войны, сотрудничества с врагом части жителей оккупированных районов. Его обвинили в «антиленинских ошибках и националистических извращениях». ЦК КП(б)У, обкомы Украины, все органы печати получили предписание не публиковать А. Довженко. По поводу произведений А. Твардовского «Дом у дороги» и «Третье лето» было заявлено, что отступление Красной Армии изображено в них клеветнически, а предатель описан субъективистски. Даже, казалось бы бесспорная критика в 1944 г. И. Юзовским господствовавших в довоенной литературе лакировки, самоуспокоенности, веры в предопределенность успеха вызвала раздраженную реакцию официальных идеологов и квалифицировалась как «грубые политические ошибки». Стихи ленинградских поэтов осуждались за выраженные в них мотивы страдания

и смерти, М. Алигер — за описание переживаний лета 1942 г. Критиковалось вступление в поэму М. Дудина «Костер на перекрестке», звучавшее как реквием павшим:

Я знаю все. Я ел солдатский хлеб.
Я видел столько горя. Я ослеп.
Я разучился в воскресенье верить.
Гнилую накипь желчи и тоски
До гробовой неструганой доски
Мне никакою меркой не измерить.
Друзья мои, товарищи мои,
Для вас уже закончились бои!
Вы рассчитались полностью. Вы квиты.
Лишь совесть говорит мне: «Не туши
Горячий свет обугленной души»...

Эти и многие другие писатели как бы говорили от лица всех тех, кто не верил слепо и не повторял безоговорочно все, что впечатывалось в сознание средствами массовой информации и пропаганды. Ничто не могло вынудить народ, на долю которого выпали такие испытания, такие жертвы, не задумываться об их причинах, не мыслить, быть безликой, аморфной, слепо подчиняющейся приказу массой. Народ, который отстаивал в той великой войне свое Отечество, хотел все знать, быть в состоянии обо всем судить, на все идти сознательно.

К.Б. Томан

В кн.: *Трудные вопросы истории. Поиски. Размышления. Новый взгляд на события и факты.* М., 1991.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Телегин К.Ф. Не отдали Москвы. М., 1975. С. 13-14.
- 2 Емельянов В.С. На пороге войны. М., 1971. С. 227.
- 3 Яшин А. Дневник. 1941—1942. М., 1977. С. 24.
- 4 Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1949. С. 23, 27—28.
- 5 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 67. Л. 31.
- 6 См.: РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 1811. Л. 29.
- 7 Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 71.
- 8 Там же. С. 105.

Военнопленные, коллаборационисты и генерал Власов

Трудно представить себе более трагическую ситуацию, чем та, в которой оказалось в годы войны огромное число пленных советских солдат и офицеров. По данным, опубликованным в 1992 г. В.В. Гуркиным, членом комиссии Министерства обороны во главе с генералом М.А. Гареевым, в общей сложности в немецком плену было примерно 4 млн советских военнослужащих¹. По немецким сведениям, общая численность советских военнопленных на февраль 1945 г. составляла 5,7 млн человек².

Исключая смерть, побеги и освобождение многих военнопленных, к 1 января 1945 г. в плену, по немецким данным, оставалось 930 287 человек. 500 тыс. пленных бежали из лагерей или были освобождены советскими войсками к февралю 1945 г. 3,3 млн человек погибли в результате фашистского террора. Особенно много, около 1 млн, погибло весной 1942 г.³

Причин, приводивших к пленению, прежде всего в самый трудный для нас начальный период войны, было более чем достаточно: отсутствие оружия, с помощью которого можно было бы защищаться от врага, неясность с обстановкой и растерянность в сложных условиях боя, боязнь ответственности перед вышестоящими начальниками, страх смерти в случае продолжения сопротивления наступающему противнику, наконец, неприятие в той или иной мере советского строя, оправданные или неоправданные обиды, нанесенные этим строем и отдельными представителями местной власти, которые его непосредственно воплощали.

Для предотвращения случаев сдачи в плен Сталин меньше всего прибегал к политическим средствам. Как и во многих других случаях, он предпочитал грубое насилие, материальным воплощением которого стали созданные еще во время советско-финской войны 1939–1940 гг. так называемые заградительные отряды (заградотряды). Они были воссозданы в 1941 г. и особенно активно применялись во время оборонительных боев на юге летом 1942 г., просуществовав практически до последних дней войны.

То, что во вражеский плен попали миллионы советских солдат и офицеров, стало прежде всего фактором военным. Ведь к декабрю 1941 г. в плену оказалось (по немецким данным) 3 350 тыс. человек⁴ — в основном молодых и обученных кадровых военнослужащих, которые, останься они на фронте, вполне могли бы переломить ход военных действий. К началу 90-х годов в живых оставалось еще около 800 тыс. бывших военнопленных⁵.

Кто виновен в трагедии военнопленных?

В нашей стране военнопленные относятся к категории безвозвратных потерь, что представляется методологически не обоснованным, причем применительно не только к вооруженным силам. Дело в том, что часть солдат и офицеров бежали из плена и продолжали борьбу с противником в составе либо своих, либо союзных войск, либо движения Сопротивления. Такое утверждение является неточным и в демографическом отношении, т. е. прежде всего применительно к государству в целом. Ведь известно, что около 2 млн военнопленных были освобождены и возвращены на родину. Кроме того, до мая 1944 г. само германское командование, исходя из пропагандистско-политических соображений, освободило более 800 тыс. советских солдат и офицеров, преимущественно с Украины, из Белоруссии и стран Прибалтики⁶.

Включение военнопленных в категорию безвозвратных потерь затрудняет проведение сравнительного анализа с армиями других стран, в том числе и с германским вермахтом, где безвозвратные потери было принято считать в буквальном смысле таковыми не для какого-либо

конкретного сражения, а для страны в целом. Другими словами, к безвозвратным потерям относили убитых и умерших от ран и болезней, а также пропавших без вести.

Еще со времен Великой французской революции в международном праве утвердился принцип, что «военнопленный должен быть неприкосновенным, как суверенитет народа, и священным, как несчастье». Известно, что в 1929 г. в Женеве была принята Конвенция о режиме военнопленных, которую, кстати, 21 февраля 1934 г. подписала и гитлеровская Германия.

В приговоре Международного военного трибунала отмечается, что находившиеся в руках гитлеровцев «военнопленные подвергались жестокому обращению, пыткам, унижениям не только вопреки установленным нормам международного права, но и при полном игнорировании элементарных требований гуманности». Нюрнбергский процесс четко определил, что убийства советских военнопленных были организованными, систематическими и плановыми. Как подчеркивалось в ноте НКВД СССР от 23 ноября 1941 г., гитлеровцы при этом не считались ни с какими нормами международного права, ни с какими-либо законами человеческой морали⁷.

Масштабы уничтожения советских военнопленных в гитлеровских лагерях огромны. Об этом свидетельствуют следующие сравнительные статистические данные: если в первую мировую войну смертность среди русских военнопленных в Германии составляла 5,4%, то в гитлеровских лагерях, по немецким данным, погибло уже 47,8% советских военнопленных⁸.

Как образно выразился на Нюрнбергском процессе обвинитель от США Р. Джексон, «в отношении советского народа и советских военнопленных тевтонская ярость не знала границ»⁹. В приговоре Международного военного трибунала отмечается, что в директиве верховного главнокомандования вооруженными силами Германии (ОКВ) от 8 сентября 1941 г. прямо указывалось, что советские воины, мол, потеряли право на то, чтобы с ними обращались в соответствии с правилами Женевской конвенции. Замечательный начальник разведотдела ОКВ генерал Лахузен на Нюрнбергском процессе показал, что начальник отдела по делам военнопленных генерал Рейнеке говорил: «Крас-

ноармеец должен рассматриваться как идеологический враг, то есть как смертельный враг национал-социализма, и поэтому должен подвергаться соответствующему обращению». О том, что это было за «обращение», говорят многочисленные факты, оглашенные на процессах, состоявшихся в Нюрнберге.

Планируя агрессию против СССР с учетом ее внезапности, фашистское верховное командование исходило из предположения, что уже в первые шесть недель войны будет взято в плен 2—3 млн советских солдат и офицеров, и что большинство из них погибнут от голода, ибо не гарантировалось выполнение требований Гаагской конвенции об обращении с военнопленными¹⁰.

В первый период войны, рассчитывая на скорую победу над Советским Союзом, Гитлер из принципиальных соображений не прибегал к использованию в массовом порядке труда пленных в сельском хозяйстве и промышленности, особенно военной. Положение в корне изменилось с весны 1942 г., когда из-за потерь на фронте потребность в рабочей силе в Германии резко возросла. Труд пленных стал широко применяться на самых тяжелых работах, особенно в металлургической, химической и горной промышленности, а с июня 1943 г. все военнопленные передавались в распоряжение непосредственно имперского уполномоченного по использованию рабочей силы Ф. Заукела. По требованию Геринга отдельные промышленные предприятия комплектовались целиком из советских пленных, дабы избежать их «солидарности с немецкими рабочими».

Находясь в экстремальных условиях, многие советские военнопленные оставались патриотами и не прекращали борьбы против врага. Прежде всего следует сказать о тех, кто сумел вырваться из вражеского плена, чтобы добраться до своих войск или участвовать в борьбе партизан. Многие из них были инициаторами организации партизанских отрядов или командирами подразделений в уже действовавших отрядах. Именно бежавшие военнопленные составляли наиболее подготовленный и стойкий костяк партизанских отрядов.

Бежавшие из плена советские офицеры и солдаты, а их было не менее 50 тыс. человек, стали активными участниками партизанской борьбы и в зарубежных странах.

Безвестные руководители высоко ценили участие советских военнопленных в совместной борьбе против общего врага.

Множество советских военнопленных оставались непокоренными в гитлеровских лагерях. Они формировали, где это было возможно, боевые организации, устанавливали контакты с местными антифашистами. Наиболее крупной в Германии организацией советских военнопленных было созданное осенью 1942 г. в Баварии Братское сотрудничество военнопленных.

Ни царская Россия, ни Советский Союз не присоединились к Гаагским конвенциям 1907 г., регулировавшим правовой режим военнопленных в годы войны. Но 1 июля 1941 г. советское правительство утвердило Положение о военнопленных, которое гарантировало гуманное обращение с ними. К сожалению, в заявлениях советского правительства имелись такие оговорки, которые, по существу, сводили эти заявления на нет. Так, например, 17 июля 1941 г. в ноте шведскому правительству и 8 августа 1941 г. в ноте всем аккредитованным в СССР иностранным посольствам советское правительство выразило готовность на началах взаимности выполнять все положения Гаагских конвенций 1907 г. А в ответной ноте НКВД американскому посольству от 25 ноября 1941 г. подчеркивалось, что советское правительство солидарно также со всеми принципами и положениями Женевской конвенции 1929 г. Но далее отмечалось, что оно «не может, однако, принять положение статьи 9-й Конвенции, где устанавливается размещение в лагерях военнопленных по расовой принадлежности, что находится в прямом противоречии со статьей 123-й Конституции (Основного Закона) СССР. Именно на этом основании советское правительство не может дать свое согласие на присоединение Советского Союза к Женевской конвенции 1929 года». В 1942 г., однако, оно официально заявило, что будет руководствоваться Гаагскими конвенциями 1907 г.

К тому времени в немецких лагерях уже погибло около 3 млн советских военнопленных. Советское правительство не поддержало инициативу Международного Красного Креста об оказании гуманитарной помощи советским военнопленным и о содействии в организации через нейтральные страны почтовой связи с ними. Это стало

для немцев поводом, чтобы ужесточить обращение с советскими военнопленными и активизировать антисоветскую пропаганду среди них и среди населения оккупированных территорий Советского Союза.

Таким образом, ответственность за гибель миллионов наших соотечественников в лагерях Германии несет не только фашистский режим с его расистской теорией о «неполноценности» славянских народов. В немалой степени в этой трагедии повинен и сталинский режим, изначально считавший всех советских пленных изменниками, не заслуживавшими защиты и спасения. Известны указания Сталина на сей счет.

После окончания боевых действий отношение советского руководства к освобожденным и вернувшимся на родину соотечественникам еще более ужесточилось. Советское руководство относилось более гуманно к военнопленным противника, нежели к собственным гражданам, вернувшимся из вражеского плена. На себе испытывавшие ужасы первых вражеских ударов, как могли сдерживавшие рвавшегося вперед врага и вынужденные, оказавшись в безвыходном положении, сдаваться в плен, они рассматривались как предатели Родины. Советское правительство в отношении своих же граждан грубо нарушало один из древнейших международных принципов — возвращение на родину и восстановления в правах после плена.

Пребывание в плену рассматривалось как уголовное преступление. Так, еще в декабре 1941 г. по приказу наркома обороны всех освобожденных военнопленных через армейские пересыльные пункты направляли в лагеря НКВД, а раненых размещали в специальных госпиталях. К ним широко применялись провокационные методы ведения следствия, их семьи были лишены пособий и льгот. В нарушение норм международного права по указанию Сталина с середины 1943 г. значительная часть освобожденных военнопленных офицеров в порядке наказания направлялись в отдельные штрафные стрелковые батальоны в качестве рядовых и лишь затем восстанавливались в званиях и на штатных должностях.

Бывших военнопленных сводили в особые батальоны и в принудительном порядке направляли в отдаленные районы страны на постоянную работу на предприятиях

угольной и угольной промышленности. Лишь после смерти Сталина эти грубейшие нарушения международного права были осуждены. 17 сентября 1955 г. была объявлена амнистия советским гражданам, которые в годы войны сотрудничали с оккупантами.

29 июня 1956 г. ЦК КПСС и Совет министров СССР приняли постановление «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей». В документе осуждались проявления огульного политического недоверия к бывшим военнопленным, применение к ним репрессий, ограничение прав и провокационные методы ведения следствия. Объявлялись незаконными репрессии в отношении семей военнопленных, разжалование без суда офицеров, бывших в плену и окружении. В постановлении предлагалось распространить Указ Президиума Верховного Совета СССР об амнистии от 17 сентября 1955 г. и на бывших военнопленных, осужденных за сдачу в плен. С 1956 г. все дела бывших военнопленных были пересмотрены. Большинство из них реабилитированы, восстановлены в воинских званиях, получают пенсии. Тем, кто в плену вел себя достойно, пребывание там засчитывалось в срок службы в армии. Бывшие военнопленные, получившие ранения или совершившие побег из плена, награждались орденами и медалями.

Изменники Родины или жертвы войны?

Не менее трагичной была и судьба тех сотен тысяч советских граждан, которые по тем или иным причинам согласились перейти на сторону противника или вместе с ним сражались против Красной Армии. Причем, как казалось, по крайней мере некоторым из этих людей, делал это они в интересах собственного народа.

Именно в такой ситуации в годы минувшей войны оказались советские военнопленные и мирные граждане, находившиеся в рядах «национальных легионов» (батальонов), вспомогательных частей вермахта, во власовской армии, казачьих войсках, полиции, служившие старостами, бургомистрами, журналистами, хозяйственниками,

коммерсантами и т. д. Всех их отечественные официальная историография и пропаганда называли изменниками Родины, сообщниками врага, коллаборационистами. Причем их численность никогда не приводилась, в результате чего создавалось впечатление, что речь идет о незначительной кучке предателей.

Лишь в последние годы наши соотечественники узнали, что таких «изменников Родины», служивших под вражескими знаменами, насчитывалось немногим меньше, чем советских партизан, действовавших в тылу вермахта. Автор, однако, полагает, что их численность никогда не достигала 2 млн, как утверждает в своих работах немецкий исследователь О. Мюнтер. В Справке о численности советских военнопленных, служивших в вермахте, которая была передана генералом Йодлем во Фленсбурге советским представителям и с которой мне довелось познакомиться еще в мае 1945 г., говорилось о 700 тыс. человек. Если добавить численность власовской армии и казачьих соединений, организационно не входивших в состав вермахта, то в целом речь может идти об 1 млн человек.

По данным немецких источников, всего на Востоке в отрядах вспомогательной полиции находилось 60 421 советский гражданин, тогда как немецкая полиция порядка на этой же территории насчитывала 29 230 человек.

Благодаря исследованиям В. Брокдорфа, И. Хоффмана, Е. Андреевой, А.М. Некрича, М. Геллера, К. Штрайта и других авторов, а также из воспоминаний некоторых участников описываемых событий мир узнал, что ситуация в многонациональном Советском Союзе в годы войны была далеко не такой безоблачной, как рисовала ее официальная пропаганда. Кстати, сам Сталин признавал этот факт — хотя бы тем, что на протяжении войны и после ее окончания за сотрудничество с врагом ликвидировал государственные образования ряда народов и депортировал миллионы людей.

Первый вопрос, который возникает даже при поверхностном ознакомлении с обстановкой на оккупированной территории СССР, касается истоков коллаборационизма. Чем же можно объяснить, что множество советских граждан сотрудничало с противником, в том числе с оружием в руках (причем следует отметить, что пропорциональ-

ности населения процент коллаборационистов в СССР был довольно высок в сравнении с другими оккупированными нацистами странами)? Создается впечатление, что двадцатилетнее массированное «воспитание» советских людей в духе революционных идей, социалистического патриотизма и морально-политического единства народа хотя, несомненно, и имело определенные успехи, все же было с серьезными изъянами. Да иначе и быть не могло, поскольку реальная напряженность социально-политической ситуации и ненормальность международных отношений в стране оказывались сильнее пропагандистской трескотни и насаждавшихся в сознании людей мифов.

К началу войны в СССР еще жило немало участников гражданской войны, помнивших не только белый, но и красный террор в отношении «недобитых эксплуататорских классов», царских офицеров, старых чиновников, казаков, участников национально-освободительных движений на окраинах Советской России. Многие помнили голод 1921 — 1922 гг., бесчеловечную коллективизацию, высылку и истребление сотен тысяч крестьян. Еще больше людей стали в 1932 — 1933 гг. жертвами геноцида, спровоцированного голодом, который, в свою очередь, был порожден насильственной коллективизацией. Затем наступила волна политических репрессий, чистка в армии, в государственном аппарате, в народном хозяйстве, депортация в отдаленные районы страны немцев, поляков, корейцев и других национальностей, ежедневный и еженощный страх десятков миллионов людей за свою жизнь и жизнь своих близких. «Трупным воздухом тянет сейчас из России», — писал в те годы в эмиграции видный русский философ Г.П. Федотов. А знаменитый ученый академик В.И. Вернадский в своей дневниковой записи от 14 февраля 1938 г. отмечал: «Аресты продолжают — не стихают. В военных кругах сплошь идут аресты. Академия военная Генерального штаба одно время осталась без слушателей и профессоров».

Россия к началу войны вместо «тюрьмы народов» становилась «кладбищем народов».

Возникает кажущийся поначалу простым вопрос: могли ли эти миллионы физически и морально пострадавших

людей, получив на фронте в руки оружие, считать свою находившуюся под сталинской диктатурой родину настоящей матерью, а ее защиту — своим почетным долгом? Вопрос этот, однако, далеко не прост. Факты убедительно свидетельствуют, что почти 30 млн солдат, в разное время сражавшихся на фронтах Великой Отечественной, именно так и считали, потому что сознательно или неосознанно отделяли сталинизм от чужеземной агрессии. И лишь несравнимо меньшее (хотя в абсолютных цифрах и значительное) число людей — причем отнюдь не обязательно в жесткой зависимости от их социального положения или от выпавших на их долю при сталинском режиме страданий — придерживались мнения, что эти понятия разделить невозможно, и потому, защищая родину, они неизбежно будут защищать и ненавистный им сталинский режим. А это для них оказалось неприемлемым.

Таким образом, коллаборационизм советских граждан, на мой взгляд, был порожден не столько симпатиями к фашистской идеологии и гитлеровской Германии, сколько теми социально-политическими и национальными условиями в СССР, которые были созданы сталинским режимом. Определенная часть населения (в разных регионах различная по численности), несомненно, встала на путь коллаборационизма, побуждаемая стремлением покончить с наследием ненавистного сталинского режима и не допустить восстановления советской власти. При этом не исключались, разумеется, честолюбивые и карьеристские мотивы, а также психологические причины: страх перед лютой жестокостью фашистов, стремление защитить и спасти свои семьи, выжить в невыносимых условиях оккупации. Полагаю, что именно в этом состоит специфика истоков коллаборационизма в Советском Союзе в отличие от возникновения его в других европейских странах, где часть населения поддерживала нацистские лозунги об их «расовой близости» (Дания, Норвегия), о «новой Европе» и некоторые другие.

Формы и методы существования коллаборационизма в Советском Союзе в известной мере были predeterminedены причинами, породившими его. В СССР, в отличие от Франции, Бельгии, Нидерландов, Чехословакии и некоторых других стран, почти полностью отсутствовал, напри-

мер, производственный коллаборационизм. Поскольку в СССР не существовало класса частных предпринимателей, то почти всеми крупными фабриками и заводами непосредственно управляли оккупационные власти. В целом в этом отношении ситуация была близка к той, которая существовала в Польше.

Оккупанты не скрывали своих планов в отношении местного населения. Некоторые из проводимых ими акции стимулировали коллаборационизм, другие, наоборот, сдерживали его. Способствовали коллаборационизму такие меры оккупантов, как допущение частной собственности в сельском хозяйстве, в коммерции и вытекавшие отсюда предпринимательские свободы, свобода вероисповедания. Однако явно расистские концепции, в которых для славян предназначалось место «низшей расы», отсутствие гарантий относительно сохранения национальной государственности и культуры, террор, экономическое опустошение восстанавливали людей против оккупантов.

Как видно, негативные стороны в этом перечне преобладают, и они, казалось, должны были вообще исключить возможность коллаборационизма. На деле же определенная часть населения, очевидно, считала, что хуже, чем при советской власти, жизнь уже быть не может.

Не следует забывать о том, что оккупационный режим вовсе не был одинаковым во всех регионах, захваченных вермахтом в ходе войны. Условия оккупации на Западной Украине, в Западной Белоруссии, Прибалтике значительно отличались от тех, что поддерживались немецко-фашистскими властями в центральных областях России. Соответственно различной была и реакция местного населения на порядки, установленные захватчиками.

Важно обратить внимание и на динамику коллаборационизма на оккупированных территориях СССР: во-первых, социальная база коллаборационизма оказалась наиболее широкой в первые месяцы оккупации, когда у некоторой части населения еще существовала надежда на «освободительную» и «культурную» роль Германии в борьбе против сталинизма. Отсюда — не столь уж редкие случаи приветствия солдат вермахта «хлебом-солью». В связи с ожесточением оккупационного режима подобные надежды быстро улетучились. Однако тем сотням тысяч совет-

ских граждан, которые поторопились вступить в армию вермахта, пойти на службу к немцам, возврата назад уже не было. Во-вторых, в тех регионах советской империи, где существовали острые национальные проблемы, база коллаборационизма была, естественно, шире и сам коллаборационизм нередко проявлялся в более экстремистских формах. Речь идет прежде всего о Прибалтике, Западной Украине, республиках Кавказа и Крыме. В мононациональных странах Западной и Северной Европы в подобном виде коллаборационизм вообще не мог проявляться.

Уникальной особенностью коллаборационизма в Советском Союзе было и то, что СССР на протяжении всей войны оставался единственной в Европе страной, в которой оккупированной оказалась только часть территории. Конечно, это сдерживало намерение граждан сотрудничать с оккупантами: очень многие из них не были уверены в своем будущем, другие сохраняли надежду на изгнание немцев. Эти надежды особенно окрепли, когда в начале 1943 г. в войне произошел явный перелом в пользу Красной Армии и ее союзников.

Острота социально-политических и национальных факторов, вызвавших к жизни коллаборационизм в СССР, неизбежно должна была определить и определила формы его проявления. Если в странах Западной Европы доминировал экономический и политический коллаборационизм, то в Советском Союзе — преимущественно военный. Если в других европейских странах, по данным германского верховного командования, в рядах национальных легионов насчитывалось 176 тыс. человек, то в Советском Союзе в 180 легионах служили 196 тыс. человек. Кроме них существовало еще несколько дивизий (одна на Западной Украине, три в Прибалтике, одна в Белоруссии, две во владимирской армии и две казачьи дивизии) и множество других воинских частей.

Специфика коллаборационизма в СССР проявлялась также во взаимоотношениях воинских формирований с политическими органами, сотрудничавшими с противником. В странах Западной Европы добровольческие легионы формировались, как правило, не из военнопленных, а из гражданского населения и под покровительством коллаборационистских правительств. Так, в частности, обстоя-

ло дело во Франции, Бельгии, Нидерландах, Дании и Норвегии. На занятых же территориях Советского Союза оккупанты не создавали марионеточных правительств, ограничиваясь лишь образованием отдельных национальных комитетов. Поэтому воинские части формировались непосредственно германскими властями, как правило, из военнопленных и за пределами территории СССР (исключение составляли казачьи части на Дону, Кубани и Тереке). Составившая из двух дивизий власовская армия представляла собой вооруженную силу политического органа — Комитета освобождения народов России.

Как трофейные немецкие, так и советские документы свидетельствуют о том, что первые советские военнопленные служили в вермахте в качестве «добровольных помощников» уже в самом начале войны. Они обслуживали тыловые подразделения и санитарные учреждения действующих частей, но оружия на первых порах нацисты им не доверяли. Одновременно во многих дивизиях вермахта из русских стали формироваться так называемые воспитанные войска, но не более батальона на дивизию. Позже их стали именовать добровольческими соединениями.

Для привлечения к борьбе против Красной Армии военнопленных нерусских национальностей СССР формировались «восточные легионы» численностью до 2 тыс. человек. Существовали армянские, грузинские, азербайджанские, туркменские, волжско-татарские и крымско-татарские легионы. Некоторые из них именовались «легионы СС». Свои самостоятельные формирования имели казачьи войска, созданные из молодого поколения эмигрантов, проживавших в Югославии, а в 1942 г. — из местного населения Кубани, Дона и Терека.

Первыми частями, являвшимися прообразом будущей Русской освободительной армии» (РОА), стали бригада под командованием С. Каминского (район Брянск — Лодзь) и бригада полковника Гиль-Родионова (Белоруссия). Вместе с немецкими карателями они воевали против советских партизан. В 1943 г. бригада Гиль-Родионова в полном составе перешла к партизанам, а ее командир погиб в бою с карателями.

Командование действующей армии вермахта в 1942 г. начало формировать соединение, получившее наименова-

ние «Русская народно-освободительная армия» (РНОА), во главе с полковником-эмигрантом К. Кромиади (Санниным). Затем командование принял бывший советский генерал Г. Жиленков. Из-за возникших разногласий между русскими и немецкими офицерами это соединение в 1943 г. было распущено.

В связи с переломом в ходе войны в 1943 г. германские политические и военные власти стали всерьез обсуждать вопрос об использовании советских военнопленных не только в качестве военной силы, но и в политических целях. Для этого надо было найти такого находившегося в плену советского военного деятеля, вокруг которого можно было бы сплотить все антисоветские силы. Некоторые западные исследователи утверждают, что соответствующие предложения делались сыну Сталина Я. Джугашвили и бывшему командующему 19-й армией генералу М. Лукину. Оба они ответили отказом, и только после этого подобное предложение получил генерал А. Власов.

Марионетка Гитлера или борец против Сталина?

Длительное время после начала агрессии против СССР Гитлер принципиально отвергал предложения своего окружения сформировать воинские части из советских военнопленных. Еще в сентябре 1941 г. офицер штаба группы армий «Центр» полковник фон Тресков разработал план создания двухсоттысячной русской антисоветской армии, который в Берлине даже не сочли нужным обсуждать. Лишь в середине 1942 г. Гитлер дал на это соответствующее согласие.

Иначе говоря, фюрер отказался от выдвинутого им самим в начале войны тезиса о том, что «только немцы имеют право носить оружие». К этому его вынудили не только огромные потери на советско-германском фронте, но и политические соображения. В антисоветских формированиях гитлеровцы рассчитывали воспитать послушных их воле администраторов для оккупированных областей, людей, порвавших со своим народом и поэтому имевших опору только в лице оккупантов. Делая в первую очередь ставку на военнопленных нерусских национальностей,

гитлеровцы стремились также разжечь национальную рознь между народами Советского Союза. Кроме того, используя легионеров для борьбы против движения Сопротивления в странах Европы, они рассчитывали посеять среди народов Польши, Франции, Югославии, Италии и других стран недоверие к советским людям вообще.

Со второй половины 1942 г. по инициативе сдавшего себя в плен в июне того же года бывшего командующего 2-й ударной армией генерала А. Власова в Берлине стал обсуждаться вопрос о создании «русской армии» под его командованием. Гитлер не одобрял этих планов, ссылаясь на случаи перехода «русских добровольцев» на сторону Красной Армии. Более того, он приказал изолировать Власова в лагерь для военнопленных, что и было сделано в апреле 1943 г. Однако позднее, с начала 1944 г., Гитлер вернулся к этой идее, и в лагерях военнопленных началась активная вербовка во «власовскую армию». В конце октября 1944 г. был подписан приказ о формировании двух «русских» дивизий, вошедших в «Русскую освободительную армию» Власова.

Анализ служебной карьеры Власова не дает оснований утверждать, что его сотрудничество с противником было продуманным и заранее подготовленным. Бывшие прямые начальники Власова М.П. Кирпонос, И.Н. Музыченко, Ф.И. Голиков и другие давали ему прекрасные характеристики, отмечая между прочим и то, что он «много работает над вопросами ликвидации остатков вредительства в части». Видимо, решение Власова перейти на сторону немцев было вызвано страхом, что его постигнет та же участь, как и командующего войсками Западного фронта генерала Д.Г. Павлова. Власов, по всей видимости, не сомневался, что Сталин не простит ему загубленную в Волховских болотах армию, хотя в этой трагедии был виноват не только он один. Оказавшись в плену, Власов решил разыграть антибольшевистскую и антисталинскую карту с тем, чтобы привлечь на свою сторону тех советских солдат и офицеров, которые имели к сталинскому режиму свои счета, и тем обеспечить себе теплое место в иерархии германского вермахта.

Какие же цели преследовали коллаборационисты в Советском Союзе, в том числе генерал Власов? Если ис-

ключить из рассмотрения его рассчитанные на невзыскательного читателя пропагандистские листовки, то формулировка этих идей содержится в нескольких программных документах. Первым из них было «Обращение Русского комитета», написанное якобы в Смоленске 27 декабря 1942 г. В этом документе довольно убедительно разоблачался сталинский режим, по вине которого советские войска несли большие потери и оставляли родную землю. В нем также отмечалось, что уничтожение кровавой власти Сталина в первую очередь должно быть делом самого русского народа. Были сформулированы и основные принципы, которыми следовало руководствоваться при строительстве новой России.

Вместе с тем Власов в этом «Обращении» шел на явный обман, утверждая, будто Германия ведет войну не против русского народа, а только против большевизма. Реальные факты ни в коей мере этого не подтверждали. Отнюдь не отвечал интересам русского народа в его ожесточенной, требовавшей единства и сплоченности борьбе против гитлеровской агрессии призыв Власова уничтожить «врагов народа Сталина и его клику». Своим призывом к русским людям вступать в «русскую освободительную армию» Власов вводил их в заблуждение, поскольку никакой армии в то время еще не существовало. В обращении неоднократно говорилось о «почетном мире» с Германией и о том, будто «Германия не посягает на жизненное пространство русского народа и его национально-политическую свободу», что также дезориентировало людей и ослабляло усилия народов в борьбе против гитлеризма. Почерк германских пропагандистов чувствовался и в обвинении «английских и американских капиталистов» в предательстве русского народа и в том, что якобы они пытаются овладеть природными богатствами России и с этой целью заключили кабальные для нее договоры со Сталиным¹¹.

В марте 1943 г. Власов опубликовал открытое письмо «Почему я стал на путь борьбы с большевизмом» ко всем русским людям. В нем говорилось: «Призывая всех русских людей подняться на борьбу против Сталина и его клики, за построение новой России без большевиков и капиталистов, я считаю своим долгом объяснить свои дейст-

вия». Власов разоблачал террористический режим Сталина, массовые репрессии, рассказывал о судьбе 2-й ударной армии, находившейся под его командованием. И далее утверждал: «Я ясно сознавал, что русский народ втянут большевизмом в войну за чуждые ему интересы английских и американских капиталистов».

Если в первой части письма приводились сильные аргументы, близкие и понятные многим русским людям, то его концовка вообще не выдерживала никакой критики. Большевики действительно несли долю ответственности за неподготовленность страны к войне, но все-таки не они, — и это было очевидно почти для каждого — а нацисты развязали ее. Интересы советского народа и народов США и Англии совпадали в борьбе против общего врага — и это тоже было ясно для многих.

Более полно кредо Власова и его сторонников изложено в Пражском манифесте от 14 ноября 1944 г., когда был создан Комитет освобождения народов России (КОНР) и Власов стал его председателем. В новом документе повторились аргументы, правдиво разоблачавшие диктаторский режим Сталина. Власов снова напоминал об общности целей борьбы германского и советского народов против большевизма. Но, в отличие от предыдущих призывов, раздававшихся в период, когда 60 млн советских граждан еще жили на оккупированных территориях и могли не услышать, осенью 1944 г. Власов взывал только к тем, кто находился в Германии, — к солдатам легионов, к власовской армии и к восточным рабочим. В то время, когда война явно шла к концу, манифест являлся чистой воды авантюрой. Тем не менее Власов призывал: «Ваше возвращение на родину полноправными гражданами возможно только при победе над большевизмом. Это миллионы. Помните, что вы работаете теперь для общего дела, для героических освободительных войск. Умножайте свои усилия и свои трудовые подвиги!»

Как можно оценить этот манифест? Прежде всего характерно, что Власов впервые назвал вермахт «героическими освободительными войсками». Он обращался непосредственно к «восточным рабочим» с призывом, работая на немецких военных предприятиях, трудиться еще интенсивнее. Наконец, в Пражском манифесте в отличие

от предыдущих документов Власов впервые обещал свободу и равенство не только русскому, но и всем народам России. В нем, в частности, отмечалось и значение борьбы «Украинского вызвольного войска, казачьих войск и национальных частей».

Таким образом, из приведенных высказываний Власова следует, что он выступал за свержение большевистской власти, за утверждение демократического строя без расизма и антисемитизма, без деления людей на высшие и низшие расы, за единую и неделимую Россию, без предоставления права другим народам на свободный выход из единого государства. Цели коллаборационистов в национальных республиках СССР состояли в завоевании подлинной национальной независимости с учетом традиций и религиозных верований тех или иных народов и в этом они резко расходились с концепцией Власова.

Заслуживает особого внимания сотрудничество Власова со старой русской эмиграцией в борьбе против большевизма. В архивах нет сведений о наличии какого-либо сотрудничества с власовцами монархически настроенной эмиграции. Что же касается республиканской ее части и эмигрантов с национальных окраин, то такое сотрудничество было довольно тесным. Офицеры-эмигранты при поддержке германских властей участвовали в формировании первых национальных добровольческих легионов. Некоторые из них занимали влиятельные командные и штабные посты во власовской армии. Отдельные политические деятели русской эмиграции принимали участие в разработке программных документов «власовского движения», работали редакторами газет, занимались пропагандистской деятельностью в войсках и в лагерях для военнопленных.

С «власовским движением» сотрудничала и такая политическая организация русского зарубежья, как «Национально-трудовой союз» (НТС). Его представитель был введен в состав власовского КОНР. Членами этого союза, созданного в Белграде в 1930 г., были, как правило, образованные молодые люди, деятели культуры. Германские власти разрешали им поездки в оккупированные районы для встреч с местным населением. Генерал Власов установил официальный контакт с руководителями НТС, хотя

между ними и имелись определенные разногласия как по существу сотрудничества, так и в методах борьбы со сталинизмом.

На всем протяжении войны практически не был решен вопрос об установлении сотрудничества Власова с команданом Красновым, казачьи войска которого находились в Югославии, а затем в Австрии и которым Гитлер доверял больше, чем власовцам. Сохранился лишь недатированный проект соглашения с Власовым, составленный, видимо, в штабе службы безопасности Германии и предотвративший отказ России от Крыма, предоставление властям самоуправления и значительной культурной автономии для других нерусских национальностей.

Казалось бы, советские граждане, перешедшие в борьбе против Сталина на сторону противника и тем самым представившие на карту не только свое положение, но и жизнь, должны были пользоваться особым расположением правителей Германии. Но это было совсем не так. В разных эшелонах германского руководства к ним относились по-разному. Неодинаковой в разные периоды войны была и тактика нацистской верхушки. Так, лично Гитлер и его ближайшее окружение (Борман, Кейтель, Геринг) принципиально возражали против использования крупных иностранных сил на стороне вермахта, которые, по их мнению, в конце концов также пожелают делить лавры возможной победы. Они соглашались лишь с тем, чтобы в пропагандистских целях («крестовый поход народов Европы против большевизма») использовать немногочисленные добровольческие легионы под флагом войск СС.

О том, как невысоко оценивали высшие руководители Германии возможность использовать Власова в своих политических целях, свидетельствует тот факт, что до лета 1944 г. ни один из них не пожелал встретиться с генералом — он был принят Гиммлером лишь 16 сентября 1944 г. Во время беседы Власов упрекал германское руководство в неадекватности его «восточной политики», о чем, по его словам, свидетельствует тот факт, что ведомство Гиммлера по-прежнему издает оскорбительный для русского народа журнал «Недочеловек». На это Гиммлер ответил, что в каждой расе имеются свои «недочеловеки»,

и разрешил образование «Комитета освобождения народов России» и опубликование манифеста.

По-иному мыслили и действовали фронтовые немецкие командиры, вплоть до командующих группами армий. Без ведома Гитлера с первых же месяцев войны они охотно использовали в своих целях «добровольных помощников» из числа советских военнопленных. Даже после Сталинграда и Курска, когда в Германии была объявлена «тотальная мобилизация», Гитлер по-прежнему не соглашался на формирование власовской армии. Лишь в ноябре 1944 г. после образования в Праге «Комитета освобождения русского народа» и по настоянию Гимmlера было решено создать две дивизии, хотя сам Власов рассчитывал на 10 дивизий. Как выяснилось на судебном процессе над Власовым в 1946 г., Риббентроп в конце января 1945 г. обещал Власову кредит в сумме около 2 млн марок с условием его возврата в случае «победы над большевизмом».

Германское командование приняло и другие меры, направленные на укрепление формируемой власовской армии и русских частей, сражавшихся в составе дивизий вермахта. В июне 1944 г. было решено материально обеспечивать русских офицеров так же, как и немецких. Месяц спустя им были повышены денежные оклады. Например, женатый старший ефрейтор получал 105, полковник — 800, а генерал-лейтенант — 1 170 марок.

С другой стороны, в августе 1944 г. Гитлер принял жесткие меры против участвовавших случаев перехода «русских добровольцев» на сторону Красной Армии. Было решено всех «восточных добровольцев», непосредственно не сражавшихся на фронте, за исключением переводчиков и женщин, немедленно направить в лагеря для военнопленных и использовать на строительстве укреплений.

При исследовании проблем советского коллаборационизма, в частности «власовского движения», важно проследить, как относилось к нему командование западных союзных войск. В июне 1944 г. русские легионы с ожесточением сражались против союзного десанта в Нормандии, за служив за это благодарностью германского командования. Они также участвовали в жестоких карательных операциях против партизан Югославии, Италии и Франции, которые были далеки от большевистского Советского Союза.

В последние месяцы войны у советских коллаборационистов оставалась единственная надежда на раскол в лагере союзников. Для приобретения алиби многие грузинские и армянские легионеры в Италии и Франции переходили в те дни на сторону партизан и сами участвовали в боях против карателей. На острове Тексель в Нидерландах грузинский легион поднял вооруженное восстание. Пражским повстанцам оказала серьезную помощь 1-я дивизия «власовской армии».

Но все это не изменило негативной позиции союзного командования по отношению к ним. Когда с конца марта 1945 г. Власов пытался связаться с союзниками и в этой цели послал к ним своего представителя, командующий 7-й американской армией генерал Пэтч резонно заметил: если Власов воюет не за Гитлера, а против сталинского большевизма, то что русские добровольцы делают на Атлантическом побережье и как можно оправдать жертвы, понесенные американской армией в сражениях с этими добровольцами? Логично, что главнокомандующий генерал Д. Эйзенхауэр отказался предоставить Власову и его солдатам политическое убежище. Более того, на основании Ялтинского соглашения он распорядился выдать всех граждан СССР, воевавших в составе вермахта советским войскам. Как известно, в эту категорию попали и русские, никогда не являвшиеся советскими гражданами, но сражавшиеся против Красной Армии (например, белогвардейцы времен гражданской войны).

В середине мая 1945 г. в Западной Чехии американцы передали Красной Армии около 20 тыс. солдат и офицеров РОА, включая самого Власова и нескольких его генералов. Одновременно в южных районах Австрии английские власти передали советским властям 15 тыс. казаков, в том числе немецкого генерала Г. Панвица, атаманов Краснова, Шкуро и 6 500 человек из числа их жен и детей.

Всех их ждала одна судьба — расстрел на месте без суда и следствия или 25 лет каторжных работ в Сибири. С 30 июля по 1 августа 1946 г., т. е. всего два дня, продолжался закрытый судебный процесс над русскими и одним немецким руководителями вооруженной борьбы против Красной Армии. Все они были приговорены к казни через повешение. Так бесславно закончилась история РОА.

«Третья сила» или детище вермахта?

Давно пришла пора дать объективную оценку исторического места советского коллаборационизма во второй мировой войне, а также определить действительную реакцию советских властей и населения на это явление.

В этой связи хотел бы отметить, что в целом разделяю общую оценку деятельности Власова и его сторонников, которая содержится прежде всего в работах большого знатока этой проблемы немецкого историка Й. Хоффмана. Деятельность власовцев действительно представляет собой часть как советской истории, так и истории второй мировой войны.

Вместе с тем некоторые из высказываемых Хоффманом положений нуждаются, на мой взгляд, в дальнейшем обсуждении. В первую очередь речь идет о самом понятии «власовское движение». Полагаю, что создать «движение», если под ним подразумевать борьбу больших масс людей, Власову все же не удалось. Неубедительно звучит и утверждение, что Власов не имел свободы выбора союзника. «Только на немецкой стороне и только с помощью немцев, — утверждает в своих трудах Хоффман, — власовцы получали возможность вооружиться для предстоящей освободительной войны». Так ли это? Во-первых, поиск союзника, да еще такого одиозного, как Гитлер и его сообщники, свидетельствовал о том, что Власов не верил (и не без основания) в поддержку со стороны населения оккупированной территории СССР, если он попытается развернуть в советском тылу партизанскую борьбу. А, во-вторых, мы знаем, как мужественно, без каких-либо союзников и с мизерной надеждой на победу на протяжении долгих лет войны и даже после нее сражались за свободу и национальную независимость Организация украинских националистов под руководством С. Бандеры и ее Украинская повстанческая армия. Это следует признать вне зависимости от того, как мы оцениваем цели и методы бандеровцев.

Некоторые исследователи сравнивают сотрудничество Власова с германскими властями с деятельностью Пилсудского, который в годы первой мировой войны сражался на стороне австрийцев для формирования и вооружения

польской армии, выступая с такой патриотической целью, как освобождение своей родины от русского царизма. Но подобное сравнение неуместно и некорректно, ибо Пилсудский действительно использовал одного внешнего врага против другого, но отнюдь не против своей родины.

В ряде трудов по истории РОА встречаются утверждения, что во время двух пропагандистских поездок Власов на оккупированные территории СССР местное население встречало его «горячо», и на этом основании делается вывод, что «власовское движение» было массовым. С такой категоричностью суждения трудно согласиться. Некоторые архивные документы свидетельствуют, что на подобных встречах нередко были слышны выкрики о том, что генерал не знает, как ведут себя немецкие оккупанты, как они издеваются над русским народом, и поэтому с ними невозможно сотрудничать.

Власов, видимо, отдавал себе отчет в антигерманских настроениях советских военнопленных, «восточных рабочих» и местного населения. Об этом свидетельствовали его попытки несколько дистанцироваться от немцев и подчеркивание национального характера движения. Он, например, высказывался о том, что «чужой кафтан не по русскому плечу», что Россия никогда не станет чьей-либо колонией и т. д.

В нескольких своих меморандумах в адрес немецких властей Власов отмечал близорукость руководителей оккупационных органов на Востоке, предлагал сформулировать промежуточную цель борьбы, чтобы привлечь русское население к антисталинским действиям. Он высказывал также недовольство отношением германских властей к «восточным рабочим». В одном из своих выступлений в Псковской области он сказал: «Германская нация в союзе с русскими поможет сбросить сталинскую диктатуру — как русские помогли немцам освободиться от Наполеона». На этом же собрании он поставил перед слушателями вопрос, хотят ли они быть рабами немцев? В ответ послышалось дружное «Нет».

Выступая в Гатчине, Власов позволил себе и такой пассаж. Как отмечается в отчете немецкого переводчика Гиммлеру, генерал заявил, что в настоящее время русские антисталинцы являются гостями немцев, но после победы

немцы станут «нашими дорогими гостями». Это вызвало крайнее раздражение Гимmlера и Розенберга, а фельдмаршал Кейтель распорядился подготовить приказ о возвращении Власова в лагерь для военнопленных. Правда, позднее приказ был отменен, и Власов содержался под наблюдением в берлинском пригороде Далеме. Но впредь ездить на оккупированную территорию ему было запрещено.

С проблемой отношений с союзниками тесно связана и часто встречающаяся в литературе концепция так называемой третьей силы. По утверждению некоторых лидеров «власовского движения», оно стало такой силой между Германией и Советским Союзом или, по крайней мере, могло бы стать после крушения Германии, если бы, как предполагал Власов, в конце 1945 г. произошел конфликт между Советским Союзом и западными державами.

Что касается первого утверждения, то один из офицеров штаба Власова капитан В.К. Штрик-Штрикфельд даже назвал свои воспоминания «Против Сталина и Гитлера». Против Сталина власовцы и их предшественники действительно воевали уже с осени 1941 г. вплоть до 12 мая 1945 г., против Гитлера — всего лишь три дня, да и то только в Праге. Поэтому вряд ли правомерно считать, что Сталин и Гитлер были равноценными противниками власовцев. Значит, в данном случае власовцы ни в коей мере не были «третьей силой», а сражались исключительно на стороне Германии, хотя их цели и могли не во всем совпадать.

Относительно второго варианта развития событий, то очевидно, не нужно быть пророком, чтобы представить себе, на чьей стороне оказались бы власовцы. Из высказываний того же Власова следует, что он готов был сражаться против Советского Союза совместно с англо-американскими союзниками. Это означало, что и в данном случае никакой «третьей силы» на деле не существовало бы.

Принципиальное значение имеет дискуссия о том, как правильнее рассматривать создание «власовской армии»: в качестве детища германского руководства в условиях близкого поражения Германии или же как автономную акцию Власова и его сподвижников, предпринятую независимо от воли Гитлера или даже вопреки ей. Полагаю, что рассматривать «власовскую армию» «саму по себе и независимо» от немцев значило бы не учитывать реаль-

ные обстановки, в которой она создавалась и действовала. Совершенно ясно, что без заинтересованности германских военных властей (неважно, верховного командования или фронтовых командиров) никакие иностранные воинские формирования на территории Германии были бы немыслимы. Другое дело, что в определенный период Власов был в этих формированиях менее заинтересован, чем в последний период войны.

Можно согласиться с утверждением ряда западных исторических ученых и публицистов, что деятельность власовцев в годы войны была «опаснейшим вызовом» советскому режиму. Но трудно понять, почему в силу этого она, как сейчас приходится слышать, вполне достойна занять почетное место в истории России. Полагаю, что речь может идти скорее не о «почетном», а о трагическом месте в нашей истории. Не случайно такие знатоки этой проблемы, как А.И. Солженицын и покойный историк А.М. Некрич, так и не дали однозначной оценки Власову.

Какое же отражение «власовское движение» находило в общественном сознании советского народа во время войны и какая оценка дается ему в наши дни — полвека спустя?

По-видимому, необходимо исходить из следующего несомненного факта: несмотря на то зло, которое принес советским людям сталинский террор в 30-е годы, большая часть народа в период борьбы против фашизма перед лицом опасного врага была настроена решительно против немецких захватчиков и сплочена, как никогда ранее. Советские люди были убеждены, что именно в эти дни, в тяжелых боях с фашизмом решалась сама их судьба: стоял вопрос о том, будет ли он существовать или подвергнется порабощению и истреблению. Естественно, что любой, кто ослаблял это необходимое для победы единство, встречал отпор и осуждение, тем более, если это касалось вооруженной борьбы против Красной Армии. Ни при каких условиях не мог вызывать массового сочувствия или симпатий тот, кто помогал противнику.

На всем протяжении войны, особенно в 1942 г. и вплоть до Сталинградской победы, власовские листовки действительно были опасны для советского командования, и оно принимало крайне жесткие меры против тех, кто хранил,

а тем более распространял их. Мой собственный фронтвой опыт свидетельствует, что аргументы в отношении сталинского режима, использовавшиеся во власовских листовках, были более убедительны, чем в немецких. Однако мы в то время даже не стремились рассуждать о том, почему же сотни тысяч соотечественников встали под чужие знамена, не желали анализировать корни этого феномена. Советские люди были абсолютно убеждены лишь в одном: любой, кто одет в форму вермахта, является его личным врагом, сообщником убийц и насильников.

Поэтому расстрелы или казни через повешение задержанных в период наступления советских войск коллаборационистов воспринимались как совершенно справедливое наказание. Что же касается депортации сотен тысяч бывших военнопленных и граждан целых республик в Сибирь уже после войны, то о ее масштабах вообще в те годы почти никто не знал. Поэтому в общественном сознании легионы и власовцы воспринимались как «кучка изменников родины» и уголовников, хотя, несомненно, их деятельность прежде всего была политической.

Так продолжалось до середины 50-х годов. Из появившихся после смерти Сталина первых воспоминаний о советских военнопленных и власовцах население узнало весьма скромные сведения о трагической судьбе этих людей. Но борьба вокруг оценки их поведения, которая всегда была довольно жесткой, продолжается и поныне. Подавляющее большинство граждан государств прежнего Советского Союза резко осуждают бесчеловечный сталинский режим. Когда же заходит речь о политической оценке тех, кто вел активную борьбу против этого режима, то возникает, казалось бы, парадоксальная ситуация: люди готовы сочувствовать тем узникам сталинского режима, которые были заточены в многочисленные лагеря ГУЛАГа и, по существу, не могли активно бороться против него. Однако эти же люди психологически и поныне не готовы понять и принять тех, кто с оружием в руках сражался против того же режима. И это, видимо, до сих пор оправданно, поскольку власовцы и поныне отождествляются в массовом общественном сознании с гитлеровскими захватчиками.

Иное дело — отношение к коллаборационистам военного времени в целом. Жизнь всегда богаче, сложнее,

неограниченнее любых, даже самых устоявшихся, схем и стереотипов. Поэтому хочется верить, что с течением времени отношение к коллаборационистам — исключая, конечно, подлинных военных преступников, карателей, за которых нет и не может быть прощения, — наверняка изменится. Новые поколения наших соотечественников сумеют, очевидно, более глубоко и непредвзято оценить мотивы поведения многих коллаборационистов, увидеть и понять трагичность их судеб.

М.И. Семиряга

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Новая и новейшая истории. 1992. № 3. С. 223. См. также: Новая и новейшая история. 1992. № 1. С. 3–24.
- ² Streit Ch. Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen. 1941–1945. Stuttgart, 1978. S. 244.
- ³ Heberschar G.R., Wette W. «Unternehmen Barbarossa»: Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion. 1941. Paderborn, 1984. S. 198.
- ⁴ Ibid. S. 244.
- ⁵ Военно-исторический журнал. 1991. № 8. С. 29.
- ⁶ Гриф секретности снят. М., 1993. С. 334.
- ⁷ Нюрнбергский процесс: Сб. материалов: В 8 т. М., 1958. Том III. С. 9.
- ⁸ Die Zeit. 1985. März 15.
- ⁹ Нюрнбергский процесс. Том VII. С. 15.
- ¹⁰ Herbert U. Feremdarbeiter. Politik und Praxis des «Ausländer-Einsatzes» in der Kriegswirtschaft des Dritten Reiches. Berlin; Bonn, 1985. S. 134.
- ¹¹ Хоффман И. История власовской армии. Париж. 1990. С. 347–350.

Варшавское восстание

1 сентября 1939 г. войска «третьего рейха» вторглись в Польшу, а 17 сентября без объявления войны на территорию Польши были введены части Красной Армии¹. Именно в те дни стали возникать первые польские подпольные организации, ставившие главной целью борьбу за восстановление независимого и суверенного польского государства. Несмотря на раздел страны между Германией и СССР в соответствии с пактами Молотова — Риббентропа от 23 августа и 28 сентября 1939 г., Польша не перестала быть субъектом международного права. Более того, действовавшее с 1 октября 1939 г. на французской территории польское правительство было немедленно признано правительствами Франции, Великобритании и США, а также многих других государств (среди которых не было, разумеется, Германии и СССР) в качестве единственного представителя суверенных прав Речи Посполитой².

Самым важным звеном бурно развивавшегося подполья с 14 февраля 1942 г. стала Армия Крайова. Ее предшественницами были созданная в конце сентября 1939 г. Служба победы Польши и действовавший с начала 1940 г. на заложенных ею основах Союз вооруженной борьбы. Летом 1944 г. в Армии Крайовой, которая представляла собой составную часть польских вооруженных сил, подчиненных польским конституционным властям, находившимся в эмиграции (с лета 1940 г. до конца войны — в Лондоне), состояло свыше 350 тыс. принявших присягу бойцов (в их числе свыше 10 тыс. кадровых офицеров и офицеров резерва). Ее организационные структуры рас-

пространялись по всей территории довоенного польского государства, а руководило всей деятельностью Главное командование, подчиненное польскому Верховному главнокомандующему в Лондоне. С лета 1943 г., после ареста его заместителя — генерала С. Грота-Ровецкого, Армией Крайовой командовал генерал Т. Бур-Коморовский. Борьбу с оккупантами Армия Крайова вела по всем направлениям — от разведки и вооруженных диверсий до действий партизанских отрядов. Однако важнейшей задачей считалась всесторонняя подготовка и победоносное осуществление в момент крушения Германии всеобщего вооруженного восстания. Главное командование Армии Крайовой в Варшаве и низшие командные звенья разрабатывали для этого соответствующие планы. В штабе польского Верховного главнокомандующего в Лондоне готовились планы поддержки восстания извне, в которых главную роль должна была сыграть материальная помощь (вооружением, техникой). Доставлять ее предполагалось воздушным путем с английских военно-воздушных баз³. При этом не принималась во внимание возможность оказания подобной помощи со стороны Красной Армии.

После начала в 1941 г. германо-советской войны исключительное значение для освободительного движения в Польше приобрели польско-советские отношения и, разумеется, положение на Восточном фронте. После поражения вермахта под Сталинградом и на Курской дуге стало очевидным, что раньше войск западных союзников на территорию Польши может прийти Красная Армия. Начиная с 25 апреля 1943 г., когда Москва порвала дипломатические отношения с польским эмигрантским правительством, Сталин с помощью польских коммунистов стал создавать собственные рычаги (Союз польских патриотов в СССР во главе с В. Василевской, польские воинские части под командованием генерала З. Берлинга), которые в удобный момент должны были помочь ему по-прежнему решить польский вопрос.

Сталин убеждал западных союзников в том, что признание Польшей так называемой линии Керзона как основы восточной границы Польши, наряду с перемещением ее границы на запад, по реке Одр (Одер) и образованием дружественного по отношению к Москве польского

правительства, создадут самые благоприятные условия для добрососедских отношений между двумя государствами. Эта аргументация представлялась убедительной как президенту США Ф. Рузвельту, так и премьер-министру Великобритании У. Черчиллю. В конечном счете руководителям «большой тройки» удалось достичь соглашений по польским вопросам на конференциях в Тегеране, а затем в Ялте и Потсдаме.

Крупные победы, одержанные Красной Армией в 1943–1944 гг., ускоряли освобождение Восточной и Центральной Европы от германского фашизма, одновременно открывая перед Сталиным путь к ее подчинению, которое, однако, могло произойти лишь с разрешения Великобритании и США⁴. Для СССР достичь политического господства в Восточной и Центральной Европе было бы очень трудно, а быть может, даже и невозможно, без подчинения Польши. Это понимали и поляки, включая правительство (с середины июля 1943 г., после трагической гибели генерала В. Сикорского, его возглавлял С. Миколайчик), военные штабы, Главное командование Армии Крайовой и все руководство подполья в стране (огромное большинство его организационных структур признавало правительство, а вместе с Армией Крайовой с начала 1944 г. оно именовалось польским подпольным государством)⁵.

Учитывая все это, с 1943 г. польские политики и высшие офицеры стали задумываться над последствиями уже неизбежного вступления в пределы Польши Красной Армии и над тем, что в связи с этим следовало предпринять. Результатом таких раздумий явился разработанный осенью 1943 г. план усиленных саботажно-диверсионных акций под кодовым названием «Буря»⁶. В последующие месяцы этот план стал предметом ожесточенных споров, в том числе и в Лондоне, но в конечном счете правительством и Главным командованием Армии Крайовой, руководителями подпольного государства было признано, что начало «Буре» будет положено в Восточной Польше (по границам на 31 августа 1939 г.) и она постепенно станет продвигаться на запад. В ходе действий, предусмотренных для Армии Крайовой и местных организаций подпольного государства, следовало совершать нападения на отступающие тыловые подразделения вермахта, занимать

важную местность и представлять перед командирами вступающих на польскую территорию подразделений Красной Армии в качестве полноправных хозяев. Осуществляя продвижение к востоку от линии Керзона план «Буря» должен был подчеркнуть польские права на эти земли, волю поляков к борьбе с германской оккупацией и их готовность к взаимодействию с наступающими частями Красной Армии. Но Москва рассматривала территории, расположенные к востоку от упомянутой линии, как принадлежащие Советскому Союзу, оспаривала вклад Армии Крайовой в борьбу с общим врагом и не признавала законности польского подпольного государства.

В связи с этим вооруженные усилия Армии Крайовой в Польше (там стойко сражалась 27-я Волынская дивизия Армии Крайовой), а также в боях за Вильнюс и Львов (июль 1944 г.) не привели к тем политическим последствиям, на которые рассчитывали поляки. На бойцов Армии Крайовой обрушились массовые репрессии НКВД, причем польское правительство не смогло в политических целях использовать информацию об этих репрессивных действиях ни в Лондоне, ни в Вашингтоне, поскольку правительственные круги и средства массовой информации Великобритании и США были заинтересованы в укреплении союза с СССР, а польско-советские конфликты мешали этому процессу. В результате «Буря» на бывших восточных территориях Речи Посполитой, несмотря на множество жертв, не принесла Польше политических выгод. Она не стала воплощением плана всеобщего вооруженного восстания, хотя сегодня некоторые польские историки и хотят видеть в ней череду локальных восстаний.

Новую главу в истории Польши в годы второй мировой войны открыла Белорусская операция Красной Армии, в результате которой советские войска перешли линию Керзона, а в направлении главного удара оказалась Варшава. Во время войны она была столицей всего подпольного польского государства. Именно здесь больше всего молодых людей вступило в Армию Крайову, здесь находилось ее Главное командование, выпускалось большинство подпольных газет, размещалось руководство подпольного государства (во главе его стоял делегат правительства в ранге вице-преьера Я. Янковский), здесь

работал Совет национального единства (иногда его называли подпольным парламентом) с К. Пужаком в качестве председателя.

К решающей расправе с врагом подпольная Варшава готовилась годами, хотя из участия в плане «Буря» столица первоначально была исключена. Однако когда советское наступление приобрело такой размах, что, казалось, Красная Армия в ходе преследования противника не только дойдет до Вислы, но и перейдет ее, в Главном командовании Армии Крайовой начались срочные совещания, в результате которых 25 июля 1944 г. ее командующий генерал Т. Коморовский доложил по радио в Лондон, что готов в любой момент к боям за Варшаву. Верх одержало мнение, что для овладения столицей, освобождаемой Красной Армией, достаточно будет нескольких дней и что в результате победоносного восстания пришельцев с востока смогут встретить — в качестве законных хозяев — руководители польского подпольного государства.

Генерал Коморовский полагал, что немцам не хватит сил для того, чтобы эффективно противодействовать советскому наступлению, и что вообще «третий рейх» вступил в фазу полного разложения, свидетельством чего представлялось покушение на Гитлера 20 июля. С другой стороны, Москва 22 июля сообщила о создании руководимого коммунистами Польского комитета национального освобождения (ПКНО), в чем большинство поляков усматривало покушение на суверенные права Польши со стороны Сталина, замышлявшего ее полное подчинение. В Варшаве полагали, что ход событий — как военных (поражение Германии на Восточном фронте), так и политических (организация ПКНО), — указывает на необходимость осуществить в Варшаве вооруженную акцию типа «Буря» с целью продемонстрировать волю поляков к борьбе за подлинный суверенитет и не допустить советизации страны. Оставалось лишь выбрать наиболее удобный момент для начала открытой повстанческой борьбы.

Победоносное восстание в столице западного соседа не входило в сталинские расчеты. Когда же оно началось, Сталин не испытывал ни малейшего сомнения относительно того, что на пути к достижению целей Москвы возникло неожиданное, но очень значительное препятствие.

Таким образом, его отношение к восстанию носило чисто политический характер.

Планы Варшавы правительство одобрило своим постановлением от 26 июля. Решение об этом было срочно доложено в Варшаву, командующему Армии Крайовой вице-премьеру. Готовясь к борьбе, польские руководители не знали намерений ни Гитлера, ни Сталина, не считались с поддержкой военно-воздушных сил западных союзников. Не согласовывался с ними и срок начала действий. Не было такого согласования, разумеется, и с советской стороной.

Генерал Коморовский не знал, что за несколько дней до начала восстания Гитлер приказал защищать Варшаву, для которой поспешно стали стягиваться дополнительные силы, в том числе танковые. Но при этом Коморовский правильно предполагал, что Красная Армия, по-видимому, решится пересечь Вислу⁷, что, естественно, обеспечило бы успех восстания. Его шансы Главное командование считало с победным наступлением Красной Армии: восстание могло победить только в результате эффективного охватывающего маневра советских войск либо успешной попытки лобового удара по городу.

После ряда жарких совещаний, 31 июля, около 18.00, на собрании у генерала Коморовского было вынесено окончательное решение: на следующий день, 1 августа, в 17.00 начать в Варшаве операцию «Буря»⁸. Она была рассчитана на несколько дней, с тем чтобы успеть овладеть городом до вступления в него войск Красной Армии. Выполнение приказа было поручено силам варшавского округа Армии Крайовой под командованием полковника А. Хрусцеля («Монтер»). По разным оценкам, эти силы насчитывали от 40 до 50 тыс. солдат и офицеров, в распоряжении которых 1 августа имелось от 1 тыс. до 2,4 тыс. винтовок, от 7 до почти 40 станковых и легких пулеметов, до 130 ручных пулеметов, от 420 до более чем 600 пистолетов-пулеметов, от 2,5 тыс. до 3,7 тыс. пистолетов, от 15 до 50 противотанковых ружей, от 25 тыс. до 50 тыс. ручных гранат.

Повстанцам остро не хватало боеприпасов. Ориентировочно имевшихся в их распоряжении оружия и боеприпасов хватало бы на нормальное вооружение лишь

примерно 3,5 тыс. человек — да и то не более чем на дни три дня боев. Немцы к началу восстания располагали в левобережной Варшаве силами, не превышавшими 10—11 тыс. солдат вермахта, СС и полиции, что давало полякам довольно большое преимущество в людях. Однако противник был несравнимо лучше вооружен и мог рассчитывать на постоянную поддержку тяжелого вооружения, авиации и отправки — в случае необходимости — дополнительных воинских частей. Восточный район среднего течения Вислы оборонялся 9-й немецкой армией генерала Н. фон Формана. Еще до того, как поляки начали действия, их замыслы стали известны германскому командованию.

С 27 июля к рейду в направлении Варшавы подступили главные силы 2-й советской танковой армии, которая добилась значительных успехов, несмотря на нарастающее сопротивление немцев. Это сопротивление, однако, продолжало усиливаться, и 1 августа, в 4.10 по московскому времени исполняющий обязанности командующей 2-й танковой армией, не получив требуемых подкреплений, приказал прекратить наступательные действия и перейти в оборону в занятых районах. Так завершилась попытка подойти к Праге (правобережный район Варшавы) и захватить ее с ходу. Полковник Хрущель предусмотрел овладение приблизительно 200 объектами, в том числе комплексом зданий в так называемом немецком районе (в частности, штаб-квартирой гестапо), главным почтамтом и главным вокзалом, телефонной станцией, важнейшими казармами, остальными варшавскими вокзалами, аэродромом и другими объектами, приказал перекрыть мосты через Вислу. Тем временем уже вечером 1 августа стало известно, что первые повстанческие действия увенчались лишь частичным успехом. Неудачными оказались атаки на казармы, не был взят аэродром. В то же время был захвачен почти весь Старый город — исторический район Варшавы и удалось обеспечить контроль над значительной частью Центрального района. На правом берегу Вислы восстание практически потерпело поражение. Не удалось попытки овладеть с пражской стороны мостами через Вислу (они оставались в руках немцев вплоть до 13 сентября, после чего были ими взорваны). Несмотря на это, наступательные действия повстанцев продолжались

только дней и лишь 4 августа генерал Хрущель — с согласия генерала Коморовского — приказал перейти в оборону. Именно этот день делит все восстание на две основные фазы: наступление и оборону, что, впрочем, не значит, что в его истории нельзя было бы назвать еще несколько отдельных разграничительных дат.

Вестие о восстании дошло до Лондона 2 августа (около 16 ч.), и с этого времени начались ходатайства польского президента, правительства, штаба Верховного главнокомандующего и его самого перед ведущими политическими и военными деятелями Великобритании. Они настаивали на оказании давления на Москву, чтобы та пришла на помощь повстанцам, и на помощи союзнической авиации (доставка оружия и боеприпасов, предназначенных для повстанцев). С подобными просьбами выступил и прибывший 30 июля в Москву премьер-министр польского правительства С. Миколайчик. В двух беседах со Сталиным (1 и 9 августа) он обрисовал ситуацию в польской столице. Сталин уверял его, что первоначальный замысел дойти до левобережного района Варшавы не удался, но что он рассматривает возможности принятия соответствующих мер. Миколайчик возвратился в Лондон убежденный в том, что договор между ним и Сталиным не было достигнуто никакого соглашения, касающегося урегулирования польско-советских отношений (о границе и образовании польского правительства из представителей ПКНО и правительства Речи Посполитой в Лондоне), можно ожидать действенной помощи сражающейся Варшаве со стороны Красной Армии.

Доклад, предназначенный для Сталина и касавшийся наметок плана проведения варшавской операции, подписали 11 августа маршалы Г.К. Жуков и К.К. Рокоссовский (последний командовал 1-м Белорусским фронтом, и Варшава находилась в полосе действий его войск). В докладе говорилось: «1. Варшавскую операцию фронт может начать после того, как армии правого крыла выйдут на рубеж р. Нарев и захватят плацдарм на западном берегу на участке Пульawy, Сероцк.

Боевые порядки этих армий удалены от реки Нарев на расстояние 120 км; для преодоления этого расстояния потребуется 10 дней; наступательную операцию армиями правого крыла фронта, с выходом их на рубеж р. Нарев, необходимо провести в период с 10 по 20. 8. 44 года.

2. За это же время на левом крыле фронта силами 69-й армии, 8-й гв. армии, 7 гв. кк и 11-го тк необходимо провести частную операцию с целью расширения плацдарма на западном берегу р. Висла, с выходом этих армий на рубеж: Варка, Стронец, Радом, Вежбица.

Для проведения этой операции необходимо из состава 1-го Украинского фронта передать 1-ю танковую армию Каткуова в состав 1-го Белорусского фронта и направить ее из района Опатув через Островец, Сенно, с задачей ударом в северном направлении выйти на фронт: Зволень, Радом и этим оказать помощь 69-й, 8-й гв. А, 7-му кк и 11-му тк в разгроме противостоящего противника.

Наряду с этим необходимо существующую разграничительную линию между 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами поднять на север до линии Красновосток, река Идань, Опочно, Пиотркув. Это уплотнит боевые порядки армий левого крыла 1-го Белорусского фронта и усилит ударную мощь наших войск на радомском направлении.

3. После проведения этих операций и с выходом армий правого крыла фронта на рубеж р. Нарев, а армий левого крыла на фронт: Варка, Стронец, Радом, Вежбица войска будут нуждаться во времени минимум 5 дней для перебазирования авиации, для подтягивания артиллерии и тылов, а также для подвоза боеприпасов и горюче-смазочных материалов.

4. Учитывая необходимое время на подготовку, Варшавскую операцию можно начать с 25. 8. 44 всеми силами фронта, с целью выхода на рубеж: Цеханув, Плоньск, Вышогруд, Сохачев, Скерневице, Томашув и занятия Варшавы.

В этой операции для наступления севернее р. Висла использовать три армии, 1-й танковый и 1-й кавалерийский корпус, а для наступления южнее р. Висла использовать 69-ю армию, 8-ю гв. армию, 1-ю танковую и 2-ю танковую армии, два кавкорпуса, один танковый корпус и одну армию за счет правого крыла фронта.

1-я польская армия в этой операции будет наступать по западному берегу р. Висла с задачей во взаимодействии с войсками правого крыла и центра фронта овладеть Варшавой.

5. Докладывая изложенное, просим утвердить наши соображения по проведению дальнейших наступательных

операций войск 1-го Белорусского фронта и наши расчеты времени на их проведение»⁹.

До сих пор неизвестно, как Сталин реагировал на эти предложения. Ясно лишь, что за ними не последовали соответствующие приказы и варшавская операция не была осуществлена на практике. 12 августа ТАСС опубликовал заявление, целый раздел которого был полностью посвящен событиям в Варшаве и содержал политические оценки и явно сформулированные в Кремле:

«За последние дни в иностранной печати появились сообщения со ссылкой на газеты и радио польского эмигрантского правительства о восстаниях и сражениях, начавшихся в Варшаве 1-го августа по приказу польских эмигрантов в Лондоне и продолжающихся по настоящее время. Газеты и радио польского эмигрантского правительства в Лондоне при этом делают намеки на то, что будто бы повстанцы в Варшаве находились в контакте с советским командованием, а последнее не оказало им должной помощи.

ТАСС уполномочен заявить, что эти утверждения и намеки в иностранной печати являются либо плодом недоразумения, либо проявлением клеветы на советское командование. ТАССу известно, что со стороны польских лондонских кругов, ответственных за происходящее в Варшаве, не делалось никаких попыток заранее уведомить и согласовать с советским военным командованием какие-либо выступления в Варшаве. Ввиду этого ответственность за происходящее в Варшаве падает исключительно на немецкие эмигрантские круги в Лондоне»¹⁰.

Это была первая официальная реакция Москвы на просьбы Рузвельта и Черчилля помочь повстанцам.

16 августа Сталин направил Миколойчику ответ по тому же вопросу. В нем, в частности, говорилось: «Получил Ваше письмо о Варшаве. Должен Вам сообщить, что после беседы с Вами я распорядился, чтобы советское командование интенсивно сбрасывало оружие в район Варшавы. Кроме того, был сброшен парашютист, который, однако, не мог выполнить задания, так как был убит немцами.

После этого более близкое знакомство с делом убеждает меня, что варшавская акция, которая была предпринята без ведома и контакта с советским командованием, представляет легкомысленную авантюру, вызвавшую бес-

цельные жертвы населения. К этому надо добавить клеветническую кампанию польской печати с намеками на то, что будто советское командование подвело варшавян.

Ввиду всего этого советское командование решило открыто отмежеваться от варшавской авантюры (см. опровержение ТАСС от 12 августа), так как оно не должно и не может нести какой-либо ответственности за варшавское дело»¹¹.

20 августа к Сталину совместно обратились Рузвельт и Черчилль: «Мы думаем о том, какова будет реакция мирового общественного мнения, если антинацисты в Варшаве будут на самом деле покинуты. Мы полагаем, что все мы трое должны сделать все от нас зависящее, чтобы спасти возможно больше находящихся там патриотов. Мы надеемся, что Вы сбросите наиболее необходимое снабжение и оружие полякам — патриотам Варшавы. В ином случае, не согласитесь ли Вы помочь нашим самолетам сделать это весьма быстро? Мы надеемся, что Вы это одобрите. Фактор времени имеет крайне важное значение»¹².

Ответ Сталина был датирован 22 августа. По тону и содержанию он был аналогичен цитировавшимся выше документам. «Ваше и г-на Рузвельта послание относительно Варшавы я получил, — писал Сталин. — Хочу высказать свои соображения.

Рано или поздно, но правда о кучке преступников, затеявших ради захвата власти варшавскую авантюру, станет всем известна. Эти люди использовали доверчивость варшавян, бросив многих почти безоружных людей под немецкие пушки, танки и авиацию. Создалось положение, когда каждый новый день используется не поляками для дела освобождения Варшавы, а гитлеровцами, бесчеловечно и истребляющими жителей Варшавы.

С военной точки зрения создавшееся положение, привлекающее усиленное внимание немцев к Варшаве, также весьма невыгодно как для Красной Армии, так и для поляков. Между тем советские войска, встретившиеся в последнее время с новыми значительными попытками немцев перейти в контратаки, делают все возможное, чтобы сломить эти контратаки гитлеровцев и перейти на новое широкое наступление под Варшавой. Не может быть сомнения, что Красная Армия не пожалеет усилий, чтобы

победить немцев под Варшавой и освободить Варшаву для поляков. Это будет лучшая и действительная помощь полякам антинацистам»¹³.

За несколько дней до этого В.М. Молотов принял по приглашению США и Великобритании — Гарримана и Керра¹⁴. После трехчасовой беседы глава советской дипломатии заявил повстанцев авантюристами, враждебно относящимися к Советскому Союзу, и заявил, что советское правительство не окажет им ни прямой, ни косвенной поддержки. Молотов добавил, что этого решения советское правительство не изменит.

Как видно, отношение Кремля к борющейся Варшаве было изложено ясно и недвусмысленно. Руководители повстанцев, борясь за суверенную и политически независимую от СССР Польшу, в сущности, и не могли рассчитывать ни на что иное. Сталин увидел в антигерманском выступлении акт, враждебный своим планам подчинения Польши, без чего его замысел строительства «внешней сферы» СССР был бы чрезвычайно трудно выполним. Мы не знаем, когда именно и при каких обстоятельствах Сталин приказал прервать наступление Красной Армии на Варшаву¹⁵, нам все еще неизвестны и все подробности, касающиеся возможности занятия города Красной Армией летом 1944 г. и всех последствий боев на центральном оперативном участке, которые имело проведение операций советских войск на Балканах. Не подлежит, однако, сомнению, что при окончательной выработке отношения Сталина к варшавскому восстанию верх одержали политические расчеты. Сталин прекрасно сознавал, что без наступательных действий Красной Армии восстание победить не может (это понимали и польские политики и военные в Варшаве и в Лондоне) и рано или поздно оно будет подавлено немцами.

Правы ли те польские авторы, которые утверждают, что СССР наравне с Германией несет ответственность за трагедию столицы Польши? Вопросы, связанные с этой сферой польской политики Сталина, как и вопросы боевых действий Красной Армии на подступах к Варшаве, требуют дальнейшего основательного изучения в архивах бывшего СССР, без чего любые мнения и суждения по этой теме могут быть лишь предположениями, не основанными на полном знании источников¹⁶.

Отношение Сталина к варшавскому восстанию явилось своего рода венцом тогдашней политики Кремля в отношении Польши, которую в 1943—1944 гг. можно было бы рассматривать в рамках следующей схемы: 1. По мере успехов в боевых действиях на фронте и приближении к Польше все яснее определять свои требования в ее адрес; 2. Сохранять видимость, что существует возможность дальнейших переговоров; 3. Постоянно следить за реакцией англичан и американцев; 4. Создавать с помощью польских коммунистов зависимые от советского руководства механизмы воздействия на ход польских дел; 5. Во взаимодействии с Великобританией и США добиться международного признания формируемых центров польской власти; 6. Если это не удастся, удовлетворить свои требования с помощью тех инструментов и средств, которые по воле Кремля и в условиях полной от него зависимости создадут польские коммунисты.

Весь замысел варшавского восстания основывался на убеждении поляков, что в ходе продолжающегося наступления Красная Армия наверняка перейдет Вислу и что повстанцы относительно легко смогут захватить Варшаву. Но если в городе наступающие части Красной Армии встретят вооруженные силы и гражданские власти, подчиненные польскому правительству в Лондоне (с которым, напомню, СССР не поддерживал дипломатических отношений с 25 апреля 1943 г.), то она неизбежно предстанет перед сложнейшей политической проблемой — как отнестись к руководителям восстания? Признать их законность? Арестовать? И в том, и в другом случае возникала бы новая политическая ситуация, важная не только для польско-советских отношений, но и для треугольника Москва — Лондон — Вашингтон¹⁷. Об этом думали поляки, не мог не задумываться о том и Сталин.

Таким образом, восстание в Варшаве имело прежде всего политическое значение, хотя сражающиеся думали главным образом о том, как одолеть ненавистного врага, как отомстить за сотни тысяч и даже миллионы жертв жестокого террора. Поэтому начало боев и первые фазы восстания прошли под знаком патриотического подъема варшавянок, которые, рискуя жизнью, массами вышли на строительство баррикад, организовывали повстанческие кухни

и развешивали флаги, организовывали медицинские пункты и госпитали, полевую почту, выполняли десятки иных функций, без которых повстанцы не смогли бы осуществить порученных им боевых заданий. Повстанцам был всеобщим¹⁸. Однако со все большим беспорядком варшавяне направляли свои взгляды на восток, откуда уже ближе на рубеже июля и августа доносились отголоски боев, которые вела с немцами Красная Армия. Но эти отголоски становились все слабее и, наконец, вообще стихли. Поляки, полные надежды, обращались и на небо, откуда ожидалось массовые сбросы оружия, боеприпасов, медикаментов и т. п. Их, как здесь полагали, должна была обеспечить авиация западных союзников. Повстанцы, к сожалению, не знали, что английские командиры, которые должны были направлять к Варшаве самолеты со снабжением польских баз, были решительно против, опасаясь неминуемых потерь машин и летного состава.

Первый небольшой сброс был произведен 4 августа. Позже, под давлением поляков и с разрешения Черчилля — по предложению и другим. По оценкам, в августе и сентябре на Варшаву и в близлежащие леса (Кампиноскую пущу и Кабарские леса) было сброшено 1 344 единицы стрелкового оружия (солдаты Армии Крайовой обнаружили 530 из них), 1 110 пистолетов-пулеметов (найдено 1 523), 380 ручных пулеметов (обнаружено 150), 48 882 единицы боеприпасов для стрелкового оружия (подобрано 19 312), 3 323 998 — для пистолетов-пулеметов (обнаружено 1 313 239), 1 907 342 — для ручных пулеметов (найдено 753 549), 13 739 ручных гранат (найдено 5 427), 3 115 противотанковых гранат (обнаружено 1 230), 8 460 кг взрывчатых веществ (подобрано 4 412 кг)¹⁹. Такая помощь значительно улучшила вооруженность повстанцев, но перевесить чашу победы на их сторону она не в состоянии. Восставшие могли одержать верх только в результате успешных операций Красной Армии, которая топталась на подступах к столице, неся (особенно на рубеже июля и августа) тяжелые потери.

Объем и эффективность сбросов могли бы быть несравнимо большими, если бы Москва выразила согласие на маятниковые полеты (самолеты союзников, стартующие с итальянских баз или непосредственно с аэродромов в Великобритании, после сбросов приземлялись бы на советских аэродромах). Англичане и американцы в течение

нескольких недель старались получить согласие советских властей, но оно было дано лишь 9 сентября²⁰. Благодаря этому 18 сентября 101 американский самолет «Флаинг фортресс», вылетевший с Британских островов, сбросил 1 170 контейнеров, из которых, однако, только незначительная часть попала в руки повстанцев²¹. Это было время, когда восстание уже шло на убыль.

После первоначальных успехов, сопровождавшихся и поражениями из-за трудностей с захватом особо важных объектов и коммуникаций, повстанцы овладели несколькими большими, но изолированными районами Варшавы. Там издавались польские газеты (за время восстания вышло в свет более 130 наименований) — часть из них выходила с первого до последнего дня восстания. Борющаяся столица имела постоянную радиосвязь с Лондоном и таким путем передавала сотни документов, прокламаций, важную информацию и т. п.

Все это происходило под непрерывным огнем неприятеля, его артиллерии, танков и авиации. Командовал силами, которые должны были подавить восстание, генерал СС Э. фон дем Бах, который вступил в свои обязанности 5 августа. К 20 августа он располагал силами, превышавшими 21 тыс. человек. Подчиненные Баху части приступили к плановым действиям по захвату отдельных районов, сея повсюду огонь и разрушения. Первыми убедились в этом районы Воля и Охота. 5 августа Г. Франк, возглавлявший так называемое генерал-губернаторство (с центром в Кракове), в телеграмме, направленной в Берлин, докладывал: «Варшава в преобладающей части пылает. Сжигание домов является вернейшим средством ликвидации повстанческих убежищ. <...> В миллионном городе среди жителей царит неопишуемая нужда. После подавления либо падения восстания Варшаву постигнет заслуженное наказание полного разрушения»²². За первую неделю восстания силы, подчиненные Баху, уничтожили несколько десятков тысяч жителей Воли и Охоты, жертвами их террора стало также гражданское население всех остальных районов.

Повстанцы продолжали сражаться с необыкновенным упорством, нанося немцам значительные потери и занимая важные объекты. Особенно ярким успехом явился

захват важного немецкого пункта сопротивления в Центральном районе, каким было девятиэтажное железобетонное здание Польского телефонного акционерного общества. Это здание до конца восстания оставалось в руках повстанцев. На протяжении 36 дней (вплоть до 5 сентября) они снабдили электростанцию, снабжавшую госпитали и другие объекты повстанцев электроэнергией.

Особенно напряженные бои велись в районе Старого города, который противник окружил все крепче затягиваясь петлей. Предпринимавшиеся восставшими попытки прорвать осаду и соединиться с соседним районом, конечно, не принесли успеха. 2 сентября Старый город покинули последние его защитники отступили в Центральный район по сети подземной канализации (она уже тогда стала очень важным путем, по которому эвакуировались повстанцы, перебрасывались подразделения, пересылались сообщения. Годы спустя эпопею людей в подземных каналах показал в своем замечательном фильме «Канал» Анджей Вайда).

Вскоре после падения Старого города в ноте, направленной Молотову, английское правительство констатировало, что «общественное мнение Великобритании глубоко возмущено событиями в Варшаве и ужасными страданиями поляков. Что бы ни было правильного или ошибочного в вопросе начала варшавского восстания, само население Варшавы не может нести ответственности за принятое решение. Наш народ не может понять, почему извне не была направлена помощь техникой полякам в Варшаве. Тот факт, что такая помощь не могла быть выслана из-за отказа правительства СССР в разрешении на приземление американских самолетов на аэродромах, находящихся в русских руках, становится общеизвестным. Если, однако, при всем этом полякам в Варшаве будут давить санкции, общественное мнение будет непредсказуемо потрясено. Сам Военный кабинет не в состоянии понять от имени Вашего Правительства принять во внимание обязательства британского и американского правительств, задерживающего высылку помощи полякам в Варшаве. И это представляется нам несовместимым с духом сотрудничества Союзников...»²³.

О других аспектах и перспективах борьбы в Варшаве информировали 6 сентября польскому премьер-министру

и Верховному главнокомандующему в Лондон делегат правительства, вице-премьер Я. Янковский и командующий Армией Крайовой генерал Т. Бур-Коморовский. Они считали, что из-за отсутствия помощи извне повстанцам остается только следующее: 1. Борьба до конца. 2. Полностью капитулировать. 3. Капитулировать отдельными районами, в очередности, зависящей от того, против какой из них обратится острое немецкого удара. Выбор одной из этих возможностей будет зависеть от стойкости и поведения армии и населения, от положения с боеприпасами и продовольствием. Они писали далее, что подавление восстания в Варшаве будет иметь не столько военные, сколько политические последствия. «Представляется очевидным, что после поражения восстания в Варшаве власть перейдет в руки коммунистов и по всей стране»²⁴.

Руководители восстания высказывали эти мнения в ситуации, когда повстанцы уже испытывали недостаток боеприпасов во всем. Немцы систематически разрушали захватываемые у повстанцев районы, отесняли их от Вислы, а положение гражданского населения становилось все более трагичнее. Реальной становилась капитуляция, которую старался добиться фон дем Бах и согласие на которую рассматривалось в руководящих кругах восстания.

Прилив новых надежд был вызван активизацией Красной Армии. В городе снова стала слышна ее артиллерия, появилась советская авиация, что давало возможность положить конец господству в небе над Варшавой немецких самолетов.

3 сентября маршал К.К. Рокоссовский поставил новые задачи частям подчиненных ему войск — они должны были провести локальную наступательную операцию. Ее целью было разгромить немецкие войска, защищавшие подступы к Варшаве, и выйти к Висле от устья Бугонарева по направлению к Модлину до Праги. Наступление на пражском направлении началось 10 сентября, а несколько дней спустя, 14 сентября, Прага уже была свободна. Красная Армия встала по другую сторону от повстанческой Варшавы.

В те дни командующий Армией Крайовой докладывал в Лондон: «Крупномасштабное советское наступление на Прагу. Как кажется, с успехом. У советской авиации есть перевес. Даже ничтожные сбросы и советско-герман-

ские воздушные бои очень улучшили настроения среди солдат и гражданского населения, укрепили волю устоять до конца. Коллективистский коллективный психоз»²⁵. Казалось, что в этот момент Красная Армия вступит в левобережную Варшаву.

Повстанцы вновь поверили в возможность победы, тем более что советские самолеты сбрасывали помощь. В начале сентября части, подчиненные Польскому комитету национального освобождения, предприняли десант, переправившись через Вислу с пражского берега реки. На следующий день, 17 сентября, в «Информационном бюллетене» — популярнейшей газете повстанческой Варшавы, издаваемой Армией Крайовой, появилось заявление: «Варшавское восстание вступает в свою последнюю, решающую фазу. В ближайшее время можно ожидать атаки советских войск, прямой целью которой будет вытеснение немцев из Варшавы. День, когда это наступит, будет последним днем восстания и первым днем работы по подготовке совместной, вместе с Красной Армией, борьбы с немцами в открытом поле».

Но акции, предпринятые в рамках десанта 1-й армии Войска Польского (продолжавшиеся до 23 сентября), закончились неудачей. На варшавские плацдармы было переправлено 2 614 солдат и офицеров, из них убито 1 087 (76%), эвакуировано 627 (24%), в том числе 289 раненых. Кроме того, на пражском берегу погибло 310 и было ранено 1 178 человек. Десант 1-й армии Войска Польского закончился поражением. Судьба Варшавы была предопределена.

Под ударами немцев один за другим сдавались районы города. Командование восстания решило вступить в переговоры о капитуляции. В 2.00 3 октября был подписан договор о прекращении военных действий в Варшаве в 11.00. Солдаты и офицеры Армии Крайовой должны были пользоваться всеми правами Женевской конвенции, в соответствии с которой военнопленные «не будут преследоваться за свою военную и политическую деятельность, как во время борьбы в Варшаве, так и в предыдущий период», а по отношению к гражданскому населению, находившемуся в городе в период боев, «не будет применяться коллективная ответственность». Должна была быть обеспечена сохранность оставленного в городе

общественного и частного имущества. Срок сдачи повстанцев в плен был установлен на 4 и 5 октября²⁶.

В действительности же город был обречен немцам на гибель, а его население на страдания. Э. фон дем Бауэр получил приказ умиротворить город, «т. е. сравнять Варшаву с землей еще во время войны, если этому не препятствуют военные соображения в области фортификации». Информировав об этом Г. Франка, немецкий губернатор Варшавы, пребывавший за ее пределами, извещал, что «этот новый приказ фюрера о разрушении Варшавы имеет огромное значение для дальнейшей политики в отношении поляков»²⁷.

В ходе варшавского восстания погибло около 16 тыс. повстанцев, 25 тыс. было ранено, более 15 тыс. попали в плен. Огромные потери понесло гражданское население. В развалинах, огне и в результате массовых убийств потеряли жизнь около 180 тыс. человек. Около 50 тыс. были отправлены в концлагеря, а 150 тыс. — на принудительные работы в Германию. Все население Варшавы было вывезено из города. Лишь немногим удалось скрыться в развалинах.

Значительные потери понесли и немцы: около 17 тыс. убитыми, 9 тыс. ранеными, около 2 тыс. взятыми в плен. Повстанцы уничтожили несколько десятков танков и штурмовых орудий и повредили более 200. Огромными были материальные потери столицы. В ходе двухмесячных боев разрушено около 25% ее застройки. За капитуляцией последовали дальнейшие разрушения.

Восстание началось по сигналу Главного командования Армии Крайовой, с согласия делегата правительства и с одобрения самого польского правительства в Лондоне. Оно имело свои предпосылки — военные (расчет делался на успех операций Красной Армии), политические (занятие города перед вступлением в него советских войск) и психологические (варшавская молодежь уже давно ждала приказа к бою). Решение о нем было вполне суверенным, принятым, впрочем, без согласия Великобритании и США и без ведома Советского Союза. Восстание, которое должно было явиться кульминационной точкой в борьбе поляков за суверенное государство, привело к гибели города. Оно было делом рук солдат Армии Крайовой и гра-

жданского населения столицы, но в боях участвовали и другие вооруженные организации, в том числе отряды коммунистической Армии Людовой. Таким образом, это был всеобщий порыв жителей столицы.

1 октября в последнем номере повстанческого «Информационного бюллетеня» говорилось: «Борьба закончилась завершенным более чем двухмесячным периодом одной из самых возвышенных и самых трагических страниц нашей истории. <...> Счет наших потерь и выигрышей, заслуг и ошибок, жертв и завоеванных ценностей мы должны оставить истории. <...> Поражение, размеров которого мы не хотим преуменьшать, — это поражение одного из самых важных этапов нашей борьбы за свободу. Оно не является поражением нашего народа, наших планов и исторических идеалов. Из пролитой крови, из коллективных страданий и тягот, из страданий тел и душ наших вырастет новая Польша — свободная, сильная, великая. <...> Эта борьба — самый реальный, высший завет, написанный кровью миллионов жертв и героев восстания».

Тем не менее преобладали горечь ужасного поражения и сознание тщетности усилий. 50 лет спустя польский историк А. Пачковский написал, что поражение восстания «отнимало надежду на сохранение территориальной целостности и государственного суверенитета. Героизм повстанцев и достоинство гражданского населения вызвали восхищение поляков и иностранцев, но чувству горечи было суждено прийти много позже, когда борьба за «непокоренного города» стала одним из наиболее ярких символов сопротивления всем врагам и преодоления всех препятствий»²⁸.

Э. Дурачинский

ПРИМЕЧАНИЯ

²⁶ По общей проблематике истории Польши в 1939—1945 гг. см.: *Garlinski J. Poland in The Second World War. London, 1985; Luczak Cz. Polska i Polacy w drugiej wojnie swiatowej. Poznan, 1993; Paczkowski A. Pól wieku dziejów Polski 1939—1989. Warszawa, 1995.*

- 2 Об истории и политике польского правительства см. *Duraczynski E.* Rzad polski na uchodźstwie 1939–1945. Warszawa, 1993.
- 3 На эту тему см.: *Ciechanowski J.M.* Powstanie Warszawskie. Zarys pod kątem politycznym i dyplomatycznym. Warszawa, 1984; *Zawodny J.K.* Powstanie warszawskie w walce i dyplomacji. Warszawa, 1994; *Bieniecki K.* Lotnicze wsparcie Armii Krajowej. Kraków, 1994.
- 4 См.: *Raack R.C.* Stalin's drive to the west 1938–1945. The Origins of The Cold War. Stanford; California, 1995.
- 5 См.: *Salmonowicz S.* Polskie państwo podziemne. Kraków, 1999.
- 6 См. цитировавшиеся выше работы Я. Цехановского, Я. Заводного, Э. Дурачиньского; см. также: *Kersten K.* Narodziny systemu w ładzy. Polska 1943–1948. Poznan, 1990.
- 7 Директива Ставки Верховного Главнокомандования от 27 июля приказывала войскам 1-го Белорусского фронта вести общее наступление на Варшаву так, чтобы 5–8 августа овладеть Прагой (правобережной частью столицы). См. Русский архив. Москва, Т. 14. 1/3, 1994. С. 201.
- 8 См. новейшую публикацию о ходе восстания: *Kunert A.* Rzeczpospolita Walczaca. Powstanie warszawskie 1944. Warszawa, 1994.
- 9 Русский архив. Op. cit. С. 218–219.
- 10 Dokumenty i materiały do dziejów stosunków polsko-radzieckich. Warszawa 1974. Т. VIII. S. 194.
- 11 Ibid. С. 199.
- 12 Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. 2-е изд. М., 1989. Т. 1. С. 296.
- 13 Ibid. С. 296–297.
- 14 *Polonsky A.* The Great Powers and The Polish Question 1941–1945. London, 1976. P. 216.
- 15 Некоторые польские авторы (см. напр.: *Dzikiewicz L.* Zbrodnia Stalina na Warszawie. Warszawa, 1994) даже приводят точные даты такого приказа, но не цитируют источников этой информации.
- 16 См.: *Duraczynski E.* Powstanie warszawskie – badania i sporządzenie ciągu dalszy // Dzieje Najnowsze. 1995. № 1.
- 17 По общей проблематике политики «большой тройки» см. *Edmonds R.* The Big Three: Churchill, Roosevelt and Stalin. Peace and War. London, 1991; *Gardner L.C.* Spheres of Influence: The Great Powers Partition Europe, from Munich to Yalta. Chicago, 1993.
- 18 См.: *Hanson J.* Nieludzkiej poddani próbie. Ludność cywilna w powstaniu warszawskim. Warszawa, 1989.

- 19 *Duraczynski E.* Rzad polski. Op. cit. S. 378.
- 20 *Polonsky A.* The Great Powers. Op. cit. P. 219.
- 21 *Bieniecki K.* Lotnicze wsparcie. Op. cit. S. 306–307.
- 22 Okupacja i ruch oporu w Dzienniku Hansa Franka, 1939–1945. Warszawa, 1972. Т. II. S. 546.
- 23 Armia Krajowa w dokumentach 1939–1945. London, 1989. Т. VI. S. 499.
- 24 Ibid. London, 1977. Т. IV. S. 283.
- 25 Ibid. S. 313.
- 26 Ibid. S. 329–432.
- 27 Okupacja i ruch oporu. Op. cit. S. 613.
- 28 *Paczkowski A.* Pół wieku dziejów Polski. Op. cit. S. 122–123.

Немцы и война против Советского Союза

Германская агрессия против Советского Союза, начавшаяся 22 июня 1941 г., не была обычной войной. Она отличалась и от прежних военных кампаний нацистской Германии. Восточный поход нацистское руководство с самого начала планировало как расовую «мировоззренческую войну», как войну на уничтожение, с помощью которой раз и навсегда должен был быть разрушен так называемый еврейский большевизм, а для немецкого народа завоевано давно и неоднократно обещанное «жизненное пространство». Время нападения на СССР определялось ходом войны на Западе, сама же война заранее тщательно готовилась. Нацизм считал эту войну необходимой. Нацистская система изначально была рассчитана на войну, вне которой она просто немыслима.

Уже в марте 1941 г. начальник генерального штаба сухопутных войск Ф. Гальдер записал в своем дневнике о речи, произнесенной Гитлером перед генералами: «Борьба будет очень отличаться от борьбы на Западе. На Востоке жестокость — благо для будущего». И далее: «Мы должны отрешиться от идеи солдатского товарищества. Никогда коммунист не был и не будет нам товарищем. Речь идет о борьбе на уничтожение... Мы ведем войну не для того, чтобы сохранить врага». Но Гитлер был не единственным, кто говорил о решающей борьбе на уничтожение. Мысль о «беспощадности», касавшейся и отношения к мирному населению, пронизывала многие политические и военные документы.

«Война против России, — подчеркивалось в совершенно секретном документе о «ведении боевых действий

и танковой группой генерала Э. Хепнера в мае 1941 г., — является важной частью борьбы за существование немецкого народа. Это — старая борьба германцев против славян, защита европейской культуры от московито-азиатского потока, оборона против еврейского большевизма. Главной этой борьбы должно стать превращение в развалины сегодняшней России, и потому войну нужно вести беспощадной жестокостью. Все боевые действия по захвату и исполнению должны быть с железной последовательностью направлены на полное и беспощадное уничтожение врага». Этот документ не только обнаруживает задуманную планировавшуюся «невероятную жестокость» намерений войны, но и вскрывает идеологические предпосылки такой установки. В нем нашли проявление антирусские и антибольшевистские образы врага, глубоко укоренившиеся в германской истории и обществе. Такие взгляды были свойственны даже тем офицерам и солдатам, которые считались убежденными или восторженными нацистами. Они также разделяли представления о «вечной борьбе германцев против славян, о защите европейской культуры от «азиатских орд», о «германской преграде против азиатского потока», о культурном призвании и праве господства немцев на Востоке. Образы врага подобного типа были широко распространены в Германии, они принадлежали к числу «духовных ценностей». Даже в сознании немецких левых критика царской системы господства нередко связывалась с негативным клише о «русских» вообще.

С 1917 г. помимо старых стереотипов стали культивироваться «страх перед большевизмом», идея спасения Запада от большевизма. В нацистской пропаганде сомкнулись антисемитизм и антибольшевизм. «Еврейский большевизм» в процитированном документе оценивался как «мировая опасность номер 1», как «враг», борьба против которого должна вестись не на жизнь, а на смерть. Внутренняя логика подобной пропаганды была беспощадна: или — или. Однако нельзя не учитывать, что наряду с этим существовала и имевшая большие последствия традиция империализма. Еще в канун первой мировой войны немецкие империалисты настояли на экспансии на Восток. С заключением мира в Брест-Литовске в 1918 г. империалистические надежды на короткое время восторжествовали. Память

о том, что немцам уже довелось однажды добиться военного господства на Востоке, побуждала к новым попыткам завоевать там для Германии «жизненное пространство».

В свете сказанного документ генерала Хепнера вообще не является исключительным случаем. Его формулировки встречаются в разных вариациях в армейских приказах и после нападения на СССР. Так, генерал Г. Хот в одном из приказов о ведении войны, датированном серединой ноября 1941 г., отметил, что «восточный поход должен быть доведен до конца иначе, чем, например, война против французов». «Эта борьба может быть окончена только уничтожением одного или другого, примирение исключено». Далее Хот добавлял: «Сострадание и мягкость по отношению к населению здесь совершенно неуместны... Каждый шаг активного или пассивного сопротивления или каких-либо маневров большевистско-еврейских поджигателей должен быть немедленно и безжалостно пресечен». И наконец: «Солдаты должны понять необходимость жестоких мер против элементов, чуждых народу и господствующей расе».

За несколько недель до этого, в октябре 1941 г., генерал-фельдмаршал В. фон Райхенау в приказе «О поведении войск в восточном пространстве» требовал: «Солдат на Востоке является не только борцом согласно правилам военного искусства, но и носителем непреклонной народной идеи и мстителем за все зверства, которые были причинены немецкому и родственным ему народам». Отдавая Райхенау дань и антисемитизму: «Немецкий солдат должен в полной мере осознавать необходимость жестокого и справедливого возмездия еврейским недочеловекам».

Не только военные, но и гражданские ведомства при планировании экономической эксплуатации завоеванных областей исходили как из само собой разумеющегося, что «многие десятки миллионов» стали бы в этих областях «излишними» и должны были либо умереть, либо «переселиться в Сибирь». Такой позиции придерживался, в частности, «экономический штаб "Восток"». В мае 1941 г. в «протокольной записи» обсуждения статс-секретарям важнейших министерств в сжатом виде было зафиксировано следующее: «1. Войну можно будет продолжать лишь в том случае, если весь вермахт на третьем году войны

начиная с 1939 г.) будет содержаться за счет России. При этом, вне сомнения, многие миллионы людей должны голодать, поскольку все необходимое для нас будет привезено из страны».

Таким основным установкам соответствовали немецкое руководство войной и оккупационная политика. Один из военнопленных вермахта, принимавший участие в захвате Брест-Литовской крепости, вспоминал: «...Там не было речи о пощаде. Для нас это были коммунисты. Мы тогда говорили "большевистские орды"... Русские — только для уничтожения. Не только победить их, но уничтожить». Здесь нет возможности в подробностях описывать детали боевых действий и практику господства немцев над Советском Союзе. Назову лишь важнейшие обстоятельства дела: бесчеловечное обращение с советскими военнопленными, особенно в первое полугодие, когда выжить удалось лишь немногим; систематическое уничтожение политических функционеров, «комиссаров»; геноцид по отношению к евреям и акции уничтожения других групп населения, рассматривавшихся как «нежелательные»; на деле часто безжалостная война против гражданского населения; почти трехлетняя голодная блокада Ленинграда; уничтожение тысяч городов и деревень Советского Союза; насильственный вывоз миллионов женщин и мужчин на принудительные работы в Германскую империю; и не в последнюю очередь политика «выжженной земли» во время немецкого отступления.

Гиммлер, шеф СС и германской полиции, отдавая своим в сентябре 1943 г. следующее распоряжение: «Необходимо добиться, чтобы при оставлении территории на Украине не сохранились ни один человек, ни одна животное; все дома, все шахты должны быть разрушены за годы, все колодцы отравлены. Противник действительно должен застать абсолютно сожженную и разрушенную страну». И это была не простая тирада ненависти, а конкретное указание, как надо действовать, и во многих областях поступали именно так не только войска СС, но и немецкий вермахт — регулярные войска.

Не подлежит никакому сомнению, что эта война велась немцами преступным образом и что она должна быть отнесена к величайшим преступлениям в истории. Столь

же очевидно, что при этом нельзя обнаружить никакого различия в ответственности за чисто военные и политико-идеологические действия. Германский вермахт был существенной составной частью нацистской системы господства, и преступления, которые совершались в СССР не могут быть отнесены лишь на счет СС и полиции. Естественно, я не хочу при этом возродить тезис о «коллективной вине» 10 млн немецких солдат, которые в течение того или иного времени принимали участие в войне против Советского Союза. Имелись существенные различия, и, разумеется, не все солдаты и офицеры причастны к преступлениям. Отдельные из них протестовали, другие осторожно самоустраивались от участия в злодеяниях, третьи дезертировали. Были также люди, и не в последнюю очередь из среды высших офицеров, оказавшие открытое сопротивление Гитлеру и террористической системе нацизма под воздействием преступлений в СССР, свидетелями которых они стали. Однако в целом вермахт был важным орудием преступлений. В научных исследованиях об этом сегодня больше нет разночтений, но среди немецкой общественности эти научные выводы получили признание все еще в недостаточной мере.

За несколько дней до нападения на Советский Союз министр пропаганды Й. Геббельс после разговора с Гитлером записал в своем дневнике: «Фюрер рассчитывает акцию приблизительно на 4 месяца, я — на меньший срок. Большевизм рухнет, как карточный домик. Мы находимся накануне беспримерного победоносного похода». Прогноз, как мы знаем, не мог быть более ложным. Действительно, рассчитывая на «молниеносную войну» против СССР, послали войск не больше, чем против Франции. Планирование на зимний период сочли излишним. Но реальность выглядела абсолютно иначе. Война закончилась не взятием Москвы осенью 1941 г., а германской капитуляцией в советской ставке в Берлине — Карлсхорсте 8 мая 1945 г.

Война, начатая немцами с чувством превосходства и гарантированной победы, оказалась крайне затяжной и чрезвычайно кровопролитной, в любом отношении ужасной. Окончательный результат для обоих государств и прежде всего для людей в этих государствах, означа-

катастрофу. Советский Союз (и его преемники. — Пер.), несмотря на военную победу и связанное с ней доминирующее положение в Европе, до сих пор страдает от экологических, а также политических последствий войны. Прежде говорили о 20 млн погибших советских граждан, число, которое превосходит все возможные представления. Между тем складывается впечатление, что и эта цифра должна быть уточнена в сторону увеличения, что число убитых значительно больше, чем предполагали раньше. Для немцев последовали страх и изгнание из восточных областей империи («завоевание» собственной страны), долгие годы военного плена около 3 млн немецких солдат в Советском Союзе, почти на столетия — раздел страны с вынужденным отказом от демократии для большей части немецкого народа. Эти последствия для немцев были очень тяжелыми, но они не шли ни в какое сравнение с совершенными ими преступлениями и страданиями советского народа. Это несоответствие между причиной и следствием правящий бургомистр Берлина Марвил при открытии в 1992 г. выставки о войне против Советского Союза следующей формулой: «Мы посеяли бурю и пожали ветер».

Когда размышляешь над темой «Немцы и война против Советского Союза», нельзя ограничиваться лишь 1941—1945 гг., то есть вопросом о том, как немцы вели эту войну. Сегодня, полвека спустя, речь должна идти и о том, как немцы обошлись с памятью о войне. Здесь прежде всего необходимо отметить, что большинство немецкого населения восприняло 1945 г. как поражение, а освобождение от нацизма — как порабощение. В отношении советских армий и после поражения продолжали сказываться антисоветские стереотипы. Страх и ужас по отношению к советским войскам были распространены в значительно большей степени, чем в отношении англичан или американцев. Действительно, в первые дни прихода Красной Армии ее бойцами допускались значительные эксцессы, ограбления, насилие. Но публицист Э. Куби не ошибся, когда, оглядываясь назад, заявлял, что советские солдаты могли бы вести себя и как карающая «небесная рать», руководствуясь одной лишь ненавистью к немецкому населению. Многие немцы более или менее опреде-

ленно знали, что именно произошло в Советском Союзе и поэтому опасались мести или расплаты той же монетой.

За исключением некоторых известных публицистов значительное большинство немцев в первые послевоенные годы было не в состоянии открыто и беспощадно критиковать то, что совершила Германия в Советском Союзе. В ноябре 1941 г. немецкий солдат писал своей жене с советского фронта: «Я плакал очень редко. Лишь когда снова буду у вас, отдохнув и преодолев себя, мы должны будем очень много плакать, и ты поймешь в этом твою вину и вину моего мужа». Но как раз это — оплакивание всего того ужасного, что довелось пережить, а может быть, даже и совершить, — в Германии после войны едва ли произошло. На первый план вышли собственные страдания и потери, боль от смерти близких, забота о военнопленных и пропавших без вести, бегство и ежедневная борьба за выживание. Казалось, что собственные страдания сделали народ неспособным к восприятию немецких преступлений и немецкой вины. Едва прошел первый испуг, начали говорить о несправедливости других, о «юстиции победителей». «И теперь, — писал в 1947 г. в журнале "Франкфуртер хэфте" Э. Когон, — мы громко требуем правосудия для нас! Знаем ли мы, что мы с ним сделаем и что это означает?» Немецкий народ в действительности может считать себя счастливым — его не постигло правосудие.

Забвению прошлого, начавшемуся непосредственно после войны, не был решительно положен конец и в последующие годы. Наоборот, «холодная война», по крайней мере в ФРГ, возродила старые образы врагов, хотя и без антисемитских компонентов. Слишком жадно ухватились тогда за шанс — пусть задним числом, но почувствовать себя на «правильном пути». Федеральный канцлер К. Аденауэр в 1955 г. во время переговоров об установлении дипломатических отношений ФРГ с Советским Союзом заявил, что во время войны с обеих сторон произошло «много плохого» и теперь лучше обратиться к будущему. Таким образом, он верно выразил преобладавшее в Федеративной Республике представление о «взаимных обидах». Многие функционеры «третьей империи» были реабилитированы, воспоминание о войне сведено к Сталинграду, большому напряжению сил «солдат-земляков», гряз-

нью в плену. Немцы в ГДР во время «холодной войны» были на стороне Советского Союза, но и там наблюдалось ступение памяти. Вспоминали о войне и ее жертвах, ритуалы быстро окостеневали и концентрировались на том, чтобы у Советского Союза «учиться побеждать». Извлечение уроков сводилось к тому, что Сталинград представляли в качестве предостережения, но при этом видели в виду так называемый западногерманский империализм. Знание о войне было превращено в политический инструмент, конкретной работы по преодолению прошлого в ГДР было столь же мало, как и в ФРГ.

Лишь с конца 60-х годов, с «новой восточной политикой» руководимого социал-демократами федерального правительства, с заключением договоров с Польшей, Союзом и между двумя германскими государствами в ФРГ началось медленное, часто искусственно преодоление ложных идеологических штампов. Политический климат изменился в пользу критического переосмысления германо-советского прошлого. И научное исследование выступило теперь с обширными, опирающимися на широкую источниковую базу темами, ранее запрещенными. В их числе — обращение с советскими военнопленными, принудительный труд, «оперативные группы» СС и полиции, участие вермахта в больших преступлениях.

В 80-е годы интерес к критическому осмыслению войны значительно усилился, что не могло не привести к серьезным дискуссиям в обществе. Например, внутри евангелической церкви требовали «ясного признания вины» по отношению к Советскому Союзу как непременной предпосылки для «нового начала связей с Советским Союзом». Именно в ситуации, когда советская политика сначала сделала возможным процесс демократизации в ГДР, а затем и объединение двух немецких государств, это представляется особенно важным — даже более важным, чем прежде, — чтобы воспоминания о войне, правды о ней не были утрачены.

Р. Рюруп

Они умеют защищаться и стоять насмерть...

Когда кончилась война, мне представилась возможность заглянуть «внутрь вражеского стана», увидеть, что происходило там, на другой стороне за линией фронта. Выполняя одно служебное задание, я на протяжении длительного времени имел контакты с немецкими генералами и адмиралами. В ходе многочисленных бесед с ними собрал их свидетельства о событиях войны еще до того как они стали стираться в памяти или приукрашиваться под воздействием мыслей, родившихся позднее.

Предостережения по поводу нацистской угрозы, с которыми я выступал, и мое резко отрицательное отношение к политике «умиротворения» хорошо известны тем, кто в Америке и в Европе читал мои предвоенные статьи и книги. Я призывал обратить внимание на зловещие признаки грядущей опасности еще до прихода Гитлера к власти.

Во время войны многое выглядит не так, как впоследствии — в более ясном свете послевоенного времени. Перед войной, и в еще большей мере в период победного марша по странам Запада, Гитлер казался людям гигантской фигурой, ему приписывали стратегический дар Наполеона, хитрость Макиавелли и фанатическую одержимость Магомета. После первых же поражений в России он стал меньше ростом, к концу войны фюрера стали считать незадачливым дилетантом в военном искусстве, сумевшим сбродные приказы и стратегическое невежество которых сослужили хорошую службу союзникам. Все катастрофические провалы немецких вооруженных сил приписывались Гитлеру, а все победы — немецкому генералитету.

Это конечно, неверно. Просто в ходе кампании на русском фронте его недостатки перетянули чашу весов, а окончательный баланс привел к банкротству. Но не следует забывать, что Наполеон, профессиональный полководец, в наименьшей степени был ослеплен блеском своих побед и совершил те же роковые ошибки в той же стране.

Советские танки — лучшие танки войны

Если взлет Гитлера привел к более быстрой перекройке карты Европы, чем даже войны Наполеона, то добитые им успехи Гитлеру в основном помогло создание в немецкой армии мощных бронетанковых сил. Без этих танковых дивизий он никогда бы не смог осуществить своих замыслов. Они в большей степени, чем люфтваффе того рода «квислинги», были решающим инструментом его побед.

Я написал подробный рассказ о возникновении немецких танковых дивизий генерала фон Тома — самого знаменитого танкового эксперта Германии после Гудериана. Томас рассказал о зарождении и развитии бронетанковых сил немецкой армии после того, как Гитлер избавил ее от ограничений, наложенных Версальским договором. «Мы получили в 1934 г. настоящие танки, и это было прекрасно, но за многих лет тактических занятий с фанерными макетами» (в 1935 г. Гитлер объявил, что отказывается от выполнения военных постановлений Версальского договора: «эта политика наращивания вооружений поддерживалась соседними державами, которые открыто поощряли Гитлера в агрессии против Советского Союза. — Примеч. ред.)).

В 1936 г., когда вспыхнула гражданская война в Испании, Тома был командирован туда немецким генштабом. Несколько, — поясняет он, — мы считали, что Испания будет для нас европейским полигоном. Я вылетел туда в ночь, когда должен был начаться мятеж, инспирированный генералом Франко и договорился о том, как мы будем помогать ему. Я командовал всеми немецкими сухопутными войсками в Испании... Мы поставляли Франко артиллерию, самолеты и танки. Первая партия немецких танков Т-1 прибыла в сентябре. Затем в октябре поступила

вторая, более крупная партия. В конце июля стали прибывать и русские танки. Это были танки более тяжелого типа, чем наши, вооруженные только пулеметами, и я объяснял марокканским солдатам 500 песет за каждый захваченный русский танк, так как с удовольствием использовал бы их в наших частях. Генерал Франко хотел распределить танки небольшими группами по пехотным дивизиям. Мне пришлось постоянно бороться против этой тенденции и отстаивать необходимость сосредоточения танков в мощной группировке. Успехи франкистских войск во многом объяснялись именно массированным применением танковых сил.

Ко времени нашего наступления на Западном фронте в мае 1940 г. у нас было десять полностью оснащенных танковых дивизий и танковый полк СС «Лейбштандард Адольф Гитлер», который по численному составу и технике значительно превосходил обычные полки. Число средних танков в дивизиях к этому времени возросло, хотя их все еще немало было и легких танков».

Генерал Мантейфель считал самым лучшим танком в мире советский танк «Иосиф Сталин» — ИС-2. В нем удачно сочеталось мощное оружие (122-мм пушка), толстая броня и низкий силуэт, по скорости он превосходил тяжелый немецкий танк «Тигр» и почти не уступал лучшему немецкому среднему танку «Пантера». ИС-2 к тому же обладал лучшей маневренностью, чем любой немецкий танк.

Плохо выученный урок Наполеона

В качестве примера Мантейфель рассказал об оборонительных боях, которые он вел против наступающих советских войск под Яссами в Румынии в начале мая 1944 г. «Разгорелось танковое сражение, в котором с обеих сторон участвовало около 500 боевых машин. В этих боях я впервые столкнулся с танками „Иосиф Сталин“ (ИС-2). Мы были потрясены, обнаружив, что наши „Тигры“, открыв огонь по советским танкам с расстояния в два километра, хоть и добились ряда попаданий, но снаряды и орудий не пробивали броню, пока дистанция не сократилась

до удвоенного. Нам пришлось противопоставить техническому превосходству русских мобильность, маневр и умелое использование рельефа местности».

Гитлер рассчитывал уничтожить основные силы Красной Армии не доходя до Днепра. Когда эти расчеты оказались сорванными, он какое-то время не мог решить, как продолжать дальше. Когда он наконец предпринял наступление на Москву, было уже слишком поздно, чтобы успешно добиться успеха до прихода зимы.

«Первое время мы не встречали сильного сопротивления», — говорит генерал Блюментрит, — но наступление шло медленно, дороги развезло, наши войска услаивались. К тому же мы натолкнулись на хорошо укрепленную оборону на реке Нара и были остановлены подошедшими свежими русскими частями.

Все командиры начали спрашивать: „Когда же мы остановимся?“ Они помнили, что случилось с армией Наполеона. Многие из них начали перечитывать мрачные мемуары французского посла Коленкура о 1812 г. Эти мемуары действовали угнетающе в критические дни 1941 г. Мне кажется, я вижу командующего 4-й армией генерал-маршала Клюге, как он, с трудом вытягивая ноги из ушей, идет по двору к себе на командный пункт, а там прямо стоит перед картой с книгой Коленкура в руках».

Мне особенно интересно было это замечание Блюментрита потому, что в августе 1941 г., когда, казалось, ничто не могло остановить немецкое наступление, он написал статью в октябрьский номер журнала «Стрэнд», используя многочисленные цитаты из Коленкура, чтобы показать обреченность гитлеровского похода на Россию. Он сказал Блюментриту, что гитлеровские генералы, видя, что слишком поздно стали вспоминать Коленкура. Он утвердительно кивнул, мрачно усмехнувшись.

Гитлер, считавший, что оборона русских вот-вот развалится, все же отдал приказ о решающем броске на Москву. Приказ гласил, что «Кремль должен быть взорван, чтобы возвестить о свержении большевизма», — рассказывал Блюментрит. — Первой перешла в наступление танковая группа генерала Гепнера на нашем левом фланге». Но быстрого успеха перед лицом решительных русских контратак достичь не удалось. Мы несли тяжелые потери.

Затем пошел снег. Фланговые контратаки русских продолжались, и Гепнеру пришлось отвлекать все большую и большую часть своих сил для отражения этих ударов. 2-я танковая дивизия достаточно глубоко вклинилась в оборону противника, чтобы увидеть башни Кремля, но ближе к Москве им продвинуться не удалось.

После недельной передышки, когда почва замерзла, 2 декабря находившиеся под командованием Клюге войска возобновили наступление. Но уже ко второй половине дня в штаб стали поступать донесения, что оно натолкнулось на сильную оборону русских в лесах под Москвой.

Поражение под Москвой

«Отдельные подразделения 258-й пехотной дивизии пробивались к пригородам Москвы. Но русские рабочие вышли со своих предприятий и вступили в бои, защищая свой город.

В течение ночи русские нанесли сильные контрудары по вклинившимся в их оборону изолированным немецким частям. На следующий день командиры наших корпусов доложили, что, по их мнению, прорвать оборону русских невозможно. Вечером мы с Клюге подробно обсудили сложившееся положение и решили отвести назад наши передовые части. По счастью, русские не заметили их отступления, так что нам удалось оттянуть их назад в относительно сносном состоянии. Но за два дня этих боев мы понесли тяжелые потери.

Это решение оказалось весьма своевременным и позволило нам избежать более серьезных последствий в связи с начавшимся общим контрнаступлением войск противника, в которое маршал Жуков бросил около сотни дивизий.

Под их массированным нажимом наше положение с каждым днем становилось все более опасным. Наконец до сознания Гитлера дошло, что мы не сможем сдержать их натиск, и он неохотно дал согласие на отвод немецких войск на оборонительные позиции в тылу. У нас не было достоверных сведений о силе имевшихся у русских подкреплений. Они очень хорошо скрывали свои ресурсы».

Это было концом попытки Гитлера захватить Москву и его последним наступлением на этом важнейшем участ

... фронта. Никогда больше ни один немецкий солдат не увидит Кремля, если не считать тех, кто прошел по улицам Москвы в длинной колонне пленных.

Когда Москва стала недосягаемой и наступила суровая зима, страх охватил немецкие войска, а вместе с ним росла угроза столь же страшной катастрофы, которая постигла армию Наполеона. Вопрос о том, что следует предпринять весной 1942 г., обсуждался немецким командованием на протяжении всей зимы.

Возвращаясь к этим спорам, Блюментрит рассказал мне, что ряд генералов объявили, что возобновление наступления в 1942 г. невозможно и целесообразнее сосредоточить усилия на удержании захваченной территории. Начальник генерального штаба Главного командования сухопутных сил Гальдер высказывал сильные сомнения относительно продолжения наступления. Командующий группой армий "Юг" генерал-фельдмаршал Рундштедт еще более категорично возражал против наступления и даже настаивал на отводе немецких войск на их исходные позиции в Польше. Той же точки зрения придерживался генерал-фельдмаршал фон Лееб. Хотя другие генералы не высказывали столь радикальных взглядов, большинство из них испытывало сильное беспокойство по поводу дальнейшего хода операции. После того как фюрер сместил со своих постов Рундштедта и главнокомандующего сухопутными войсками генерал-фельдмаршала Браухича, сопротивление его требованиям возобновить наступление весной 1942 г. ослабло».

Так как в начале января Блюментрит стал заместителем начальника генерального штаба Главного командования сухопутных сил, он был хорошо осведомлен о мотивах решения Гитлера. Он суммировал их следующим образом:

«Гитлер надеялся добиться в 1942 г. того, что ему не удалось осуществить в 1941 г. Он не верил, что русские смогут увеличить боевую мощь своих вооруженных сил и отказывался прислушиваться к данным, которые ему докладывали по этому поводу. Разведывательные службы получили сведения, что советские заводы на Урале и в других районах ежемесячно выпускают 600—700 танков. Когда Гальдер доложил об этом Гитлеру, тот ударил кулаком по столу и сказал, что этого не может быть. Он отказывался верить в то, во что не хотел верить.

Промышленно-экономические круги в Германии оказывали сильное давление на военных, доказывая важность продолжения наступательных операций. Они говорили Гитлеру, что не смогут продолжать войну без казахской нефти и украинской пшеницы».

Принимая роковое решение о продолжении дальнейшего наступления в глубь России, Гитлер обнаружил, что у него нет больше войск и техники для наступательных действий по всему фронту, как это было год назад. Вынужденный сделать выбор и не отваживаясь предпринять новое наступление на Москву, он решил нанести удар на юге в направлении нефтяных районов Кавказа, хотя это означало, что левый фланг наступающих на южном направлении немецких армий растянется на сотни миль. Было ясно, что, когда немецкие армии достигнут Кавказских гор, они будут уязвимы для контрударов со стороны Красной Армии в любом секторе этого тысячемильного фланга.

Единственным другим участком советско-германского фронта, где намечалось провести наступательную операцию, была Балтика. Первоначальный план операций в 1942 г. предусматривал попытку захватить в течение лета Ленинград, чтобы установить прямую связь с Финляндией и облегчить ее полуизолированное положение. За исключением Северный и Центральный фронты должны были находиться в обороне и улучшать свои позиции.

Через шесть недель после начала немецкого наступления на юге России танковые колонны генерал-полковника Клейста прорвались на Кавказ и захватили Майкоп, но пробиться дальше к основным центрам нефтяной промышленности немцы так и не смогли.

«Одной из причин наших неудач, — говорит Клейст, — была нехватка горючего. Снабжение поступало к нам по железной дороге через узкую горловину в Ростове, так как путь по Черному морю считался небезопасным. Некоторое количество горючего перебрасывалось по воздуху, но общий объем достигавших нас поставок был недостаточен для обеспечения высокого темпа наступательных операций.

Но не это было основной причиной провала операции на Кавказе. Мы могли бы достичь нашей цели, если бы мою армию не растаскивали по частям для поддерж...

...наступавших на Сталинград. Помимо некоторых изолированных частей, мне пришлось передать корпус артиллерии и все военно-воздушные силы за исключением развеывательных эскадрилий».

В это решающее лето войны
мысли всех в странах антигитлеровской коалиции
были прикованы к Сталинграду

В это время, когда немцы во второй половине августа подтянув резервы, предпринимали решительный удар на Сталинград, русские успели подбросить туда подкрепления. Задержка следовала за задержкой. Русским было не так важно укреплять оборону Сталинграда, как Кавказа, так как этот город находился ближе к их главным силам. Гитлер был разъярен этими непрерывными задержками. Само название этого географического пункта — «Город Сталинград» выглядело как вызов на бой. В попытках завладеть городом Гитлер подбрасывал к нему войска с Кавказа и из других мест — и тем самым истощал силы всей армии.

В это решающее лето войны мысли всех в странах антигитлеровской коалиции были прикованы к Сталинграду. Люди повсюду понимали, что с этим городом связана собственная судьба, так же, как и судьба России.

Трехмесячная борьба за овладение городом в тактичественном плане для немцев свелась к таранным лобовым ударам. Чем плотнее они охватывали город, тем ограниченнее становились возможности для тактического маневра как средства преодоления сопротивления врага. Сужение фронта к тому же облегчало оборонявшимся задачу переброски внутренних ресурсов на оказавшийся под угрозой сектор обороны. Чем глубже немцы втягивались в жилые районы города, тем медленнее развивалось их наступление.

На последнем этапе осады Сталинграда линия фронта проходила в нескольких сотнях метров от западного берега Волги, но к этому времени немецкий натиск в результате исключительно тяжелых потерь стал ослабевать. Каждый шаг вперед обходился им все дороже, приносил все меньше результатов.

Русские упорно оборонялись. Им приходилось перевозить подкрепления и боеприпасы на паромках и баржах

через Волгу под артиллерийским огнем. Это ограничивало размеры сил, которые они могли держать и обеспечивать снабжением на западном берегу реки для обороны города. Советское верховное командование подбрасывало подкрепления в осажденный город, но главные силы сосредоточивало на флангах с целью перехода затем в широкое контрнаступление. Напряжение сил мужественных защитников Сталинграда достигло предела, но они выстояли.

Говоря о создавшейся в Сталинграде ситуации, Бланкетриг заявил: «Если бы немецкие войска были своевременно отведены назад, это не вызвало бы паники среди них. Они были достаточно хорошо обмундированы и оснащены для боевых действий в зимних условиях и сумели преодолеть тот страх, который испытывали год назад. Но у них уже не хватало сил, чтобы удержаться на занятых позициях. А мощь русских нарастала.

Гитлер, однако, не хотел уходить из Сталинграда. Он по-прежнему требовал: "Никаких отступлений". В результате, когда русские начали зимнее контрнаступление, его армия под Сталинградом была отрезана и принуждена к капитуляции. Мы уже были слишком ослаблены предыдущими потерями, чтобы пережить такую катастрофу. Ход войны повернулся против Германии».

Курская дуга – провал последнего наступления немцев

Летом 1943 г. Гитлер вновь решил захватить инициативу и первым нанести атакующий удар на Восточном фронте. Хотя на этот раз наступление носило меньшие масштабы и велось на более узком участке фронта, чем когда-либо ранее, он бросил в атаку все имевшиеся у него резервы – включая семнадцать танковых дивизий, рассчитывая двумя сходящимися ударами окружить советские войска на выступе под Курском.

Рассказывая об этом наступлении, Клейст заявил, что сам он не питал особых надежд на его успешный исход. Но фельдмаршалы Клюге и Манштейн, командовавшие двумя наступающими танковыми группировками, были настроены весьма оптимистично.

«Если бы наступление началось шестью неделями раньше, оно, возможно, принесло бы успех, — говор

Клейст, — хотя у нас больше уже не было резервов, чтобы добиться решающей победы. Но русские заблаговременно узнали о наших приготовлениях. Они создали сильные оборонительные позиции, заминировали подходы к ним, оттянув основные силы в глубину обороны».

Когда это последнее наступление немцев выдохлось, русские сами перешли в контрнаступление. У них теперь было достаточно резервов, чтобы наращивать наступательный натиск, тогда как немцы, как азартные игроки, сделавшие рискованную ставку, растратили все силы, которые могли позволить им навязать серию затяжных оборонительных боев и даже создать позиционный тупик. В результате русское наступление развивалось безостановочно всю осень и всю зиму с редкими короткими перемилиями, вызванными больше затруднениями с подвозом снабжения, чем немецкими контрударами. Весь Южный фронт был в непрерывном движении.

Советские солдаты «умеют защищаться и стоять насмерть»

Весьма интересны и поучительны отзывы немецких генералов о Красной Армии. Наиболее четко и лаконично сформулировал свое мнение генерал-полковник Клейст: «Русские с самого начала показали себя как первоклассные воины, и наши успехи в первые месяцы войны объяснились просто лучшей подготовкой. Обретя боевой опыт, они стали первоклассными солдатами. Они сражались с исключительным упорством, имели поразительную выносливость и могли выстоять в самых напряженных боях, обходясь без многого, что считается необходимым в армиях других государств. Их командование быстро извлекло уроки из своих поражений в начале войны и вскоре стало высокоэффективным».

Гинпельскирх, 4-я армия которого была окружена на северном Днепре в результате летнего наступления русских, рассказал мне, что после того, как главная дорога наступления на Минск была заблокирована, он пытался обойти обходными путями к Припятским болотам. Но этот

район оказался непроходимым из-за действий партизан. «Я не нашел ни одного целого моста на своем пути, и мне приходилось в ходе отступления чинить их или наводить новые», — рассказывал генерал.

Когда я спросил фельдмаршала Рундштедта, в чем на его взгляд, были сильные и слабые стороны Красной Армии в 1941 г., он ответил: «С самого начала нас удивило качество и надежность русских тяжелых танков. Но у русских было меньше артиллерии, чем ожидалось, и в первое время их воздушные силы не оказали нам серьезного сопротивления».

Остановившись более подробно на советском вооружении, Клейст сказал: «Советская боевая техника и оружие были отличного качества еще в 1941 г., особенно танки. Артиллерия была превосходной, так же, как и большинство видов стрелкового оружия — были более современными, чем наши, и имели более высокую скорострельность. Русский танк Т-34 был самым лучшим танком в мире».

В беседах со мной генерал Мантейфель подчеркнул, что русские сохраняли свое превосходство в конструкции танков до конца войны и что советский тяжелый танк ИС-2, появившийся на фронте в 1944 г., он считает самым лучшим из всех танков, участвовавших в боях как на Восточном, так и на Западном фронтах. Английские эксперты критиковали советские танки за то, что в их оснащении было много различных «удобных мелочей», упрощающих управление. Но немецкие эксперты-танкисты считали, что англичане и американцы увлекались этими необязательными технологическими усовершенствованиями в ущерб таким важным качествам, как маневренность и мощь.

Клейст считает, что Красная Армия испытывала на Восточном фронте более острую нехватку оружия в 1942 г., особенно ей не хватало артиллерии. Но, начиная с 1943 г., оснащенность советских войск боевой техникой и оружием непрерывно возрастает. Поставки военного оснащения союзникам, особенно автотранспорта, конечно, имели важное значение, но решающую роль сыграл всевозрастающий объем производства новых советских заводов в Сибири, недосигаемых для немцев. Применявшиеся русскими танки почти полностью были их собственного производства.

Когда я расспрашивал Рундштедта о советских военачальниках, он без колебаний дал очень высокую оценку фельдмаршалу Жукову.

Ведущий военный комментатор «третьего рейха» Дитмар хорошо знакомый с мнениями немецкого генералитета, заявил, что Жукова «считали выдающимся военачальником». Другим талантливым полководцем и умным полководцем был маршал Конев. «В ходе войны все военное руководство русских — от маршалов до лейтенантов — было очень высокого уровня. Одним из наиболее ценных качеств русских была готовность их командиров учиться и их способность повышать свое профессиональное мастерство, — продолжал Дитмар. — Высшее командование было укомплектовано офицерами такой высокой квалификации и так убедительно доказавшими свои способности и мастерство, что им было дано право самостоятельно принимать решения и свободно действовать по своему усмотрению».

«Советская Армия «самоотверженно сражалась за идею»

Генерал Блюментрит подробно изложил мне свои впечатления о войне на Восточном фронте.

В 1914—1918 гг. в чине лейтенанта, после краткосрочных боев с французами и бельгийцами в Намюре в августе 1914 г., я затем целых два года воевал против русских. В первом же наступлении на Восточном фронте мы быстро поняли, что столкнулись с качественно иными солдатами, чем французы и бельгийцы. Противник умел хорошо скрывать от нас свои войска, они быстро и надежно окапывались для обороны, были решительны и смелы. Мы понесли большие потери.

Даже в 1914—1918 гг. более суровые условия войны на Востоке сказывались на наших войсках. Солдаты предпочитали воевать на Западном фронте, а не на Восточном. На Западе это была война боевой техники и массированного артиллерийского огня. Примером тому — Верден, Сомма... Эти факторы имели решающее значение, и хотя приходилось тяжело, но по крайней мере мы сражались с противником западноевропейского склада. На Востоке

артиллерия действовала не так активно, но бои были более жестокими, поскольку нам противостояли солдаты которых труднее было одолеть. Ночные бои, рукопашные схватки, сражения в лесах — вот особенности сражений в России. Среди немецких солдат в прошлую войну ходила поговорка: "На Востоке бой ведет отважная армия, на Западе пожарная бригада несет вахтенную службу".

Однако лишь во второй мировой войне мы впервые поняли, что такое Россия в действительности. Уже сражения июня 1941 г. показали нам, что представляет собой новая советская армия. Мы теряли в боях до пятидесяти процентов личного состава. Пограничники и женщины защищали старую крепость в Бресте свыше недели (малочисленный гарнизон Брестской крепости героически отбивал атаки врага с 22 июня по 20 июля. — *Примеч. ред.* сражаясь до последнего предела, несмотря на обстрел наших самых тяжелых орудий и бомбежек с воздуха. Наши войска скоро узнали, что значит сражаться против русских. Фюрер и большая часть нашего высшего военного командования не имели об этом представления. Это вызвало массу бед.

Красная Армия 1941—1945 гг. была гораздо более сильным противником, чем царская армия, ибо она самоотверженно сражалась за идею. Это усиливало стойкость советских солдат и, в свою очередь, заставляло наших воинов сражаться с большим упорством, поскольку на Восточном фронте действовало правило: "Либо ты, либо я". Дисциплина в Красной Армии тоже соблюдалась более четко, чем в царской армии».

«Повсюду, где в истории войн действовали русские, закончил Блюментрит, — сражения были упорными, беспощадными и приводили к тяжелым потерям. Они умели защищаться и стоять насмерть. Попытки одолеть их стоили много крови».

Б. Луггел Гар

Победа, которую мы потеряли

Катастрофа, постигшая Красную Армию летом и осенью 1941 г. была столь наглядна, что замолчать ее, как это тогда делалось с неудачами, постигавшими Советский Союз за все семь десятилетий его истории, не было ни малейшей возможности. Поражение требовало объяснения, и объяснения эти стали предлагаться чуть ли не немедленно. До XX съезда КПСС катастрофу первых месяцев войны объясняли извечным миролюбием советских людей, не думавших, что Гитлер нарушит пакт о ненападении от 23 августа 1939 г. Говорили также о том, что советские войска оказались неотмобилизованы, так как войска не ждали, а германские дивизии были совершенно готовы к наступлению и, кроме того, обрели опыт боевых действий в Европе.

Объяснения эти, предложенные Сталиным в работе «О Великой Отечественной войне Советского Союза», и тогда не казались вполне убедительными, но спорить с вождем никто не решился. Да и к чему были эти споры в эйфории победы? Позднее, когда культ личности был «разоблачен» Хрущевым, объяснение причин поражения стало иным. В военной катастрофе 1941 г. виноват Сталин и его ближайшее окружение — это они халатно не подготовились к надвигающейся войне, пренебрегли предупреждениями разведки и Уинстона Черчилля, разрушили, желая «задобрить» Германию, старую линию обороны, не работавшие о скорейшем строительстве новой. В брежневское время об ошибках прошлого предпочитали говорить поменьше, а новые версии поражений первого года войны отдали на откуп диссидентам.

Появившаяся несколько лет назад книга Виктора Суворова «Ледокол» предложила новую — и, на мой взгляд, достаточно убедительную — версию причин поражения первого года Великой Отечественной войны: Советский Союз сам готовил агрессивную войну против Германии. Но Гитлер опередил Сталина и нанес 22 июня упреждающий удар. Правильно ли указал сроки В. Суворов и вполне ли вообще соответствуют тому, что реально было, приводимые им сведения, вычисления и аргументы, — в этом всем можно, конечно, сомневаться. Но в принципе его концепция весьма правдоподобна — все, что мы знаем о Сталине, Молотове, Берии, Ворошилове и иных советских вождях последних предвоенных лет, не свидетельствует в пользу добреньких, наивных простачков, свертующих букву международных договоров и содрогавшихся от мысли о каждой загубленной душе. Нет, и в внутренней жизни, и в межгосударственных отношениях советские вожди той эпохи предстают умными, коварными, до предела искушенными политиками, жаждущими одного — умножения собственной власти и в уже покоренной ими России, и в иных, еще независимых от них странах. Раздел Польши, убийство десятков тысяч польских офицеров в Катыни, Осташкове, Козельске, захват трех балтийских республик, аннексия Бессарабии и Северной Буковины, попытка (неудачная, впрочем) завоевания Финляндии не в большей степени свидетельствуют о миролюбии коммунистических вождей, чем ГУЛАГ, гладыш, мор, тотальное уничтожение социально чуждых элементов, да и собственных, ставших почему-либо неудобными соратников и верных слуг. Сталин безусловно имел агрессивные наклонности, и их полной реализации помешали лишь агрессивные действия другого кровавого маньяка XX в. — Адольфа Гитлера.

И все же Виктор Суворов — при всей убедительности его гипотезы, неправ в некоторых очень важных, едва ли не главных вещах. Русские отступали в 1941 г. не только потому, что Сталин готовил агрессию, но не успел нанести удар первым. Отступал не Сталин, отступали миллионы солдат Красной Армии. Полная деморализация наших войск произошла, думаю, и потому, что планы Сталина были планами народа. Во всяком случае — достаточ-

но значительной его части. Кто распевал в предвоенные годы «от тайги до Британских морей Красная Армия всех победит»? Кто мечтал вместе с Багрицким (точно, как писал Жириновский) «дойти до Ганга... чтобы от Индии до Англии сияла Родина моя»? Кто бредил новыми республиками в составе Союза и учился на ворошиловских простачков? Единицы? Десятки? Тысячи? Сотни тысяч?..

Были бы...

Но, что самое ужасное, очень многие уже запятнали свои руки и насилием — донося, лжесвидетельствуя, конспирируя, ликвидируя и пытая арестованных. А другие разделили свои души, молча соглашаясь на творимые беззакония, а то и получая от них прибыль — должность репрессированного, его жилплощадь, часть имущества, удовлетворение зависти — этого отвратительного национально нашего порока...

По моему мнению, именно этот безнравственно-агрессивный комплекс народной души и вызвал то бессилие, которое на войне всегда приводит к поражению. Эта кампания из «большой прогулки» превращается в ожесточенное противоборство. Народ собирался воевать за территории врага, военачальники наши не меньше германских бредили блицкригом. А получилось все совсем не так весело. Просчеты советского высшего командования превратили войну из наступательной в оборонительную, а неожиданная для войск и народа оборона обернулась тотальным отступлением на всем фронте от Паланги до Египта.

А дальше случилось «чудо», похожее на то, какое однажды уже было в нашей истории. Как и в 1812 г., русские, осознав — как всегда больше сердцем, нежели умом, — что теперь на кон поставлен не успех или неудача в большой европейской игре, но само существование государства, преобразились. Может быть, впервые такое осознание необходимости защиты родного дома пришло в августе 1941 г. под Вязьмой, на «дорогах Смоленщины», чтобы окончательно отлиться в непреодолимую для врага броню у стен Москвы и твердынь Сталинграда. Именно тогда, новое для коминтерновца-интернационалиста, но в действительности древнее, как мир, чувство — защита не себя иivot, а на смерть родного очага, отчего дома, могил

предков, любимой женщины и детей, которых она родила тебе, — все это преобразило души, исполнив их решимость. Именно тогда, в ледяных выюгах декабря 1941 г., прозвучал для нас «час мужества». В смене газетного призыва «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» на «За нашу советскую Родину!», в кличе «За Родину, за Сталина!» обнаружен новый смысл и характер войны, превращавшейся в великую и превратившейся — в Великую Отечественную. Почувствовав в предвоенные коммунистические десятилетия чувство отчего дома возродилось с необычайной силой, сделало непреодолимым контраст наступление Советской Армии, дошедшей до Берлина и Вены. Уверен, что это великое чувство, а не заградотряды НКВД дало силы нашим воинам. Под бичами побеждать нельзя — это наглядно показали еще греки персам при Платеях.

Да, большинством наших сограждан Родина продолжала осознаваться «советской», водительствоваемой великим Сталиным, но и Сталин и «советскость» впервые стали атрибутами Отечества, а не Россия — их вотчинами, плацдармом Мировой Социалистической Революции. Впервые после гражданской войны русские ощутили себя русскими, и даже сам Иосиф Сталин провозгласил на банкете в честь победы тост за «великий русский народ». Именно это «припадание к земле» сделало Русь, как всегда-то Антея, непобедимой.

Вот почему и в этом важном пункте Виктор Суворов глубоко неправ, отнимая у той страшной войны право именовать ее Великой Отечественной. Она не была такой по сути: такой она вообще, по замыслу Сталина, не должна была быть. Но реальность заставила ее сделаться такой, и сделал ее такой — народ. Этого сознания у народа — сознания, что он вынес на плечах не какую-нибудь, а именно Великую Отечественную войну, — не отнимешь. Кто не отнимешь у него и его Победу в этой Войне.

Хотелось бы и закончить этой мажорной нотой!.. Увы, приходится продолжать. В конце концов, войну, в которой народ действительно выстрадал Победу, мы Германия все же проиграли. И поражение это ныне ощутишь, что когда-либо.

Сознаю всю экстравагантность такого заявления, давайте разберемся беспристрастно. Полвека утвержда-

ли, что освободили Европу от фашистской чумы, и это было так. Но, освободив от нацизма, мы навязали той Европе коммунизм, куда ступила нога советского солдата, коммунизм. А разве одна чума краше другой? Разве уничтожение священников, капиталистов и интеллектуалов лучше, чем вырезание евреев и цыган? Прав был Сталин, когда еще в 1939 г. сказал в парламенте, что коммунизм отличается от фашизма не более, чем северный полюс от южного. А о том, какую свободу дали мы восточной Европе, лучше всего свидетельствуют советские танки в германских городах в 1953 г., в Венгрии — в 1956, в Чехословакии — в 1968 г. Да и жестокая война в Латвии до 1950 г., в Литве и Галиции — до 1956 года — крик о характере «освобождения» с печальной наглядностью.

Но, может быть, мы освободили хотя бы Россию?

Увы — нет. Да, мы избежали гитлеровского рабства, но в полной мере получили ярмо сталинское, а разве оно краше? Разве депортации чеченцев и калмыков, перемещение из немецких концлагерей в магаданские берлаги, Ленинградское дело и дело еврейских врачей краше Освенцима и Дахау? По мне — они равноценны. Но не так покорно быть завоеванным внешней превосходящей силой, как покориться, своему, доморощенному «Тараканищу». Почему вдохнувшие воздух Европы и обретшие веру в себя и чувство собственного достоинства советские солдаты и генералы не обратили оружия на страшные дивизии Лаврентия Берии, на кремлевского кровавого деспота? Что — страх, глупость, надежда на перерождение волка в овца — владело умами воинов, возвращавшихся с Эльбы и с берегов Дуная? Почему герой номер один маршал Фадеев безропотно превратился в скромного командующего Одесским округом?

Боюсь, что объяснение этому не только в задавленности советских людей предшествующими десятилетиями коммунистического террора и не в русском обычае покоряться любой власти.

Да, главное было в том, что, как уже сказано, именно Сталин и «советскость» для большинства наших людей все еще продолжали оставаться центральными символами жизни. И корни этого глубочайшего народного помрачения

уходят, конечно, во всю толщу прожитого и пережитого страной за десятилетия сталинского тоталитаризма.

Но в том, что война не сняла это помрачение, а еще ли не усилила его, сыграл свою роль и еще один последний и до сих пор замалчиваемый факт. Сталин — знаю, сознательно или нет — развратил победоносную армию, отдав ей завоеванные страны на разграбление. Реницы студебекеров с награбленным добром, а то и целые железнодорожные составы, генеральские фронтожены, мародерствовавшие в брошенных домах Будапешта и Данцига, солдаты, насилующие, невзирая на «страшные» приказы, женщин и засовывавшие в котлы подвернувшиеся трофеи, — цена, уплаченная нами за эти азиатские варварства, была ужасной. Ценой мародерства стала наша свобода. Мародерами были не только мелкие солдаты и офицеры. Само советское государство действовало точно так же. Я говорю даже не о демонтированных и перевезенных заводах и музейных собраниях, об официальных и секретных депортациях. Слава Богу, что вспомнили мы, наконец, о запасниках Пушкинского музея и Эрмитажа. Государство мародерствовало судорожно и масштабно. Западные союзники не взяли ни капли земли у побежденных, разве что несколько перевалов в Альпах на итало-французской границе. Они признавали, что побежден нацизм, поработивший германский народ, но сами немцы, хотя, увы, и действия союзников на практике далеко не всегда были безупречны. Но Советский Союз в результате второй мировой войны оказался обладателем четырех новых союзных республик, одной автономной, десятка административных областей и бесчисленных «прирезок» к областям, уже существовавшим. Впрочем, притом земельный этот передел был связан с изгнанием миллионов жителей, уничтожением культурных ценностей, массовыми репрессиями и грабежами. Награбленное, как это всегда и бывает, не принесло нам счастья и благополучия: вывезенные заводы не преобразили экономику, микенское золото так и оставалось полвека кладом потаенным, а ненависть к русским в Галиции и Прибалтике немало способствовала распаду страны в 1990—1991 гг. и до сего дня отзывается несправием и загнанностью польскоязычного населения в этих землях. В свое время

... победить, «не постояли за ценой». Но знали ли мы тогда, в 45-м, как долго и сколь много придется нам заплатить по векселям?

Не нашлось у нас и своего Штауфенберга, своего графа Чинато; не возникло антикоммунистического движения, никто даже на полчаса не захватил Лубянки. И этим проиграли войну. К нашему стыду, тогда, в 1945 г., мы отдали победу к ногам тирана, как гитлеровские знамена — к ступеням мавзолея, и тем обесчестили себя перед миром и перед потомками. Нет, каждый солдат в отдельности виноват в этом не больше, чем каждый из солдат Рейхсвера, ступивших на землю России или Франции, но все мы безмерно виноваты. Виноваты перед теми нациями, которым навязали на 45 лет коммунизм, виноваты и перед потомками. Мы мужественно защитили Отчизну от нацистов, а вот от Сталина — и от «Сталина» в том числе — защитить ее не смогли. И наши сегодняшние страдания и унижения во многом уходят корнями в тот наш страх, в то малодушие перед тираном, о котором мне всех сказал в детских стихах Чуковский. Тигры и вороны тогда у нас были, а вот воробья, воробья-то и не было.

А.Б. Zubov

Принять прошлое...

Речь, произнесенная президентом ФРГ 8 мая 1985 г. в германском бундестаге на собрании, посвященном 40-й годовщине окончания войны в Европе

Многие народы вспоминают сегодня тот день, когда кончилась в Европе вторая мировая война. У каждого народа возникают в связи с этим разные чувства в зависимости от того, что он испытывал. Победа или поражение, освобождение от бесправия и чужеземного господства и переход к новой зависимости, раздел, возникновение новых союзов, огромные изменения в соотношении сил — дата 8 мая 1945 г. имеет решающее историческое значение для Европы.

Мы отмечаем этот день, и это необходимо. Мы сами должны найти нужный подход. И нам не поможет, если мы будем щадить свои чувства или если их будут щадить другие. У нас достаточно сил, чтобы, насколько это возможно, смотреть правде в глаза, не приукрашивая ничто и не впадая в односторонность.

8 мая для нас прежде всего день воспоминания о том, что людям пришлось выстрадать. Одновременно эта дата является поводом для того, чтобы задуматься над ходом нашей истории. Чем честнее мы отнесемся к этому дню, тем свободнее будем для того, чтобы с чувством ответственности предстать перед его последствиями.

8 мая для нас не праздник. Люди, сознательно пережившие этот день, вспоминают о личных, а значит, сов-

еще различных переживаниях. Одни вернулись на родину, другие были лишены родины. Одни были освобождены, другие попали в плен. Многие были просто благодарны за то, что наступил конец ночным бомбежкам и страху и что они остались в живых. Другие испытали ужас от полного поражения своего отечества. Иллюзии многих были разбиты, другие были благодарны за дарованную возможность нового начала.

Было трудно быстро и четко определить ориентиры. В стране царило чувство неуверенности. Военная капитуляция была безоговорочной. Наша судьба оказалась в руках противников. Прошлое было полно ужаса, особенно для многих из этих противников. Станут ли они мстить нам, да еще с лихвой, за то, что мы им причинили?

Большинство немцев было уверено, что они сражаются и страдают за правое дело родины. Но вот вдруг выяснилось, что все было не только тщетно и бессмысленно, но даже служило бесчеловечным целям преступного руководства. Большинство немцев испытывали чувства изнеможения, беспомощности, на них легло бремя новых забот. Удастся ли найти родственников? Имеет ли вообще смысл среди этих развалин думать о восстановлении?

Позади — мрачная пропасть прошлого, впереди — неопределенное, мрачное будущее.

Но все же с каждым днем нам становилось яснее — об этом мы все вместе должны сегодня заявить, что 8 мая было днем освобождения. Этот день освободил всех нас от человеконенавистнической системы национал-социалистской тирании.

Однако, несмотря на освобождение, никто не забудет, как тяжелые страдания только начинались или еще предстояли для многих людей после 8 мая. Но нам нельзя считать конец войны причиной, обусловившей бегство, изгнание, неволю. Причиной является скорее начало войны и начало той тирании, которая привела к войне. Мы должны рассматривать 8 мая 1945 г. в отрыве от 30 января 1933 г.

У нас действительно нет оснований быть сегодня среди тех, кто празднует победу. Но у нас есть все основания считать 8 мая 1945 г. конечным пунктом ложного пути германской истории, зародившим надежду на лучшее будущее.

* * *

8 мая — день воспоминания. Вспоминать — это значить думать о былом так честно и так чистосердечно, чтобы брать его в себя. Это требует от нас высокого уровня правдивости.

Сегодня мы со скорбью чтим память всех жертв войны и тирании, в особенности память 6 млн евреев, убитых в германских концентрационных лагерях, память воинов и пострадавших в войне, и прежде всего память неисчислимых жертв среди граждан Советского Союза и Польши.

Мы со скорбью чтим память своих соотечественников, погибших на солдатской службе, во время бомбежек на родине, в плену, в ходе изгнания.

Мы чтим память убитых цыган, гомосексуалистов, инвалидов, шевнобольных, людей, которым пришлось поплатиться жизнью за свои религиозные или политические убеждения.

Мы чтим память расстрелянных заложников, жертв из рядов Сопротивления во всех оккупированных нами государствах, немецкого движения сопротивления — гражданского, военного, религиозно-мотивированного, сопротивления в рабочих и профсоюзных кругах, коммунистов.

Мы чтим память тех, кто, хотя и не участвовал активно в сопротивлении, все же предпочел умереть, нежели покривить совестью.

Рядом с необозримым множеством погибших — бездонное человеческое горю: горю родственников погибших; горю из-за ранений или увечий, бесчеловечной насильственной стерилизации; из-за ночных бомбежек; из-за побега и изгнания, изнасилования и ограбления, принудительных работ, бесправия и пыток, голода и нужды; из-за страха быть арестованным или убитым, из-за утраты всего того, во что верил, заблуждаясь, во имя чего трудился.

Сегодня мы со скорбью вспоминаем это человеческое горю.

Быть может, бóльшая часть бремени, возложенного на народы, легла на плечи женщин. Их страдания, самоотверженность и душевная сила слишком быстро забываются мировой историей. Они переживали и работали, вынашивали и охраняли человеческую жизнь. Они оплакивали

любимых отцов и сыновей, мужей, братьев и друзей. В самые тяжелые годы они не давали угасать пламени гуманности.

После войны женщины, не имея никакой перспективы благополучного будущего, первыми взялись за восстановление страны, своими руками расчищая в Берлине и других городах улицы от развалин.

Когда оставшиеся в живых мужчины вернулись на родину, женщинам снова пришлось отступать на задний план. Война лишила многих из них мужей, и приходилось проводить жизнь в одиночестве.

Если народы не были внутренне сломлены разрухой, жестокостью и бесчеловечностью, если после войны постепенно снова смогли встать на ноги, то в первую очередь благодаря женщинам.

* * *

Начало тирании характеризовалось безграничной ненавистью Гитлера к нашим еврейским согражданам. Гитлер никогда не скрывал ее перед общественностью и сделал из целого народа инструментом этой ненависти. Еще до своей смерти 30 апреля 1945 г. он закончил следующие словами свое так называемое завещание: «Прежде всего я обязываю руководство нации и подчиненных к тщательному соблюдению расовых законов и к беспрекословному сопротивлению отравителю всех народов мира — международному еврейству».

Конечно, вряд ли хоть одному государству на протяжении своей истории удалось остаться невинным в том, что касается его участия в войнах и актах насилия. Однако Холокоста, подобного совершенному против евреев, история не знала.

Участвовали в преступлениях немногие. Эти преступления скрывались от глаз общественности. Однако каждый немец мог быть свидетелем того, что приходилось переживать еврейским согражданам: от холодного равнодушия и скрытой нетерпимости до открытой ненависти.

Кто же мог ни о чем не подозревать, видя горящие синагоги, погромы, стигматизацию евреев шестиконечной звездой, лишение их прав, постоянное оскорбление человеческого достоинства?

Кто присматривался и прислушивался, кто хотел знать, тот не мог не замечать депортационных эшелонов. Быть может, людям не доставало фантазии, чтобы представить себе методы и размеры истребления. Однако на самом деле — в добавление к самим преступлениям — слишком многие старались не замечать происходящего в их числе и люди моего поколения, которые были молчаливыми и не были причастны ни к планированию, ни к исполнению того, что происходило. Существовали самые разные способы заглушать свою совесть, чувствовать себя непричастным, не замечать, молчать.

Когда по окончании войны выяснилась вся не поддающаяся описанию действительность массового уничтожения, слишком многие из нас ссылались на то, что ничего не знали или даже ни о чем не подозревали.

Не бывает, чтобы целый народ был виновным или невиновным. Вина, как и невинность, бывает личной, а не коллективной. Бывает вскрытая и нескрытая вина человека. Бывает вина, в которой человек признается или которую он отрицает. Каждый человек, переживший то время в полном сознании, должен расспросить самого себя о своей причастности.

Подавляющее большинство нашего сегодняшнего населения было в то время либо в детском возрасте, либо вообще еще не родилось. Они не могут признавать свою вину в том, чего они вообще не совершали.

Ни один понимающий человек не будет ожидать от них, чтобы они ходили в одеянии кающихся грешников на том лишь основании, что они немцы. Но им от предков досталось тяжелое наследие.

Все мы — виновны мы или нет, стары или молоды — должны признать прошлое. Его последствия затрагивают и призывают к ответу нас всех. Младшие и старшие должны и могут помогать друг другу осмыслить жизненную необходимость сохранения в живой памяти того, что было.

Дело не в преодолении прошлого — такое вообще невозможно. Ведь былого задним числом не изменишь и не превратишь в небылое. Но кто закрывает глаза на прошлое, тот остается слепым в настоящем. Кто не хочет вспоминать о бесчеловечности, тот подвергается опасности вновь заразиться.

Мы стремимся к примирению между людьми. Именно поэтому мы должны понять, что примирения вообще не бывает без воспоминания. Память о миллионах жертв во плоти и крови каждого еврея в мире не только помнит, что люди не могут забыть такого ужаса, но и потому, что воспоминание является частью иудейской веры.

«Желание забыть продлевает ссылку, а тайна искупления кроется в воспоминании». Смысл этого еврейского изречения, которое часто цитируется, заключается, пожалуй, в том, что вера в Бога — это вера в его деяния в истории.

Воспоминание — это сознание деяний Бога в истории. Оно является источником веры в искуплении, вселяет надежду. Кто забудет, тот утратит веру.

Если бы мы, в свою очередь, захотели предать былое забвению, это было бы не только бесчеловечно, но и оскорбляло бы веру оставшихся в живых евреев, а примирение было бы уничтожено в зачатке. Для нас важно сохранить в своей душе память об этих мыслях и чувствах.

***

1 мая знаменует глубокий исторический перелом — не только в германской, но и в европейской истории. Европейская гражданская война подошла к концу, старый европейский свет был сокрушен. Встреча американских и советских солдат на Эльбе символизировала предвечный конец одной европейской эры.

Конечно, все это имело старые, исторические корни. Европейцы имели большое, даже решающее влияние во всем мире, но все хуже справлялись с налаживанием существования на собственном континенте. Более ста лет Европа страдала от столкновения чрезмерных националистических устремлений. После окончания первой мировой войны были заключены мирные договоры, но они были не в состоянии поддержать мир. Снова вспыхнули националистические страсти, переплетаясь с социальной нуждой.

Движущей силой на пути к катастрофе стал Гитлер. Он подстрекал к войне и использовал массовую истерию. Слабые силы демократии были не в состоянии остановить это. Западноевропейские державы, которые, по словам

У. Черчилля, «ничего не подозревали, но были не без вины», своей слабостью тоже способствовали роковому раз витию. Америка после первой мировой войны и в 30-е го ды не оказывала никакого влияния на Европу.

Гитлер хотел добиться господства над Европой, пр чем путем войны. Для этого он искал повод и нашел е в Польше. 23 мая 1939 г., за несколько месяцев до нача войны, он заявил германским генералам: «Дальнейшие у пехи невозможны без кровопролития... Дело не в Дани ге. Для нас речь идет о расширении жизненного пр странства на Востоке и об обеспечении продовольстве ным снабжением... То есть Польше пощады быть не м жет: остается решение — напасть на Польшу при перво удобном случае... Вопросы права, несправедливости ил договоров не играют при этом никакой роли».

23 августа 1939 г. был заключен германо-советски пакт о ненападении. Дополнительным секретным прот колом предусматривались условия предстоящего раздел Польши. Этот пакт был заключен с тем, чтобы позвол Гитлеру вторгнуться в Польшу. Руководство Советског Союза полностью сознавало это. Каждому политическ мыслящему человеку того времени было ясно, что герм но-советский пакт открывал возможность вторжения Гит лера в Польшу, т. е. был началом второй мировой войны.

Это не умаляет вины Германии за начало второй м ровой войны. Советский Союз был согласен на войну м жду другими народами, чтобы получить свою долю доби чи. Но инициатива исходила от Германии, а не от Сове ского Союза, Гитлер первым применил силу. Начало вт рой мировой войны будет и впредь связано с именем Ге рмании. В ходе этой войны национал-социалистский р жим подвергал многие народы мукам и издевательствам.

Оставался лишь один народ, который можно было еп подвергнуть угнетению, мучениям и издевательствам — н мецкий народ. Гитлер не раз говорил: «Если уж немецки народ не в состоянии одержать победу в этой войне, тог пусть он погибнет». Вначале другие народы становилис жертвами Германии, а затем мы сами стали жертвами.

Впоследствии Германия была разделена на различные з ны согласно договоренности между державами-победител ницами. Одновременно Советский Союз ввел свои войс

во вое государства Восточной и Юго-Восточной Европы, ко торые во время войны были оккупированы Германией. Все они, за исключением Греции, стали социалистическими.

Начался раскол Европы на две различные политиче ские системы. Лишь послевоенное развитие укоренило этот раскол, но без начатой Гитлером войны его не было бы вообще. Об этом народы думают в первую очередь, ко гда вспоминают о войне, развязанной германским руко водством.

Об этом думаем и мы, когда видим раскол собствен ной страны и потерю крупных частей германского госу дарства. В своей проповеди в Восточном Берлине по слу шанию 8 мая кардинал Майснер сказал: «Безотрадным пло дом греха всегда является разъединение».

***

Произвол разрушения находил продолжение в произ воленном распределении тягот. Случалось, что невинные претерпевали, а виновные ускользали от наказания. Од ним повезло, что они могли дома, в привычной обстановке, начать новую жизнь. Другие были изгнаны из родных мест.

Мы, т. е. те, кто впоследствии оказался в Федеративн ой Республике Германии, получили драгоценный шанс свободы. Многочисленным миллионам соотечественников свобода до сих пор еще недоступна.

Научиться терпеть произвол при распределении раз личных частей — вот в чем состояла, наряду с задачей материального восстановления, первостепенная духовная задача. Проходила испытание человеческая душа: увидеть беду ноши других, постоянно помогать ее нести, нико гда о ней не забывать. В этих условиях должна была креп иться способность к миру и готовность ко внутреннему и внешнему примирению, чего не только требовали от нас другие, но чего жаждали прежде всего мы сами.

Мы не можем отмечать 8 мая, не созная, каких уси лий эта готовность к примирению стоила нашим бывшим врагам. Можем ли мы действительно понимать, в каком состоянии находились родственники жертв Варшавского восстания или бойни, устроенной в Лидице?

Жителям Роттердама или Лондона было, пожалуй, нелегко оказывать нам поддержку при восстановлении нашей страны, в которой были изготовлены бомбы, падавшие на их города. Постепенно должна была крепнуть уверенность в том, что немцы никогда больше не попытаются прибегнуть к силе.

Самая тяжелая участь выпала на долю тех, кто был изгнан из родных краев и еще долго после 8 мая испытывал горькие страдания и тяжкую несправедливость. Нам, коренным жителям, часто не хватает вдумчивости, а то и чистосердечности, чтобы с пониманием относиться к их тяжелой судьбе.

Миллионы беженцев и изгнанников были интегрированы в наше общество. Со временем им удалось пустить новые корни. Их дети и внуки во многом сохраняют культуру и любовь к родине предков. Но сами они нашли новую родину, где растут, сближаясь со своими ровесниками из коренного населения, общаясь с ними, разделяя их привычки. Их молодая жизнь является свидетельством способности к внутреннему миру. Их деды или отцы некогда были изгнаны, они же теперь живут на родине.

Изгнанные дали пример другим, признав принцип отказа от применения силы. Это не было временным заявлением, сделанным в первоначальном состоянии бессилия, а выражало убеждение, которое сохраняется и поныне. Отказ от применения силы равнозначен постепенно и везде возрастающей уверенности в том, что вновь окрепшая Германия тоже будет сохранять приверженность этому принципу.

Родина одних стала родиной для других. На многих старых кладбищах на Востоке сегодня больше польских, чем немецких, могил.

За вынужденной миграцией миллионов немцев на Запад следовала миграция миллионов поляков. А за ними, в свою очередь, — миллионов русских. Все они люди, которых ни о чем не спрашивали, с которыми несправедливо обращались. Они стали беззащитными объектами политических событий, для них невозможна компенсация пережитых ими страданий путем зачета взаимных несправедливостей или противопоставления взаимных претензий.

Отказ от применения силы означает предоставление людям возможности — с твердой, политически гарантиро-

ванной уверенностью в безопасном будущем — жить там, куда их забросила судьба после 8 мая 1945 г. и где они живут уже несколько десятков лет. Это означает, что взаимопонимание должно встать выше противоборствующих юридических претензий.

В процессе восстановления Европы после 1945 г. идея свободы и самоопределения одерживала победы и терпела поражения. Для нас теперь важно воспользоваться шансом, чтобы подвести черту под долгим периодом европейской истории, в который каждое государство считало состояние мира возможным и прочным лишь при условии своего превосходства над другими государствами, а мир рассматривался как время подготовки к следующей войне.

Все народы Европы любят свою родину. Любят ее и немцы. Кто может поверить в миролюбивый характер народа, который в состоянии забыть свою родину? Миролюбие проявляет как раз тот, кто не забывает свою родину и кто именно поэтому полон решимости предпринять все усилия для того, чтобы жить в мире друг с другом. Любовь изгнанных к родине не реваншизм.

***

Последняя война в большей степени, чем предыдущие войны, породила в сердцах людей жажду мира. Усилия церковных организаций, направленные на примирение, упали на плодородную почву. Существует много примеров деятельности молодых людей, стремящихся к взаимопониманию. Хочу упомянуть деятельность организации «Акцион Зюнецайхен» («Знак искупления») в Освенциме и Израиле. Один из приходов нижнерейнского города Клеве получил недавно от польских приходов хлебы — знак примирения и общности. Один из хлебов этот приход переслал учителю в Англию, который затем написал о том, что во время войны, будучи летчиком-бомбардировщиком, разрушил в Клеве церковь и жилые дома и что ему хотелось бы получить прощение.

Можно доказать свою бесконечную преданность миру, если не ждать, пока к тебе придут, а самому идти ему навстречу, как поступил этот англичанин.

* * *

Последствия войны сблизили бывших противников в человеческом и политическом отношениях. Уже в 1946 г. государственный секретарь США Дж. Бирнс в своей знаменательной стuttgartской речи призывал к взаимопониманию в Европе и к тому, чтобы помочь немецкому народу идти в свободное, миролюбивое будущее.

Бесчисленное множество американских граждан своими частными средствами помогали в те времена нам, побежденным немцам, залечить раны войны. Благодаря дальновидности таких французов, как Ж. Монне и Р. Шуман, и таких немцев, как К. Аденауэр, было раз и навсегда покончено со старой враждой между французами и немцами.

Во всей нашей стране почувствовался новый приток энергии и воли к восстановлению. Многие старые барьеры были устранены, религиозные и социальные противоречия — смягчены. Люди брались за дело по-товарищески. «Нулевого часа» не было, а был шанс нового начала. Мы использовали его, как могли. Вместо неволи мы установили демократическую свободу.

Через четыре года после окончания войны, 8 мая 1949 г., Парламентским советом был принят основной закон ФРГ. Независимо от партийной принадлежности демократы, принимавшие Конституцию, дали в Статье 1 ответ на вопросы о войне и тирании: «Поэтому немецкий народ признает неприкосновенные и неотъемлемые права человека как основу всякого человеческого общества, мира и справедливости в мире».

Об этом значении 8 мая сегодня тоже стоит напомнить.

Федеративная Республика Германии как государство пользуется уважением во всем мире. Она относится к высокоразвитым промышленным странам мира. Ввиду своей экономической мощи она сознает свою долю ответственности в борьбе с голодом и нуждой в мире и в достижении социального равновесия между народами.

Сорок лет мы живем в мире и свободе, чему тоже значительно способствовали, проводя свою политику среди свободных народов Атлантического Союза и Европейского Сообщества.

Еще никогда на немецкой земле так не защищались гражданские права и свободы, как сегодня. Широко

ответственная социальная система, которая не боится сравнения ни с какой другой, обеспечивает жизненные основы человека.

Если после войны многие немцы еще старались спрятать свой паспорт или обменять его на какой-либо другой, то в наши дни наше гражданство уважаемо всеми.

У нас действительно нет оснований для высокомерия или самоуверенности. Но мы можем с благодарностью вспоминать ход последних сорока лет, если мы будем использовать историческую память как лейтмотив своих действий в настоящем и для решения стоящих перед нами задач.

Если мы вспомним, что в период «третьего рейха» душевнобольных предавали смерти, тогда мы сочтем своей личной задачей заботу о гражданах, страдающих психическими заболеваниями.

Если мы вспомним, что границы других государств часто оказывались закрытыми для лиц, которые преследовались по расовым, религиозным или политическим причинам и которым грозила смерть, тогда мы не оставим за дверью тех, кто подвергается преследованию и ищет защиты.

Если мы вспомним преследование свободы мысли во время диктатуры, тогда мы встанем на защиту свободы любой мысли и любой критики, будь она даже направлена против нас самих.

Кто хочет оценить положение на Ближнем Востоке, пусть вспомнит ту судьбу, которую немцы уготовили евреям, жившим рядом с ними и которая была поводом к образованию израильского государства в условиях, еще и сейчас тяжелых и опасных для жителей данного региона.

Если мы вспомним о том, что нашим восточным соседям пришлось пережить во время войны, то лучше поймем, что сбалансирование интересов, разрядка напряженности и добрососедство с этими странами остаются узловыми задачами германской внешней политики. Важно, чтобы обе стороны уважали друг друга. На то у них есть все основания — человеческие, культурные и, в конце концов, исторические.

Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев заявил, что для советского руководства сороковая годовщина окончания войны не является поводом для разжигания

антинемецких чувств, что Советский Союз выступает за дружбу между народами.

Если мы спрашиваем о вкладе самого Советского Союза в достижение взаимопонимания между Востоком и Западом и об уважении прав человека во всех частях Европы, то нам следует прислушаться к этому высказыванию из Москвы. Мы хотим дружбы с народами Советского Союза.

***

Со дня окончания войны прошло сорок лет, а немецкий народ все еще разделен. Во время памятного богослужения в дрезденской церкви Кройцкирхе в феврале нынешнего года епископ Хемпель сказал: «Сердце тяготится и обливается кровью из-за того, что возникло два германских государства с такой сложной границей. Сердце тяготится и обливается кровью вообще из-за наличия множества границ. Тяжко становится от вооружения». Недавно в США, в Балтиморе, была открыта выставка «Евреи в Германии». На мероприятие прибыли послы обоих германских государств. Устроитель выставки президент университета им. Дж. Гопкинса, приветствуя их, указал на то, что у всех немцев одно и то же историческое развитие, что они связаны нитью совместного прошлого и что такая нить может доставлять радость или проблемы, но в любом случае она является источником надежды.

Мы, немцы, представляем собой единый народ, единую нацию. И мы чувствуем себя частью единого целого потому, что пережили одну и ту же историю. 8 мая 1945 г. мы пережили как дату общей судьбы нашего народа. Это нас объединяет. Нас объединяет и совместная воля к миру. С земли обоих немецких государств должны исходить мир и желание добрососедства со всеми странами. Но и никто другой не должен превращать немецкую землю в угрозу миру.

Люди в Германии совместно стремятся к миру, который включал бы справедливость и права человека для всех народов, в том числе и для нашего. Примирение, преодолевающее границы, возможно лишь в том случае, если границы в Европе перестанут разобщать. Именно об этом нам напоминает окончание второй мировой войны.

Мы уверены, что 8 мая будет не последней датой нашей истории, знаменательной для всех немцев.

***

Некоторые молодые люди в последние месяцы спрашивали, почему сороковая годовщина окончания войны послужила поводом для столь оживленных дискуссий о прошлом. Почему эта дискуссия более оживленная, чем по поводу двадцать пятой или тридцатой годовщины? В чем внутренняя необходимость этого? На такие вопросы нелегко ответить. Нельзя объяснить это только влиянием извне, хотя оно, бесспорно, тоже имело место.

В жизни человека и судьбе народа сорокалетний период играет большую роль. В этой связи позвольте еще раз обратиться к Ветхому Завету, в котором хранятся мудрые для любого человека мысли, независимо от его вероисповедания. О сорокалетних периодах, которые играют значительную роль, там часто упоминается.

Сорок лет Израиль должен был оставаться в пустыне, прежде чем с приходом на обетованную землю начался новый исторический период. Сорок лет понадобилось для полной смены поколения отцов, несшего ответственность в то время. А в другом месте (Книга Судей) говорится, что часто оказанная помощь и спасение бывают забыты уже через сорок лет. Конец воспоминания означал конец покоя.

Таким образом, сорок лет всегда представляют собой важную веху. В сознании человека они воспринимаются как окончание мрачного периода времени с перспективой на новое, доброе будущее или как опасность забвения с предупреждениями о последствиях. О том и другом стоит задуматься.

Новое поколение нашей страны взяло на себя политическую ответственность: молодое поколение не отвечает за события прошлого, но оно в ответе за то, какой урок будет извлечен из него историей.

Люди старшего возраста не обязаны осуществлять мечты молодежи, но обязаны быть правдивыми. Мы должны помочь молодому поколению понять жизненную необходимость сохранения воспоминаний, трезво и объективно относиться к исторической правде, не ища спасения в утопических идеях и не впадая в нравственное высокомерие.

Из собственной истории мы знаем, на что способен человек. Поэтому нам нельзя мнить, что теперь мы стали другими, лучшими людьми. Нет такого человека и нет такой страны, которые обладали бы окончательно достигнутым моральным совершенством. Мы извлекли урок как люди, однако как люди мы остаемся в опасности. Вместе с тем у нас есть силы снова и снова преодолевать опасности.

Гитлер постоянно прибегал к разжиганию предрассудков, вражды и ненависти. Поэтому, обращаясь к молодежи, прошу: не позволяйте заражать себя враждой и ненавистью к другим людям, к русским или американцам, к евреям или туркам, к альтернативным или консервативным силам, к черным или белым. Учитесь жить друг с другом, а не друг против друга.

И мы, демократическим путем избранные политики, должны постоянно сознавать и доказывать это на деле.

Будем уважать свободу, трудиться ради мира, соблюдать право, служить справедливости. Будем 8 мая неотступно смотреть правде в глаза.

Р. Вайцеккер

Политика памяти в современной России: запрет на нацизм

Ночь. Уснувшие бараки вздрагивают от порывов ветра. Но пустынному лагерю унтер-офицер СС ведет старого большевика Мостовского к штурмбанфюреру Лиссу, представителю Гимmlера в лагерном управлении. Мостовский готов к допросу, готов к пыткам. Лисс входит в комнату, предлагает ему присесть в кресло, угощает сигаретой.

— Мне хочется говорить с вами, — объясняет он. Мостовский отказывается.

— Почему? — удивляется Лисс. — Вы смотрите на мой мундир. Но я не родился в нем. Вождь, партия шлют, и люди идут, солдаты партии. Я всегда был теоретиком в партии, я интересуюсь вопросами философии, истории, но не член партии <...> Если бы Центральный Комитет поручил вам укрепить работу в Чека, разве вы можете отказаться? Отложили Гегеля и пошли. Мы тоже отложили Гегеля.

<...> — Когда мы смотрим в лицо друг друга, мы смотрим не только на ненавистные лица, мы смотрим в зеркало. В этом трагедия эпохи, — говорит Лисс.

Мостовский парализован. Зеркало. В словах Лисса он узнает свои самые неприятные сомнения.

— Меня мучит то, что мучит вас, — продолжает Лисс.

Мы ваши смертельные враги, да-да. Но наша победа — это ваша победа. Понимаете? А если победите вы, то мы и погибнем, и будем жить в вашей победе. Это как парадокс: проиграв войну, мы выиграем войну, мы будем развиваться в другой форме, но в том же существе.

<...> — В чем, в чем причина нашей вражды, я не могу понять ее... <...> Мы форма единой сущности — пар-

тийного государства. <...> И над нашим народным государством красное рабочее знамя, и мы зовем к национальному и трудовому подвигу и единству, и мы говорим: «Партия выражает мечту немецкого рабочего». И вы говорите: «Народность, труд». Вы, как и мы, знаете: национализм — главная сила двадцатого века. Национализм — душа эпохи! Социализм в одной стране — высшее выражение национализма! <...> На земле есть два великих революционера: Сталин и наш вождь. <...> Ваше очищение партии в тридцать седьмом году Сталин увидел в нашем очищении от Рема — Гитлер тоже не задрожал...».

Собственные сомнения Мостовского не дают ему возможности возразить. А Лисс продолжает: «Вы должны поверить мне. Я говорил, а вы молчали, но я знаю, я для вас хирургическое зеркало»¹.

Сталинизм и нацизм — две стороны одной медали: они отражаются один в другом, как в зеркале. Сцена, которую мы привели, — центральный эпизод романа Василия Гроссмана «Жизнь и судьба», в котором через рассказ об эпохе Сталинградской битвы раскрывается сущность двух систем. Запрещенный КГБ в начале 60-х годов (честь, которую роман разделил только с «Архипелагом ГУЛАГ» Солженицына), роман Гроссмана — этот шедевр русской литературы XX в. — был опубликован в Советском Союзе только в начале 1988 г.² Строжайший запрет на публикацию романа был связан с возможностью проведения параллелей между двумя режимами, сталинским и нацистским, просматривающихся в романе. Именно поэтому публикация романа «Жизнь и судьба» является переломным моментом в разоблачении сталинизма, моментом, с которого начались демократические перемены в Советском Союзе. С конца 1986 г. вследствие прихода к власти М.С. Горбачева вышли в свет многие литературные произведения, посвященные раскрытию злодеяний сталинского режима и преданные забвению официальной исторической наукой после «хрущевской оттепели». Шаг за шагом литература (и в некоторой степени кино и театр) восстанавливали в коллективной памяти ужасы сталинской эпохи: террор, массовые репрессии, депортацию, коллективизацию, концентрационные лагеря. Именно эти литературные произведения позволили сталинской

теме занять свое место в искусстве после 1987 г. В них были поставлены такие вопросы, как истоки сталинизма, его непосредственная связь и различие с прошлым Россией, с одной стороны, и революционным движением — с другой, и, наконец, его отношения с другими тоталитарными режимами XX в.³

В романе Гроссмана сразу же широко был поставлен вопрос, который затем подняли критическая литература и публицистика, — об идентичной сути нацизма и сталинизма, что стало для либеральных кругов важным моментом в споре об историческом прошлом, дало возможность обсуждать само понятие тоталитаризма. Оба понятия, тоталитаризм и демократия, появляются как элементы, входящие в состав политической культуры формирующегося русского современного либерализма, культуры, созданной в результате вечного диалога с прошлым. Именно эта тесная связь настоящего и прошлого сформировала исторический взгляд на этот период, позволила утвердиться, по крайней мере в либеральных кругах, теориям тоталитаризма, последствием чего стало полное забвение, на первый взгляд парадоксальное: стирание коллективной памяти как о нацизме, так и о сталинизме. Хотя замалчивание нацизма и нежелание затрагивать проблемы сталинизма определялись разными причинами. Оба они являются вполне взаимосвязанными феноменами, оба вполне закономерны, так как равновесие, установившееся между двумя режимами, сыграло ключевую роль в обоих случаях.

Автор данной статьи ставит своей целью выявить эту взаимосвязь и показать место коллективной памяти в посткоммунистической России. «Жизнь и судьба» (роман-память о нацистских зверствах) действительно, несмотря на горькую иронию истории, ознаменовал решительный шаг, сделанный в сторону отхода на второй план проблемы «гитлеризм» в советском коллективном сознании, так как позволил переключить внимание на другую проблему — «сталинизм». В результате нацизм, лишившись своей исключительности, был представлен как младший брат сталинизма, что не повлекло никакого скандала в либеральных кругах, считающихся средоточием демократии. Так, М.П. Капустин, который очень активно выступал по вопросам перестройки, был одним из первых, выдвинувших

идею после выхода в свет романа «Жизнь и судьба» о параллельности двух режимов. Он легализовал эту тему и даже не побоялся написать, что самые ужасные действия были совершены нацизмом в отношении других народов и сталинизмом в отношении своего собственного народа⁴.

Понимание гитлеровского геноцида как истребление «иностранцев» поставило его рядом со сталинскими репрессиями, что безусловно снижало трагический смысл, вкладываемый в понятие «нацизм». Но это не все. Хотя автор боится скомпрометировать себя утверждением, какой «сатана» хуже, сам текст, а также и контекст, позволяют нам самим найти ответ: конечно, Сталин. Именно в этот период тема геноцида против собственного народа, осуществленного диктатором из Кремля, становится предметом обсуждения в разговоре о прошлом среди либералов. Они заимствуют ее без малейшей критики из публицистических изданий правых националистов, которые, надо отметить, переходят от мысли о «геноциде» против русского народа, осуществленном большевиками, к мысли о некоем мировом заговоре еврейской нации, в котором русские революционеры были бы лишь «longa manus». Антисемитизм, даже при видимом отсутствии антисемитской конфронтации, есть достояние правых сил, которые не стесняются в грубой форме использовать заимствованный ими термин «геноцид», плохо понимая его этимологию (потому что не было никакого «геноцида» против русского народа, и никакие репрессии не могут быть объяснены данным термином). Это показательно, так как обнаруживает слабость русских либералов в отношении нацизма, т. е. полное отсутствие понимания вопроса, который так явственно находит отражение в послевоенном европейском сознании, — вопроса о жертве.

Использование самого термина «геноцид», носящего еще и явно эмоциональный оттенок, частично служит цели стереть существенную разницу между сталинизмом и нацизмом и таким образом уравновесить эти два понятия. Стараясь использовать отрицательное значение самого слова «нацизм», которое для советского человека носит негативную окраску, так как советская власть десятилетиями всячески выпячивала его негативное значение, и стремясь разоблачить сталинизм, либералы, как это

парадоксально, лишают гитлеровский режим его специфических черт. Нацизм для русских либералов является всего лишь одной из форм «тоталитаризма» (категория, которая не вполне ясна и может быть применена к любой диктатуре). Так, политолог А.М. Мигранян, который и сегодня является членом президентского совета, в 1988 г. объяснял, что существовал левый тоталитаризм, характеризовавшийся национализацией средств производства, и правый тоталитаризм, допускавший существование рынка. В правые тоталитарные режимы он включал не только нацизм, фашизм и франкизм, но и более поздние диктатуры Латинской Америки. То есть это тоталитаризм, для которого нацизм был лишь одним из типов авторитарного режима в ходе модернизации национальной экономики. Как первый теоретик диктатуры, способной привести Советский Союз к демократии, Мигранян в другой своей работе восхваляет диктатуры Латинской Америки, которым, по его мнению, принадлежит заслуга создания рынка, являющегося неотъемлемой частью любой демократии⁵. Таким образом правые тоталитарные режимы имели бы и свои преимущества: именно в этом контексте социолог искренне утверждает, что «левые тоталитарные режимы были бы более последовательными, более совершенными, чем правые». Через утвердившееся неправильное понимание термина «геноцид», а также при посредстве экономики устанавливается странное превосходство сталинского тоталитаризма над нацистским, который, в свою очередь, обезличивается, теряет свои специфические черты и может исчезнуть из памяти. В этом свете недавнее утверждение Ю.Н. Афанасьева, одного из руководителей демократического движения перестройки и борца за сохранение исторической памяти народа, кажется достаточно красноречивым: «Пока в России не будет памятников немецким, итальянским и румынским солдатам, погибшим на этой земле во время войны, и не будут возложены цветы на их могилы, мы не выздоровеем как нация»⁶.

Легкость, с которой была стерта память о фашизме, не может сводиться исключительно к основным требованиям либералов обличить сталинизм, требованиям, с политической точки зрения, важным. Она не может сводиться к простому желанию забыть фашизм в момент

протеста против фальсификаций прошлого, предпринятых государством. Оба эти явления, конечно, существуют, но не исчерпывают всей сложности феномена подобного размаха. Этот факт заставляет нас задуматься о причинах, которые сделали это возможным, точнее, о том типе памяти о нацизме, который поддерживала власть в доперестроечный период. Именно в эту эпоху память о жертвах была окончательно стерта. То, что роман «Жизнь и судьба» был опубликован лишь спустя более чем 30 лет после его написания, доказывает это. Идентичность двух тоталитарных систем нисколько не означает, по мнению Гроссмана, примитивную замену одной системы другой: в «Жизни и судьбе» ни в малейшей степени не затушевывается человеконенавистническая сущность фашизма. В романе отражен не только нацистский геноцид, но и антисемитизм сталинского режима в послевоенный период, который играет ключевую роль в установлении параллельности двух систем, как в романе, так и в жизни автора⁷. Будучи ортодоксальным коммунистом и евреем по национальности, В. Гроссман, военный корреспондент «Красной звезды», во время войны дошел с Красной Армией до Берлина. Он был среди первых, вошедших в ад Трешлинка, где пепел жертв нацистского геноцида еще хранил тепло. В первой части своей эпопеи о войне «За правое дело», появившейся в 1952 г., он разоблачает нацистские зверства и вдохновенно говорит об освободительной роли Советского Союза, носителя идей гуманизма. После окончания войны ужесточение сталинского режима, а именно волна преследования евреев, стыдливо названная «борьба против космополитизма», полностью изменила как его отношение к режиму, так и мировоззрение.

В «Жизни и судьбе» антисемитизм играет действительно символическую, ключевую роль: она стирается лишь самим восприятием романа — мемуара с тридцатилетним опозданием. Было бы слишком просто искать объяснение этому в цензуре, которая обрушилась на главы, посвященные сталинскому антисемитизму, после первой же их публикации в журнале «Октябрь»⁸. Между тем изменилась и сама память. Впрочем, эта особенно постыдная страница сталинизма станет лишь последней из трагедий «фатальных (роковых) лет», которые должны быть

восстановлены в коллективной памяти, что свидетельствует о многочисленных запретах, которыми она была отягощена⁹.

Необходимо констатировать следующее: в памяти о нацизме, хранимой советским режимом, Холокосту всегда отводилось побочное место. Память о геноциде против евреев изгонялась изображением ужасов, творимых немецкой армией во время войны. Красноречивым свидетельством этому является трагедия Бабьего Яра на Украине, где после взятия Киева в сентябре 1941 г. нацисты уничтожили евреев этого города. О Бабьем Яре вспомнили лишь во время «оттепели», когда поэт Е. Евтушенко посвятил ему свои стихи («Нет памятника в Бабьем Яре»), на которые композитор Д. Шостакович написал 13-ю симфонию: сам факт упоминания в то время об истреблении евреев произвел сильное впечатление. В 1966 г. в журнале «Юность» был опубликован документальный роман А. Кузнецова «Бабий Яр». Роман был страшно изуродован цензурой, поспешно уничтожавшей любой намек на советский антисемитизм, и, конечно, на сталинский режим¹⁰. Бегство автора за границу в 1970 г. стало причиной того, что роман более никогда не переиздавался; убийства в Бабьем Яре были преданы забвению. Забвение, навязанное государством, было настолько прочным, что когда в 1990 г. вышло новое издание Советского энциклопедического словаря, то в нем говорилось о преступлении нацистов, совершенном в Бабьем Яре, без упоминания о том, что уничтожались евреи¹¹. Единственным исключением является роман А. Рыбакова «Тяжелый песок», опубликованный в конце 70-х годов, в котором говорится об истреблении нацистами евреев¹².

Недостаточность воспоминаний (памяти) о Холокосте прослеживается и в обычной жизни. Когда в декабре 1989 г. прошел предварительный показ фильма К. Ланцмана «Шоа» в Доме кино, то большая часть избранной, специально приглашенной публики покинула зал, а некоторые зрители посмеивались и выдавали комментарии типа: «Ну и чушь! После того, что мы пережили, им только и жаловаться!». Впрочем, во время полемики о числе жертв, павших при бомбардировке Ельцинным здания парламента, один из читателей направил письмо в демократи-

ческую «Независимую газету», в котором опровергал слухи о сотнях трупов, тайно сожженных в подмосковных крематориях. Он не нашел ничего лучшего, как привести пример Освенцима, где, объяснил он, несмотря на широко известную высокую немецкую технологию, вначале могли сжигать не более 300 трупов в день...¹³. Сам факт, что Освенцим может спокойно приводиться в таком контексте в качестве примера, не вызывая возмущения, говорит о полной потере памяти о Холокосте.

Это касается и самих евреев, память которых сильнее отмечена всевозможными антисемитскими гонениями со стороны советского государства и, естественно, «борьбой с космополитизмом». Так, на митингах евреев, требовавших во времена перестройки права эмигрировать, основным лозунгом было: «Кто примет окончательное решение по еврейскому вопросу?».

«Окончательное решение». Даже столь тяжелое по значению для европейского сознания выражение, как оказалось, было лишено памяти. Как можно объяснить эту амнезию Холокоста в стране, которая тщательно оберегала память о жертвах нацизма? Печальное наследие царской России — антисемитизм, широко распространенный среди населения, поддерживаемый и даже поощряемый государством с 30-х годов, сыграл свою роль, как и недоверие власти к любой группе людей, открыто о себе заявлявших; с этой точки зрения история Биробиджана, автономной области, предоставленной евреям на Дальнем Востоке в 30-е годы, ждет своей очереди (она до сих пор не рассказана). Отождествление нацизма прежде всего с общественно-экономическим режимом, точнее с крайней формой капиталистической диктатуры, также способствовало стиранию наиболее специфических черт гитлеровского режима, тем более что всякий анализ, выявляющий принцип действия системы (пропаганда, обработка масс и т. д.) способен был вызвать опасные ассоциации.

«И как это ни больно, — писал Д. Гранин, представляя в 1989 г. русскому читателю автобиографический роман К. Вольф, — читая роман Кристи Вольф, мы невольно сравниваем. Хотим мы или нет, появляются одно за другим сравнения той немецкой жизни 1932–1945 годов и нашей жизни в годы сталинщины. Неприятные сравнения,

обидные, недопустимые, но как бы мы их ни заклинали, они появляются и никуда от них не денешься. Слишком многое можно сопоставить — и страхи, и школьные порядки, и доносительство, и шовинизм...»¹⁴.

Впрочем, параллели между фашизмом и сталинским тоталитаризмом были достаточно распространены: вспомним хотя бы фильм «Обыкновенный фашизм» М. Ромма, вышедший на экраны в 1966 г. В общих чертах воспоминание о нацизме вызывает у советского читателя ассоциации о сходстве обоих режимов. Так было и с книгой известного германиста Л. Гинзбурга «Потусторонние встречи», напечатанной в 1969 г. в «Новом мире» и подвергнутой острой официальной критике из-за аллюзий, которые могли возникнуть у читателя¹⁵.

Опасная память, память о нацизме, преподносилась прежде всего как память о героизме советского народа в освободительной войне с немецкими захватчиками. Но случайно война против фашизма в СССР именуется Великой Отечественной войной, когда само употребление слова «отечественная» должно непосредственно отсылать к памяти об освободительной войне с Наполеоном. Эта память бережно хранилась советской властью по окончании войны, о чем свидетельствуют многочисленные памятники павшим. Здесь интересно провести сравнение с ситуацией на Западе. Памятники павшим были широко распространены в Западной Европе после первой мировой войны. Тогда задачей прославления военного героизма была не только выработка определенной формы растущего национализма, но и подавление в сильно травмированном обществе ужаса перед массовой смертью.

Масштаб разрушений и неслыханная жестокость второй мировой войны привели к тому, что миф о героизме и культ павших отошли на второй план: память о войне стала воспоминанием о жестокости, суровым уроком для будущих поколений¹⁶. В Советском Союзе память о первой мировой войне с последующими революционными конвульсиями и гражданской войной не хранилась, поэтому победа 1945 г. отмечалась как символ героизма советского народа и была поставлена рядом с Октябрьской революцией в качестве основополагающего момента национальной идентичности, а также законности власти. Годов-

щина подписания мирного договора 9 мая до распада СССР была одной из самых важных и знаменательных дат: свидетельство военного могущества страны — военный парад на Красной площади, без сомнения, заключал в себе то же содержание, что должно храниться в памяти о войне¹⁷. Это не стало для будущих поколений уроком об ужасах войны: это стало предупреждением всему миру о военной мощи Кремля. В такой памяти Холокост не мог занимать центральное место.

Память о победе особенно бережно хранилась в брежневскую эпоху, когда патриотизм стал основным цементом идеологии данного режима. В хрущевские времена празднование военного героизма отягощалось разоблачением ответственности Сталина, который заплатил за победу неслыханной ценой человеческих жизней (согласно последним подсчетам, общее число погибших, военных и гражданских лиц, вероятно, достигло 35—37 млн)¹⁸. Как только консерваторы во главе с Брежневым захватили власть, отстранив Хрущева в октябре 1964 г., ревизия прошлого, начатая на XX съезде (1956), внезапно была прекращена¹⁹. Основной источник легитимности власти — официальная история — был переписан заново по правилам, продиктованным Кремлем. О преступлениях диктатора, яростно разоблаченных Хрущевым, стали говорить приглушенно, и сам Сталин был тихо реабилитирован: он предстал гениальным вождем народов, приведшим Советский Союз к победе над нацизмом, и это не вызывало ни тени сомнения²⁰. Именно такой образ Сталина — строителя второй по значению мировой державы, реставратора величия имперской России — и сыграл ключевую роль в реабилитации диктатора с националистической точки зрения благодаря, кстати, вкладу течения неославянофилов, которое тогда формировалось²¹. Целомудренно переkreщенный в патриотизм, национализм действительно становится со второй половины 60-х годов фундаментом, на котором между консерваторами в правительстве и неославянофильством завязываются узлы не только из-за торгов по поводу национальной славы, но также и из-за общей ненависти к либеральной интеллигенции, поддержавшей Хрущева и к тому же ориентировавшейся на Запад²². Этот национализм по сути своей был агрессивным,

так как превозносил превосходство русского народа в разнообразных мессианских вариациях. Он также был не лишен сильного антисемитизма, носителем которого являлись неославянофилы, встречавшие отклики в некоторых кругах госаппарата, в частности в военных²³.

Таким образом, парадокс заключается в том, что память о нацизме, хранимая в СССР сильнее, чем где бы то ни было, претерпела двойную метаморфозу. Сначала она была сведена к памяти об антинацистской войне и лишена специфики из-за отсутствия в ней Холокоста. Затем, путем экзальтации победы советского народа, руководимого гениальным командующим, сама память о войне стала неразрывно связываться с почестями диктатору.

Соединение памяти о нацизме, видоизмененной таким образом, и культ Сталина составляют суть, которую необходимо иметь в виду для понимания трудностей, испытываемых русскими либералами, иначе воспринимаемыми как память о нацизме. С того момента, когда Сталин был разоблачен, отношение к войне тоже пошатнулось. Публичное «обнаружение» пакта Молотова — Риббентропа, подразумевавшего раздел зон влияния в Восточной Европе, а также сомнения по поводу добрых намерений Сталина во время переговоров с западными державами накануне конфликта бросили тень на «священность» антинацистского крестового похода²⁴. В этот же контекст вписывается новая трудность — вынос однозначного суждения о советском коллаборационизме (Власов, казаки), так как коллаборационисты воспринимаются одновременно как предатели по отношению к власти и как партизаны в борьбе за национальное освобождение²⁵. Впрочем, победа над нацизмом начинает восприниматься вообще в двойном виде: освобождение от захватчика также было необходимым условием поддержки и укрепления режима, а именно уже отлучения репрессий внутри страны. Постепенное исчезновение поколения людей, которые действительно пережили войну, поколения фронтовиков, сыгравших первостепенную роль в пробуждении умов и оттепели (эта тема ждет до сих пор своей интерпретации), также способствовало вытеснению из памяти антифашистского конфликта.

Потерянная либералами военная память стала исключительным достоянием правых националистов, которые

воодушевляются ею для возрождения великой имперской державы. В националистическом духе посткоммунистическая власть пытается восстановить память о войне, где антинацистская риторика представляется декоративной. Ярким примером служит история с созданием монумента Победы в Москве. Идея строительства в столице памятника, посвященного победе, восходит к хрущевской эпохе. Лишь в 1980 г. проект был одобрен Брежневым и Гришиным (в то время 1-й секретарь МК КПСС). Монументальный комплекс должен был занять площадь в 135 га. В центре предполагалось построить обелиск из красного гранита высотой в 72 м; для подхода к нему предусматривалось строительство огромной лестницы длиной в 1 км, вдоль которой были бы расположены 1 418 фонтанов по количеству дней войны. Работа началась в 1983 г., но была прервана летом 1986 г., когда общественное мнение благодаря гласности вынесло резкую оценку проекту. Противодействие faraонскому памятнику выразилось на самом деле в отказе от официальной военной памяти, которая воспринималась искусственной и к тому же стирала действительную мемориальность этого места столицы — комплекс должен был быть воздвигнут на Поклонной горе, мемориальном месте в Москве, ставшем святым в прошлом веке. С этой горы, согласно легенде, послы, прибывавшие с Запада, отбивали поклоны Кремлю; с этой горы Наполеон смотрел на горящую Москву. Во время перестройки строительство забросили. На небольшом холме в ознаменование 50-летия фашистского нашествия в 1991 г. был воздвигнут простой деревянный крест, символ умышленного отказа от государственной памяти. И только в 1992 г., при поддержке посткоммунистического режима, строительство комплекса возобновилось практически тайком, без общественного обсуждения смысла памятника, того, какую память он должен хранить. Окончить строительство было предусмотрено в 1995 г. в ознаменование 50-летия победы.

Начавшиеся с 1991 г. неоднократные намеки демократов на истоки нацизма не должны вводить в заблуждение: приход Гитлера к власти, представленный как последствие анархической слабости и даже излишнего либерализма Веймарской республики, является только предлогом для легкого сравнения с современной российской ситуа-

цией, оправдывающим установление сильной авторитарной власти для предотвращения возможной победы на выборах антиельцинской оппозиции, демонизированной в чертах нового нацизма. Однако, не отрицая существования нацистских и фашистских группировок в России, сводить к ним любую оппозицию, как «демократы» сделали это с бывшим Верховным Советом, заставив Б.Н. Ельцина дойти до использования силы, означало бы применение антидемократических средств, которые не имеют ничего общего с восстановлением памяти о нацизме. В этом заключается еще один парадокс посткоммунистической России: использование воспоминаний о нацизме для узаконивания применения антидемократических средств. Это еще один способ распространения памяти о нацизме.

Резюмируя, мы можем представить процессы, ведущие к стиранию памяти о нацизме, следующим образом. В первую очередь память о нацизме, лишенная специфики, отождествлялась с празднованием победы советского народа над фашистским захватчиком. Затем приписывание победы Сталину, а также возрождение русского величия вызвали перемещение, связывающее память о нацизме с личностью диктатора. Как только Сталин был разоблачен, память о войне, носительница искаленной памяти о нацизме, также была отвергнута, в то время как установление лождества между двумя тоталитарными режимами концентрирует внимание на сталинизме. В распространенном виде память о нацизме поглощена забвением, так как, если сталинизм был худшей из тоталитарных систем, то к чему исследовать такое явление, как нацизм, не забывать о нем, к тому же в то время, когда память о войне подпитывается правыми националистами, жаждущими реабилитировать кремлевского диктатора. Это последнее звено в цепи привело через 50 лет к забвению о нацизме в стране, которая больше всех культивировала память о нем.

М. Ферретти

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Гроссман В. Жизнь и судьба: Роман. Книга вторая. М.; Сов. писатель, 1990. С. 299, 300, 301, 304, 305.
- 2 Гроссман В. Жизнь и судьба // Октябрь. 1988. № 1–4. Позже роман был опубликован отдельным изданием в изд-ве «Книжная палата». М., 1988. См. также: Правое дело побеждает. Судьба романа Василия Гроссмана // Московские новости. 1987. № 42.
- 3 О воссоздании истории сталинизма в период перестройки см.: Ferretti M. La memoria mutilata. La Russia ricorda. Milano; Corbaccio, 1993.
- 4 Капустин М.П. От какого наследства мы отказываемся? // Октябрь. 1988. № 4, 5. Он же. Камо грядеши? // Октябрь. 1989. № 8. С. 152.
- 5 Мигранян А. Легко ли стать Европой? // XX век и мир. 1988. № 12.
По поводу успеха этой интерпретации см. также материалы «круглого стола», организованного Институтом социологии Российской академии наук «Природа тоталитарной власти» (обсуждение за «круглым столом» редакции) // Социологические исследования. 1989. № 5. Мигранян А. Долгий путь к европейскому долгу // Новый мир. 1990. № 7. См. также: Махов А. К процветанию под дулом автомата. Мифы из новейшей истории Чили. // Московские новости. 1991. № 18. Он же. К нищете под дулом автомата. Куда толкают Чили наследники Че Гевары // Московские новости. 1991. № 19. Относительно просвещенного деспотизма для СССР ср.: Клямкин И., Мигранян А. Нужна ли «железная рука»? // Литературная газета. 1989. № 33.
- 6 Афанасьев Ю. Реванш // Новое время. 1994. № 4. С. 12.
- 7 Что касается откликов на роман литературной критики, см.: Кулиш В., Оскоцкий В. Эпос войны народной (Диалог о романе Василия Гроссмана «Жизнь и судьба») // Вопросы литературы. 1988. № 10; Дедков И. Жизнь против судьбы // Новый мир. 1988. № 11; Аннинский Л. Мироздание Василия Гроссмана // Дружба народов. 1988. № 10; Золотусский И. Война и свобода // Литературная газета. 1988. № 23; Лазарев Л. Дух свободы // Знамя. 1988. № 9.
- 8 О цензуре на книгу «Жизнь и судьба» см.: Berelowitch A. La re-estrojka culturelle: une parole libérée, «L'URSS et l'Europe de l'Est». Paris // La documentation française, 1988. № 17–18. P. 16.
- 9 О воссоздании в коллективной памяти истории сталинского антисемитизма, осуществляемом еще раз в литературе, см.: Чуковская Л. Спуск под воду // Софья Петровна.

- Спуск под воду. Повести. М., 1988; Тендряков В. Охота // Знамя. 1988. № 9; Меттер И. Пятый угол // Нева. 1989. № 1; Архангельский А. Ты один мне надежда и опора... // Юность. 1989. № 8.
- 10 Произведение, целиком опубликованное за границей после эмиграции автора, вышло в свет в начале 1990 г. в Киеве. См.: Кузнецов А. Бабий Яр. Киев, МИП «Обериг», 1991. Речь идет о чрезвычайно интересном издании, так как хорошо видны купюры, сделанные в свое время цензурой.
- 11 Советский энциклопедический словарь. М., 1889. С. 95.
- 12 Рыбаков А. Тяжелый песок. М., 1978. (Я хочу поблагодарить А. Береловича за то, что он обратил мое внимание на эту книгу. — М. Ф.)
- 13 Свинцов В. Полторы тысячи групп — миф // Независимая газета. 1993. 12 ноября.
- 14 Гранин Д. Предисловие к книге Вольф К. Образы детства // Знамя. 1989. № 6. С. 99–100.
- 15 Гинзбург Л. Потусторонние встречи // Новый мир. 1969. № 10–11. О судьбе этой книги читайте в предисловии сына Л. Гинзбурга Ю. Гинзбурга к отдельному изданию: Гинзбург Л. Потусторонние встречи. М.: Новости, 1990. С. 5–6.
- 16 Mosse G.L. Le guerre mondiali. Della tragedia al mito dei caduti. Laterza, Bari, 1990.
- 17 Lane C. The Rites of Rulers: Ritual in Industrial Society. The Soviet Case. Cambridge, 1981.
- 18 Козлов В.И. О людских потерях Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов // История СССР. 1989. № 2; Более скромную цифру приводит Мерцалов А. Цена победы // Коммунист. 1990. № 6. Он, однако, подчеркивает, что эти оценки не могут считаться окончательными. В самом деле, число погибших только среди военных колеблется, по разным данным, от 8 до 14 и даже до 22 млн чел. См.: Гуркин В.В. О людских потерях на советско-германском фронте в 1941–1945 гг. // Новая и новейшая история. 1992. № 3. С. 219–224. (Примеч. ред.).
- 19 О пересмотре истории войны при Хрущеве см.: Gallagher M. Trends in Soviet Historiography of the Second World War // Keep J. (2 d) Contemporary History in Soviet Mirror. London, 1964; Whittier N. Politics and History in the Soviet Union. Cambridge, Mass., London, 1971.
- 20 Ср.: Zarson T.B. What happened to Stalin? // Problems of communism. March/april 1967; Labeledz L. Stalin and history: perspectives in retrospects. Survey, 1977–1978. № 3. Относительно «переписывания» истории войны ср.: Павленко Н. На первом этапе войны. Заметки военного историка // Ком-

- мунист. 1988. № 9; Он же. Как писалась история минувшей войны. Размышления ученого // Коммунист. 1989. № 9.
- 21 Ср. Berelowitch A. Des slagophiles an russophiles // Revue d'Etudes Slaves. 1981. № 82.
- 22 О русском национализме ср.: Berelowitch A. Ibid., Dunlop J.B. The Faces of contemporary Russian nationalism. Princeton univ. press, 1983. Об удушении либерального течения ср.: Speehler D.R. Permitted Dissent in the USSR. Novy Mir and the Soviet Regime. N.-Y., 1982.
- 23 Идея «еврейского заговора» культивировалась, например, Воениздатом. И не только им. См. напр.: Семенюк В.А. Сионизм в политической системе империализма. Минск. 1981, где так называемая пражская весна объяснялась еврейским заговором. Или: Яковлев Н.Н. ЦРУ против СССР. Минск: Изд-во БГУ им. Ленина. 1983, где подобным же образом объяснялось советское инакомыслие. Прием, который использовали авторы этих работ, был прост: «разоблачить» еврейские фамилии тех или иных лиц.
- 24 Осуждение пакта началось в 1988 г., когда в прибалтийских республиках развернулись национальные движения; именно из политических соображений Москва признала существование секретных протоколов о разделе зон влияния лишь в 1989 г. (см.: Яковлев А. События 1939 года — взгляд с полувековой дистанции // Правда. 1989. 18 авг. Фалин В. Война, которая не должна была быть // Известия. 1989. 21 авг.). Об отношении Сталина к Германии накануне войны и перед нацистским вторжением см.: Якушевский А.С. Фактор внезапности в нападении Германии на СССР // История СССР. 1991. № 3; Орлов А.С. СССР и Прибалтика. 1939—1940. // История СССР. 1990. № 4; Семиряга М.И. Советский Союз и предвоенный кризис // Вопросы истории. 1990. № 9; Шевяков А.А. Советско-германские экономические отношения в 1939—1941 гг. // Вопросы истории. 1991. № 4-5.
- 25 См.: Штрик-Штрикфельд В. Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское освободительное движение. М.: Посев. 1993, а также Свинцов В. Кто же такой А. Власов // Независимая газета. 1993. 25 дек. Об особенностях советского коллаборационизма ср. также соображения: Mosse G.L. Le querege mondial. Della tragedia al mito dei caduti. Op. cit. P. 227—230.

Общество, вышедшее из войны: русские и немцы в 1945 году

«Что вы все носитесь со своей победой?!
Не победи мы тогда, в сорок пятом,
сейчас жили бы не хуже немцев!»

Из московских разговоров

Мы всегда все про всех знаем. И при этом поразительно нелюбопытны. Наши знания сродни убеждениям — отсюда такая категоричность вопросов и столь желанная простота ответов. Оказывается, для того, чтобы жить «как немцы», достаточно было всего лишь... проиграть войну. Иногда кажется, что только живая память современников и историческая память народа, для которой Победа — одна из точек опоры, мешают окончательно поверить в этот новомодный миф.

А что мы, собственно, знаем о немцах после 1945 г.? Когда открылся «железный занавес» и в СССР стала появляться первая более или менее правдоподобная информация о жизни на Западе, Германия была уже далеко от той роковой черты. Тогда с высоты достигнутого благополучия и сами немцы готовы были по-другому оценивать исход войны. Правда, далеко не все. Один из читателей «Франфуртер Альгемайне» еще в 1965 г. предложил отмечать 8 мая — день подписания акта о капитуляции Германии — как общенациональный праздник, день национального возрождения. Письмо вызвало тогда целую дискуссию, особенно острую в условиях 60-х годов, когда западное немецкое общество вплотную подошло к переосмыс-

лению своей новейшей истории. Преодоление прошлого — так назвали в Германии этот нелегкий, для многих современников мучительный процесс. Он продолжается по сей день, и приближение к новой памятной дате заметно оживило прежние споры, которые давно переросли границы профессионального интереса историков.

Аналогичная картина наблюдается и в России. Разница лишь в том, что в отличие от Германии научное осмысление опыта второй мировой войны, особенно ее социальной истории, в российской историографии находится пока в самом начале, и она не располагает тем обширным потенциалом конкретно-исторических исследований, который успели за это время создать историки ФРГ. Но не о научных разработках сейчас речь: не они, к сожалению, задают тон обсуждению проблем минувшей войны в эти дни. Многие публикации и с нашей, и с немецкой стороны продиктованы отнюдь не стремлением спокойно разобраться в драматических событиях военных и послевоенных лет, а скорее напоминают соревнование взаимных исков и расчетов. И при этом фигурируют не только военные трофеи (например, Янтарная комната и «золото Шлимана»), но и вещи, которые никаким измерениям просто не подлежат, как не подлежит «компенсации» трагедия Хатыни трагедией Неммерсдорфа. Реальность же такова, что попытки пойти именно по этому пути были и будут впредь.

Ни российское, ни немецкое общество в значительной своей части еще не способно смотреть на события, связанные с войной, как на всю историю. Для миллионов ныне живущих русских и немцев это не просто история, но часть собственной жизни. Существуют такие понятия, как история и историческая память. Историческая память может осуждать и прощать; у истории как науки такого права нет и быть не может, поскольку история никогда не судит прошлое, — она помогает его понять. Если смотреть на историю России и Германии с этой точки зрения, то в исторических судьбах обеих стран можно найти немало вполне очевидных, а порой и парадоксальных переплетений.

Эти заметки оставляют в стороне развитие политических и экономических процессов в послевоенных Германии и Советском Союзе: здесь действовали в основном разнонаправленные тенденции (за исключением восточ-

ной части Германии, находившейся под влиянием московского руководства). Необходимо отметить и то обстоятельство, что после войны Германия перестала существовать как единое государство и была разделена сначала на четыре, а затем на две части, ситуация в которых развивалась отнюдь не по одной схеме. Но люди по ту и другую сторону после завершения военного конфликта столкнулись с проблемами, существование которых напрямую не было связано с характером политического строя или планами союзников, а имело один источник происхождения — войну. Эта особенность послевоенного бытия, одинаково характерная и для русских, и для немцев, дает основание на примере двух стран поставить вопрос о сравнительном изучении такого сложного социально-психологического феномена, каким является общество, вышедшее из войны, — послевоенное общество.

В 1945 г. русские и немцы действительно находились на разных полюсах. Одни праздновали триумф победы, другие переживали трагедию катастрофы. Но для тех и для других этот рубеж имел и некий общий смысл: он был концом войны.

Из всех стран, участвовавших во второй мировой войне, Советский Союз и Германия как два главных противника понесли самые большие потери, причем потери Советского Союза, особенно в человеческом измерении, трудно сопоставимы даже с потерями Германии. Страницы дневниковых записей и писем, относящиеся к первым послепобедным дням, независимо от того, написаны они под Смоленском или Кёнигсбергом, часто рисуют похожую картину: разрушенные дома, разбитые бомбежками дороги, люди, оставшиеся без пристанища и занятые одной проблемой, — где достать хлеба.

Продовольственный кризис, балансирование на грани голода и просто голод — одна из самых серьезных проблем для послевоенного общества. Продовольственные трудности и в Германии, и в Советском Союзе возникли еще во время войны, система нормированного снабжения давала существенные сбои, заставляя население искать разные формы самообеспечения. С окончанием войны немецкая система продовольственного снабжения вообще развалилась, и понадобилось время — от нескольких недель

до месяцев, чтобы союзники в разных зонах оккупации смогли найти свои формы разрешения продовольственной проблемы. Нормированная система была восстановлена, и ситуация с продовольствием складывалась несколько лучше в американской и советской зонах оккупации (в первой — благодаря экспорту из США, во второй — из-за того, что Советская Армия оккупировала традиционно сельскохозяйственные районы Восточной Пруссии). В 1945—1946 гг. острый продовольственный кризис наблюдался практически во всех городах Германии, независимо от зоны оккупации.

В советской зоне нормированная система продовольственного снабжения немецкого населения, прежде всего населения Берлина, начала функционировать уже в мае-июне 1945 г. За образец тогда был взят советский опыт дифференцированного снабжения разных категорий населения. В Берлине, например, существовало пять видов карточек: ежедневная норма по карточке первой группы составляла 600 г хлеба и 100 г мяса, по карточке пятой группы — соответственно 300 и 20 г. Нормы определялись исходя из наличных продовольственных резервов и, хотя берлинцы называли пятую карточку «голодной», их положение не было исключением: в аналогичной ситуации находились жители некоторых регионов французской и английской зон оккупации. Кроме того, немцы, получавшие «голодную карточку», не представляли себе, что в это же время население России (причем не только в городах, но и в обезлюдевших, разоренных войной деревнях) испытывает не меньшие, если не большие продовольственные трудности. Когда в Германию стали возвращаться первые военнопленные из советских лагерей, они рассказывали о своей жизни в России. Многие из них признавались тогда, что там они получали весьма скудный продовольственный паек, но местные жители находились еще в более худшем положении и порой вели полуголодное существование¹. Неурожай 1946 г. поставил ряд районов Центральной России, Поволжья, а также Украины, Белоруссии, Молдавии на грань катастрофы. По подсчетам специалистов, от голода и связанных с ним болезней в 1946—1947 гг. умерло около миллиона человек, причем в основном сельского населения².

Что касается сельских районов Германии, то они пострадали от войны в гораздо меньшей степени, чем города. Поэтому продовольственный кризис 1946—1947 гг. в Германии можно считать в целом городской проблемой. Местная оккупационная администрация не имела ни ресурсов, ни организационных возможностей для постоянного поддержания необходимого минимума продовольственного обеспечения гражданского населения, поэтому поощряла разные формы самоснабжения. В советской зоне оккупации первоначально пытались направить немцев по широко практиковавшемуся в Советском Союзе пути организации «рабочих огородов», которые в свое время помогли выжить ленинградцам, москвичам и жителям других городов. Но в Берлине дело не пошло: сказался традиционный менталитет немецкого горожанина, столичного жителя, воспитанного на нормах городской, «потребляющей» культуры.

Поэтому проблему самообеспечения берлинское население в 1945 г. решало по-своему: нашелся специалист, открывший курсы о съедобных растениях, которые можно было найти в городских парках и пригородных лесах. Курсы были очень популярны, и, не ограничиваясь теорией, ежедневно 50—100 берлинцев отправлялись в окрестные леса под руководством профессора собирать крапиву, одуванчики и т. д.³ Тогда же были организованы консультации для домохозяек, на которых разъяснялось, как нужно перерабатывать собранные растения, как приготовить салат из одуванчиков, шпинат из лебеды, мармелад и чай из шиповника. Здесь же можно было получить консультацию, как наиболее рационально использовать 20 г мяса, которые выдавали по карточке пятой категории, или 40 г., положенных по третьей карточке. Рецепты, которые выпускались консультациями для домохозяек и стоили два пфеннига, расходились молниеносно⁴.

Другой первоочередной проблемой, которая стояла перед послевоенным обществом в обеих странах, были восстановительные работы. В Советском Союзе эта задача, получившая статус государственной программы, была в основном решена к началу 50-х годов. Что касается Германии, то оккупационные власти поощряли проведение восстановительных работ, руководствуясь главным образом

принципом первой необходимости: расчищались улицы и площади, приводились в порядок уцелевшие здания. Новое строительство было практически заморожено. Но в 1945 г. проблема восстановления чаще всего воспринималась современниками более конкретно, сводясь в общем и целом к проблеме дома, за время войны для многих утраченного. «Великая бездомность миллионов людей, именуемая войной, надоедает», — писал с фронта Э. Казакевич, подчеркивая, что война «надоедает не опасностью и риском, а именно этой бездомностью своей»⁵. Постальгия по дому — лейтмотив всех фронтовых писем последнего периода войны, написаны ли они рукой русского или немецкого солдата. Проблема дома в сознании воевавших была шире, чем просто возвращение к прежнему месту жительства. Обретение дома — старого или нового — стало символом возвращения к мирной жизни, главной психологической установкой первых послевоенных месяцев.

Дом — это семья. Проблема же семьи для послевоенного общества — одна из самых уязвимых. Война резко изменила демографическую ситуацию в СССР и Германии, «выбив» наиболее дееспособную часть мужского населения. Через неделю после капитуляции население Берлина, например, составляло 2 млн человек, из них 70% — женщины, дети и инвалиды⁶. В Советском Союзе наиболее существенный демографический перекос наблюдался в деревне: даже те фронтовики, которые призывались из сельской местности, после демобилизации стремились в города. В результате, если в 1940 г. соотношение женщин и мужчин в колхозах было примерно 1,1:1, то в 1945 г. — 2,7:1⁷. Общество, вышедшее из войны, это преимущественно «женское общество». В СССР женщины работали в поле, на производстве, стояли в изнурительных очередях за хлебом. В Германии восстановительные работы тоже проводились главным образом женскими руками. Немецких женщин первых послевоенных лет потом так и называли — «женщины руин». Массовое участие немецких женщин в работах вне дома, уход от домашнего очага, который начался еще в военное время, а после войны стал массовым, не только вывели женщину на авансцену общественной жизни, но и нанесли серьезный удар по всему прежнему укладу жизни традиционного немец-

кого общества, замкнутого в кругу семьи. Размывание консервативной традиции происходило и раньше, но война стала мощным ускорителем этого процесса. Усиление роли женского фактора в послевоенной жизни, несмотря на все негативные последствия, как это ни парадоксально, одновременно способствовало укреплению жизнеспособности этого общества, ориентируя его на выживание.

Текущие проблемы послевоенного бытия, главным образом продовольственная и жилищная, серьезно обострились из-за усилившейся в последние месяцы ведения военных действий и после их окончания миграции населения. В Советском Союзе потоки мигрантов распределялись в это время по следующим основным направлениям: из деревни в город, с востока на запад (реэвакуация), с запада на восток (репатриация). В Германии: из городов в сельскую местность, с востока на запад (изгнание немцев с территории, отошедшей к Польше) и из советской зоны оккупации в западные зоны. Разнонаправленность обмена населением между городом и сельской местностью в Советском Союзе и Германии объясняется главным образом последствиями войны, по-разному затронувшей город и село в обеих странах. В Советском Союзе в областях, подвергшихся во время войны оккупации, пострадали и город, и деревня. Однако в городах в отличие от сельской местности благодаря существовавшей системе нормированного снабжения прожить было относительно легче, и это стимулировало приток сельских мигрантов. Война в известном смысле подтолкнула процесс урбанизации, но развитие его шло не естественным путем (например, в результате переизбытка рабочих рук в деревне), а имело вынужденный характер, поскольку условия жизни в деревне, особенно российской, в послевоенные годы были гораздо более тяжелыми, чем в пострадавших от войны городах.

На территории Германии военные действия в основном не носили такого разрушительного характера, как в Советском Союзе (за исключением Восточной Пруссии), от бомбардировок страдали главным образом крупные города; малые города и особенно сельские поселения оказались в сравнительно благополучном положении (в зависимости от региона). Поэтому в самом конце войны и в первые послевоенные месяцы поток беженцев уст-

ремился в сельскую местность. Одна только Бавария приняла тогда около 2 млн мигрантов⁸. Вновь прибывших местное население встречало по-разному. Согласно исследованиям немецких ученых, в Германии к «пришлым» лучше относились в тех местах, жители которых сами пострадали от войны: общие лишения сближали людей. И напротив, в относительно благополучных областях отношение к мигрантам было настороженным, а иногда и откровенно враждебным, их воспринимали как лишнюю обузу⁹.

Округ Целле (Нижняя Саксония) до апреля 1945 г., т. е. до наступления союзников, вообще оставался как бы вне войны. С апреля туда устремился поток беженцев, и уже к августу население округа выросло по сравнению с довоенным уровнем на 70%¹⁰. Местная администрация в своем отчете сообщала: «Настроение населения удрученное, но не из-за действий оккупационных властей — озабоченность вызывает проблема беженцев. Необходимость их обустройства в условиях приближающейся зимы, обеспечения одеждой, поскольку многие имеют только летнюю одежду, вызывает беспокойство местного населения»¹¹. В последующих отчетах речь шла о возрастающем недовольстве и взаимной конфронтации «местных» и «пришлых», об отсутствии «доброй воли» с обеих сторон¹². Местные крестьяне упрекали вновь прибывших в том, что те едят чужой хлеб, что они не стремятся хорошо работать, а хотят все получать даром¹³. Интеллигенция опасалась, что внедрение «чужого элемента» грозит взорвать традиционную культуру сельского мира¹⁴. Отношение беженцев к местным жителям было соответственным. «Я ужасно разочарован в саксонских крестьянах, — говорил один немец из Силезии. — Мы у себя дома привыкли к сердечному гостеприимству. Мы — пограничные жители, и у нас немец немца встречает всегда с особой радостью. Но здесь мы не встретили никакого сочувствия. Если бы я три года не провел в России и не увидел там коммунизма, сейчас я точно был бы коммунистом»¹⁵.

Противоречия между «местными» и «пришлыми» сглаживались постепенно, в течение нескольких лет. Со временем местные крестьяне перестали относиться к присутствию беженцев как к явлению временному и преходящему и стали воспринимать их как часть своего сообщества.

Но это было уже другое сообщество: более терпимое к чуждой культуре и иному образу жизни, менее замкнутое. Послевоенная жизнь существенно повлияла на традиционный сельский мир. Впоследствии этот процесс получил название «революция в деревне»¹⁶.

В советском обществе проблема беженцев не стояла так остро, как в Германии, но и у нее были свои характерные особенности. Основной поток мигрантов в течение 1945—1946 гг. составили репатриированные. По данным Управления уполномоченного СНК СССР по репатриции на 1 февраля 1946 г., в Советский Союз с территории Германии и других государств было репатриировано всего 5,2 млн человек, из них 1,8 млн бывших военнопленных и 3,4 млн гражданского населения¹⁷. Все репатрианты, независимо от того, принадлежали они к военнопленным или к гражданскому населению, должны были пройти проверочно-фильтрационный лагерь, где в основном и решалась их дальнейшая судьба. По возвращении на родину многие из них столкнулись с серьезными проблемами, прежде всего бытовыми: в ожидании распределения и разрешения следовать к месту прежнего жительства им приходилось по нескольку месяцев жить в непригодных для жилья помещениях, во временных палатках (даже в условиях поздней осени и наступающей зимы). Инспекторской проверкой ЦК ВКП(б) было установлено, что органы репатриации далеко не всегда считались с желанием репатрируемых и в административном порядке направляют их в другие районы¹⁸. Подобные решения репатрианты воспринимали как высылку, что, в общем, было недалеко от истины, несмотря на заверения официальных инстанций в том, что «основная масса людей, находившихся в немецком рабстве, осталась верной Советской Родине»¹⁹, отношение к репатриантам, особенно со стороны местных властей, было скорее негативным и почти всегда подозрительным. «Мы им тут контрреволюцию разводить не даем, сразу всех мобилируем и отправляем на плоты, на сплав леса», — делился годами своей работы один районный начальник²⁰.

Такое отношение не могло не сказаться на настроении репатриантов. «Я не чувствую за собой вины перед родиной, — говорил один из них, — но я не уверен, что во мне не будут применены репрессии. Здесь на пункте

(проверочно-фильтрационном. — Е. З.) к нам относятся как к лагерникам, все мы находимся под стражей. Куда меня отправят — не знаю»²¹. Неясный правовой статус репатриированных, неизвестность будущего рождали сомнения и вопросы: «Будем ли мы иметь право голоса?», «Правда ли, что мы будем работать под конвоем», «Правда ли, что нас будут ставить на самую тяжелую и малооплачиваемую работу?», «Будут ли репатриированных принимать в учебные заведения?» и др.²²

Стремление к изоляции репатриированных, несмотря на официальные заявления о лояльности власти по отношению к этой категории граждан, в реальной политике, несомненно, имело место. Это стремление объяснялось не только общим недоверием ко всем, кто на какое-то время вышел из-под контроля советской идеологической машины, но и опасениями властей, что люди, побывавшие на Западе, могут стать для других своих соотечественников источником непрофильтрованной информации о жизни за пределами СССР. И информация такого рода от репатриантов действительно поступала: вернувшись на родину, они рассказывали о зажиточной жизни немецких крестьян, о чистых улицах и аккуратных домах. Эти рассказы резко контрастировали с советской действительностью и весьма разнились от удручающих картин западной жизни, тиражируемых официальной пропагандой. Новое знание представляло для режима реальную угрозу, но это знание уже нельзя было просто перечеркнуть, изолировав от общества всех, кто побывал по ту сторону государственной границы. Тогда пришлось бы помимо репатриированных изолировать еще и всю армию. Так или иначе, но после 1945 г. один из цементирующих советскую идеологию мифов — миф о безоговорочных преимуществах социализма перед капитализмом — теперь нуждался в дополнительных серьезных аргументах. Таким аргументом стала *Победа*, именем которой пытались оправдать всех и вся. Но опыт увиденного и пережитого, даже не востребованный в реальной действительности, сохранялся в сознании людей, прошедших войну; с войны пришел человек, который мог сравнивать увиденное в других странах с реалиями отечественного бытия. Этот опыт мог стать первым шагом к выбору. Однако не сразу после войны.

Ведущей психологической установкой на тот момент была задача приспособиться к мирной жизни, вписаться в нее, научиться жить по-новому. Какое бы то ни было противостояние в этой ситуации исключалось. «Всем как-то хотелось наладить свою жизнь, — вспоминал писатель-фронтовик В. Кондратьев. — Ведь надо же было жить. Кто-то женился. Кто-то вступил в партию. Надо было приспособиваться к этой жизни. Других вариантов мы не знали»²³. Поиск своей *стратегии выживания*, вживание в новую реальность — главный смысл бытия человека послевоенного общества. В этом отношении и перед русскими, и перед немцами стояли как будто бы одни задачи. Однако решались они по-разному, поскольку исходные условия реализации установки на «жизнь после войны» для них были диаметрально противоположными.

Немецкий историк П. Гюттенбергер назвал немецкое общество 1945—1946 гг. «обществом катастрофы»²⁴. Экономическая разруха, проигранная война (вторая за тридцать лет), начавшаяся оккупация страны быстро изменили психологический климат в немецком обществе. Очевидцы тех дней почти единодушно отмечают общую апатию как доминирующую тенденцию в настроениях немецкого населения. Причиной апатии было не только поражение: сказывался и фактор психологической усталости от экстремальности, от перенапряжения последних лет войны. В обыденном восприятии немцев, как зафиксировали позднейшие опросы, 1943—1948 гг. остались как «плохие времена»²⁵. Начальным рубежом этого периода выступает сражение под Сталинградом, конечным — денежная реформа в Западной зоне оккупации. Напротив, в российском массовом сознании события мая 1945 г. однозначно связаны с эйфорией общего праздника, это был пик духовного подъема всего общества.

Между тем психологическая усталость — неизбежное следствие изнурительной войны — явление, с которым пришлось столкнуться и советскому обществу. Война велась на пределе сил — физических и душевных, устремленность к общей цели мобилизовала последний ресурс человеческих возможностей. Но это был действительно предел возможностей. Фронтовики замечали, что во время войны люди, несмотря на все неблагоприятные факто-

ры, почти не болели «мирными» болезнями, перед постоянной угрозой смерти такие недуги отступали. Но вот кончилась война — и запас прочности иссяк: человека начинали одолевать полученные на войне раны или вполне обычные болезни. У нас есть, хотя и не вполне точная, статистика военных потерь, но до сих пор неизвестно число умерших от ран уже после войны. К концу войны среди демобилизованных по состоянию здоровья было 2 млн инвалидов²⁶, большинство из них — люди молодых возрастов. Они нуждались не только в хирургическом или терапевтическом лечении, но и в специальной психологической поддержке. Из войны все вышли победителями, но не все смогли устроиться в послевоенной жизни. Особенно остро проблема адаптации к мирной жизни стояла перед теми, кто ушел на войну со школьной скамьи, не успев получить профессию, обрести устойчивый жизненный статус. Их единственной профессией была война, единственным умением — способность держать оружие и воевать. После войны этому поколению все пришлось начинать заново.

В Германии тоже была своя проблема «двадцатидвухлетних»: по данным специалистов, именно это поколение участвовавших в войне немцев в мирное время оказалось наиболее уязвимым в физическом и моральном отношении. В 1949 г., например, среди всех пациентов больницы (на территории Бизонии) больные в возрасте 20—30 лет составляли 43%, а старше 50 лет — 8%²⁷. На состоянии здоровья молодых немцев сказалось не только физическое истощение, но и общая депрессия: поражение в войне, падение режима, означавшие одновременно утрату идеалов (независимо от содержания этих идеалов), были причинами тяжелых психических расстройств.

В послевоенную Германию вернулись и уже почти забытые болезни, так называемые болезни бедных кварталов — туберкулез, чесотка, тиф. Их носителями и распространителями были в основном беженцы и переселенцы. Но и сама неустроенность послевоенной жизни, отсутствие привычных для немецкого общества санитарных норм способствовали распространению не только этих, но и более «экзотических» болезней. Медицинские обследования осени 1945 г. в британской зоне оккупации зафи-

гировали двукратный по сравнению с 1934 г. рост заболеваемости венерическими болезнями²⁸. Для Германии, страны с традиционной моралью среднего бюргера, это была огромная цифра. А само явление оказалось характерным не только для Германии.

С подобной же «неожиданностью» сразу после окончания войны столкнулись и советские органы здравоохранения. По отдельным регионам и городам ситуация складывалась следующим образом: летом 1945 г. по сравнению с довоенным 1940 г. заболеваемость сифилисом увеличилась в Краснодаре — в 6 раз, в Орле — в 5, в Калининне — в 7, в Воронеже — в 6, в Смоленске — в 12 раз²⁹. Причем эти цифры считались заниженными, так как в большинстве областей не был налажен учет венерических больных. Катастрофически не хватало лекарственных препаратов, дефицит рождал спекуляцию. Положение было настолько серьезным, что 4 сентября 1945 г. СНК СССР принял специальное постановление по этому вопросу³⁰.

Война не просто поставила «крест» на пуританской морали — она вообще изменила шкалу нравственных ценностей. Далеко не все эти перемены были со знаком «минус». В советское общество война, например, принесла такое, от чего его, казалось бы, давно отучили: подлинный дух свободы, понимание человеком самоценности собственной личности, способность на риск и инициативу и многое другое, о чем нужен особый разговор.

Вместе с тем война, при всех исключениях и оговорках, это прежде всего наука ненависти. Человек на войне отбрасывается помимо воли, в противнике он видит в первую очередь врага и действует в соответствии с императивом «убей его!». Эту психологическую установку нельзя поменять вдруг. Самый показательный пример на этот счет — поведение Советской Армии в Восточной Пруссии. Военное командование оказалось тогда просто бессильным обуздать стихию мести и волну насилий. Несмотря на строгие приказы и штрафные санкции, ситуация вышла из-под контроля. Как всегда, опоздала пропагандистская машина: целенаправленно работавшая на закрепление в сознании солдата образа врага (который под влиянием жестокостей самой войны быстро «самоупращался» до всего немецкого), она слишком поздно начала вно-

сать в этот образ коррективы, призывая к гуманизму по отношению к мирному населению. У солдата же, вступившего на немецкую землю, за плечами был слишком жестокий опыт увиденного и пережитого, чтобы ожидать от него поведения согласно дисциплинарному уставу.

После окончания войны ожесточение не исчезло, оно оказалось как бы размытым в обществе, растворенным в нем. Одним из признаков «материализации» этого своеобразного военного наследия стал послевоенный рост преступности. В Германии судебные органы отмечали как типичное явление вспышку насилия и жестокости, причинами которых были не только корыстные интересы, но и часто неосознанная ненависть, паранойя. Росло количество преступлений против собственности, причем этот вид преступности заметно помолодел: по сравнению с предвоенным временем преступность среди молодежи в западных зонах Германии увеличилась в три раза (данные 1947 г.)³¹.

В СССР правоохранные органы в качестве нового явления послевоенного периода отмечали рост «непрофессиональной» преступности. Например, из 5 тыс. человек, привлеченных к уголовной ответственности (за кражи, разбой, убийства и другие тяжкие преступления) по Москве только за июль — август 1946 г., 79% составили лица, ранее не судимые, из них 71% — люди в возрасте до 25 лет³². Наличие оружия, которое, несмотря на приказы о сдаче, осталось у части населения, способствовало распространению после войны таких видов преступности, как вооруженный бандитизм, ограбления, убийства. Знаменитая «Черная кошка» — предмет слухов и пересудов в послевоенной Москве — имела свои аналоги в разных городах России.

Война рождала не только ожесточение, но и милосердие, иначе естественные человеческие отношения просто не выдержали бы уничтожающего противостояния. Ожесточение формирует особую стратегию выживания, но оно не может быть полноценным стимулом к жизни. Что касается послевоенного общества, то оно оказалось удивительно жизнеспособным, тысячами житейских ситуаций демонстрируя стремление людей к взаимопомощи, сочувствию, состраданию. В воспоминаниях современников о послевоенных годах вместе с рассказом о трудно-

стях и лишениях часто присутствует ностальгическая нота. Причем не только в воспоминаниях наших соотечественников: порой и немцы (в основном интеллигенция) говорят об этих годах как о «времени прекрасных лишений». «В подобной оценке, — пишет в этой связи германский ученый Г. Глазер, — нет ничего циничного, речь идет прежде всего о чувстве (для многих не вполне осознанном) духовно-нравственного освобождения в атмосфере общего развала»³³. Ощущение особой духовной атмосферы послевоенных лет присутствует и в воспоминаниях наших соотечественников, причем здесь на первый план выходят, как правило, явления личностного свойства, изменения в самом человеке, поскольку внешняя атмосфера совсем не соответствовала тому духу свободы, который человек вынес из войны. Материальные трудности, физические страдания и новые явления человеческого духа (или ростки этих явлений) — одно из самых характерных противоречий послевоенного общества. Воспоминания о послевоенном времени, как и любые ретроспективные оценки, не всегда адекватны реальной ситуации, скорее они отражают степень соразмерности приобретений и потерь. Что же приобрели и что утратили русские и немцы из наследия 1945 г.?

Казалось, населению Германии уже вообще нечего было терять. Страна находилась в *крайней точке катастрофического падения*. «Час ноль» — так обозначился в сознании немцев май 1945 г. «Ничейное время», «ничейная страна» — эта тема многократно обсуждалась в послевоенной немецкой публицистике. «Господствовала не только острая нужда, но и — что было, возможно, еще хуже — жизненные планы казались бессмысленными, перспективы — темными и неопределенными», — так определил общее состояние немецкого общества 1945 г. П. Гюттенбергер³⁴. Исчезнуть или начать жить заново — именно эта альтернатива, несмотря на всю ее жесткость, помогла немецкому народу выжить.

Старые государственные структуры были разрушены, для создания новых требовалось время. Органы союзников не могли, да и не стремились взять на себя полностью функции управления зонами. В результате в сознании немцев произошел кризис доверия к государственному

началу вообще. Это не значит, что сознание «среднего немца» утратило свою, во многом статистскую, сущность, но в его отношении к государству наметился весьма характерный поворот: отсутствие государственной опеки и государственных гарантий жизнеобеспечения заставляло его начать действовать на свой страх и риск, полагаясь во всем только на самого себя. Этот процесс можно назвать индивидуализацией сознания, который стал одним из составляющих формирования новой морали выживания³⁵. Нормы новой морали возникали в ситуации кризиса традиционной системы ценностей, вырастали как реакция на особенности момента. Индивидуализм в немецком обществе, считает, например, Л. Ниитхаммер, был воспитан школой «черного рынка»³⁶, который сохранял свои преобладающие позиции в экономике потребления долгое время, до конца 40-х годов. Появление новой индивидуальной морали стало первым шагом к западному немецкому обществу.

Из прежних ценностей в послевоенном немецком обществе свое безусловное значение сохранили принципы христианской веры. Церковь была, пожалуй, единственным институтом, который за годы войны не только не разрушился, но и укрепил свое влияние. В атмосфере общих лишений религия для многих людей была единственной точкой опоры, единственной надеждой в безнадежном пространстве. Всплеск религиозности во время войны и в первые послевоенные годы наблюдался и в Советском Союзе: процесс этот был настолько массовым, что государству пришлось несколько изменить тогда свою ранее довольно жесткую позицию по отношению к Церкви.

Вера помогала пережить утраты военного лихолетья и трудности послевоенных лет. Если говорить о советском послевоенном обществе, то вера в данном случае имеет гораздо более широкий смысл, чем религиозность. Это было вообще общество веры и общество надежд. Тогда многим казалось, что самое страшное и тяжелое осталось за порогом войны, что главные испытания — позади. Победа была общей радостью, мир — первейшей ценностью. Весной сорок пятого, делился своими ощущениями Э. Казакевич «люди не без основания считали себя гигантами»³⁷. Все ждали, что после войны наступят перемены,

если мало кто представлял себе, какими они должны быть в деталях, то общий настрой, безусловно, выражало стремление к «лучшей жизни» или желание жить, по крайней мере, «как до войны». В палитре общественных чувств присутствовали и вполне конкретные ожидания: крестьяне ждали, что после войны распустят колхозы, интеллигенция надеялась на либерализацию режима, прекращение репрессий, расширение контактов с Западом и т. д.

Вместе с тем у этих ожиданий была одна характерная особенность: переход к «лучшей жизни» многим современникам виделся как в общем безболезненный, непротиворечивый. И почти немедленный. «Жизнь после войны казалась праздником, для начала которого нужно было только одно — последний выстрел», — писал К. Симонов³⁸. Перемены к лучшему по этим субъективным ощущениям выступали в роли «награды» за победу, а поэтому они должны были бы быть санкционированы и инициированы сверху. Общество готово было включиться в этот процесс, но определенно ожидало команды. Команды не последовало.

Общество не было готово к «борьбе» за перемены, ему нужна была передышка от борьбы. Для человека послевоенного общества вообще характерно в своем сознании отторгать мысли и поступки, связанные с экстремальным поведением. Отторжение экстремальности — одна из черт человеческой психологии, в условиях перенапряжения действующей как механизм самосохранения. Неудивительно, как успехом в послевоенные годы пользовались разные формы отвлечения от реальности, и самая доступная из них — кино. Увлечение развлекательными фильмами (в Германии их называли «тра-ля-ля-фильмы») пережили и русские, и немцы. Современники до сих пор вспоминают популярные в послевоенные годы трофейные киноленты («Девушка моей мечты», «Индийская гробница», «Тарзан» и пр.), а также отечественные комедии («Свинарка и пастух», «Небесный тихоход», «Воздушный извозчик» и др.). Правда, у нас тогда других фильмов, в том числе серьезных фильмов о войне, и не было. В Германии же фильмы, пытающиеся всерьез размышлять о нападении нацистского прошлого, появились в 1946—1947 гг., но они не имели зрителя, оставаясь пустыми зрительные

залы. Чтобы по-настоящему начать осмысливать опыт войны, обществу необходима временная дистанция: ему нужно «отойти» от войны.

Война и ее исход в Советском Союзе и Германии сыграли разную роль и в развитии собственно общественных процессов, главным образом процесса общественной консолидации. Социум, который сложился в Германии сразу после окончания войны, вообще трудно назвать обществом, во всяком случае единым обществом. Разделение страны, развитие тенденций к регионализации, отсутствие общегосударственной, общенациональной идеи, атомизация общественной жизни и сознания — все эти процессы дезинтегрировали немецкий социум. Война буквально «рассыпала» его. И поднялось немецкое общество (западное немецкое общество) уже на новых основах: на рыночной экономике, демократической политике, индивидуалистической морали. Когда Х. Арндт, посетив Германию в 1950 г., увидела это общество, она была разочарована. То, что больше всего поразило Х. Арндт в немцах новой Германии, она определила как «всеобщий дефицит чувства», замкнутость на проблемах собственного благополучия, равнодушие ко всему, что не входит в круг личных интересов³⁹. Но это было сказано не в осуждение. «Что вообще можно было ожидать от народа после 12 лет господства тоталитарного режима? — спрашивала Х. Арндт. — И что можно было ожидать от оккупационной власти, которая поставила перед собой невыполнимую задачу поднять заново народ, который потерял почву под ногами?»⁴⁰

В отличие от Германии в Советском Союзе общественные процессы имели иную логику развития: из войны вышел не просто сражающийся народ, но единое общество. Общая победа, надежды на перемены к лучшему, общие послевоенные трудности сближали людей. На разных уровнях общественной жизни после войны начинали формироваться настроения, в которых угадывался прообраз общественного мнения. Процесс складывания гражданского общества тем не менее остался до конца незавершенным. Режим не мог этого достигнуть, вся послевоенная политика властей была направлена прежде всего на раскол общества, вышедшего из войны. И цель была

в конце концов достигнута: победа в противостоянии общество — власть осталась за тем, кто был на тот момент сильнее.

Но это была уже другая победа.

Е.Ю. Зубкова

Общественная история. 1995. № 3.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 366. Л. 128.
- ² Зима В.Ф. Голод в России 1946—1947 годов // Отечественная история. 1993. № 1. С. 43.
- ³ Kuby E. Die Russen in Berlin 1945. München; Berlin; Wien, 1965. S. 332.
- ⁴ Ibid.
- ⁵ Казакевич Э. Слушая время. Дневники, записные книжки, письма. М., 1990. С. 259.
- ⁶ Kuby E. Op. cit. S. 329.
- ⁷ Рассчитано по: Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1963. С. 318.
- ⁸ Erker P. Revolution des Dorfes? Ländliche Bevölkerung zwischen Flüchtlingszustrom und landwirtschaftlichem Strukturwandel // Von Stalingrad zur Währungsreform. Zur Sozialgeschichte des Umbruchs in Deutschland. München, 1989. S. 368.
- ⁹ Schulze R. «Die Flüchtlinge liegen uns alle schwer im Magen». Zum Verhältnis von Einheimischen und Flüchtlingen im ländlichen Raum // Geschichtswerkstatt. 1987. Heft 13. S. 37.
- ¹⁰ Ibid.
- ¹¹ Ibid.
- ¹² Ibid.
- ¹³ Ibid. S. 38.
- ¹⁴ Ibid. S. 39.
- ¹⁵ Ibid. S. 40.
- ¹⁶ Erker P. Op. cit. S. 368.
- ¹⁷ Шевяков А.А. Репатриация советского мирного населения и военнопленных, оказавшихся в оккупационных зонах государств антигитлеровской коалиции // Население России в 1920—1950-е годы: численность, потери, миграции. М., 1994. С. 210—211.

- 18 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 533. Л. 14.
 19 Там же. Л. 17.
 20 Там же. Л. 22.
 21 Там же. Л. 17.
 22 Там же. Л. 18.
 23 Интервью с В.А. Кондратьевым. Личный архив автора.
 24 *Hüttenberger P.* Deutschland unter Englischer Besatzungsherrschaft. Gesellschaftliche Prozesse // Britische Besatzung in Deutschland. L., 1992. S. 61.
 25 *Niethammer L.* «Normalisierung» im Westen. Erinnerungsspuren in die 50er Jahre // Ist der Nationalsozialismus Geschichte? Zu Historisierung und Historikerstreit. Frankfurt a/M, 1987. S. 156.
 26 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 511. Л. 107.
 27 *Hüttenberger P.* Op. cit. S. 67.
 28 Ibid. S. 64.
 29 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 526. Л. 36.
 30 Там же. Л. 40.
 31 *Hüttenberger P.* Op. cit. S. 64.
 32 ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 139. Л. 260–261.
 33 *Glaser H.* Die Kulturgeschichte der Bundesrepublik Deutschland. Zwischen Kapitulation und Währungsreform 1945–1948. Frankfurt a/M, 1990. S. 9.
 34 *Hüttenberger P.* Op. cit. S. 68.
 35 *Niethammer L.* (Hg.). «Hinterher merkt man, daß es richtig war, daß er schiefgegangen ist». Nachkriegserfahrungen im Ruhrgebiet. Berlin, Bonn, 1983. S. 63–64.
 36 Ibid.
 37 *Казакевич Э.* Указ. соч. С. 316.
 38 *Симонов К.М.* Собр. соч.: В 6 т. М., 1967. Т. 3. С. 124.
 39 *Arendt H.* Besuch in Deutschland. Rotbuch Verlag, 1993. S. 25.
 40 Ibid. S. 65.

Вторая мировая война в ретроспективе XX века

Вторая мировая война органично вписывается в динамику XX в. Мир входил в эту войну, втягивался в нее через военные конфликты и локальные войны 30-х годов, на гребне социально-экономического развития, воплощавшего в себе «переходный капитализм», переход от общих основ капитализма, или от «манчестерского капитализма», чья несостоятельность с особой выпуклостью и силой обнаружилась в мировом экономическом кризисе 1929–1933 гг. Движение по этому пути к иному качественному состоянию было наполнено катаклизмами: и стихийными (свободная конкуренция подводила и приводила к монополистическому диктату, произволу, насилию), и стихийно-сознательными (обострение борьбы труда и капитала, серия революционных переворотов), и сознательно-преднамеренными (установление авторитарных, тоталитарных режимов и проведение ими социально-экономических преобразований, «революций сверху»). При этом процесс рождения нового мог быть и смягчен (перестройка на базе демократии, но при сильной центральной власти, что было присуще «новому курсу» Ф. Рузвельта). В результате ко времени второй мировой войны мир оказался расколотым на три системы — буржуазно-демократическую, коммунистическую («реально-социалистическую») и фашистско-милитаристскую, — по-разному пытавшиеся решить насущные проблемы социально-экономического развития общества. Притом существовали не только вариации на тему преобразований в рамках одной и той же

системы, но и громадная периферия, втягиваемая в процессы осуществления таких преобразований, однако самостоятельно их еще не решавшая.

Глубинной основой «переходного развития» в XX в. был бурный прогресс производительных сил. Он непосредственно сказался во второй мировой войне. Век пара сменился веком электричества, народное хозяйство и быт «моторизировались», воздушные и автомобильные трассы дополнили мощно развившуюся железнодорожную сеть, вместе с радио и телефоном они обеспечивали новую плотную систему взаимосвязей на земном шаре, вслед за новыми, а то и опережая их, менялись старые отрасли производства. Все эти перемены преобразовывали и технику войны, и ее стратегическо-тактические установки, и сами представления о ней. Можно вспомнить советские разработки теории «глубокого боя» и начатую М.Н. Тухачевским перестройку Красной Армии, деголлевскую политику «за профессиональную армию», «Внимание — танки!» Г. Гудериана, сверхдальние перелеты советских летчиков в конце 30-х годов. Милитаризация, развернувшаяся гонка вооружений в свою очередь во многом стимулировали научно-технический прогресс. В дальнейшем вторая мировая война сказала как мощнейший его катализатор и в области науки — фундаментальной и прикладной, и в области новой техники, технологии, организации производства, причем не только в военных отраслях, но во всем хозяйстве, и в области «утилизации», внедрения тех разработок, которые не нашли себе ранее применения.

На базе и в ходе такого социально-экономического развития XX в. стал временем острых политических противоречий, конфликтов, потрясений, войн, как во внутриполитической жизни большинства стран, так и в межгосударственных отношениях.

Внутриполитическая конфликтность питалась и духовной, моральной сферами, ощущением «заката Европы», настроениями «потерянного поколения», чувствами аутсайдеров послевоенного развития, стремлением к реваншу в самом широком смысле. Борьба за «народное право», за демократию стала знаменем века задолго до второй мировой войны, а противостояние ей деспотических режимов прошлого и настоящего неоднократно доводило

до кульминаций. Тур революций, следовавших за российской революцией 1905—1907 гг., а затем революционный подъем в мире после российского Октября 1917 г. — с одной стороны, фашизация в ряде государств Европы — с другой, резко обострили внутрисполитический климат во многих странах. Межгосударственные противоречия, конфликты уже в первые десятилетия XX в., начало которого обозначили войны — испано-американская, англо-бурская, русско-японская, — были весьма напряженны, остры и катастрофичны, через них, как по бикфордову шнуру, искры от столкновений и пламя военных пожаров привели к взрыву первой мировой войны. Время между двумя мировыми войнами воплотило в международных отношениях продолжение первой мировой войны иными средствами. Те межгосударственные и внутрисполитические противоречия и конфликты, которые к ней привели, продолжали действовать даже под покровом «замирения», развертываясь и усложняясь. Интервенция в Советскую Россию, ее последующая блокада и непризнание создали новый узел противоречий. Борьба держав за «равновесие» в Европе продолжалась, обострялась распространением на периферию, а в ней самой «блоковая политика» подрывала основы международной безопасности.

Все это усугублялось расколом мира на три указанные выше системы. Попытки продвинуть вперед мировую пролетарскую революцию, потерпевшие провал уже в 20-е годы, стимулировали утраченное демократических режимов Старого Света, создание «санитарных кордонов» против СССР, в дальнейшем становившихся плацдармами антисоветизма. Соответственно на Западе недооценивалась опасность фашизации и милитаризации, в которых усматривали прежде всего средство искоренения коммунистической опасности. Советская политика «в духе Генуи» достаточно резонанса не получила, да и не имела последовательного продолжения и развития. Система коллективной безопасности в Европе скорее провозглашалась, чем реально складывалась, и многосторонне подрывалась во имя близоруко трактуемых национально-государственных интересов.

В целом динамика XX в., экономическая и политическая, будучи остроконфликтной, обуславливала назревание второй мировой войны. Но движение к ней определялось

также конкретно-историческими проявлениями культурно-цивилизационных факторов. Они сказались в особой агрессивности «оси Рим — Берлин — Токио», для которой «Антикоминтерновский пакт» служил лишь вывеской, яростный национализм являлся определенной традицией, во всяком случае XX в., а милитаризм имел еще более глубокие корни.

Они дали себя знать и в позиции СССР. Идеи «как хорошо в стране советской жить», особенно в условиях мирового кризиса, приобрели здесь широкое распространение; настроения «пойти воевать, чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать» обрели новую, большую популярность в ходе гражданской войны в Испании; вера в то, что «СССР — родина всех трудящихся», которые «не будут воевать против Советского Союза», надежды на пролетарский интернационализм глубоко укоренились в сознании народа, а упования на мировую революцию, советизацию других стран как на лучший выход для них в переполненном экономическими потрясениями и политическими коллизиями мире получили в 30-е годы новую подпитку. Так что расчеты Сталина при заключении советско-германского договора в августе 1939 г. (когда, по его словам, «вопрос мира или войны вступает в критическую для нас фазу») на то, что «у нас будет много шансов остаться в стороне от конфликта и мы сможем надеяться на наше выгодное вступление в войну», его прицел, чтобы «война разразилась между рейхом и капиталистическим англо-французским блоком... чтобы эта война длилась как можно дольше в целях изнурения двух сторон», не противоречили настроениям, имевшим широкое хождение в тогдашнем СССР. Предполагалось, что таким образом открываются возможности свободы действия и влияния СССР в ряде пограничных с ним стран Европы, «советизации Германии» в случае ее поражения. В противном же случае «все народы, попавшие под "защиту" победоносной Германии, также станут нашими союзниками, у нас будет широкое поле деятельности для развития мировой революции»¹.

В буржуазно-демократическом лагере, в Великобритании, оценка ситуации в преддверии второй мировой войны зиждилась на «закостеневшей, глубоко укоренившейся концепции» — традиционной русофобии и антикомму-

низме. У влиятельных деятелей отношение к «русскому медведю» строилось в духе киплингеского предостережения от «заключения мировой с Медведем, что ходит, как мы»: «Когда он сложит лапы, с поникшей головой, вот это минута смерти, минута мировой». Европейские дела, по долголетней традиции, рассматривались и оценивались через призму британских интересов на Ближнем Востоке и, конечно, сохранения и умножения имперской мощи. Расчет строился на том, что в конечном итоге нацистские и коммунистические бандиты передерутся между собой. Так что сталинские расчеты оказывались в ряду «общепринятых». Напомним, что они (разумеется, не во имя мировой революции) точно совпадали и с широко известным расчетом на перспективы войны, «озвученным» американским сенатором Г. Трумэнном. Традиционный американский изоляционизм преодолевался с большим трудом, хотя после разгрома Польши 2/3 опрошенных жителей США выражали тревогу по поводу грозящей нацистской опасности. Только после падения Франции был принят закон о ленд-лизе (1941 г.), названный общественностью «Остановить Гитлера!». Лишь 23 июня 1941 г., когда Трумэн сделал свое заявление, появилось и иное — правительство, направленное на то, чтобы «успешно противостоять и расстроить план завоевания мира, безжалостного и грубого порабощения всех народов... который теперь Гитлер пытается осуществить». Оно заканчивалось словами, собственноручно вписанными Ф. Рузвельтом: «Гитлеровские армии представляют сегодня главную опасность для Америки»².

Все вышесказанное, конечно, не означает распространения на народы ответственности за войну, которую несут правящие круги или единоправители. Вопрос о войне не решается ни народными форумами, ни референдумами при всей возможной их неадекватности подлинным стремлениям широких масс, к тому же зачастую противоречивым; такие решения верхи принимают в глубокой тайне. Однако было бы также неправильным представлять народные массы в виде стада баранов, которое по зову пастуха или под щелканье его кнута устремляется в горнило войны. Подобная интерпретация истории мешает и поныне, в том числе и правильному пониманию, и политическим

выводам, как в отношении войны в Афганистане, так и применительно к совершившимся на наших глазах трагическим событиям на территории Чеченской Республики.

Альтернативные, невоенные пути мирового развития даже в острокризисной конфликтной ситуации преддверия второй мировой войны объективно были возможны. Однако для этого требовалось осознание и правящими кругами, и народными массами ужасающей перспективы надвигавшейся войны, несравненно более жестокой, разрушительной, всеизнуряющей и уничтожающей, чем ей предшествовавшие. Такого осознания не было, да и не могло быть, в условиях, когда одни тешили себя надеждами на «умиротворение» или истощение фашистско-милитаристских агрессоров за чужой счет, другие — на то, что противостоять этой системе придется лишь одной из двух остальных, а третьи — на то, что грядет не многолетний военный пожар, полыхающий на громадных просторах земли и пожирающий людей вместе с созданным их умом и руками многовековым достоянием человечества, а лишь легкая, победоносная военная «прогулка». Не действовали должным образом ни сила хотя бы вынужденного взаимопонимания, ни давление непреодолимого взаимоустрашения. Такому положению дел во многом способствовало и то, что путь во вторую мировую войну шел через ряд локальных войн, и начиналась она как бы ими. Глобальность войны не только по театрам военных действий, но и по ее значению для жизни, будущности, да и вообще существования стран и народов, защиты демократии и человечности, судьбонность для большинства человечества (хоть и не относящегося к народам, которым уготована участь изгоев из мира сего, но и не причисляемого к «расе господ» в системе «нового порядка») были поняты, осознаны далеко не сразу.

Так было с коммунистами, хоть и осуждавшими идеи гитлеровской «Майн кампф», но, в свою очередь, вынашивавшими планы очистки Земли от инородной, инакомыслящей и вообще мешающей «скверны», «советизации» ее на сталинский лад. Не случайно В.М. Молотов после начала боевых действий объявил всему миру, что война, которая провозглашала бы своей целью уничтожение гитлеризма, «преступна» и напоминает о «старых религиозных войнах» времен средневековья³.

Так было и в буржуазно-демократическом стане. При этом не только с антикоммунистическими, профашистскими потенциальными и явными коллаборационистами, но и с общепризнанными противниками фашизма, защитниками демократии в традиционно-британском духе, даже из числа тех, кто, как А. Иден, отдавал себе отчет, что в случае нападения Германии на Польшу «речь идет о вещах намного больших по значению, чем определение какой-то одной границы»⁴. Но тот же Иден летом 1944 г., когда была предпринята попытка спасти тысячи людей, еще остававшихся в живых при гитлеровском «окончательном решении еврейского вопроса», ответил отказом на призыв спасти всех европейских евреев под защиту Британии. Он ссылаясь на то, что таким образом «был бы оставлен без внимания факт, что жестокость немцев, прежде всего в Польше, очень широко направлена против евреев»⁵. Тем самым Иден ставил себя, в противоположность Р. Валленбергу, в один ряд с более поздними сталинистскими гонимыми «Бабьего Яра» Е. А. Евтушенко и 13-й симфонии Д. Д. Шостаковича, «симфонии нравственного долга», по сути дела, выступал созвучно с их попытками скрыть антисемитскую подоплеку трагедии Бабьего Яра, да и не одного только Бабьего Яра. Что же говорить о сторонниках кемберленовского «умиротворения» фашизма...

Даже в отношении такого сторонника решительной борьбы с фашистской Германией, как У. Черчилль, не следует поддаваться упрощенному представлению о целях войны, содержащихся в его мемуарах, и считать таковыми уничтожение нацизма и возвращение к довоенному статус-кво. За этим скрывались его изначальная империалистическая идеология и возможность благодаря войне восстановить пошатнувшиеся позиции Англии на мировой арене. Только 22 июня 1941 г., отдавая себе отчет в том, что гитлеровское «вторжение в Россию — это лишь предлодия к попытке вторжения на Британские острова... опасность, угрожающая России, — это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам», Черчилль провозгласил: «Мы никогда не будем вести переговоры, мы никогда не будем договариваться с Гитлером или с кем-либо из его банды. Мы будем драться с ним на суше... на море... в воздухе». Речь шла и о том, что сражаться против гитлеров-

цев — «это дело свободных людей и свободных народов во всех уголках земного шара»⁶.

Все вышесказанное, очевидно, имеет самое непосредственное значение не только для вопроса о возникновении второй мировой войны, но и определении ее характера. Вряд ли можно свести дело лишь к выявлению глубинной объективной ее направленности, не беря в расчет и цели, поставленные себе людьми, причем тоже имеющие глубинную укорененность и не сводимые лишь к намерениям «верхов», хотя, разумеется, решения тогда принимали именно они, как, впрочем, принимают ныне и будут принимать, очевидно, впредь. Правда, и решения являются вектором определенных расхождений во мнениях «наверху» или, как обычно, одним из рассматриваемых там вариантов. В этом отношении при всей неслучайности, детерминированности второй мировой войны, очевидно, справедливо мнение, что важно «понять процесс выработки политики в конкретной ситуации», не приходить к «детерминизму в объяснении хода войны».

Итак, мы вновь возвращаемся к проблеме альтернативности, возможности вариантов исторического развития. Она с большой силой встала в XX в. и приобретает возрастающую значимость к его исходу как в силу судьбоносности для человечества «выбора пути», так и в результате колоссально возросшей информированности общества, во всяком случае, возможностей для этого. (Правда, как свидетельствует опыт начала второй мировой войны, в частности анализ деятельности разведывательных служб, содержащийся в докладах на проходившей в Москве в начале 1995 г. международной конференции «Начало войны и Советский Союз. 1939 — 1941», большая информированность не всегда способствует правильным оценкам ситуации и выводам.)

К началу второй мировой войны власть имущие не видели, не принимали, перечеркнули возможности выхода из кризиса. Но не так ли получилось ныне и с Чечней?

Такой вопрос тем более актуален, что и ныне сказываются тенденции к расколу Европы и мира. Память о том, как освободительная миссия в Европе, осуществленная ценой неисчислимых жертв советских людей, обернулась установлением сталинских режимов в Центральной и Во-

сточной Европе, использованием Вооруженных Сил СССР для их сохранения, поддержания, расправы с недоброжелателями, весьма живуча. Ее не в состоянии быстро изменить перемены в отношении этих стран, начатые в период перестройки. Она может постоянно воспроизводиться и усугубляться великодержавными тенденциями, игнорированием политических средств разрешения конфликтных ситуаций, если такой подход опять возобладает в российском руководстве. С этой памятью недопустимо не считаться. С другой стороны, весьма опасны и проявляющиеся на Западе стремления провести новую разграничительную линию в Европе, устранить из совместного партнерства Россию как потенциального конкурента.

Во второй мировой войне с громадной силой сфокусировались проблемы национального и интернационального, национализма и интернационализма. На всем протяжении предшествовавших ей лет XX в. они играли существенную роль. С национальной проблематикой, национализмом угнетающих и угнетенных были связаны многие внутривнутриполитические коллизии, причем не только в многонациональных империях, но и в ряде других государств — в частности, в связи с усиливавшимися миграционными потоками, на оккупированных землях, в «разделенных» странах, в громадной колониальной и полуколониальной периферии. Но национальный вопрос приобрел уже и мировую значимость. Националистические, шовинистические тенденции и устремления пропитывали международные отношения, связанную с ними «обработку» общественного мнения, проявлялись в той международной напряженности, конфликтах, войнах, которыми начался XX в. Опосредованно и непосредственно национализм и шовинизм явились мощными факторами, приведшими к первой мировой войне. После нее, в межвоенный период, версальская и вашингтонская системы создавали благоприятную основу для нового взлета национализма и шовинизма как во внутривнутриполитической жизни, так и в международных отношениях, а в результате — для стремлений к агрессии и развязыванию новой мировой войны.

Интернационализм трудящихся масс, их организаций, в значительной мере обнаружившийся уже в начале века,

был придавлен националистическим поветрием в годы первой мировой войны. Этот интернационализм снова усилился, сливаясь со стремлением к миру, по мере нагромождения невзгод, ужасов войны, выявился в период революционного подъема, последовавшего за Октябрем. Он не сошел на нет и в условиях нагнетания национализма и шовинизма в преддверии второй мировой войны, воплощался в антифашистском, антивоенном движении, в борьбе против фашистской агрессии, за национальную независимость.

В ходе второй мировой войны оголтелый национализм и шовинизм стали знаменем фашистско-милитаристского блока, устанавливавшего «новый мировой порядок», концентрированным воплощением которого стали Освенцим, попрание всяческих прав и физическое истребление тех, кого идеологи «расы господ» провозглашали недочеловеками, в славянских землях и на обширных территориях Азии и Океании. В дальнейшем такому «порядку» предстояло воплотиться в не менее гнусные злодеяния во всем мире. В то же время сам агрессивный блок был по-своему интернационален — то был интернационализм международного бандитского сообщества. Ему противостояли национальное и одновременно интернациональное демократическое Сопротивление в оккупированных странах, союзнические национальные вооруженные силы, которые были интернациональными и по своему составу, и, главное, по своим целям и задачам борьбы против фашистско-милитаристских сил во имя прав и свобод народов всех стран земного шара. То была борьба «за нашу и вашу» победу, свободу, независимость.

В годы войны интернационализм борьбы против фашизма, за демократию и национальную свободу в общем перекрывал сугубо национальные устремления и националистические тенденции среди бойцов Сопротивления, хотя там подчас небеспричинно оживлялись такие тенденции. То же относится к силам антигитлеровской коалиции, хотя и ее участникам было свойственно наряду с решением антифашистских, демократических задач добиваться осуществления своих сугубо национально-государственных интересов, не считаясь с национальными стремлениями освобожденных народов и даже с насущными интересами своих союзников.

Представляются справедливыми суждения многих исследователей о том, что в недоверии и подозрительности, которые участники коалиции питали друг к другу, нашла проявление первостепенная, хотя часто и не замечаемая роль восприятия в практике международных отношений. А такой характер отношений, когда друг к другу относятся одновременно и как к потенциальному союзнику, и как к потенциальному врагу, в конечном счете не только способствовал недолговечности союза, возникшего после 22 июня, но и сформировал карту послевоенной Европы.

Вторая мировая война как кульминация борьбы против фашизма и милитаризма, за демократию своеобразно выписывает в предшествовавшую ей линию общественного развития в XX в. Все это развитие пронизано борьбой за демократию и массовость соучастия, организации, движения на политическом поприще, отчетливо проявившихся не только в революционных бурях, периодах, но и в сравнительно спокойные, «стабильные» годы насквозь неспокойного века. Взаимосвязь и взаимодействие этих процессов сказались в ряде существенных перемен и тенденций довоенного времени: во все большей реализации принципа всеобщего избирательного права, установлении республиканского правления, переходе европейских государств от либерализма к либеральной демократии, обретении широкими кругами населения гражданских прав как легальной возможности осуществить свои стремления, в том числе и «права индустриального гражданства», тенденции «индустриальной демократии», «экономической демократии», начале борьбы за контроль трудящихся над производством, некоторой демократизации международных отношений, вторжении трудящихся в решение внешнеполитических вопросов и других⁷.

Вместе с тем массовое соучастие населения в общественной жизни могло быть чисто формальным, особенно в условиях авторитарных, тоталитарных режимов, способствуя их всевластию. Плюрализм оказывался на практике также и средством, способствующим поддержанию секретности политики «сильных мира сего» и индифферентности граждан. Еще с рубежа XIX — XX вв. коррупция в государственных сферах, многочисленные «Панамы» и политиканство, псевдодемократичность электоральных систем,

неспособность парламентов обеспечить права и свободы широких слоев населения стимулировали тенденции внепарламентского действия, а также революционаристского отрицания буржуазного парламентаризма и законности там, где они существовали, при тяготении к ним там, где их не было. В итоге первой мировой войны, экономических и политических катаклизмов усилились недоверие к ряду институтов буржуазной демократии и стремления к ее преодолению революционным путем, советизации по примеру Советской России. Одновременно и в качестве реакции на такого рода процессы возникали фашистские и полуфашистские движения, организации, режимы. Вместе с тем противостоявший им подъем демократического, антифашистского движения происходил в ряде стран не в рамках традиционных буржуазно-демократических институтов, а в новых формах, примером чему может служить движение Народного фронта.

В общем, проблема демократизации общественного устройства, укрепления и развития демократических основ жизни общества за время XX в., предшествовавшее второй мировой войне, выглядела весьма неоднозначно. Широко известно изречение У. Черчилля: «Демократия — самый худший из режимов, за исключением всех остальных». Однако в то время оно зачастую могло восприниматься лишь в части «самого худшего из режимов»; вопрос насчет возможности лучшего для многих оставался открытым. Тем более что в «мобилизационных» условиях, при необходимости существенных перемен в хозяйствовании и общественной-политической жизни парламентарная республика (или монархия) оказывалась мало или совсем недееспособной, о чем свидетельствовал опыт и Веймарской республики в Германии, и Третьей республики во Франции, и Британской империи — для решительных мер понадобилось, по крайней мере, президентское правление, да еще со столь сильной фигурой президента, как Ф. Рузвельт.

Одновременно война, потребовавшая напряжения всех сил и способностей широких народных масс для решения насущнейших проблем, задач, крупных и мелких, повсеместно и непрестанно, с изживанием настроения (не только советского) «нам-де с вами думать неча, если думают вожди», массовизация общественной активности — все это

способствовало укреплению, углублению, расширению поля действия демократических тенденций.

Война резко противопоставила фашизм как концентрированное выражение антидемократии и борьбу народных масс за свою жизнь, свободу, независимость, стала по своей сути борьбой за сохранение демократии. Другое дело, что и в стане антигитлеровской коалиции, выступавшей под знаменем демократии, понимание ее было весьма разным, что «сферы влияния» в Европе делили не только Гитлер со Сталиным, но и Черчилль со Сталиным, что определение будущего мирового устройства не сводилось к взаимопониманию и взаимодействию объединенных наций, оформлению их организации. В нем с большой силой давали о себе знать и эгоистичное, империалистическое отстаивание собственных государственных интересов в районах, на землях, далеко отстоящих от национально-государственных границ, и претензии на то, чтобы уподобить мир самим себе, на свое всемирное имперское господство. Все это сказывалось и в союзническом сотрудничестве в годы войны, и в решении Ялты, Потсдама, в послевоенных мировых реалиях и их дальнейшей эволюции.

Вторая мировая война занимает своего рода срединное место в истории XX в. Не только хронологически, но и потому, что в последовавшие за ней полвека не было новых мировых войн. Вместе с тем на пороге XXI в. последствия второй мировой войны видятся далеко не такими, какими они представлялись весной — летом 1945 г.

Важнейший итог войны — разгром фашизма и оголтелого милитаризма, их очага, спасение человечества от угрозы фашистско-милитаристского порабощения. Силы, развязавшие войну, были осуждены за то, что несли угрозу цивилизации, за военные преступления, преступления против мира и человечества. Казалось, что под фашистско-милитаристским прошлым подведена черта. Одна из трех систем, на которые был расколот мир, перестала существовать.

Но и применительно к этому центральному вопросу второй мировой войны со временем оказалось, что все обстоит не так просто. Через полвека вдруг не совсем ясным стало не только то, за что боролись, но и то, против

чего боролись. В стране, вынесшей на себе основное бремя борьбы против фашизма, заплатившей за это десятками миллионов жизней лучшей части своего народа, муками и лишениями всего населения, громадными разрушениями, уничтожением веками создававшегося достояния, судьи ныне «не знают», что такое фашизм, прокуратура «забыла» о своих правах и обязанностях, а фашистские издания беспрепятственно распространяются по всей территории. Прошли годы, прежде чем пребывающий «в курсе всего происходящего в стране» президент в конце концов обратил внимание на усиливающуюся тревогу общественности и заявил об обязанности государства «навести порядок».

В дни Победы представлялось, что наконец завоеванный мир, со страстным желанием и ожиданием которого миллионы людей прошли через страшные годы войны, отдавая во имя него свои силы и жизнь.

Однако в послевоенном развитии отразилось то, что в противоборстве с фашистско-милитаристским блоком объединились силы двух ранее жестко противостоящих систем. За войной последовали десятилетия не мира, а «холодной войны», борьбы за мировое господство, вооруженного противостояния и локальных войн, невиданной ранее гонки вооружений, нарастающей угрозы ядерной войны и уничтожения человечества. Потребовались годы взаимоустрашения, чтобы пробилась ростки взаимотерпения, тенденции к взаимопониманию, в которых тоже сказывается вторая мировая война, память об ее трагизме. И если ныне посол ФРГ в России О. фон дер Габлентц говорил на уже упоминавшейся конференции о необходимости для немцев смотреть на свою историю глазами своих соседей, способности очень непривычной для Европы, то в этом, как мне представляется, звучит и общая боль, идущая от прошлого. Она, по-видимому, должна также побуждать всех к новым, взаимовнимательным отношениям, к реализации вековой морали «не сотвори ближнему того, чего не желаешь себе», к общей заботе о настоящем и будущем народов, стран, мира, всего рода человеческого.

Притом ныне «все» — это в полном смысле все народы, страны, регионы, континенты, действительно все человечество. Таков один из важнейших результатов второй

мировой войны и последующего развития. Движение такой всемирности пронизывает весь XX в., но в начале его, даже при наличии США, европоцентризм был не только самоощущением и сутью мысленной модели мира, но и реальностью его жизни и развития, всемирная история выступала лишь как история Запада. Войны и революции первых десятилетий века внесли существенные коррективы в такое положение дел. Вторая мировая война, подготовленный ею крах колониальной системы в корне его изменили. В послевоенные полвека, когда Организация Объединенных Наций включила в себя около 160 государств, взаимосвязи и динамичность общественной жизни колоссально возросли. Когда понятия «третий мир», «развивающиеся страны», «Запад» теряют свое первоначальное культурно-цивилизационное значение, магистраль развития человечества все больше проступает не как «догоняющее движение» всех по одному пути, а как параллельное движение и саморазвитие. В этом движении разные культурно-цивилизационные потоки взаимодействуют и совершенствуются, не теряя, а возвышая свои особенности; прогресс человечества достигается, впитывая все, усиливая всех. Вряд ли этому противоречит и динамика научно-технической революции (НТР) XX в., при том что, казалось бы, она диктует «однопутное» движение.

Научно-технический прогресс (НТП) и научно-техническая революция второй половины XX в. во многом подготовлены и рождены второй мировой войной, наложившей на соответствующее развитие предшествующих лет. Война лишь насильнически его оплодотворила и поновому сформировала. «Холодная война» и послевоенная гонка вооружений продолжили такое воздействие, во многом деформирующее, уродующее и научно-технический прогресс, и социально-экономическое развитие в целом. Но плоды НТП и НТР, особенно вне пределов «реально-социалистического хозяйствования», не ограничивались лишь рамками «оборонки», растекались по всему народно-хозяйственному комплексу, служили там катализатором бурного, по сути дела революционного, НТП. Его достижения тиражировались, распространялись по миру как плоды западной технокультуры. Однако, попадая на новую почву, они стали вписываться в иной культурно-историче-

ский, цивилизационный ареал, в том числе и в иную научно-техническую среду, трансформироваться, адаптироваться к ней. В то же время, будучи катализаторами нового, они способствовали самобытным поискам и находкам, а в общем — формированию многообразия в развитии НТР современности. Тем более что она не может сводиться лишь к научно-техническим переменам, охватывая гораздо более обширную социально-экономическую сферу.

Основное направление и характеристика динамики этой сферы как переходной, в процессе которой формируется «новый общественный порядок», характерны для всего XX в. Вторая мировая война усилила общественную потребность в таком преобразовании и поиске путей, методов его осуществления. В течение послевоенного полувека они получили широкое и разнообразное распространение, причем не просто для решения непосредственно встающих задач, но и, главное, на перспективу. Специфика их решения в разных странах, как и неудачи, составляют важный элемент современной НТР. Она осуществляется и «путем неосуществления», как показал опыт стран «реального социализма», вынужденных в конце концов прийти к перестройке социально-экономических отношений. При этом все больше дает себя знать, заставляет с собой считаться необходимость обязательного учета самобытности в становлении «нового общественного порядка» на базе НТР, новой промышленной революции. В общем, очевидно, в промышленно развитых странах существенно изменяются экономические, социальные отношения, значительную силу и распространение получает социальная направленность в общественной жизни⁸.

Под давлением на государство «снизу» и в силу его собственных мотивов воздействия предпринимательских организаций в контексте мирового развития происходит становление «социального государства». Оно призвано служить общественной потребности в обеспечении определенной экономической и социальной стабильности для основной части населения.

В то же время в странах, ранее относимых к «третьему миру», даже, казалось бы, определившихся с точкой зрения перспектив своего развития, продолжается выбор пути, происходят специфические процессы переходного

характера. Однако, по-видимому, справедливо мнение, что даже при широком распространении там структур, подобных западным, и их успешном функционировании автоматически не произойдет возникновение «буржуазной» организации западного типа, они не разовьются по его следам в национальные сообщества, подобные западным⁹.

Послевоенное движение мира по пути социально-экономических перемен органично взаимосвязано и с процессами, происходившими под воздействием второй мировой войны в политической сфере. Их общая направленность — демократизация. Тем самым продолжается уже отмечавшаяся линия развития, усиленная и обостренная второй мировой войной, ее антифашистской направленностью.

Однако процесс демократизации в послевоенный период, хотя и находился под воздействием мощных импульсов, шедших от военного времени, оказался сложным, противоречивым, подчас мучительным. Временами предпринимались попытки задержать его движение танками и кровопролитием.

Демократизация общественной жизни в послевоенный период обострила необходимость соотнесения этого процесса со степенью возможности пользоваться им, и не только в том смысле, что формальная или непоследибельная демократия недостаточна для гражданина, человека, отстаивающего удовлетворение своих потребностей. Важна также определенная зрелость членов общества для демократии, обеспечивающая сочетание их прав с ответственностью за пользование ими. В противном случае неизбежно усиление конфликтности общественного развития, в том числе и на той почве, где всегда болезненно ощущалась недемократичность, — на почве национального вопроса, обостренного фашистским насилием в годы войны и нарушением в послевоенные годы в ряде регионов национальных интересов и притязаний. Горючевзрывчатый материал, создававшийся и накапливавшийся таким образом, стал источником высокой степени нестабильности, кровавых конфликтов в наши дни в ряде регионов мира.

В свою очередь, национальные конфликты ведут к сплочению «своих» и противостоянию «чужим» уже на цивилизационном уровне, способствуют «расколотованию» стран, расширению поля конфликта цивилизаций.

В нем, как известно, прогностически видится и новая фаза военных столкновений на нашей планете¹⁰.

Все это результат не просто злого умысла и чьих-то козней, а объективно обусловленного противоречивого характера процессов мирового общественного развития в XX в. Так, в обострении национального вопроса сказался не только неоднозначный ход демократизации, о чем уже шла речь, но и «этнический парадокс» современности — «этнический ренессанс», происходящий в последние десятилетия. Дает себя знать и объективная сложность воплощения в жизнь двух ею же продиктованных принципов: права наций на самоопределение и нерушимость послевоенных государственных границ. Сказывается и объективно существующее историческое сознание, воплощающее в себе живую боль давнишних насилий и ран на теле и в душе народов, а также все коллизии национализма и интернационализма, которыми изначально был так богат XX в. К тому же многомиллионные людские потери в войне ускорили притупление сознания ценности человеческой жизни.

Разумеется, было бы ошибкой отождествлять объективные процессы с их субъективным преломлением в той или иной практической деятельности. Нельзя мириться со спекулятивным использованием объективных сложностей общественного бытия в своекорыстных целях новоявленными «героями» и «радетелями за национальные интересы». Но недопустимо также игнорировать права народов, их беды и стремления.

В послевоенные десятилетия усиливались объективные основы и к интернациональному сплочению человечества. Их питает широкое и интенсивное развитие мировых интеграционных процессов. Правда, при неудержимой безоглядности своего осуществления они могут сметать, а не включать в себя национальные начала и в результате встречать сопротивление, подчас оборачивающееся национализмом. К интернациональному сплочению ведут и те общие беды и угрозы, перед лицом которых ныне оказывается человечество. Они побуждают, как и в годы антифашистской войны, бороться за общую, «одну на всех», победу. Экологические бедствия на суше и в мировом океане, озоновые дыры в небе, угроза растекания

океанам и континентам ядерного оружия и безответственного, неконтролируемого его использования, да и черновильские перспективы «мирного атома» стали зловещими. Все чаще и сильнее дают о себе знать СПИД и наркомания, перекрывающие старые раковые напасти, нищета и голод, уносящие бесчисленные жертвы, вздымающийся вал терроризма на суше, на море и в воздухе, претворяющий для все большего числа людей уверенность и покой в нечто, что только снится. Все эти и иные общие беды землян требуют их интернационального сплочения. Отгородиться от них по принципу «моя хата с краю» никому не удастся. Попытки противопоставить общечеловеческим интересам, нуждам и ценностям интересы своей страны, особенности своего народа чреватые колоссальными общемировыми бедами. К счастью, как и в случае с новыми французскими испытаниями атомного оружия, они вызывают все более мощное интернациональное противостояние общественности и властей предрержащих.

Интересы своей «малой родины» не могут противопоставляться интересам «Родины большой», Отечества без того, чтобы прокладывать дорогу кровавой междоусобице, поребающей под его обломками не только достоинство и упование соотечественников, но и их самих. В свою очередь, интересы Отечества, особенно в наше время, неотъемлемы от преуспевания человечества. Поэтому негоже противопоставлять Родину презрительно обрамляемым казначиками интернационализму и общечеловеческим ценностям. Сознательно или неосознанно, но таким образом отсрывается прямой путь к оголтелому национализму и шовинизму, против которых боролись все честные люди в годы второй мировой войны. Тогда оказывается, что пепел захороненных неуспокоенных защитников Родины в Великой Отечественной войне что-то плохо «стучит в сердце».

Итак, память об ужасной войне полувековой давности снова возвращает нас к необходимости взаимодействия всех землян в борьбе с попытками воспроизводства решений кардинальных проблем общественной жизни путем насилия, войн. Эти попытки, как засвидетельствовал весь опыт второй мировой войны, не только несут гибель и разрушения, но и не дают сколько-нибудь надежного и приемлемого изыскания от проблем, на решение которых они претендуют.

XX в. оказался временем колоссального возрастания сил человека, но одновременно человечество и среда его обитания лишились бессмертия. Особую актуальность приобрела проблема альтернативности общественного развития. Ко времени второй мировой войны ее позитивное решение оказалось для человечества недостижимым, и оно понесло невиданные ранее потери. В последующие полвека проявились симптомы изменения к лучшему. Очень важно, чтобы происходящие перемены стали законом жизни землян в наступающем XXI в.

Р.Я. Евзеров

Свободная мысль. 1995. № 9.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Цит. по: Бушуева Т. «...Проклятая — попробуйте понять...» // Новый мир. 1994. № 12. С. 232—233.
- ² История США. М., 1985. Т. 3. С. 335.
- ³ Известия. 1939. 1 ноября.
- ⁴ Цит. по: Трухановский В.Г. Антони Иден. М., 1974. С. 201.
- ⁵ Цит. по: Vierteljahreshefte zur Zeitgeschichte. 1977. 2. H. S. 191—192.
- ⁶ Цит. по: Трухановский В.Г. Уинстон Черчилль: Политическая биография. М., 1968. С. 225.
- ⁷ Подробнее см.: Вебер А.Б. Классовая борьба и капитализм. М., 1986; Салмин А.М. Рабочее движение и демократия; Сапелли Дж. Демократия и социализм: между гражданственностью и плюрализмом; Евзеров Р.Я. Демократия: ретроспективы // Социальные идеалы и политика в меняющемся мире. М., 1992.
- ⁸ См., в частности: Шафф А. Мой XX век // Свободная мысль. 1994. № 4, 5; Самарская Е. Социализм в перспективе постиндустриализма // Свободная мысль. 1995. № 4; Баллаев А. Элементы социалистичности и натиск истории // Свободная мысль. 1995. № 8.
- ⁹ См., например: Борко Ю.А. Капитализм и общественный прогресс // Драма обновления. М., 1990.
- ¹⁰ Подробнее см.: Столкновение цивилизаций? (реферат) // Свободная мысль. 1994. № 12—18.

Хроника событий

1933 год

январь, 30

Гитлер становится рейхсканцлером Германии. С 1929 г. влиятельная политическая сила — Компартия Германии неукоснительно следует утвержденной Коминтерном линии и ведет непримиримую борьбу, в первую очередь против социал-демократии («социал-фашизма»), немало способствуя параличу политических учреждений Веймарской республики и приходу к власти нацистов.

февраль, 3

Первое выступление Гитлера перед генералами рейхсвера о «безжалостной германизации жизненного пространства на Востоке».

февраль, 27

Поджог рейхстага.

февраль, 28

Отмена в Германии основных гражданских прав, создание «законодательной основы» концентрационных лагерей.

апрт, 24

Принятие закона о предоставлении Гитлеру чрезвычайных полномочий.

июль, 14

Введение системы однопартийного государства в Германии.

- октябрь, 14 Выход Германии из Лиги Наций.
- 1934 год
- январь, 26 Заключение германо-польского договора о дружбе и ненападении.
- февраль, 5–12 Попытка фашистского мятежа во Франции.
- июль, 25 Неудавшийся национал-социалистский путч в Вене. Убийство австрийского канцлера Э. Дольфуса.
- сентябрь, 15 Прием СССР в Лигу Наций.
- декабрь, 1 Убийство С.М. Кирова, использованное сталинским режимом в качестве предлога для развертывания массовых репрессий в СССР.
- 1935 год
- январь, 27–31 Переговоры Геринга в Варшаве о возможной германо-польской коалиции для военных действий против СССР.
- март, 16 Введение в Германии всеобщей воинской повинности, начало, вопреки условиям Версальского договора, открытого вооружения Германии.
- май, 2 Заключение франко-советского договора сроком на 5 лет о взаимопомощи в случае агрессии в Европе.
- октябрь, 3 Вторжение итальянских войск в Абиссинию (Эфиопию).
- 1936 год
- март, 7 Денонсация Германией Локарнского договора. Занятие демилитаризованной Рейнской зоны.

- апрель, 18 Фашистский мятеж и начало гражданской войны в Испании.
- август, 19–24 Первый московский судебный процесс; смертный приговор Г.Е. Зиновьеву, Л.В. Каменеву, Г.Е. Евдокимову, И.П. Бакаеву, А.П. Смирнову, С.В. Мрачковскому и другим.
- октябрь, 25 Образование «оси» Берлин – Рим после захвата Италией Абиссинии.
- ноябрь, 25 Заключение «Антикоминтерновского пакта» между Германией и Японией.
- 1937 год
- январь, 28–30 Второй московский судебный процесс – по делу «троцкистско-зиновьевского центра»; 13 человек, в том числе Г.А. Пятаков, К.Б. Радек, приговорены к смертной казни и лагерям.
- февраль, 25–март, 5 Февральско-мартовский пленум ЦК ВКП(б), арест Н.И. Бухарина, А.И. Рыкова и других; призыв Сталина к усилению бдительности, доносительству, активизации репрессий.
- апрель, 28 Н. Чемберлен – проводник политики умиротворения и компромисса с Германией – становится премьер-министром Великобритании.
- июнь, 11 Вынесение смертных приговоров М.Н. Тухачевскому, И.Э. Якиру, И.П. Уборевичу, Р.П. Эйдеману, В.К. Путне, А.И. Корку. Волна репрессий против политических и военных деятелей в СССР. В тюрьмы и концлагеря к 1939–1940 гг. заключено от 3,5 до 10 млн человек.

1938 год

- март, 2—13 Третий московский процесс; к смертной казни приговорены Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, Н.Н. Крестинский, Х.Г. Раковский, А.И. Икрамов, Ф. Ходжаев и другие.
- март, 13 Аншлюс Австрии.
- апрель, 22 Директива Гитлера «Операция Грюн» по Чехословакии.
- июль, 29 Разгром советскими войсками японских войск, вторгшихся на территорию СССР у озера Хасан.
- сентябрь, 5 Излагая перед генеральным штабом свои планы в отношении Чехословакии, Гитлер категорически отвергает всякую возможность военной реакции на это СССР ввиду царящего в стране хаоса, вызванного чисткой военных и политических кадров.
- сентябрь, 29 Подписание Мюнхенского соглашения.
- октябрь, 1 Начало германского вторжения в Судетскую область Чехословакии.
- ноябрь, 9 «Кристалльная ночь» — организованный нацистами погром еврейских магазинов и синагог по всей Германии.
- ноябрь, 10 Секретная речь Гитлера для германской прессы — психологическая переориентировка немецкого народа на войну.
- декабрь, 6 Германо-французский договор о ненападении.
- декабрь Выход Италии из Лиги Наций.

1939 год

- март, 10 Первое «послание» Сталина нацистской Германии: на XVIII съезде ВКП(б) он заявил, что если Запад намеревается спровоцировать советско-германский конфликт, то СССР не даст себя одурачить и не собирается «таскать из огня каштаны» для «поджигателей войны» (т. е. для западных демократий).
- март, 14 Заявление Словакии о своей независимости, сделанное под давлением Гитлера.
- март, 15—16 Создание имперского протектората Богемия (Чехия) и Моравия; вступление в него германских войск.
- март, 21 Германское предложение Польше об урегулировании вопроса о границе и его отклонение Варшавой.
- март, 23 Присоединение Мемельской (Клайпедской) области к германскому рейху.
- март, 28 Окончание гражданской войны в Испании; вступление генерала Франко в Мадрид.
- март, 31 Англо-французское заявление о гарантиях Польше.
- апрель, 3 Директива Верховного главнокомандования вермахта (ОКВ) «Операция Вейс» о нападении на Польшу.
- апрель, 7 Оккупация Албании Италией.
- апрель, 13 Англо-французское заявление о предоставлении гарантий Греции и Румынии на случай угрозы им.
- апрель, 17 СССР предложил Великобритании и Франции заключить трехстороннее соглашение о военных гарантиях Восточной Европе.

- апрель, 17 Советский посол в Берлине ставит в известность государственного секретаря Германии по вопросам внешней политики Э. фон Вайцзеккера о желании советского правительства установить самые хорошие отношения с Германией, невзирая на обоюдные идеологические расхождения.
- апрель, 28 Денонсация Гитлером германопольского пакта о ненападении 1934 г.
- май, 3 Смещение М.М. Литвинова — сторонника развития отношений с западными демократиями — с поста наркома иностранных дел СССР и назначение на его место В.М. Молотова.
- май, 22 Заключение «Стальского пакта» — германо-итальянского военного союза.
- июнь, 12 Начало дипломатических переговоров западных держав с СССР в Москве.
- август, 19 Подписание советско-германского торгового соглашения, обсуждавшегося с конца 1938 г.
- август, 20—31 Разгром советскими и монгольскими армиями японской армии в районе р. Халхин-Гол в Монголии.
- август, 23 Заключение советско-германского пакта о ненападении с секретными дополнительными протоколами.
- август, 25 Англо-польский пакт о взаимопомощи.
- август, 26 Предоставление Германией гарантий нейтралитета Бельгии, Голландии, Люксембургу, Дании и Швейцарии.

- август, 31 Гитлер отдает в 12.40 окончательный приказ о нападении на Польшу.
- сентябрь, 1 Начало в 4.45 вторжения Германии в Польшу; начало второй мировой войны.
- сентябрь, 3 Франция и Великобритания объявляют войну Германии.
- сентябрь, 5 США заявляют о своем нейтралитете.
- сентябрь, 8—28 Оборона Варшавы.
- сентябрь, 17 Вступление советских войск в Восточную Польшу под предлогом воссоединения Западной Украины и Западной Белоруссии с СССР.
- сентябрь, 28 Договор о границе и дружбе между СССР и Германией.
- сентябрь—октябрь Пакты о взаимопомощи СССР с Эстонией (28 сентября), Латвией (5 октября) и Литвой (10 октября), создание советских военных баз в этих странах.
- ноябрь, 30 Начало советско-финской «зимней войны».
- декабрь, 14 Лига Наций объявляет СССР агрессором и принимает решение о его исключении.

1940 год

- февраль, 11 Заключение германо-советского экономического соглашения.
- март, 12 Подписание в Москве советско-финского мирного договора.
- апрель, 9 Начало немецких операций по захвату Дании и Норвегии.

- май, 10 Начало германского наступления на Западе. У. Черчилль становится вместо Н. Чемберлена премьер-министром Великобритании.
- май, 15 Капитуляция Голландии.
- май, 27 — июнь, 6 Эвакуация английских и французских войск из-под Дюнкерка. Капитуляция Бельгии.
- май, 28 Вступление германских войск в Париж.
- июнь, 14 Ультиматум СССР Литве.
- июнь, 15 Начало вступления советских войск в Литву.
- июнь, 16 Ультиматум СССР Эстонии и Латвии.
- июнь, 17 Начало вступления советских войск в Эстонию и Латвию. Формирование нового французского правительства во главе с маршалом А.Ф. Петеном.
- июнь, 22 Капитуляция Франции.
- июнь, 26—28 Вступление советских войск в Бессарабию и Северную Буковину.
- июль, 21 Гитлер отдает приказ главнокомандующему сухопутными войсками В. фон Браухичу заняться «русской проблемой».
- июль, 31 Совещание у Гитлера: планирование наступления на Востоке на весну 1941 г.
- август, 5 Первая разработка Главным командованием сухопутных войск (ОКХ) Германии плана сосредоточения и развертывания войск на Востоке для нападения на СССР.
- август, 9 Директива ОКВ о плане развертывания «Ост».

- август, 17 Приказ Гитлера о тотальной блокаде Британских островов.
- сентябрь, 27 Заключение пакта трех держав — Германии, Италии и Японии (присоединение к нему в ноябре Венгрии, Румынии, Словакии).
- ноябрь, 12—13 Визит В.М. Молотова в Берлин.
- декабрь, 7 Командно-штабные учения ОКХ по отработке начальной стадии нападения на СССР.
- декабрь, 18 Директива фюрера № 21 — операция «Барбаросса».
- декабрь, 21 Заявление Гитлера на совещании в штабе оперативного руководства вермахта о том, что Германия должна к 1941 г. решить все «континентальные европейские проблемы», ибо начиная с 1942 г. США будут в состоянии вмешаться в ход войны.
- 1941 год
- январь, 31 ОКХ представило первое указание о развертывании войск по плану «Барбаросса».
- март, 27 Военный путч в Белграде во главе с генералом Д. Симовичем.
- апрель, 6—17 Захват германскими войсками Югославии.
- апрель, 6—29 Захват Греции войсками Германии и Италии.
- апрель, 13 Заключение в Москве советско-японского договора о нейтралитете.
- май, 6 Сталин занимает пост Председателя Совета народных комиссаров.

май, 10	Миссия заместителя фюрера по партии Р. Гесса в Англии.
июнь, 11	Проект директивы фюрера № 32 (стратегия после окончания операции «Барбаросса»).
июнь, 22	Начало германского вторжения в СССР.
июнь, 22 — июль, 7	Битва у Белостока и Минска (немцами взято в плен свыше 300 тыс. советских военнослужащих).
июнь, 29	ЦК ВКП(б) объявляет оборонительную борьбу Отечественной войной.
июнь, 30	Создание Государственного Комитета Обороны (ГКО).
июль, 8	Принятие Гитлером решения сравнять Москву с землей.
июль, 10 — сентябрь, 10	Смоленское сражение.
1941, июль, 10 — 1944, январь, 13	Оборона Ленинграда.
июль 11 — сентябрь, 19	Оборона Киева (в плен попало свыше 600 тыс. советских военнослужащих).
июль, 12	Англо-советское соглашение о совместных действиях против Германии.
июль, 16	Гитлер определяет свою цель на Востоке — расчленение Советского Союза.
август, 2	Начало американских военных поставок в СССР.
август, 5 — октябрь, 16	Оборона Одессы.
август, 8	Сталин становится Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами СССР.

август, 28	Указ о «переселении» немцев Поволжья под предлогом наличия среди них «шпионов» и «диверсантов».
сентябрь, 26	Приказ о наступлении группе армий «Центр», предваряющий начало битвы под Москвой.
сентябрь, 29 — октябрь, 1	Московская конференция представителей СССР, Великобритании и США, посвященная взаимным военным поставкам.
1941, сентябрь, 30 — 1942, апрель, 20	Битва под Москвой.
октябрь, 2 — 20	Битва на окружение с внешним и внутренним кольцом под Вязьмой и Брянском (свыше 600 тыс. советских военнослужащих попало в плен).
октябрь, 7	Запрет Гитлера принимать капитуляцию Москвы.
октябрь, 14	Приказ ОКХ зажать Москву в клещи окружения.
октябрь, 19	Объявление в Москве осадного положения.
1941, октябрь, 30 — 1942, июль, 4	Оборона Севастополя.
декабрь, 4	Заключение премьер-министром польского эмигрантского правительства В. Сикорским договора о дружбе и взаимопомощи с СССР.
декабрь, 5	Начало советского контрнаступления под Москвой.
декабрь, 7	Нападение японцев на американский военный флот в Пёрл-Харборе.
декабрь, 8	США объявляют войну Японии.
декабрь, 11	Германия и Италия объявляют войну США.

- декабрь, 16 Приказ фюрера группе армий «Центр» осуществлять под Москвой «фанатическое сопротивление» («приказ — стоять»).
- 1942 год
- январь, 1 Подписание в Вашингтоне 26 государствами Декларации Объединенных Наций.
- январь, 20 Ванзейская конференция в Германии по «окончательному решению еврейского вопроса»: он должен был быть решен путем «депортации на Восток», а также «другими мерами» (до конца войны в концлагерях уничтожено в газовых камерах, расстреляно или умерщвлено голодом 6 млн евреев).
- май, 12 — 29 Харьковское сражение (взято в плен 240 тыс. советских военнослужащих).
- июнь, 7 — июль, 4 Захват германскими войсками Крыма и Севастополя.
- июнь, 12 Гиммлер одобряет «Генеральный план Ост» (депортация народов Европы в Сибирь: около 85 % поляков, 65 % украинцев, 75 % белорусов и 50 % чехов).
- июль, 17 Начало Сталинградской битвы.
- июль, 23 Повторный захват германскими войсками Ростова-на-Дону.
- октябрь, 9 Упразднение в Красной Армии установленного в мае 1937 г. института военных комиссаров; введение единоначалия командира.
- ноябрь, 19 Начало советского контрнаступления под Сталинградом.

- ноябрь, 23 Окружение германских войск (около 300 тыс. человек) под Сталинградом.
- декабрь, 27 Образование Смоленского комитета во главе с генералом Власовым (позднее — Комитет освобождения народов России). 8 июля 1943 г. Гитлер запрещает боевое использование РОА; лишь в результате соглашения Гиммлера с Власовым от 16 сентября 1944 г. РОА была допущена к «борьбе против большевизма».
- 1943 год
- январь, 13 Приказ Гитлера о «тотальной мобилизации».
- январь, 31 Капитуляция фельдмаршала Ф. Паулюса.
- февраль, 2 Окончание Сталинградской битвы.
- февраль, 18 Геббельс провозглашает «тотальную войну».
- апрель, 13 Обнаружение в Катыни под Смоленском массовых захоронений польских офицеров, расстрелянных накануне войны НКВД.
- май, 15 Роспуск Коминтерна.
- июль, 5 — август, 23 Битва на Курской дуге.
- июль, 10 — август, 17 Сицилийская операция англо-американских войск.
- июль, 24 — 25 Падение фашистского режима в Италии, арест Муссолини.
- сентябрь, 2 Освобождение Муссолини из Гран-Сассо.
- сентябрь, 8 Объявление о капитуляции Италии.
- сентябрь, 9 Оккупация северных и центральных провинций Италии германскими войсками.

сентябрь	Битва за Днепр.
1943, октябрь — 1944, июнь	Депортация в Сибирь и Среднюю Азию крымских татар, чеченцев, ингушей, калмыков, карачаевцев, балкарцев за «сотрудничество с оккупантами».
ноябрь, 6	Освобождение советскими войсками Киева.
ноябрь, 28 — декабрь, 1	Тегеранская конференция глав правительств СССР, Великобритании и США.
1944 год	
март, 26	Выход советских войск к государственной границе СССР на р. Прут.
март, 27	Вступление советских войск на территорию Румынии.
июнь, 4	Вступление войск союзников в Рим.
июнь, 6	Высадка войск союзников в Нормандии; открытие второго фронта в Западной Европе.
июнь, 23 — август, 29	Белорусская операция советских войск.
июль, 3	Освобождение Минска.
июль, 17	Начало освобождения Польши советскими войсками.
июль, 20	Неудачное покушение на Гитлера в его ставке.
июль, 25	Объявление «сверхтотальной» мобилизации в Германии.
август, 1 — октябрь, 2	Восстание в Варшаве.
август, 19—25	Восстание в Париже.
август, 20—29	Яско-Кишиневская операция советских войск.

август, 23	Антифашистское вооруженное восстание в Румынии.
август, 29 — октябрь, 27	Словацкое национальное восстание.
август, 31	Вступление советских войск в столицу Румынии Бухарест.
сентябрь, 3	Вооруженное восстание в Антверпене.
сентябрь, 6—10	Народное антифашистское вооруженное восстание в Болгарии.
сентябрь, 15	Вступление советских войск в столицу Болгарии Софию.
сентябрь, 15	Объявление Финляндией окончания войны с Германией.
октябрь, 20	Освобождение столицы Югославии Белграда.
1944, октябрь, 29 — 1945, февраль, 13	Будапештская операция советских войск.
декабрь, 16—25	Последнее контрнаступление германских войск в Арденнах.
1945 год	
январь, 12 — февраль, 3	Висло-Одерская операция советских войск.
январь, 13 — апрель, 25	Восточно-Прусская операция советских войск.
январь, 17	Освобождение столицы Польши Варшавы.
февраль, 4—11	Крымская (Ялтинская) конференция глав правительств СССР, Великобритании и США.
февраль, 8 — март, 10	Маас-Рейнская операция вооруженных сил союзников.
февраль, 13	Освобождение столицы Венгрии Будапешта.

- март, 16 —
апрель, 15 Венская операция советских войск.
- март, 23 —
апрель, 17 Наступление американско-английских войск в Руре.
- апрель, 4 Освобождение столицы Словакии Братиславы.
- апрель, 5 Денонсация правительством СССР советско-японского договора о нейтралитете от 13 апреля 1941 г.
- апрель, 12 Кончина президента США Ф.Д. Рузвельта; вступление на пост президента Г. Трумэна.
- апрель, 13 Освобождение советскими войсками столицы Австрии Вены.
- апрель, 16 — май, 8 Берлинская операция советских войск.
- апрель, 25 Встреча в районе Торгау на р. Эльба советских и американских войск.
- апрель, 28 Убийство итальянскими партизанами Муссолини.
- апрель, 30 Самоубийство Гитлера.
- май, 5—9 Вооруженное восстание в Праге.
- май, 6—11 Пражская операция советских войск.
- май, 8 Подписание в Карлсхорсте (Берлин) акта о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил.
- май 9 Провозглашение 9 мая Днем Победы. Освобождение советскими войсками столицы Чехословакии Праги.
- июль, 17 — август, 2 Берлинская (Потсдамская) конференция глав правительств СССР, США и Великобритании.

- август, 6, 9 Атомная бомбардировка США японских городов Хиросимы и Нагасаки.
- август, 8 Объявление Советским Союзом войны Японии.
- август, 9 —
сентябрь, 2 Маньчжурская операция советских войск.
- сентябрь, 2 Подписание акта о безоговорочной капитуляции Японии. Окончание второй мировой войны.

**СВЕДЕНИЯ
ОБ АВТОРАХ КНИГИ
ДРУГАЯ
ВОЙНА:
1939–1945**

ВВЕДЕНИЕ

Афанасьев Ю.Н. — академик РАЕН, доктор исторических наук, профессор 15–31

РАЗДЕЛ 1

Наринский М.М. — доктор исторических наук 32–59
Дорошенко В.Л. — историк, философ, культуролог 60–75
Мельтюхов М.И. — кандидат исторических наук 76–105
Невежин В.А. — кандидат исторических наук 106–135
Данилов В.Д. — кандидат исторических наук 136–156
Горьков Ю.А. — генерал-полковник 157–184
Печенкин А.А. — кандидат исторических наук, доцент 185–211
Хаффнер С. — известный историк и публицист (Германия) 212–224

РАЗДЕЛ 2

Магайчик Ч. — академик (Польша) 225–236
Лебедева Н.С. — кандидат исторических наук 237–295

Томан Т.Б. — кандидат исторических наук 296–312
Семиряга М.И. — доктор исторических наук, профессор 313–339
Дурачинский Э. — профессор (Польша) 340–361
Рюруп Р. — профессор (Германия) 362–369
Лигдел Гарт Б. — историк, автор исследований по истории второй мировой войны (Великобритания) 370–382

РАЗДЕЛ 3

Зубов А.Б. — доктор исторических наук 383–389
Вайцеккер Р. — президент ФРГ в 1984–1994 гг. 390–404
Ферретти М. — доктор исторических наук (Франция) 405–420
Зубкова Е.Ю. — кандидат исторических наук 421–440
Евзеров Р.Я. — доктор исторических наук 441–460

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя

Переосмысливая уроки военной поры	7
---	---

Введение

Другая война: история и память	15
--------------------------------------	----

1. На пороге войны

Как это было	32
Сталинская провокация второй мировой войны	60
Идеологические документы мая—июня 1941 года о событиях второй мировой войны	76
Речь Сталина 5 мая 1941 года и апология наступательной войны	106
Сталинская стратегия начала войны: планы и реальность	136
Готовил ли Сталин упреждающий удар против Гитлера в 1941 году	157
Была ли возможность наступать?	185
Война против России — «правильная война»	212

2. Человек и война

Катынь	225
Четвертый раздел Польши и катынская трагедия	237
Дни великих бедствий в сознании современников	296
Военнопленные, коллаборационисты и генерал Власов	313
Варшавское восстание	340

Немцы и война против Советского Союза	362
Они умеют защищаться и стоять насмерть	370

3. Годы спустя

Победа, которую мы потеряли	383
Признать прошлое	390
Политика памяти в современной России: запрет на нацизм	405
Общество, вышедшее из войны: русские и немцы в 1945 году	421
Вторая мировая война в ретроспективе XX века	441
Хроника событий	461
Именной указатель	478
Сведения об авторах книги «Другая война: 1939—1945»	486

Другая война: 1939–1945 / Под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева.
Д76 М.: Российск. гос. гуманит. ун-т. 1996. 490 с.
ISBN 5–7281–0053–8

В предлагаемой читателю книге представлены существующие в отечественной историографии подходы к войне 1939–1945 гг. Ключевые проблемы предыстории, хода и итогов второй мировой войны рассматриваются с различных точек зрения.

Для преподавателей вузов и школ, аспирантов, студентов, а также для всех интересующихся историей второй мировой войны.

Д 0503010000–002 Без объявл.
ОТ(03)–96

ББК 63.3(0)62